СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

V

1941

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

V

Дк
338

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Редакция: И. Н. Винников (отв. ред.)
Д. К. Зеленин

Д. К. Зеленин

Воссоединенные украинцы

На заре истории древнерусского государства западные области Украины составляли одно неразрывное целое с Киевской Русью. На западе Украины было несколько русских удельных княжеств, крупнейшими из которых были княжества Волынское и Галицкое. Столицею Волыни был город Владимир-Волынский; другим крупным политическим центром на западе Украины был сначала город Теребовль, потом город Червень, позднее город Галич и еще позднее город Львов. По имени древнерусского города Червеня Западную Украину часто называли «Червенскою Русью», что скоро было переделано в «Червоную Русь», т. е. красную, прекрасную; это последнее наименование вполне соответствовало физическим свойствам плодородной, богатой и красивой страны. От имени русского города Галича получила свое латинизированное имя Галиция, правильнее — Галичина, которая и составляет главную, самую большую часть тех украинских областей, которые воссоединены с Советской Украиной в конце 1939 г.

Волынское и Галицкое княжества нередко, начиная с XIII столетия, объединялись в одно мощное Галицко-Волынское княжество и всегда входили в известную «империю Рюриковичей», как назвал К. Маркс Киевскую Русь. Воспетый русскими былинами киевский великий князь Владимир владел с 981 г. галицкими городами Перемышлем, Червенем и др. На Волыни с начала XII в. княжили Мономаховичи, сыновья и внуки знаменитого русского князя Владимира Мономаха. В Галиции с конца XI в. надолго обосновался род князей-изгоев Ростиславичей, прекратившийся около 1200 г. Князь Роман Мстиславич (ум. в 1205 г.), которого Ипатьевская летопись сравнивает со львом — по тому, как он устремлялся на своих врагов — ятвягов и половцев, а по храбрости сравнивает с туром, — объединил Волынь и Галицию; он успешно боролся также и с Венгрией; его дружбой одинаково дорожили и греческий император, и римский папа; древнерусская летопись именует его «великим князем всея Руси». Галицкому князю Даниилу Романовичу (ум. в 1264 г.) римский папа дал титул русского «короля», и в 1253 г. папский легат короновал Даниила, который обещал за это папе унию с Римом, но своего обещания не выполнил. Галицкого князя Ярослава Владимировича восхваляет знаменитый древнерусский поэт, автор «Слова о полку Игореве», приглашая галицкого князя расправиться с врагами всей древней Руси — половцами: «Сидишь ты высоко на своем златокованном престоле; ты подпер своими железными полками Угорские (т. е. Карпатские) горы, преградил путь венгерскому королю и запер ворота Дуная. Ты отворяешь ворота Киева». «Слово о полку Игореве» именует этого галицкого князя «Осмомыслом», т. е. имеющим восемь умов, восьмикратную или восьмигранную гениальность.

EB_1941_AKS_386

Галицкое и Волынское княжества находились на окраине древнерусского государства, в крайнем юго-западном углу древней Руси; с ними соседили уже чужие государства: Польша и Венгрия, а на севере граничило литовское племя ятвяги, которое занимало тогда всю так наз. после «Подляшскую землю», т. е. районы городов Гродно и Седлеца. В борьбе с этими соседями и протекала жизнь древних Галицкого и Волынского княжеств.

Близким соседством с западноевропейскими государствами объясняются политические особенности галицкого и частью волынского государственного строя: если в одних древнерусских княжествах постепенно развивалась и усиливалась власть веча, т. е. народного собрания, в других русских княжествах росла власть князя, — то в Галиции и частью на Волыни усиливалась больше всего власть бояр — в полное сходство с Польшею. Бояре здесь часто выдвигали князей по своей воле; одно время они выдвинули на галицкий княжеский престол венгерских королевичей, одного за другим — Андрея и Коломана: этим они дали позднейшей Австро-Венгрии предлог претендовать на обладание Галицией. В другой раз бояре избрали галицким князем простого боярина, не имевшего никакого отношения к дому владетельных Рюриковичей; это был боярин Володислав. Автор Ипатьевской летописи прекрасно сознавал большой вред этой политической особенности. «Бояре галицкие — сетует он — называли Даниила своим князем, но держали всю землю сами: княжил [фактически] Доброслав и Судьич, попов внук, и грабили всю землю. . . И был от них [от бояр] великий мятеж в земле и грабеж».

Потомки галицкого князя Даниила Романовича в XIV в. на своих грамотах подписывались совсем необычно для древнерусских князей: «cum baronibus et commilitibus nostris», т. е. «с нашими баронами (вельможами) и соратниками»; историки предполагают, что вельможные бояре образовали в Галиции XIV в. нечто вроде правительственного сената.

В 1325 г. Галицко-Волынское княжество перешло по женской линии к польскому мазовецкому князю Болеславу Тройденовичу, который принял православие и правил под именем Юрия II. После его смерти (он был отравлен боярами в 1340 г.) бояре посадили на галицкий престол мелкого литовского князька Любарта. Началась продолжительная и упорная борьба за Галич между Литвой и Польшей, борьба, в которую вмешалась также и Венгрия. Борьба закончилась присоединением Галиции к Польше.

В 1387 г. Червоная или Галицкая Русь с городами Львовом, Перемышлем, Галичем, Саноком, а вскоре потом и городом Холмом окончательно вошла в состав Польши; в 1434 г. присоединена была к Польше и Западная Подолия.

По Люблинской унии 1569 г. к Польше отошла вся Подолия, вся Волынь, а временно также и Киев. С этого времени начинается усиленная колонизация всех украинских земель польскою шляхтою, в связи с чем происходит усиленное ополячивание украинского населения, прежде всего — украинского боярства.

По прямому свидетельству нашей Начальной летописи, запад Украины населяли в IX в. восточнославянские племена: дулебы и бужане, они же волыняне, жившие на реке Буге, а также тиверцы с уличами, жившие между реками Бугом и Днестром. Из этих племен дулебы еще задолго до основания русского государства стояли во главе крупного и воинственного союза славянских племен. После сами дулебы подверглись насилиям со стороны аваров или обров. По словам древнерусского летописца, обры запрягали дулебских женщин в свои экипажи вместо лошадей. Тогда еще не было современных национальностей украинской и белорусской; древнерусские племена консолидировались в три великих национальности не ранее XII—XIII вв.

Старая гипотеза, впервые высказанная историком М. П. Погодиным в 1856 г., гласила, будто бы в Киеве до монгольского ига жили великоруссы, которые потом ушли на север, заселив Русь Суздальско-Владимирскую и после — Москву, а в Киевскую Русь будто бы пришли современные украинцы из Галиции. Эта так наз. Погодинская гипотеза, которую долго повторяли наши историки вплоть до проф. В. О. Ключевского, совершенно неудовлетворительна: она подходит метафизически к самому понятию «народ» и говорит о современных народах в ту эпоху, когда существовали еще только отдельные племена, лишь позднее консолидировавшиеся в народности.

Западноукраинские племена — дулебы, бужане, тиверцы и уличи были очень близки по своему языку и по всей своей культуре к древнекиевским племенам — полянам, древлянам и северянам, — вместе с которыми они и составили потом великую украинскую народность. Когда в 1387 г. Галиция и Волынь были присоединены к Польше, консолидация древнерусских южных племен в украинскую народность уже закончилась. Судя по материалам, приведенным в книге польского историка Любомирского «Земледельческое население в Польше от XVI до XVIII в.», украинцы жили тогда в полесьях и в лесостепи большими семейными общинами, подобными южнославянской задруге. Остатки разложившегося родового строя были еще сильны и многообразны. Несколько семейств, происходивших от одного родоначальника, жили рядом на одном большом дворище и вели коллективное хозяйство, продукты которого делили между собою поровну. Занимались они не только земледелием, но также бортничеством, т. е. примитивным пчеловодством, охотой и рыболовством. Дань князю-помещику платили, так сказать, из общего котла, чаще всего медом, воском, шкурами и льном. Глава семейной общины вел все дела с землевладельцем, а масса населения жила по-старине, считая себя более или менее независимой. Во всяком случае, эти семейные общины считали себя и фактически были хозяевами той земли, на которой они обитали и которую осваивали своими промыслами.

Польша вводила на месте этих патриархальных порядков новые формы землевладения и землепользования. Польские землевладельцы отрезали лучшие земли в своих поместьях под так наз. фольварки, т. е. под запашку на помещика-землевладельца, а худшие земли, остатки делили между «кметями» — крепостными пахарями на так наз. «волоки» или ланы. Все это вскоре привело к чрезвычайному обеднению галицких украинских народных масс, хотя почва в Галиции очень плодородна и вся эта страна вообще очень богата, между прочим, лесами, солью и нефтью.

В XIV—XV вв. большая часть галицкого боярства уже слилась с поляками; Ходоровские, Лопатки, Кердеевичи, Бучацкие, Язловецкие и многие другие украинские боярские роды быстро и совершенно ополячились. Иные украинские боярские фамилии скоро обеднели при польских порядках и слились с крестьянством. Украинские земли раздавались польским шляхтичам; напр., Спытко-Мельштынский получил в собственность в конце XIV в. почти всю Западную Подолию; фамилия Одровонжов получила в начале XV в. почти всю Львовскую землю.

В 1433 г. польский король, он же великий князь литовский, Ягайло издал так наз. Едлинскую привилегию (в переводе на современный язык — конституцию), по которой дворяне-католики получали большие права, а не-католики, православные были очень ограничены в своих правах и несли тяжелые повинности. Главным образом это обстоятельство и побудило украинских галицких бояр переменить свою веру и перейти в католичество. Магдебургское городовое право было распространено на города Галиции, Львов получил его в 1356 г., — но «схизматики», т. е. православные, исключались из него — или прямыми распоряжениями польского правительства, или косвенными мерами. Православие

скоро стали считать и называть во всей Галиции «холопской верой», т. е. верой крестьянской, простонародной. Между тем в те времена, в средние века, национальное самосознание большею частью подменялось именно религиозною принадлежностью, и переход украинцев в католичество одновременно был полным разрывом с родною украинскою народностью.

Народные украинские массы, в полную противоположность галицкому боярству, не изменяли своей родной старине и своему украинскому языку. Они попрежнему называли себя «руськими» или «русьняками». Украинское самоназвание «руськие» было множественным числом к единственному «русин», но поляки заменили ненавистное им имя «русских» грамматически неправильною формою «русины» и ввели этот термин в официальный язык, рядом с латинизированным именем «рутены».

XV век в Галиции был эпохой крестьянских волнений, которые большею частью оканчивались уходом украинского населения за границу. Некоторые беглецы соединялись за рубежом Польши с татарами и волохами (молдаванами), вместе с которыми они потом опустошали свою родную Галичину. Тогда же появляется украинское казачество, и польский хронист Длугош впервые заносит это слово в свою летопись под 1469 г.: «quos lingua sua kosacos appelabant», т. е. «которых они именуют на своем языке козаками». Тогда же появились многочисленные опришки, в переводе на современный язык: партизаны, гайдамаки, воспетые в украинском фольклоре. Городские ремесленники и торговцы Галиции организовались в церковные братства и отстаивали свою народную старину, в частности свой родной украинский язык. Впереди тут шло Львовское братство. Известно, что когда первые московские книгопечатники принуждены были бежать из Москвы, то они ушли сначала в Заблудов, а потом во Львов, где и нашли себе поддержку в местном украинском братстве.

Но Польша пригласила на помощь иезуитов; была создана так наз. церковная уния в качестве переходной ступени к полному ополячению украинцев; униаты признавали власть и «непогрешимость» римского папы, сохраняя некоторые православные обряды. В 1595 г. галицкие и волынские епископы полностью приняли унию; потом часть их отреклась было от унии, но было уже поздно. В течение XVII в. уния восторжествовала во всей Галиции, и украинские церковные братства оказались бессильными бороться с нею. Замена православия унией означала почти полное исчезновение в Галиции украинской письменности: прежде церковным и вместе литературным языком был славянский, а теперь им стал латинский. Только фольклор, украинские народные песни и сказки, яркие и художественные, сохранились в большом количестве, и ими поддерживалось национальное самосознание украинских крестьян в Галиции.

Когда в 1772 г., после первого раздела Польши, Галиция была присоединена к Австрии, положение западных украинцев несколько улучшилось. Австрийское правительство хотело опереться на украинское крестьянство в своей борьбе с польскою шляхтою, а после, поддерживая украинское движение, Австрия хотела внести раздор между украинцами и русскими и этим обессилить Российскую империю.

Как бы то ни было, но галицкие украинцы в Австрии получили право занимать государственные должности рядом с поляками; в Вене была основана духовная семинария для украинских униатов; в 1784 г. во Львове был учрежден университет, в котором через три года организовано несколько украинских кафедр. В 1861 г. учрежден автономный сейм Галиции, в котором было сорок украинских депутатов. Правда, австрийская политика по отношению к украинцам часто и сильно колебалась, и, например, в 1816 г. в украинских начальных школах был введен польский язык преподавания. И еще в 1862 г. депутат краевого галицкого сейма Лешко Борковский заявил в сейме, что украинского языка

нет, есть только польский и русский московский, а каких-то там «рутенишек» (унизительное слово от имени «рутены», Ruteńczyki) выдумал Стадион,[1] галицкий наместник 1847 г.; т. е. галицких украинцев иные считали тогда уже похороненною национальностью. Но национальное самосознание украинцев в Галиции уже развилось и продолжало быстро расти.

Много мешали развитию украинского движения неопределенность и большой разброд в разрешении вопроса о местном литературном языке. Сношения с Россией были тогда запретными, и потому настолько слабыми, что ни украинский, ни тогдашний русский литературные языки не были достаточно знакомы украинцам Галиции. Они употребляли в своей письменности пестрое и странное смешение элементов церковно-славянского, русского, польского и местного народного украинского языков, — так наз. «язычие». Это был подлинный «волапюк»; напр., в отчете литературного общества Галицкой Матицы за 1864 г., в отделе «Програм деланий», между прочим, читаем: «О десятой године открывает председатель теперешнёго выдела заседание ответною промовою; потому читает секретарь дотеперешнёго матичного выдела справоздание до техчасовых деланий Матицы и дотычныи рахунки. . .» Это должно означать: «Программа занятий. В 10 часов председатель нового президиума открывает заседание ответною речью; потом секретарь прежнего президиума Матицы читает доклад о тогдашних занятиях Матицы и соответствующие отчеты». И еще в 1899 г. галицкий стихотворец Богдан Столин, писавший по-русски, вместо метéль произносил: «мéтель», вместо ночлег — «ночлёг», рифмуя это слово с «хуторок».[2]

Только в 1830-х годах в Львовской униатской семинарии возник украинский кружок для более глубокого изучения местного народного украинского языка с целью ввести его в литературу. Тогда польские власти боялись украинского национального движения в Галиции и противодействовали ему. Судьба руководителей этого кружка, трех молодых украинцев-патриотов, очень показательна: Иван Вагилевич скоро перешел на сторону поляков; поэт Маркиан Шашкевич (1811—1843) рано умер в бедности безвестным сельским попом в Золочевском округе; фольклорист и этнограф Яков Головацкий, ближе познакомившись с московскими учеными, сделался, по тогдашней галицкой терминологии, «москвофилом», т. е. сторонником русского литературного языка и русской московской культуры. Украинские националисты-историки после несправедливо обвиняли Головацкого в «нравственной низости» и угодничестве; представленное Головацким движение было в то время объективно полезным, поскольку оно мешало сплошному ополячиванию галицких украинцев. Один из галицких москвофилов, О. Мончановский, имел основания писать в защиту своей политики: «Гений Петра Великого подсказал ему мысль основанием Петербурга „прорубить окно“ в Европу, чтобы впустить на Русь свет европейской культуры; гений русского народа заставил нас, австрийских русских, принятием русской литературной речи „прорубить окно“ в великую Русь, чтобы нам не пришлось задохнуться в польской и немецкой атмосфере или закоснеть в областности нашей скудной жизни».[3]

Только под влиянием революции 1848 г. и после австрийской конституции 1867 г., когда местный «русский» (украинский) язык в Галиции получил права государственного языка, а поэзия великого украинского поэта Шевченко пробуждала живое национальное сознание у молодых украинцев — одинаково и в Киеве, и во Львове, — только тогда украинское движение в Галиции окрепло.

---

[1] Литературный сборник, издаваемый Галицко-русскою Матицею, под редакцией Б. А. Дедицкого, вып. 1, Львов, 1885, стр. 45—46.

[2] Журн. «Живое слово», Львов, 1899, № 1, стихотв. «Мимо».

[3] Журн. «Живое слово», Львов. 1899, № 1, «Письмо к другу».

В 1872 г. было основано во Львове Научное общество имени Шевченко, дожившее до наших дней и сделавшее очень много для национального возрождения галицких украинцев. Это Научное общество справедливо называли Украинской Академией Наук; в 1940 г. оно реорганизовано в филиал Академии Наук Украинской ССР. Рядом с ним основанное в 1868 г. общество «Просвіта» несло свет образования в широкие народные массы украинцев; в 1908 г. это общество имело более 23 тысяч членов и 47 отделений на местах. В 1877 г. в члены «Просвіты» вступил и Иван Франко, впоследствии знаменитый писатель, тогда студент филологического факультета Львовского университета.

Борьба с польским [1] правительством, особенно за Львовский университет, продолжалась и в начале XX столетия, но национальное самосознание украинцев Галиции тогда уже достаточно окрепло, и притом оно не было враждебным России. Когда барон Бинерт в 1908 г. официально заявил, будто «русских в Галиции нет», а есть только украинцы, — 70 тысяч подписей были протестом против этого заявления.

До мировой войны 1914—1918 гг. украинский вопрос в Галиции не был разрешен. Украинцы требовали украинского университета во Львове, а поляки видели в польском университете города Львова доказательство своих державных прав на восточную Галицию. Между украинскими и польскими студентами происходила форменная война, вплоть до кулачных побоищ, и один украинский студент в 1910 г. даже погиб в уличной стычке.

После европейской войны украинцы Западной Украины остались под ярмом польских панов. Ополячивание украинцев продолжалось. Конституция бывшей Польши не признавала за украинцами даже права учить детей на своем родном языке. Если в 1919 г. в Западной Украине было три с половиной тысячи украинских школ, то к 1939 г. их оставалось не более двухсот. Украинский театр во Львове был закрыт десять лет тому назад. Украинская печать и всякого рода украинские организации жестоко преследовались. Когда в 1939 г. в польском сейме украинец Витвицкий заговорил о правах украинского народа, его прервали криками: «Нет украинского народа!»

После войны политика бывшей Польши вела к тому, чтобы сосредоточить всю основную промышленность в центре и на западе государства. В Западной Украине слабая и ранее промышленность была теперь почти совсем ликвидирована, хотя естественные богатства этого края очень велики. За последние десять лет польской власти промышленность в Западной Украине сократилась более чем на 40%. Заработная плата рабочих в немногочисленных предприятиях Западной Украины была много ниже, чем в прочей Польше; например, рабочий в городе Луцке получал за свой труд только 34% зарплаты варшавского рабочего.

Западная Украина под игом бывшей панской Польши стала беднейшею аграрною страною. Главная масса земли сосредоточена была в руках помещиков. Корреспондент французской газеты «Пти Паризьен», объехавший в 1938 г. деревни Западной Украины, приводит в виде примера бюджет крестьянина, владельца 3 гектаров земли. Этот крестьянин снимал в среднем 2400 кг ржи, из них 1900 кг уходило на оплату налогов и на самые необходимые в хозяйстве расходы, включая одежду. Оставалось только 500 кг, и этим в течение целого года нужно было прокормить 7 человек семьи и лошадь-клячу. Польские этнографы приводят такие факты, когда в украинских и белорусских деревнях бывшей Польши целыми неделями варили картошку в одной и той же соленой воде, чтобы сэкономить соль, и расщепляли каждую спичку на несколько частей по длине, чтобы сэкономить на спичках.

---

[1] Фактически власть в Австрийской Галиции принадлежала большею частью польским панам.

Сравнительный анализ материалов польской переписи 1921 г. с данными 1939 г. выявляет, что западноукраинские крестьяне-бедняки, находясь в помещичье-кулацкой кабале, обремененные безысходной нуждой и непосильными долгами, бросали свою землю и самостоятельное хозяйство, уходили в батраки или же эмигрировали из Польши. За 18 лет в одном Львовском воеводстве около 35 тыс. крестьянских хозяйств перешли из самостоятельных землевладельцев в ряды пролетариев и полупролетариев и 14.5 тыс. середняцких хозяйств превратились в бедняков с 2—5 гектарами земли. Если к 1917 г. середняцкая прослойка крестьянства в Западной Украине составляла 31% всех крестьян, то к 1939 г. этот процент упал до 18. Немногим более одной тысячи помещичьих хозяйств владели бóльшей половиной всей обрабатываемой земли, а 75% всех крестьянских дворов теснились на каких-нибудь 20% всей удобной земли.[1]

Польское правительство отдавало украинские, равно как и белорусские, земли так наз. «осадникам». Это большею частью дети польских кулаков, бывшие легионеры — участники польско-советской войны 1920 г., а также солдаты, дослужившиеся до унтер-офицерского или офицерского звания. В лице их «на кресах», т. е. на окраинах бывшего Польского государства, насаждался «польский элемент», задача которого состояла в том, чтобы быть опорой польского правительства в его борьбе с украинским национальным движением. Осадники захватили у крестьян сотни тысяч гектаров лучших земель.

Крестьянские, украинские и белорусские, волнения в Польше не прекращались. Нелепая национальная политика бывшего польского правительства вызвала среди всех нацменьшинств крайнее недовольство и сильнейшую ненависть к польским панам-эксплоататорам. Крестьянские украинские выступления подавлялись самым жестоким образом — карательными экспедициями. Украинцы искали выхода из национального и социального порабощения на путях революционной борьбы. 17 сентября 1939 г. им пришла на помощь наша доблестная Красная Армия. С несказанною радостью встретили западные украинцы героическую советскую армию — и как своих освободителей, и как своих единокровных братьев. Воссоединение с Советским Союзом, распространение на Западную Украину всех великих благ Сталинской Конституции быстро возродило западных украинцев, которых не сломил ни вековой политический и национальный гнет, ни панская эксплоатация, ни ужасающая нищета.

В бытовом отношении различаются две крупные части западных украинцев: горные и равнинные. Эти последние занимаются главным образом земледелием; их домашний быт очень близок к быту украинцев нашей Волыни. Резко отличала их лишь бедность и темнота — плоды национального угнетения и капиталистической эксплоатации. Горные украинцы, разъединенные горами и лесами, делятся на несколько мелких этнографических групп, среди которых выделяются наиболее известные гуцулы, бойки и лемки. Последние получили свое имя от словацкого слова «лем», которое они употребляют вместо украинского «лиш». Бойки называют сами себя «верховінци», т. е. жители высоких гор.

«Гуцул» — слово румынское: «гоц», «гуц» (с членом «ул»), — оно, собственно, означает «разбойник». Некогда это было бранное прозвище, но потом и сами гуцулы так привыкли к нему, что употребляют иногда в качестве самоназвания, рядом с именами: «руськие люди», «русьняки», «крестени», т. е. крестьяне. В местных архивных судебных делах названия «гуцулы» и «бойки» встречаются уже в 1703 г., но в литературу они проникли только в XIX в. (1821). В неприступных лесах своей высокогорной страны гуцулы долго жили более или менее свободно и независимо; по-настоящему они были покорены не ранее

---

[1] Дм. Рудь. Стрелка переведена. «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 10 декабря 1939, № 284.

конца XVIII в. австрийцами.[1] Они почти никогда не расставались со своим оружием; изящно орнаментированный «топорець», часто теперь уже без всяких металлических частей, заменяя посох, служил неизменным спутником каждого гуцула, уже давно и вполне замиренного.

Равнинные украинцы испытывали очень тяжелый гнет со стороны польских панов. Протестом против этого гнета было движение западноукраинских гайдамаков, известных здесь под названием «опришки». В XVII—XVIII вв. это движение сохранялось ярче всего в неприступном горном крае гуцулов. Их край находился тогда на границе трех разных государств, и в случае опасности украинские опришки легко могли уходить из Польши в «Волощину» (Молдавию) и в Венгрию. Занятие опришка считалось тогда у гуцулов проявлением молодечества и удальства. «Редко можно было найти гуцула, который в молодых годах не вкусил гайдамацкого хлеба и не был у опришков», — так писал в 1878 г. прекрасный знаток истории своего края Яков Головацкий. В 1891—1892 гг. жизнь гуцулов изучал немецкий этнограф Раймунд Кайндль; он отметил: «еще сейчас гуцулы охотно и с некоторою гордостью рассказывают о своих «опришках», что можно перевести: «благородные разбойники» (edle Räuber)».[2]

Для начала XVIII в. мы знаем даже имена славных «ватагов» (атаманов) гуцульских опришков: Иван Пискливый, Пинта и др. Относительно организации их известно, что каждый «ватаг» имел своих «побратимов» как в разных местах своей страны, так и в соседних государствах: первые доставляли опришкам продукты и вообще помогали в нужде, а вторые оказывали гостеприимство в случае вынужденного перехода опришков через государственную границу.

В начале XVIII в. западноукраинские опришки нападали даже, среди бела дня, на крупные местечки, как, напр., Косов, Микуличин, Яблоново. Местная народная песня гласит, что опришков было тогда так же много, «як у лісі в Медоборі букового листа».[3] Польское правительство находилось и тогда в состоянии такого разложения, что местные власти иногда даже входили в соглашение с ватагами опришков, получая от них свою долю добычи. Польский автор 1862 г. Августин Беловский называет имена нескольких польских панов, которые были приятелями опришков и получали от них ценные подарки. Весьма характерно, что Беловский видел во всем этом только «удивительную гармонию разных классов населения»!

Вообще же западноукраинские опришки вели ожесточенную борьбу с польскими панами, и их целеустремления выражены в следующих словах народной песни: «Ходім, брате, в гайдамаки! . . Геть виріжем вражих ляхів, будем панувати!» [4] Схваченных опришков польские власти пытали, но те держали себя при этом с замечательным мужеством. Богатство их добычи выражено в местных народных преданиях так: свои шляпы и ремни своих пороховниц, носимых через плечо, гуцулы украшали вместо галунов нанизанными на нитку золотыми червонцами.

Старые авторы склонны были видеть в гуцулах тюркских узов, фракийцев, скифов, кавказских горцев, равно как в соседних с ними бойках — кельтов-боев. На самом деле это бесспорные украинцы, сохранившие в своем быту очень много архаических восточнославянских черт. Сохранению в жизни гуцулов глубокой старины способствовали изолированность и неприступность их высокогорной страны, а также и низкий уровень их образования: в довоенное время среди

---

[1] Ср.: В. Кельсиев. Галичина и Молдавия. СПб., 1868, стр. 249—250.
[2] R. F. Kaindl. Die Huzulen. Wien, 1894, S. 3.
[3] Я. Ф. Головацкий. Народные песни, т. I, стр. 708.
[4] Там же, стр. 710.

гуцулов было 93% неграмотных, и в этом отношении гуцулы были наиболее отставшими среди всех славянских народов.[1]

В замечательном народном искусстве гуцулов, в их орнаменте совсем не чувствуется немецкого и вообще западноевропейского влияния. Их полихромные (многоцветные), со сложным геометрическим, архаическим узором вышивки ближе стоят к вышивкам волжских марийцев, и это надо объяснять таким образом: горные гуцулы сохранили очень древний восточнославянский орнамент, который успел уже давно исчезнуть у прочих украинцев и у русских, но сохранился местами у некоторых давних соседей русского народа, напр., у марийцев, у карел и др. В языке, в пословицах и поговорках, в постройках и т. п. у гуцулов много черт, общих с великоруссами крайнего Севера Европы, что опять-таки свидетельствует о сохранении ими глубокой восточнославянской старины.

Главное занятие гуцулов — скотоводство, которое также способствовало сохранению ими архаических черт быта. Почти целое полугодие пастухи проводят в горных пастбищах на «полонинах», куда, по старинному патриархальному обычаю гуцулов, совсем не допускались женщины: пастухи-гуцулы сами готовили себе пищу, доили овец, делали сыр, стирали себе белье. В день прибытия на полонину пастухи добывали «живой огонь» архаическим способом — путем трения двух кусков дерева, приписывая такому огню мистическое значение оберега от нечистой силы. Местами этот огонь сохранялся неугасимым в течение всего сезона.

Горные пастбища принадлежали гуцульским кулакам, но плата за выпас регулировалась древним обычаем и не превышала прежде 12 бочонков брынзы (овечьего сыра) за лето.

В уплате натурою владельцу пастбищ, а особенно в оплате сезонных пастухов у гуцулов, равно как и у соседних с ними бойков, сохранялось много пережитков натурального хозяйства. Галицкий этнограф В. Охримович описал в 1899 г. соответствующие обычаи бойков в XXXI—XXXII томах «Записок Научного общества имени Шевченко». Классовое расслоение бойков было тогда уже столь сильно, что число овец каждого отдельного домохозяина колебалось от единицы до сотни и более. Во все время выпаса пастух питался свежим молоком и сыром этих овец. Обувь и одежду он получал по очереди от всех хозяев тех овец, которые паслись у него в стаде: чем больше у хозяина овец и коз, тем дольше носил одежду и обувь этого хозяина пастух; этот старый обычай был широко распространен также и у русских. Но главная масса молочных продуктов поступала владельцу земли и овец, и для расчетов с ними производились довольно сложные выкладки.

Пастухи доили всех овец стада в один общий котел, делая из молока сыр и съедобную сыворотку — «кваснину» или «жентицю». Для измерения удойности овец каждого данного хозяина в самом начале сезона происходила специальная дойка овец «на меру»: владелец овец доил их всех в присутствии старшего пастуха, и потом они вместе измеряли надоенное молоко, причем единицею служил «полонник» вместимостью около полулитра. Пастух нарезал количество надоенных полонников на свою бирку, которую потом разрезал вдоль и одну половину отдавал владельцу овец. В течение всего сезона хозяин скота получал постепенно свою «очередь» иною уже единицею меры, так наз. «гелета» — вместимостью около 16 литров: за каждый полонник надоенного им «на меру» молока он должен был получить за лето двойное количество гелет овечьего молока или соответствующее ему количество молочных продуктов — сыра и сыворотки. Иногда вместо гелеты единицей измерения служил фунт овечьего сыра и т. п. Здесь мы имеем рудимент очень архаической структуры коллективного хозяйства.

---

[1] Л. Нидерле. Обозрение современного славянства. СПб., 1909, стр. 30.

Тот же В. Охримович описал и семейные общины (большие семьи) у бойков. Два или три брата со своими семьями жили вместе с родителями в одном доме. Правда, их объединяло чаще всего только это общее владение и пользование жилищем, но иногда у них было общим и все хозяйство, исключая лишь одежду. Все заработанные деньги вносились тогда в общую кассу, и отец взрослых женатых сыновей управлял всем хозяйством; все домочадцы ему беспрекословно подчинялись, а после его смерти управление общим хозяйством переходило к его старшему сыну.

У гуцулов земледелия почти совсем нет, зато распространены лесные промыслы — рубка и сплав леса, выделка ложек, бочек и другой посуды. Зимой они рубят лес и спускают бревна к реке по дощатым жолобам. Весною связывают плоты, чаще всего корнями хвойных деревьев, и сплавляют по рекам Пруту, Черемошу и др. Чрезвычайно быстрое течение горных рек весною, извилистость их русла, обилие скалистых выступов — все это делает сплав леса занятием крайне опасным, требующим мужества, ловкости и находчивости.

Малоземельные крестьяне-гуцулы села Дебеславец в Покутских отрогах Карпат уходили летом за реку Прут убирать урожай на помещичьих и кулацких землях за двенадцатый сноп сжатого хлеба. Зимой же они, сменив серп и косу на топор и пилу, нанимались лесорубами в панских лесах, получая вместо заработной платы десятый кубометр нарубленных дров. Девочки-подростки, чтобы заработать несколько грошей, ночи напролет проводили за вышиваньем занавесок (так наз. «фиранки»); вышивальщиц этих зло эксплоатировали лавочники-ростовщики. Местные церковные записи свидетельствуют, что за 20 лет власти польских панов рождаемость на Гуцульщине снизилась по сравнению с двадцатилетием, предшествовавшим первой империалистической войне, ровным счетом вдвое.[1]

Резьба по дереву и по металлу, ткачество, гончарство — вот еще занятия гуцулов. Все эти гуцульские изделия отличаются художественностью, замечательно красивы и оригинальны. Повидимому, в изобразительном искусстве, так же как в своих оригинальных плясках и чудесных песнях, этот поэтический народ искал и находил себе выход из того тяжелого положения, в котором он веками находился, испытывая гнет политический, национальный и экономический. Печать художественности лежит решительно на всех гуцульских изделиях — коврах, тканях, керамической посуде, резных деревянных и металлических вещах. Они выделывали, между прочим, резные пороховницы из оленьего рога. Они выделывали и носили в виде украшений медные аграфы «чапраги» для застегивания киптаря (куртки) на шее, с резным геометрическим орнаментом, ожерелья, пряжки, запонки, кольца. Их курительные трубки, топорцы, черенки ножей, крючки для ключей и т. п. — все украшено затейливым узором и инкрустациями. Бедные носили так наз. «клокічки» — изящные ожерелья из плодовых коробочек растения Staphylea и медных пуговиц. Их деревянные пастушьи трубы «трембиты» имеют два метра длиною и даже еще более. Свирель многоствольная, скрипка, волынка, сопилки и гусли — другие музыкальные инструменты гуцулов.

Трудно верится, что это высокохудожественное искусство, сопровождающее жизнь гуцула решительно на каждом шагу, принадлежит народу, который даже не имел хлеба в нашем смысле этого слова. Вместо хлеба гуцулы пекли и ели лепешки из мятого и квашеного картофеля с прибавкою кукурузной муки. Самою же обычною пищею была у них «кулеша», т. е. мамалыга — заваренная кипятком кукурузная мука с солью и с маслом или салом. Такая же мамалыга была обычною пищею также и западных украинцев Подолии. Бойки питались,

[1] Дм. Рудь. Клятва в горах. «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 9 марта 1940 г., № 56.

главным образом, овсяными лепешками, которые они пекли в горячей золе, а лемки — такими же лепешками из ячменной муки.

Известный украинский писатель М. М. Коцюбинский (1864—1913) в 1911 г. изучил быт гуцулов и художественно изобразил его в своей книге «Тени забытых предков», широко использовав западноукраинский фольклор. В своем письме к М. Горькому летом 1911 г. он дал такую характеристику гуцулов: «Гуцулы — оригинальнейший народ, с богатой фантазией, со своеобразной психикой. Глубокий язычник — гуцул всю свою жизнь, до смерти, проводит в борьбе со злыми духами, населяющими леса, горы и воды. Христианством он воспользовался только для того, чтобы украсить языческий культ. Сколько здесь красивых сказок, преданий, поверий, символов. Собираю материалы, переживаю природу, смотрю, слушаю и учусь».[1]

Народная одежда в Западной Украине сохранила много элементов, общих с восточноукраинскою национальною одеждою. Украинский женский головной убор «намитка» сохранил местами в Западной Украине даже свое старое славянское название — «обрус». Сохранились у гуцулов и бойков также женские запаски — архаическая украинская одежда, известная прежде и великоруссам под именем «понёва». Известно также западным украинцам и имя русского национального сарафана — «шарахван», как там называют обычную юбку из набойки. Западноукраинские постолы тожественны как с восточноукраинскою обувью того же названия, так и с великорусскими поршнями. Цветные женские сапоги одинаковы с такими же у полтавских украинцев. Сохранились также и всем известные украинские свиты.

Живописный национальный костюм гуцулов отличается роскошью вышивок, яркостью расцветки и оригинальностью; для него характерно, между прочим, наличие медных чеканных украшений. Бойки слыли у своих соседей под насмешливым прозвищем «жовточеревии» (желтобрюхие) — по той причине, что они носили очень короткие рубахи, так что было видно голое тело ниже рубахи.

Широко известный тип украинской хаты — белая мазанка среди зеленого садочка, под соломенной крышей, распространен одинаково и в Восточной и в Западной Украине. Почти единственное отличие западноукраинской хаты — это так наз. «остріжки», т. е. ступенчатые гребни по ребрам соломенной крыши, которые, впрочем, были обычными прежде и в Киевщине. Четырехскатная крыша, преобладающая трехкамерность: жилая изба, сени и комора под одной крышей, одинаковый план и внутреннее расположение, обмазка глиной и побелка хаты снаружи и изнутри — все это общие черты украинского жилища на всем громадном пространстве расселения украинцев от Кубани до Карпат.

У бойков и лемков преобладали курные хаты, без дымоходов, а когда австрийское правительство стало взимать за каждую курную хату пеню, лемки стали украшать крыши своих хат фальшивыми деревянными трубами. У гуцулов обычны изящные изразцовые печи, которых было очень много встарину также и у русских.

Гуцульские дома с замкнутыми крытыми дворами, так наз. «гражда», имеют очень много общего с северновеликорусским жилищем, которое А. И. Герцен сравнивал с крепостью. Гражда гуцулов также окружена высоким дощатым забором и воротами под двухскатной крышей. Помещения для скота здесь также расположены рядом и под одной крышей с жильем человека.

Народные песни и вообще фольклор Западной Украины очень близки, часто даже тожественны с старым, дореволюционным фольклором наших украинцев; они одинаково выношены в народном горе. И на западе, и на востоке украинцы пели одни и те же исторические песни — «думы», вспоминая свою тяжелую

---

[1] М. Горький. «М. М. Коцюбинский». Собр. соч., т. XVI, Л., 1924, стр. 336.

историю. Борьба с татарами, а особенно ожесточенная борьба с польскими панами — основной мотив старого украинского фольклора как на западе, так и на востоке.

Добре було нашим батькам за давних літ жити,
Доки не знали наши батьки панщины робити! [1]

Много откликов в западноукраинском фольклоре на события позднейшей русской истории; среди западноукраинских «дум» имеются песни о Суворове, о взятии русскими войсками бессарабского города Хотина в 1739 г. и т. д.[2] Знаменитые западноукраинские коломийки, получившие свое имя от города Коломыи, во всем сходны с русскими частушками.

На высокую художественность западноукраинской песенной поэзии обратили свое внимание старые польские ученые Зориан Доленга-Ходаковский (1784—1825) и Вацлав из Олеска (Залеский; 1800—1849), которые объективно признали, что украинские галицкие народные песни богаче и художественнее польских. Сами западные украинцы занялись собиранием и изучением своих народных украинских песен только в 1834 г. Упомянутый уже нами выше кружок Вагилевича, Головацкого и др. составил сборник «Русалка Днестровая». Напечатать книгу удалось только в 1837 г. в Венгрии, так как польские власти ее запретили. С момента появления этой книги историки справедливо начинают историю новой западноукраинской литературы. Тут напечатано более 50 народных песен. За четверть века с 1837 до 1862 г. в Западной Украине вышло из печати около 250 украинских книжек. После 1848 г. основана была Галицко-русская Матица для издания дешевых народных книжек. Споры и разногласия между москвофилами и украинофилами, между прочим и в связи с выбором украинского правописания, еще долго продолжались, но национальное движение рано вызвало появление также и научных трудов по Западной Украине. Историк Денис Зубрицкий (1777—1862) писал сначала по-немецки и по-польски, но в 1852—1855 гг. издал во Львове свою «Историю древнего Галицко-русского княжества», в 4 частях, уже на русском языке; история эта доведена им только до 1337 г. Историк, этнограф и фольклорист Я. Ф. Головацкий (1814—1888) печатал свои многочисленные научные труды почти исключительно по-русски. Особенно большое значение имеет изданное им в Москве четырехтомное собрание «Народные песни галицкой и угорской Руси» 1878 и следующих годов.

Позднее, на том же поле западноукраинской фольклористики и этнографии работали В. Гнатюк (1871—1926), автор пятитомного труда о гуцулах, В. Шухевич, теперешние академики: Филарет Колесса и Михаил Возняк, также З. Кузеля, Яворский и мн. др. На русском языке много писал Ф. К. Волков. «Наукове товариство імени Шевченка» во Львове издало за 20 лет с 1892 по 1911 гг. 98 томов своих «Записок», 29 томов «Этнографического сборника», 11 томов «Материалов по украинской этнографии», 26 томов «Сборника» филологического и историко-филофского отделений, более 20 томов исторических памятников и актов, три тома библиографии и т. д.

Знаменитый западноукраинский писатель Иван Франко (1856—1916) объединял в своем лице ученого и беллетриста. Им изданы по фольклору «Галицко-русские приповітки», т. е. пословицы, в пяти томах, исследования: «Женская неволя в народных песнях», «Студии над народними піснями» и т. д. Сын крестьянина, Иван Франко еще из школы вынес ненависть к притеснению одного человека другим. «Будучи сыном украинского мужика, вскормленный черным мужицким хлебом и трудом мозолистых рук, я обязан, — писал

[1] Я. Ф. Головацкий. Народные песни, т. I, стр. 628.
[2] Там же, т. I, стр. 21; т. III, ч. I, стр. 11—14 и др.

Франко, — трудом своей жизни заплатить за те гроши, которые были истрачены мужицкой рукой, чтобы я мог забраться на вершины, откуда разливается ясный свет веяния свободы и человеческих идеалов». И, действительно, во всех своих произведениях Франко думает только о тех, «кто проливает свой пот и кровь, кого давят оковы»:

До всіх, що ллють свій піт і кров,
До всіх, котрих гнетуть окови.

Три раза, в 1877, 1880 и 1889 гг., Франко отбывал тюремное заключение в связи с своими литературными делами, и когда в 1895 г. он был избран профессором на кафедру украинской и древнерусской литературы во Львовский университет, галицкий наместник граф Бадени не утвердил его профессором — как человека, «который три раза сидел в тюрьме». И только в 1898 г. Франко получил постоянную работу редактора в Научном Обществе имени Шевченко. В 1899 г. был торжественно отпразднован 25-летний литературный юбилей Франко, когда был издан и украинский сборник его имени «Привіт». В своих беллетристических произведениях Франко был реалистом. На русский язык переведен его сборник «В поте лица» (СПб., 1901); пьеса «Украденное счастье» в русском переводе поставлена в 1940 г. на сцене Ленинградским Государственным современным театром. Целый ряд повестей Франко рисует быт рабочих-пролетариев, между прочим рабочих на нефтяных вышках западноукраинского города Борислава: «Бориславские рассказы». Его повесть 1880 г. «На дне [общества]» имела очень большой успех в международном масштабе. Иван Франко, так же как впоследствии профессор В. Л. Гнатюк, был избран в свое время членом-корреспондентом Российской Академии Наук.

Из позднейших западноукраинских писателей известны новеллист Василь Стефаник, в Северной Буковине Ольга Кобылянская и Осип Федькович-Гордынский, сочинения которого изданы в 1876 г. З. Н. Драгомановым в Киеве; Бордуляк, Щурат и мн. др.

Истинный сын украинского народа, великий украинский писатель Иван Франко пронес через всю свою многострадальную жизнь веру в свой народ, горячую любовь к своей родине и к родному угнетенному «хлопу». В своих поэтических произведениях Франко пробуждал в народе веру в его собственные скрытые силы, звал на борьбу с угнетателями, ярко выявляя, сколько мощи и силы, ума и правды, любви и великодушия таит в себе несчастный угнетенный народ. «Мы вступаем в новый бой не для того, чтобы укреплять господство царей-тиранов, церковных владык и бога, а для того, чтобы бороться за народное счастье», — писал он в своем произведении «К товарищам из тюрьмы». «И все мы верим, что своими руками разобьем скалу, раздробим гранит» («Каменщики»). «Спокойствие — святое дело в спокойное время, но в минуты войны, напряженного боя, если ты [обыватель-карась] зовешь к спокойствию, — ты предатель, враг народа или трус» («Седоглавому»). «Я сын народа, который идет вперед, хотя и был заперт в яму». «Если что-либо и облегчает мои страдания, так это то, что я вижу украинский народ, который хотя и замучен, коснеет в невежестве и деморализован непосильным трудом, экономическим и политическим гнетом в течение многих веков, но я вижу также, что этот народ постепенно просыпается, тянется к знанию, правде и справедливости и революционным путем стремится пробить себе дорогу к будущей счастливой жизни. Все это дает мне уверенность, что стоит жить и трудиться для народа» («Галицким образам», предисловие). «Паши, паши и пой, ты, великан, закованный в цепи! Знай, что настанет время, когда ты сбросишь иго и поднимешься во весь свой грозный рост!» («Слуга», 1876).

«Засияешь и ты, многострадальный народ, среди свободных народов!» (Поэма «Моисей», пролог).

Эти мечты Ивана Франко, совпадавшие с мечтами всех трудящихся Западной Украины, сбылись в сентябре 1939 г., когда великий Советский Союз простер братскую руку помощи страдающему единокровному народу. Западные украинцы навсегда освободились от своих угнетателей и эксплоататоров, от капиталистического рабства, вошли в состав дружной семьи народов СССР в качестве полноправных свободных граждан, вступили на путь социализма, на путь создания новой культуры, на путь новой, счастливой и радостной жизни под великим знаменем Ленина—Сталина.

22 октября 1939 г. в Западной Украине были произведены выборы в Народное Собрание на основе самого демократического в мире советского избирательного закона. Трудящееся население проявило небывалую организованность, сплоченность и активность: в выборах приняли участие 92.83% всех избирателей. День выборов превратился в великий праздник освобожденного народа. Депутаты Народного Собрания были подлинными выразителями народной воли; согласно с наказами своих избирателей, они голосовали за установление власти Советов, за включение Западной Украины в состав СССР и УССР, за конфискацию земель помещичьих, монастырских и крупных государственных чиновников со всем их живым и мертвым инвентарем и усадебными постройками, за национализацию банков и крупной промышленности. В декларации Народного Собрания, единогласно принятой на заседании 28 октября 1939 г., говорится: «Выражая единодушную волю освобожденного народа Западной Украины, следуя примеру народов Советского Союза, Украинское Народное собрание провозглашает установление советской власти на всей территории Западной Украины. Отныне вся власть в Западной Украине принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся».

1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР в совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей принял закон о включении Западной Украины в состав СССР с воссоединением ее с УССР.

Выборы профорганов, проведенные на основе широкой советской демократии, еще больше сплотили трудящихся западных областей Украины вокруг советской власти и коммунистической партии.

Плоды освобождения сказались очень скоро: в течение первого же полугодия произошли глубочайшие перемены в экономике, в общественной жизни, в быту и культуре. Крестьяне бедняки и батраки получили землю. Например, в одной Станиславской обл. безземельные и малоземельные крестьяне получили 178 500 гектаров земли, 15 тыс. лошадей и свыше 15 тыс. коров, принадлежавших прежде помещикам. Безработица изжита, тогда как даже по официальной польской статистике недавно еще, напр., в Волынском воеводстве было 15 тыс. безработных. Из 40 тыс. безработных во Львове в течение первых двух месяцев больше 30 тыс. получили работу. Сельские кустари-одиночки высвободились из цепких лап спекулянтов и скупщиков-«магазиньеров».

Рабочие впервые стали работать не на капиталистов, а на себя и на свое социалистическое государство, и их отношение к труду коренным образом изменилось. Производительность труда быстро растет, рабочие уже показывают образцы стахановской работы, перевыполняя нормы и задания. На национализированных фабриках все шире развертывается социалистическое соревнование и дает свои замечательные результаты. Уже в декабре 1939 г. рабочие одного из крупнейших предприятий г. Львова — кондитерской фабрики имени Кирова (бывш. Бранка) обратились ко всем рабочим и работницам города с призывом развернуть социалистическое соревнование за лучшие производственные пока-

затели в 1940 г. — имени Третьей Сталинской пятилетки. Этот призыв нашел горячий отклик на предприятиях.

На фабриках и заводах прошли собрания, рабочие дают обязательства повысить производительность труда, множить ряды ударников и стахановцев. В январе 1940 г. инженерно-технические работники г. Коломыи вызвали на социалистическое соревнование трудящихся г. Дрогобыча и Дрогобычской обл. Тогда же коллектив Днепропетровской городской электросети получил от львовских электриков письмо с вызовом на социалистическое соревнование. Дрогобычские и львовские нефтяники вызвали на социалистическое соревнование рабочих г. Баку. На фабриках появились кружки самодеятельности, ведется огромная общественно-политическая работа.

У крестьян также наблюдается большой трудовой подъем. Они организуют красные обозы продуктов для продажи государству. Они по собственной инициативе начинают организовывать колхозы, как, напр., это произошло в с. Уховецк Ковельского района. К началу апреля 1940 г. в Дрогобычской обл. было уже 19 колхозов. В западных областях УССР открывается 174 машинно-тракторных станций с 1500 тракторами.

Только за октябрь—декабрь 1939 г. в западных областях Украины было открыто около 400 новых украинских школ и 7 украинских высших учебных заведений. Во время выборов в Верховный Совет учителя Гуцульщины организовали десятки школ для ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. К 1 января 1940 г. в западных областях Украины работало 7 тыс. школ, в том числе средних и неполных средних 2420; учащихся в них было 1150 тыс. Киевское издательство «Радяньска школа» обеспечило их учебниками на украинском языке, выпустив специально для западных областей Украины 92 названия — более 6 млн. экземпляров. Львовский университет имени Ивана Франко принял на первые курсы в декабре 1939 г. 1020 студентов. Преподавание на юридическом, историческом и филологическом факультетах переводится полностью на украинский язык, а на остальных двух факультетах лекции будут читаться на украинском и польском языках. Между тем, начиная с 1918 г. в Львовском университете не было ни одной украинской кафедры: польские правители закрыли 13 украинских кафедр, существовавших до первой мировой войны. Мало того, по словам проф. К. Студинского, «во Львове, старом украинском центре, при польских панах разговаривать по-украински было небезопасно».[1]

В целом ряде городов открылись государственные драматические украинские театры, филармонии и музыкальные училища; во Львове — еще и украинский театр оперы и балета; почти во всех городах открыты также областные дома народного творчества.

В феврале 1940 г. в депо Львов-восток создана первая на Львовской железной дороге женская паровозная бригада. Во вновь организованных загсах г. Львова в течение первого же месяца (января 1940) было зарегистрировано 412 браков.

«Неузнаваемой стала наша жизнь, —пишет крестьянка Станиславской обл. депутат Верховного Совета Ганна Владыка. — Возьмем к примеру хотя бы наше село Силец, да и весь наш Жовтневский район. Раньше на весь район не было ни одного лечебного учреждения. Теперь в Жовтне и Марьямполе есть больницы, где трудящиеся лечатся бесплатно. Открыты школы на родном языке. В каждом селе организованы курсы для неграмотных и малограмотных. В нашем селе организовался первый в районе колхоз. Общее собрание рассмотрело заявления и приняло в сельскохозяйственную артель 200 крестьян села Силец. Назвали

[1] Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 5 декабря 1939, № 281, «Параллели».

EB_1941_AKS_386

колхозники свою сельскохозяйственную артель именем Парижской Коммуны. . . Раньше я очень бедствовала со своими четырьмя детьми. А теперь откуда силы взялись, чувствую себя здоровой, сильной, хочу жить, работать, учиться и как можно лучше оправдать высокое доверие народа».[1]

«Только руководство большевиков, неустанная забота великого Сталина обеспечили превращение Западной Украины из страны народного горя в край, где вольно живет человек, превращение в свободную и неотъемлемую часть цветущего Украинского советского государства».[2]

Résumé

D. Zelenin

L'ethnographie des Ukrainiens occidentaux

A l'aube de l'histoire de l'Etat russe, les régions occidentales de l'Ukraine formaient un tout indissoluble avec la Russie Kiévienne. Il existait ici plusieurs principautés russes données en apanage, dont les plus importantes étaient celles de Volhynie et de Galicie. Le voisinage des Etats de l'Europe occidentale explique les traits particuliers de la structure politique de la Galicie et d'une partie de la Volhynie, où le pouvoir des boyards s'était accru, tout comme en Pologne. Souvent les boyards nommaient leurs princes de leur propre autorité. En 1387, la Russie Rouge ou Galicienne fut inclue dans la Pologne; en 1434, ce fut le tour de la Podolie occidentale.

Au cours du XIV-e et du XV-e siècle, la majeure partie des boyards galiciens s'était déjà fondue avec la noblesse polonaise. Les masses populaires ukrainiennes, tout au contraire, n'avaient renoncé ni à leur passé, ni à leur langue natale. Elles continuaient à s'appliquer le nom de «Ruskié» ou «Rusniaques». L'appellation ukrainienne «Ruskié» (Russes) était le pluriel de «Russine», mais les Polonais remplacèrent ce mot qu'ils haïssaient par la forme grammaticalement incorrecte de «Russines» et introduisirent ce terme dans la langue officielle, à côté du nom latinisé de «Ruthènes».

Le XV-e siècle fut en Galicie une époque d'effervescence dans les masses paysannes. La Pologne appela à l'aide les jésuites: ils fondèrent l'église uniate, qui devait servir de degré de transition à la polonisation complète des Ukrainiens.

Le manque de précision et le désaccord qui régnaient dans la question de la langue littéraire locale entravèrent fortement le développement du mouvement ukrainien. Les rapports avec la Russie étaient prohibés à cette époque; aussi étaient-ils si restreints que ni la langue ukrainienne, ni la langue littéraire russe d'alors n'étaient suffisamment connues des Ukrainiens de la Galicie. Leur langue écrite était un mélange disparate et étrange d'éléments de slavon liturgique, de russe, de polonais et d'ukrainien populaire local, dit «yasytchié». C'était un véritable «volapük».

La lutte avec le gouvernement polonais, principalement en faveur de l'université de Lvov, se poursuivait encore au début du XX-e siècle, mais à ce moment les Ukrainiens de Galicie étaient déjà suffisamment conscients de leur nationalité. Après la guerre européenne, ils restèrent sous le joug des seigneurs polonais. Leur polonisation continua. La constitution de la Pologne ne leur reconnaissait pas même le droit d'instruire les enfants dans leur langue maternelle. La politique

[1] «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» 29 марта 1940 г., № 73.
[2] Там же, 22 марта 1940, № 67, «Обращение ЦК КП(б) Украины к избирателям западных областей УССР».

du gouvernement polonais tendait à concentrer tout le gros de l'industrie dans le centre et l'ouest de l'Etat. L'industrie de l'Ukraine occidentale, déjà peu développée jusque là, fut de ce fait presque entièrement liquidée. L'Ukraine occidentale devint un pays agraire des plus pauvres. La majeure partie de la terre appartenait aux propriétaires fonciers. Le gouvernement polonais donnait les terres ukrainienes aussi bien que biélorusses aux «osadnik», pour la plupart fils de koulaks polonais, anciens légionnaires ayant pris part à la guerre de la Pologne contre la Russie soviétique ou soldats arrivés au grade de sous-officier ou d'officier. Il implantait ainsi sur les confins de l'Etat un «élément polonais» destiné à lui servir de soutien dans sa lutte contre le mouvement national ukrainien. Les osadnik enlevèrent aux paysans des centaines de milliers d'hectares de leurs terres. Aussi l'agitation ne cessait-elle pas parmi les paysans ukrainiens et biélorusses de la Pologne. Les Ukrainiens cherchaient une issue à leur asservissement national et social en s'engageant dans la voie de la lutte révolutionnaire. Le 17 septembre 1939, notre vaillante Armée Rouge leur vint en aide. C'est avec une joie inexprimable que les Ukrainiens occidentaux reçurent l'héroïque armée soviétique, en laquelle ils voyaient leurs libérateurs en même temps que leurs frères par le sang.

Les Ukrainiens occidentaux se partagent en Ukrainiens des montagnes et Ukrainiens de la plaine. Les Ukrainiens montagnards, séparés par les montagnes et les forêts, se subdivisent en plusieurs petits groupes ethnographiques, dont les plus connus sont les Guzul, les Boïk et les Lemk.

Les Guzul ont conservé dans leur genre de vie beaucoup de traits archaïques des Slaves orientaux. Leur situation isolée au milieu de hautes montagnes d'un accès difficile et le bas niveau de leur instruction ont contribué à cette survivance des temps lointains. Aucune influence allemande ou en général ouest-européenne ne se fait sentir dans leur admirable art populaire, dans leur ornementation au dessin archaïque compliqué.

L'élevage du bétail, qui est la principale occupation des Guzul, a également favorisé le maintien dans leur mode d'existence des éléments du passé. Les bergers passent presque la moitié de l'année dans les pâturages de la montagne, ou selon leur antique coutume patriarcale aucune femme n'était admise. Chez les Guzul, comme aussi chez leurs voisins les Boïk, le payement en nature du propriétaire des pâturages, et surtout celui des bergers loués à la saison, gardaient beaucoup de survivances de l'organisation communale primitive.

La sculpture sur bois et sur métal, le tissage et la poterie des Guzul sont d'une beauté et d'une originalité remarquables. Le vêtement populaire dans l'Ukraine occidentale présente nombre d'éléments communs avec le costume national des Ukrainiens orientaux. La coiffure féminine ukrainienne, la namitka, a même conservé par endroits dans l'Ukraine occidentale son vieux nom slave d'«obrouss». Les «zapaski» féminines, vêtement ukrainien archaïque autrefois connu également chez les Grandrussiens sous le nom de «ponéva», restent aussi en usage chez les Guzul et les Boïk.

Le type bien connu de la «khata» ukrainienne — maisonnette de torchis blanche sous un toit de paille, au milieu d'un petit jardin plein de verdure, est le même dans l'Ukraine orientale et l'Ukraine occidentale. Les maisons des Guzul, avec cour fermée et couverte dite «grajda», ont beaucoup de commun avec l'habitation du nord de la Grande Russie, que A. Herzen comparait à une forteresse.

Les chansons populaires et le folklore en général de l'Ukraine occidentale sont très proches, souvent même identiques à ceux de nos Ukrainiens d'avant la révolution; comme eux, ils sont imprégnés des souffrances du peuple.

La liberté conquise par les Ukrainiens occidentaux a très vite fait sentir ses résultats féconds: dans les six premiers mois déjà, les transformations les plus profondes se sont accomplies dans l'économie, la vie sociale, le mode d'existence et

a culture de la population. Les paysans pauvres et les ouvriers agricoles ont reçu des terres. Le chômage a disparu, alors que, récemment encore, la statistique polonaise officielle elle-même avouait 15 000 chômeurs dans le seul voïvodat de Volhynie. Pour la première fois, les ouvriers travaillent non au profit des capitalistes, mais pour eux-mêmes et pour leur état socialiste; aussi leur façon de travailler a-t-elle radicalement changé. La productivité du travail croît rapidement, les ouvriers montrent déjà des modèles de travail stakhanovien, dépassant les normes établies. Chez les paysans aussi, on observe une grande ardeur à la tâche. Ils organisent des «convois rouges» de produits agricoles pour la vente à l'Etat. Ils commencent de leur propre initiative à se constituer en kolkhozes.

Près de 400 nouvelles écoles ukrainiennes et 7 établissements d'instruction supérieure ukrainiens ont été créés dans la seule période octobre—décembre 1939, dans les régions occidentales de l'Ukraine. Des théâtres dramatiques ukrainiens, des philharmonies et des écoles de musique ont été ouverts par l'Etat dans plusieurs villes; Lvov a été doté en outre d'un théâtre pour l'opéra et le ballet; des maisons de création populaire régionales ont été fondées dans presque toutes les villes. «Notre vie ne ressemble plus en rien à l'ancienne — écrit dans le journal «Izvestia» la paysanne de la région de Stanislavov Hanna Vladyka, député au Soviet Suprême.

Toute la politique bolchéviste, la sollicitude infatigable du grand Staline, ont assuré la transformation de l'Ukraine occidentale, pays au peuple malheureux, en un pays où l'homme vit librement, — partie libre et indissoluble de la florissante République Soviétique Ukrainienne.

Л. А. Динцес

Историческая общность русского и украинского народного искусства

В газете «Beaux-Arts» 1939 г., № 346, незадолго до крушения панской Польши, была помещена статья Яна Гралевского «Искусство ткачества в Польше». Весьма ограниченная в отношении приводимых материалов и их интерпретации, эта статья показательна в толковании автором общих вопросов.

По мнению Гралевского, Польша была крайней территорией западной цивилизации и входила как в боевые, так и культурные взаимоотношения с Востоком. Под последним автор разумеет Турцию, Иран и даже Китай, но не утруждает себя вопросом, к какому кругу культуры — Востока или Запада — следует отнести земли, занимаемые русским, украинским и белорусским народами. Эти народы для польского исследователя не существуют, что значительно облегчает ему истолкование декоративного искусства на территории бывшей Польши.

Из скрещения художественных начал Востока с западными якобы родилось польское декоративное искусство, в частности ткацкое. Главная заслуга в конструировании этого искусства приписывается польскому дворянству. Даже килимы, вытканные в селах, Гралевский считает плодом благодетельного воздействия шляхетской культуры и весьма глухо упоминает о народном начале с его древними традициями.[1]

Этим, собственно говоря, исчерпывается содержание статьи, к которой приложено несколько воспроизведений с якобы польских ковров. Один из них — модернизированный кустарной мастерской ковер подольского рисунка, другой — образец гродненских белорусских килимов, производство которых замерло в конце прошлого века. Гродненский килим дает характерную розеточную декорировку и ряд фигур, в которых легко узнаются персонажи древних сцен, широко распространенных в народном восточнославянском искусстве (рис. 1). Этот гродненский килим был экспонирован в Москве на выставке белорусского искусства 1940 г.

Выдавая узорные ткани и ковры западных областей Украины и Белоруссии за «шляхетские», польский исследователь распространяется о присутствии в них мотивов искусства народов Востока и Запада, но намеренно не раскрывает содержания их народной основы. В этой последней выступает вовсе не польское, а восточнославянское творческое начало, одинаково присущее искусству русского, украинского и белорусского братских народов.[2]

---

[1] Jean Gralewski. L'art du tissage en Pologne. Journal des Beaux-Arts, 1939, № 346.

[2] Показательной для отношения польских официальных кругов к украинскому и белорусскому искусству явилась организованная польским Институтом пропаганды искусства в 1937 г. выставка народного творчества. Экспозиция была развернута в порядке показа искусства «Центральной Польши», «северо-восточных воеводств Польши» и «юго-восточных воеводств

Наметка основных моментов, определяющих историческую общность русского, украинского, а особенно западноукраинского народного искусства, является задачей настоящего очерка.

Установить эту общность можно разными путями. Прослеживая явления народного искусства в порядке их территориального следования, легко заметить, что каких-либо строгих рубежей, отграничивающих область специфически русского народного искусства от областей распространения украинского искусства (равно как и белорусского), в действительности не существует. Подобно тому как в русском народном искусстве местные комплексы художественных явлений географически не отграничены резко друг от друга, а постепенно переходят один в другой через промежуточные звенья,[1] — точно так же промежуточные

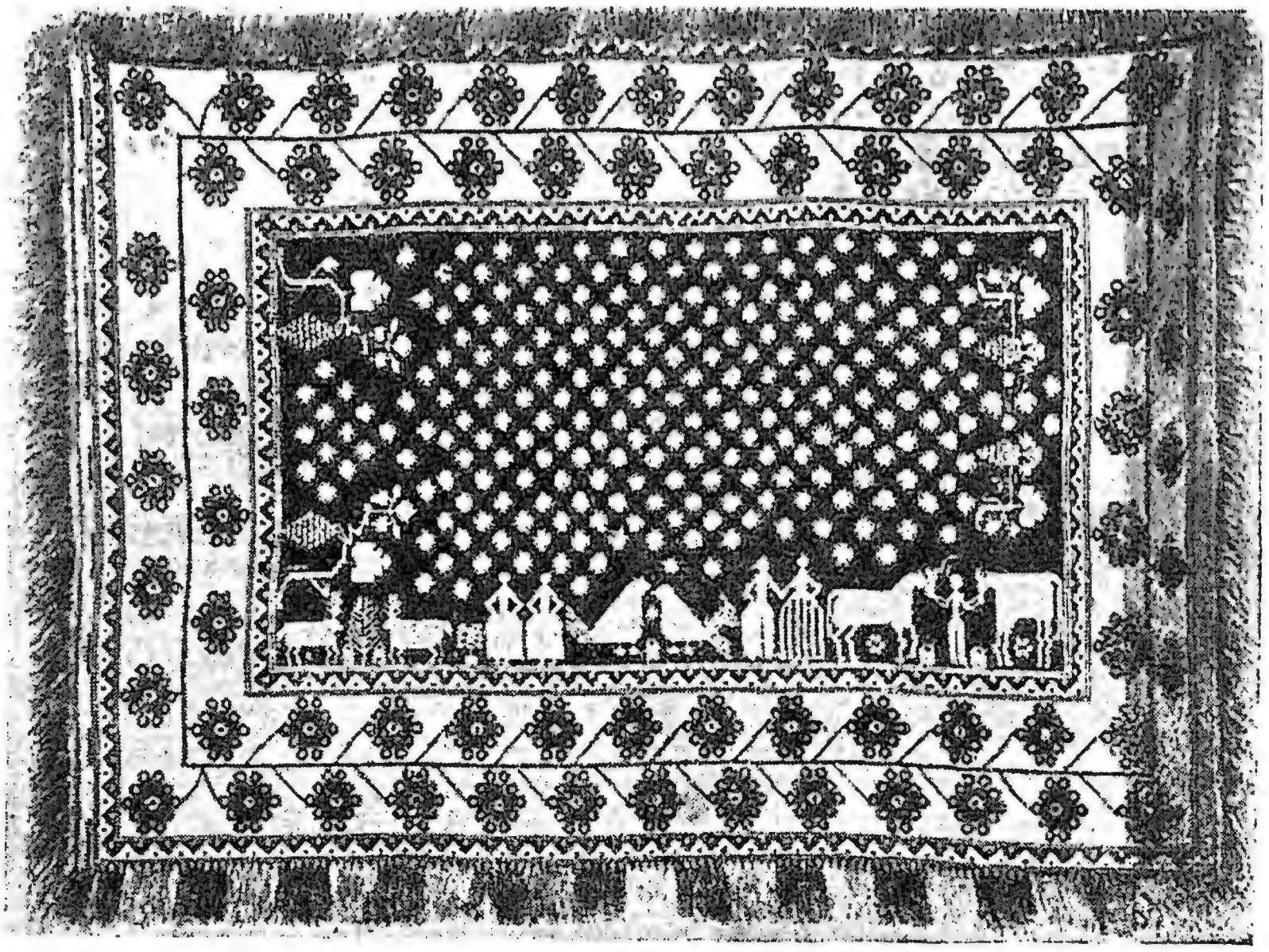


Рис. 1. Гродненский ковер.

звенья определяют переходы от явлений русского народного искусства к явлениям украинского и белорусского искусства.

Переход от русских народных форм новгородско-псковских земель к формам белорусским осуществляется через промежуточное звено народного искусства западной половины Калининской обл. и Смоленщины. Того же порядка переход русских народных форм в украинские наблюдается на территориях Орловской, Курской и Воронежской областей и соседних с ними Черниговщины

Польши». Однако, как отмечает «Літопис Львівського національного музею за 1937 р.» (Львів, 1938, стр. 8), украинский материал «выразительно отличался своими стилевыми особенностями от всего прочего. . . Получилось так, что стилевая оригинальность украинского материала вызвала необходимость специального обозначения его территориального и национального происхождения, на чем настаивало правление Национального музея.

[1] Для примера укажем на постепенность перехода от так наз. северной школы русского народного искусства (Приладожье, Прионежье, Беломорье) к средневолжской школе (Кострома, Ярославль, Горький) через промежуточные звенья пришекснинских и моложских земель. В последних наблюдается амальгама народных форм обеих школ с превалированием северных форм по мере приближения к Белозерскому краю и средневолжских — по мере удаления на юг.

и Харьковщины. Ковроткачество Воронежской обл., перекликающееся с украинским ковроткачеством, и типично среднерусские мотивы шитья по перевити, исполненные черниговскими вышивальщицами, иллюстрируют это положение.

На восточнославянских землях территориальной обособленности явлений народного искусства не существует. Независимо от принадлежности их к категории русской или украинской, они в тесном взаимопроникновении от берегов Белого моря до Причерноморья и Карпат сменяют друг друга и представляют единый массив при всем его многообразии. Эта органичность переходов бесспорно свидетельствует о близости народного искусства Украины и России.

То же явствует из достаточно известных фактов почти полного сходства некоторых народных художественных изделий (напр., деревянных, декорированных резными розетками), созданных на русском Севере или в Поволжье и на Полтавщине или в Станиславском районе Прикарпатья. Обычно эти идентичные формы входят в разряд древнейших по происхождению, что дает право утверждать о единстве основы русского и украинского народного искусства.

Но установление фактов территориальной слитности явлений русского и украинского народного искусства или идентичности некоторых из этих явлений не исчерпывает разработки поставленного нами вопроса. Специфичность, свойственная украинским или русским образцам в отношении техники исполнения, рисунка, расцветки и других особенностей, зачастую в сильной мере отличает их друг от друга. Но эти общие и местные различия в искусстве каждого народа не опровергают положения об их тесном родстве.

Дело в том, что и русское и украинское, как и всякое народное искусство, не является чем-то остановившимся в своем росте. В ходе исторического развития, в тесной связи с судьбами народа как русское, так и украинское искусство выработало каждое свой национальный облик, определяемый множеством как широко распространенных повсеместных, так и чисто местных явлений.

При совершенно обязательном учете всех таких особенностей, развитие русского и украинского народного искусства следует рассматривать в аспекте процесса последовательного разрешения в течение многих веков ряда творческих проблем и характера их разрешения. На первый взгляд сопоставление процессов исторического развития русского и украинского народного искусства может показаться невыполнимым из-за отсутствия, за чрезвычайно редкими исключениями, образцов, датируемых старше XVII в. Но это не так.

На ряду с созданием новых форм и сюжетов, народное искусство всегда бережно сохраняет формы старинные. Главную причину этой приверженности народных мастеров к старине следует видеть в том, что процесс коллективного созидания народом своих образов был настолько длителен и органически целостен, что новое не могло бесследно вытеснить старое. В зависимости от местных исторических судеб, степени воздействия культуры поместья и города, подвижности населения, его этнического состава и многого другого, в том или ином крае в бóльшей или меньшей чистоте и в бóльшем или меньшем числе сохраняются формы и образы, возникшие в отдаленные времена.

Порядок их возникновения устанавливается методом, близким к принятому в последнее время исследователями фольклора, в частности сказок. К этой работе по отбору и реставрации сказок, как заметил Алексей Толстой, «следует подходить как к реставрации старых и ценных художественных полотен».[1] Подобно тому как реставратор, последовательно удаляя слои записей, не только восстанавливает первоначальный вид картины, но и фиксирует изменения, которые вносились в нее в последующие времена, точно таким же методом можно выяснить древнейшие формы нашего народного искусства и те изменения, кото-

[1] А. Толстой. Депутат-писатель. Ц. О. «Правда», 12 декабря 1938 г.

рые произошли в нем в процессе его развития, и найти этому историческое объяснение.

Как известно, в наименее тронутом веками виде древнейшие восточнославянские формы сохранились, главным образом, в изобразительном искусстве русского Севера. На обширной территории от Ленинградской обл. вплоть до Калининской и Вологодской еще недавно воспроизводились формы древнейшей вышивки двусторонним швом и по перевити, узорного ткачества, росписи, деревянной и глиняной скульптуры.

Особенно выразительны вышитые и тканые изображения. Из мира живых существ в них представлены женские фигуры, животные и птицы. Женская фигура обычно занимает центральное место и изображается в своеобразной расширяющейся книзу колоколом одежде, с поднятыми вверх руками, с птицей или растением в каждой руке, либо держащей в руках поводья коней, часто со всадниками. По сторонам этой женской фигуры, кроме коней, которые, как и женская фигура, иногда снабжаются крыльями (признаками полета), и всадников, помещаются птицы. Часто женская фигура замещается изображением дерева, либо сливается с ним, образуя проросшую женскую фигуру, близкую сказочному образу женщины, превращенной в березку, яблоньку или рябину.

Группы, составляющиеся из этих фигур, насыщаются розетообразными мотивами ромбического, звездчатого и крестообразного рисунков, которые входят в самые фигуры и помещаются между ними (рис. 2).

По толкованию В. Стасова, принятому В. Вороновым и разработанному впоследствии проф. В. Городцовым и автором настоящего очерка, эти изображения восходят еще к глубокой древности.[1] О древнем обрядовом значении предметов, на которых эти изображения воспроизводились, говорят не только летописные данные, вроде свидетельства о развешивании полотенец на священных деревьях («дуплинам древяным ветви убрусцем обвешивающе и сим поклоняющеся»), но и долго сохранявшийся обычай украшения полотенцами и подзорами красного угла в избах, равно как и значение, придаваемое им в свадебных и других обрядах, в которых сохранялись многие пережитки древних верований.[2] Точно так же лингвистический анализ показывает, что термины, связанные с названиями вышивки и ее рисунка, как «узоры», «украсы», «вычуры» — семантически восходят к терминам, обозначающим «свет», «небо», «солнце».[3]

Названные выше исследователи народного искусства в описанных фигурах видят персонажей древнеславянского Олимпа. Женская фигура олицетворяет женское божество, вероятно, Мать-сыру-Землю, к которой еще в прошлом веке крестьяне обращались при заклинании жнив: «Мать-сыра-Земля, уйми ты всякую гадину нечистую от приворота, оборота и лихого дела, поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие. . .» В свиту богини, замещаемой иногда близким по значению цветущим или плодоносным деревом, входят солнечные (иногда крылатые) кони, всадники и птицы — вестники весеннего воскрешения Земли, оплодотворяемой Солнцем. Присутствие высшего солнечного начала передается розетками, в том числе ромбического рисунка (во многих местностях рукодельницы называют фигуру ромба «кругом»). Комплекс этих фигур, представленный в вышивке и ткачестве, позволяет выяснить их соподчиненность. В деревянной

---

[1] В. Стасов. Русский народный орнамент. СПб., 1872. — В. Воронов. Крестьянское искусство. М., 1924. — В. Городцов. Дакосарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. Гос. Ист. музея, вып. 1, М., 1926, стр. 7—36. — Л. Динцес. Русская глиняная игрушка. М.—Л., 1936.

[2] Украинское народное творчество, сер. III, вып. 1—2, СПб.—Полтава, стр. 25—26.

[3] Н. П. Гринкова. Термины вышивания в русских диалектах. Уч. зап. Педвуза им. Герцена, т. XX, Л., 1939, стр. 181—191.

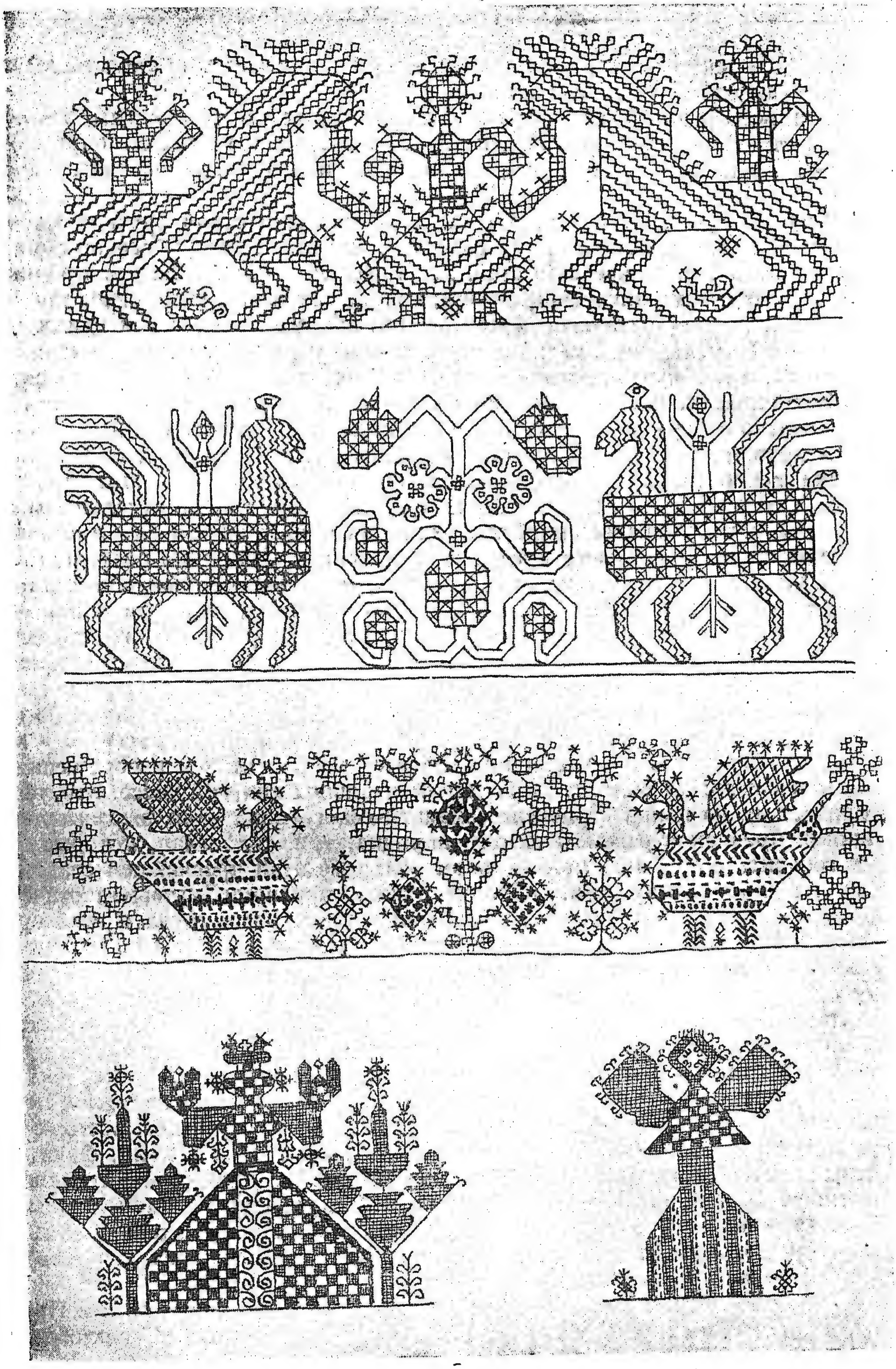


Рис. 2· Русская вышивка.

и глиняной скульптуре, распространенной повсеместно, представлены отдельные фигуры того же сюжета.

При всем разнообразии материалов, в которых они воплощены, эти образы древней стадии восточнославянского изобразительного искусства определяются едиными стилевыми признаками, аналогичными старинным формам народной поэзии.

Еще в 1854 г. А. Н. Афанасьев так определил строй русских народных сказок: «В доисторическую эпоху своего развития. . . народ, обоготворяя природу, видит в ней живое существо. . . Народные русские сказки проникнуты всеми особенностями эпической поэзии: тот же светлый и спокойный тон, та же обрядность, высказывающаяся в повторении обычных эпитетов и целых описаний и сцен. Раз сказанное метко и обрисованное удачно и наглядно уже не переделывается, а как будто застывает в своей форме и постоянно повторяется. . .» [1]

Восточнославянское искусство на ранней ступени своего развития было тесно связано с трудовой деятельностью коллектива, являющегося его творцом. В этом причина особой устойчивости народных художественных форм. На протяжении веков коллективом творились соответствующие его представлениям образы. Отбрасывалось все случайное, воспринимаемое лишь отдельными индивидуумами, и удерживалось наиболее типическое, впитавшее в себя многочисленные коррективы и достигшее предельного лаконизма. Подобно постоянным эпитетам и устойчивым сравнениям народной поэзии, точно установленные и потому повторяющиеся и обязательные признаки определяют тот или иной объект в плоскостной графической трактовке вышивки, изобразительного ткачества и росписи и в объемной, пластической. Для женской фигуры такими признаками будут тяжелый абрис пышного одеяния, особое положение рук, для коней — характерный выгиб крутой шеи, напряженная динамичность ног, иногда крылья как признак полета, для птиц — оперенье, часто гребень, для деревьев — ветвистость, плодоносность либо цветение. Во всем же остальном изображения сводятся к обобщенному силуэту либо монументальной слитной массе. Это, однако, не придает им до конца отвлеченно-схематического вида из-за выразительности типичных признаков реалистического порядка, т. е. тех начал, которые позволяют говорить о так наз. примитивном реализме этой древнейшей стадии развития народного искусства. «Вполне ясные признаки материалистического мышления, которые неизбежно возбуждались процессами труда и всей суммой явлений социальной жизни древних людей», отмеченные Горьким, обусловили эту жизненную правдивость образов, перенесенных из близкой древнему славянину природы и потому лишенных какой бы то ни было отвлеченности.

Эта древнейшая стадия восточнославянского искусства была свойственна всей восточнославянской семье — русскому племени, которое, как писал в XII в. краковский епископ Матвей, «по своей бесчисленности подобно звездам».

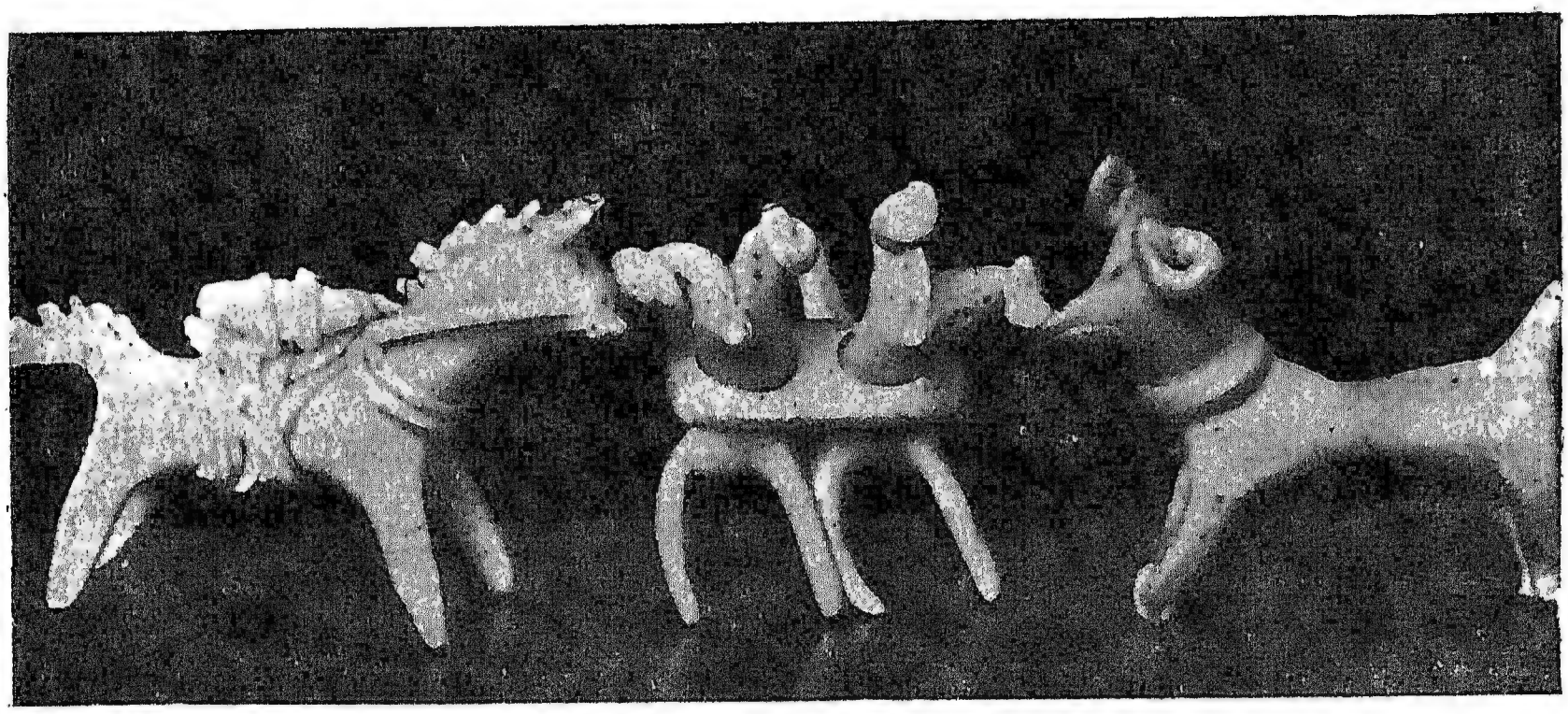
Напомню, что древнейшие памятники восточнославянской глиняной скульптуры VIII—X вв., изображающие женщину, одеяние которой связывается с одеянием скифской Табити-Кибелы, а также коней, всадников и птиц, были обнаружены на территории Киевщины. Эти фигурки тысячелетней давности являются прототипом тех глиняных игрушек и народной скульптуры из других пластичных материалов, которые в своем традиционном облике и позднейшем, отчасти сатирическом жанровом переосмыслении (барынь, кормилок, кавалеристов) одинаково встречаются на Украине и в России.[2]

В двух отдаленных друг от друга областях — Архангельской и в Прикарпатье, в которых в силу их изолированности дольше, нежели в других областях,

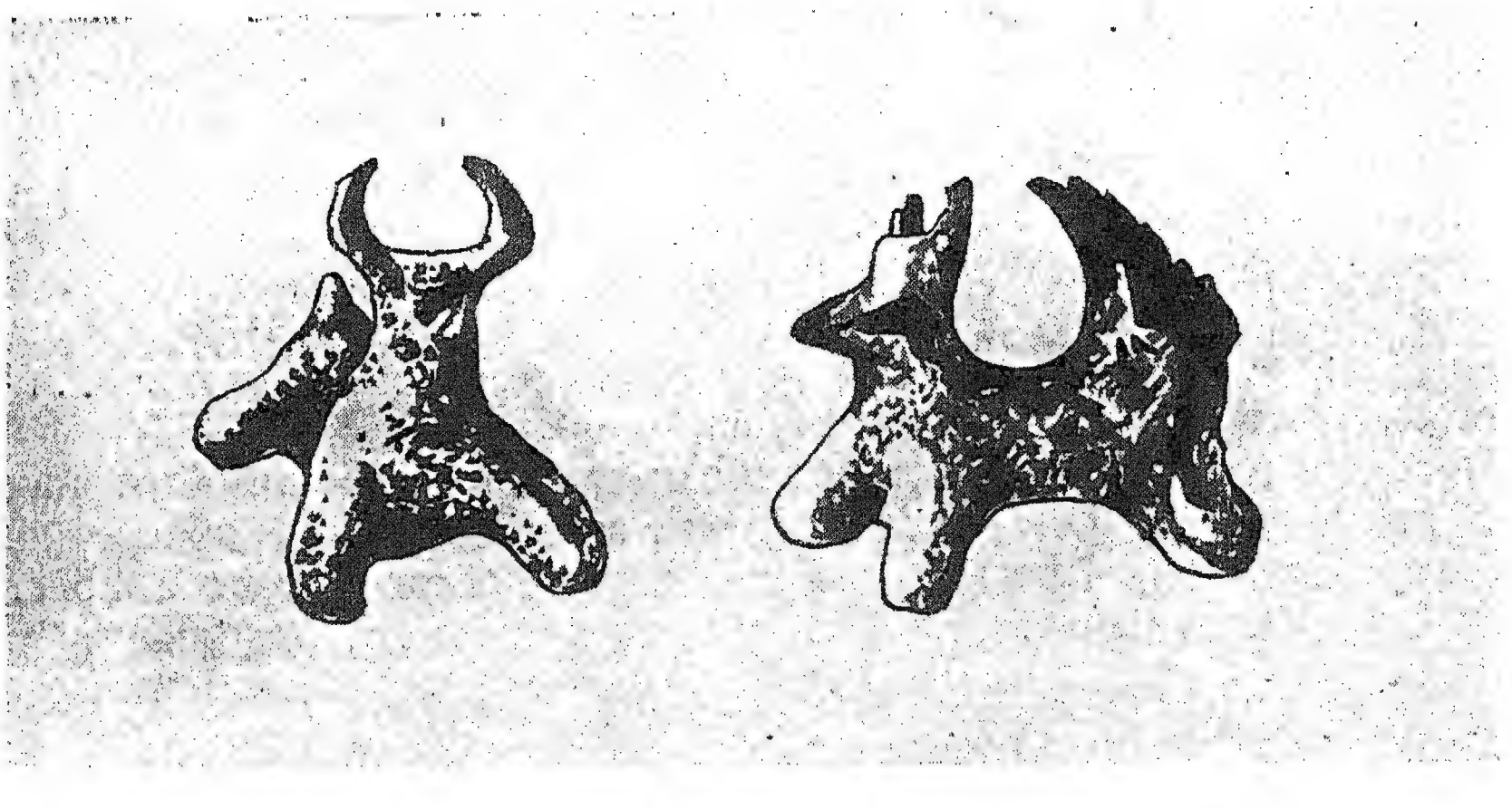
[1] А. Н. Афанасьев. Предисловие к 1-му вып. 1-го изд. «Русских народных сказок». 1936, стр. 493—495.

[2] Л. А. Динцес, ук. соч.

сохранялись пережиточные моменты большесемейной организации и общинного владения,[1] равно как и сравнительно чистые древние изобразительные формы, — эта категория народной пластики не только одинаково характеризуется строгой целостностью и четкостью определяющих признаков, но дает иногда совпадения в деталях (рис. 3).



а



б

Рис. 3. а) Гуцульские баранчики; б) холмогорские козули.

Показательно сопоставление холмогорских козуль, выпекаемых из теста, с вылепливаемыми из сыра гуцульскими баранчиками. Эти фигурки животных, изготовляемые на берегах Белого моря и в Карпатах, близки по общему своему строю и совпадают в перистой трактовке хвоста или гривы зарубками.

По той же причине в русском и украинском народном искусстве чрезвычайно сходна деревянная скульптура. В лаконичных монументальных формах она дает изображения животных, всадников и птиц, зачастую в последнем случае воплощаясь в сосуд, либо украшая его. Достаточно сопоставить русские ковши, черпаки и скопкари, украшенные целыми фигурками или головками коня или птицы, либо воплощенные в их изображение, с украинскими старинными ложками с головками коня на ручке, корячками с парными ручками — стилизованными

[1] В. Охримович. Про останки первісного комунізму у бойків-верховинців. Зап. Наук. тов-ва ім. Шевченка, кн. V—VI, Львів, 1899.

конскими головками (Полтава) или в форме птицы (Харьковщина), — чтобы одинаково отнести их к единой категории народной утвари, украшенной восточнославянскими изображениями почитаемых когда-то животных и птиц. Эта утварь была, вероятно, связана с теми коллективными трапезами и тризнами восточных славян, о которых свидетельствуют древние авторы и которые сохранялись до недавнего времени в пережиточном обычае торжественного убоя животного и общей трапезы в ильин день.

Точто так же черты близкого сходства устанавливаются между севернорусскими и полтавскими резными изделиями, украшенными головками животных, пряничными досками с изображениями птиц и коней, резаными на Украине и в Поволжье, и т. п. На этих же предметах, равно как и на частях украинских построек (сволоках, одвирках, косяках окон, бовдуре-верхушке деревянной трубы), мебели и предметах обстановки (скрынях, мисниках и т. п.), на частях возов и саней, на ярме, прядильных гребнях (донцах) и т. п., декорированных выемчатой резьбой, мотивы узора также чрезвычайно близки к русским. Розетки, крестообразные фигуры, круги, иногда со вписанной в них розеткой в шестиугольнике, ромбы и части их явились основой геометрического восточнославянского узора, одинаково выполняемого от Белого моря до Карпат разнообразными техническими приемами[1] (рис. 4).

Относительно присутствия в народной вышивке и ткачестве Украины древних восточнославянских форм следует отметить, что описанные выше сцены и отдельные фигуры из них встречаются сравнительно редко. Как и для среднерусской полосы, это следует объяснить распространенностью здесь более поздних форм, заступивших место древних. В своей ранней работе об украинской орнаментике Ф. К. Волков писал: «Изображения цельных деревьев, так характерные для великорусской орнаментики, в украинской совершенно отсутствуют, за весьма немногими исключениями, да и то встречающимися только в северных уездах Черниговской губ., т. е. на этнографической границе с Великороссией... Узоры с изображениями животных также очень редко встречаются ... и также в местностях, пограничных с великорусскими».[2]

Но последующее изучение материалов привело к необходимости значительно расширить зону распространения на Украине этих мотивов. В обзоре коллекций по народному искусству Всеукраинского Исторического музея 1925 г. упоминаются, как «проявление чего-то целиком своеобразного, подольские рушники с птицами, всадниками, деревьями и некоторыми другими орнаментальными элементами, вышитыми полихромными рядами в несколько ярусов на их концах».[3] На самом же деле эти подольские вышивки ничего особо своеобразного не представляют, а отличаясь типичными общеукраинскими и местными подольскими особенностями в размерах (более коротких) и расцветке (нити, иногда шерстяные — красные и синие, а ближе к Бессарабии — еще желтые, зеленые, черные и коричнево-оранжевые), на ряду с левобережными и русскими, входят в категорию древних восточнославянских изображений.

Эти рушники из грубого домотканного полотна распространены в Балтском, Ямпольском и Винницком районах Подолии. Вышивка исполняется двусторонними прямыми короткими стежками, так наз. «штопівкой», аналогичной русскому двустороннему шву и также совмещающейся со сплошной зашивкой участков, близкой русскому набору. Объектами изображения являются женщины в расширяющихся книзу одеждах, зачастую с воздетыми руками, иногда с пти-

---

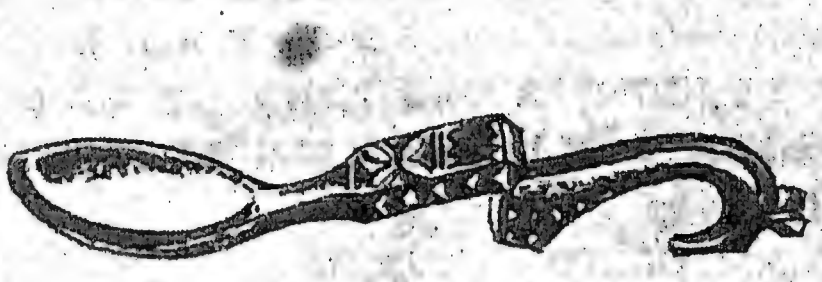
[1] В. Шухевич. Гуцульщина. Матеріали до українсько-руської етнології т. II. Львів. 1899, стр. 98—103, 128; т. IV. Львів, 1901, стр. 2 2—309.

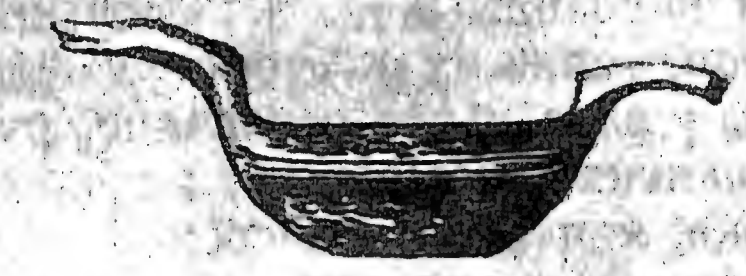
[2] Ф. К. Волков. Отличительные черты южно-русской орнаментики. Тр. III Археол. съезда. ч. 2, Киев, 1878, стр. 321—322.

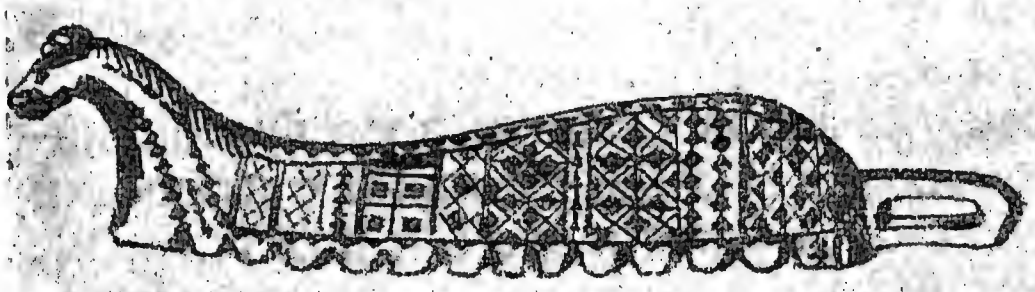
[3] Записки Етнографічного товариства. Київ, 1925, стр. 55—56.

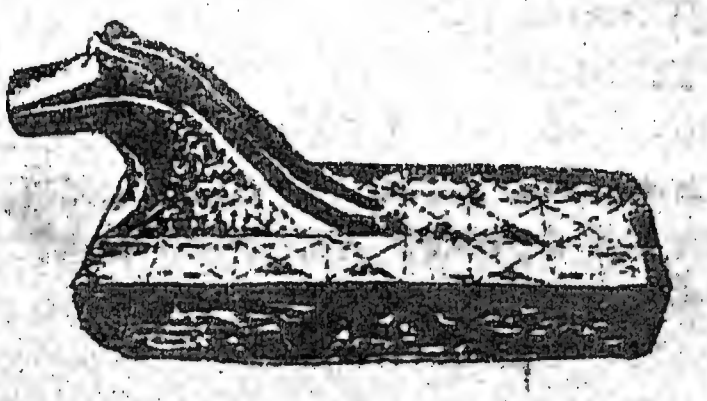
Украина

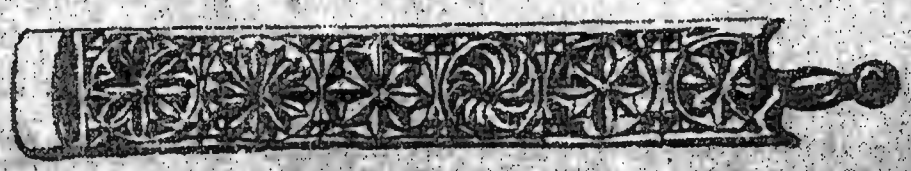
Россия

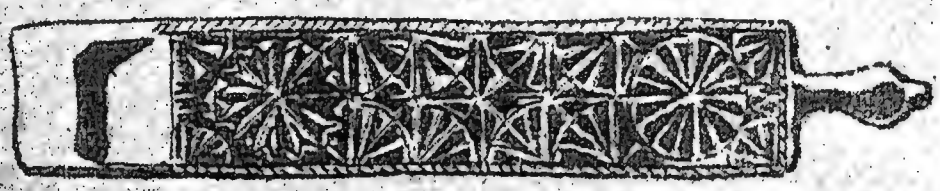


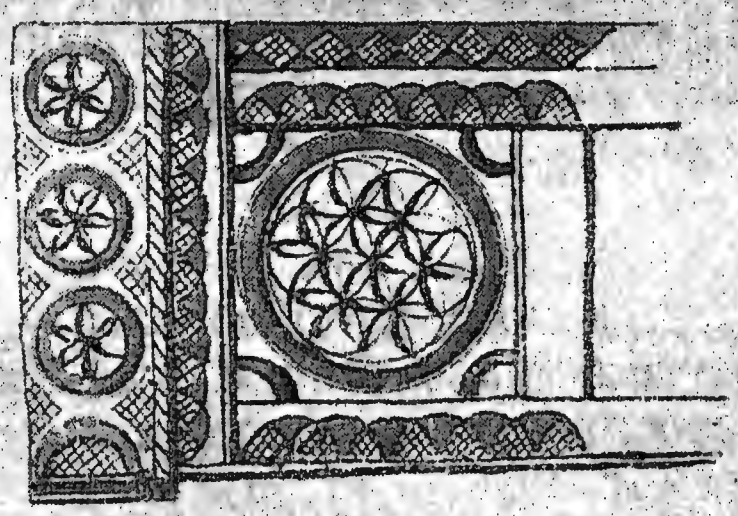












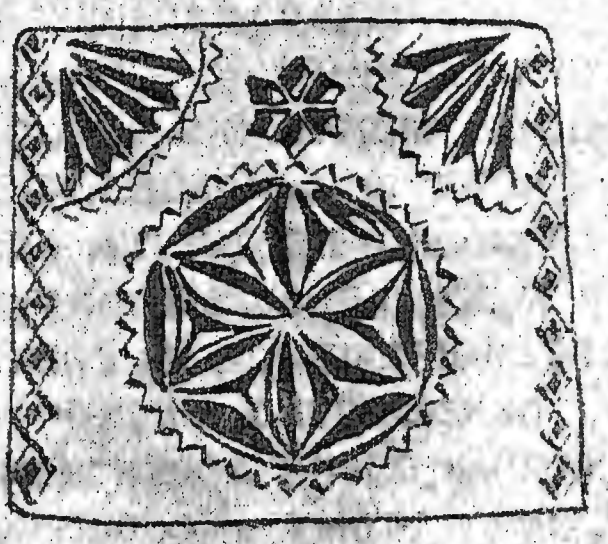


Рис. 4. Деревянные резные изделия.

Украина: 1) ложка чумацкая (Полтавщина), 2) корячок (Херсонщина), 3) и 4) рубели (Полтавщина), 5) деталь стола (Гуцульщина); Россия: 1) ковшик (русский Север), 2) скопкарь (русский Север), 3) коник (Архангельская обл.), 4) валек (Ярославская обл.), 5) деталь солоницы (русский Север).

цами, крылатые кони, всадники, птицы, деревья с характерными ромбами в центре и розетками, родственные архаическим мотивам северной вышивки. В большинстве случаев эти фигуры располагаются рядами, но как в старых, так и в современных вышивках встречаются трехчастные группы, вроде птиц по сторонам древа на рушнике из с. Клембовки (Винницкая обл.), вышитом колхозницей О. Мельник в 1936 г.[1] (рис. 5, ср. с рис. 2).

Точно так же и в галицких вышивках мы находим следы подобных изображений и традиционных группировок. Приводимая восточногалицкая вышивка крестом из Товмачского района испытала воздействие натуралистических форм второй половины XIX в.; особенно это чувствуется в трактовке птиц. Но в расположении их по сторонам фигуры с характерными рудиментами женской фигуры (треугольное основание, руки-перекрестье, венчающая головка-розетка) эта вышивка, несомненно, исходит из древней композиции. В этой галицкой вышивке, как и в клембовской, налицо характерное для сцен древнего извода ритмическое соответствие контуров фигур, параллельных либо дополняющих друг друга, что приводит к спаянности композиции.[2]

Для этого позднего галицкого извода древней композиции можно привести близкие аналогии из поздней русской вышивки, вроде шитого по перевити конца полотенца Пашского района Ленинградской обл., также с модернизированными фигурками птиц по сторонам растительного мотива (рис. 6).

Как на пример наличия в украинском ткачестве древних восточнославянских изображений, можно указать на кролевецкие тканые рушники с птичками и деревьями. Геометризированные мотивы деревьев близки здесь к подобным же мотивам в вологодском ткачестве, равно как и к тем «березкам» и «яблонькам», которые свойственны всей севернорусской вышивке двусторонним швом.

Но более всего в ткачестве и вышивке Украины, Великороссии и Белоруссии сохранились древние мотивы геометрического рисунка, украшающие части одежды, подзоры и концы полотенец.

Изображения, связанные с определенным объектом реального мира — животным, птицей, человеком или растением, в большинстве местностей видоизменялись в народном искусстве попутно с их тематическим переосмыслением вплоть до жанрового, и эволюционировали от примитивно-реалистических форм к формам современной трактовки живого образа. Геометрические же фигуры, утеряв свое начальное содержание и приняв чисто условные, различные в разных местностях термины по признаку отдаленного сходства (вроде русского «репья», украинских «метеликів», «жучків», «баранячіх ріжечків» и т. п.), обратились в традиционную самодовлеющую декорировку, прилагаемую к определенным частям одежды и предметам обихода. Поэтому такие мотивы, как ромбы с городчатым и крюкообразным излучениями, кресты с крюками, столбообразные фигуры, составляющиеся из слитых вершинами треугольников-полуромбов, звезды и т. п., повсеместно распространены в восточнославянском народном шитье и ткачестве в своих древнейших изводах.

Пример этому — совершенно однотипные образцы ткачества многоремизного переплетения красной и белой нитью из Устюженского района Вологодской обл. и Волыни (рис. 7). Эти древние геометрические узоры — как ткацкие, так и шитые — сохранили за собой полагающиеся им места на одежде — на

---

[1] Украинское народное искусство, М.—Л., 1938, №№ 30—31. — Выставка Укр. нар. искусства, «Творчество», 1936, № 10, стр. 13.

[2] Следы древнего расположения зверей по сторонам дерева, иногда с симметричными солнечными розетками, обнаруживаются в заставках галицких иллюминированных рукописей XVI в., в которых эта композиция воплощена в новые формы, навеянные западноевропейским возрождением [см. напр., Минею служебную 1631 г. (№ 13119) в изд. «Прикраси галицьких рукопісів XVI в.» Жовква, 1922—1923].

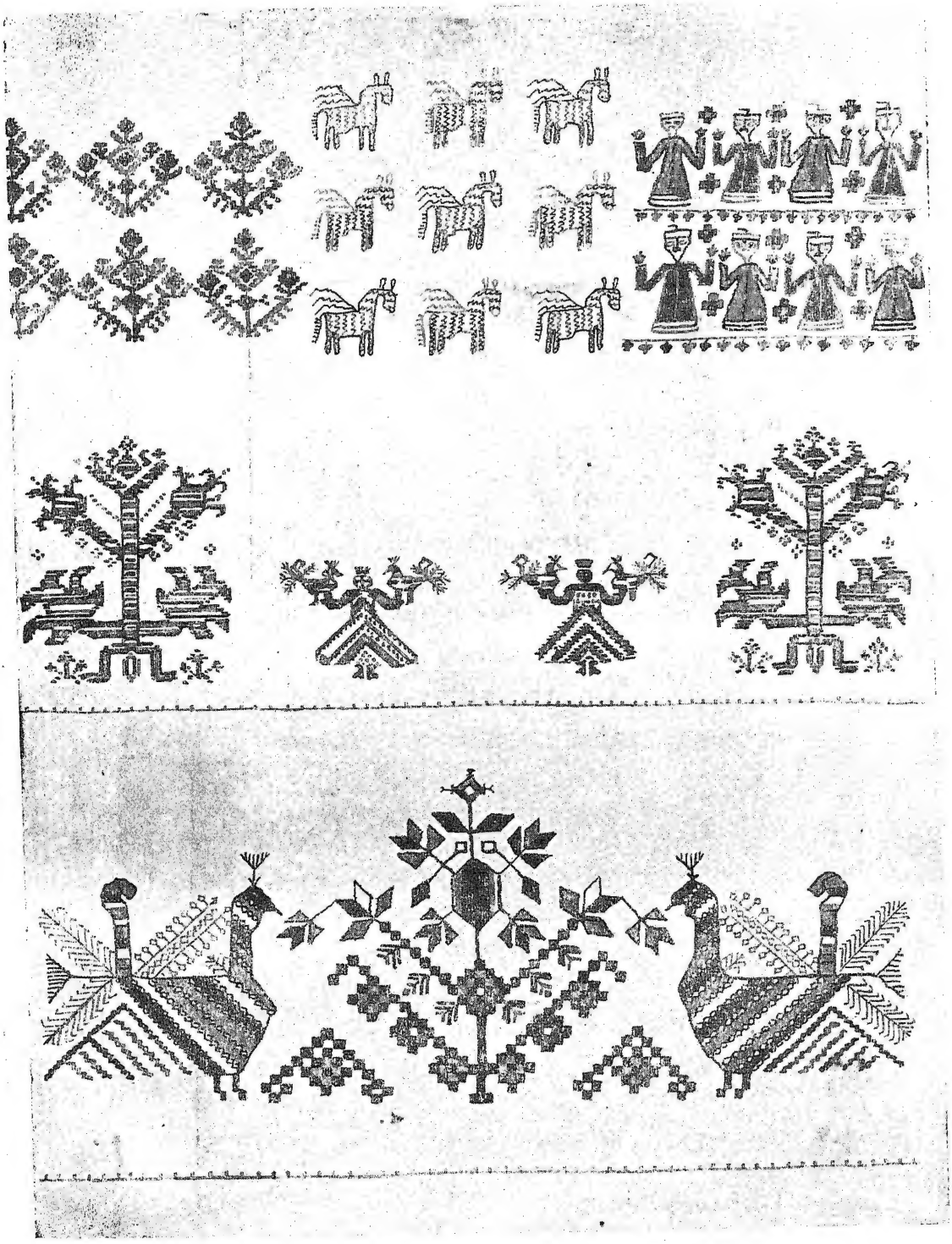
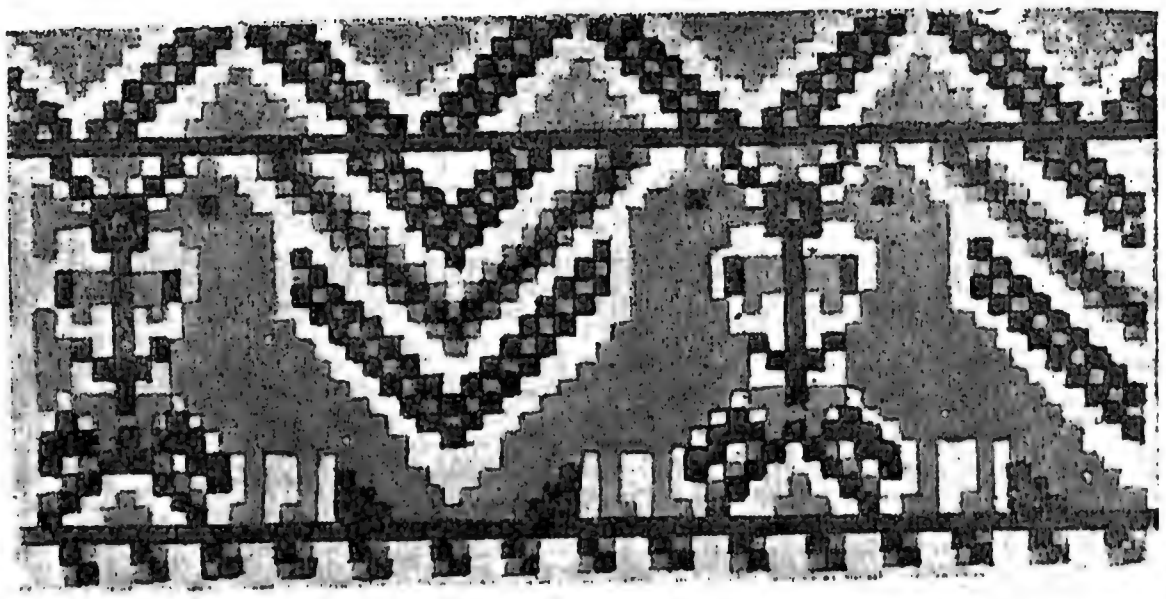
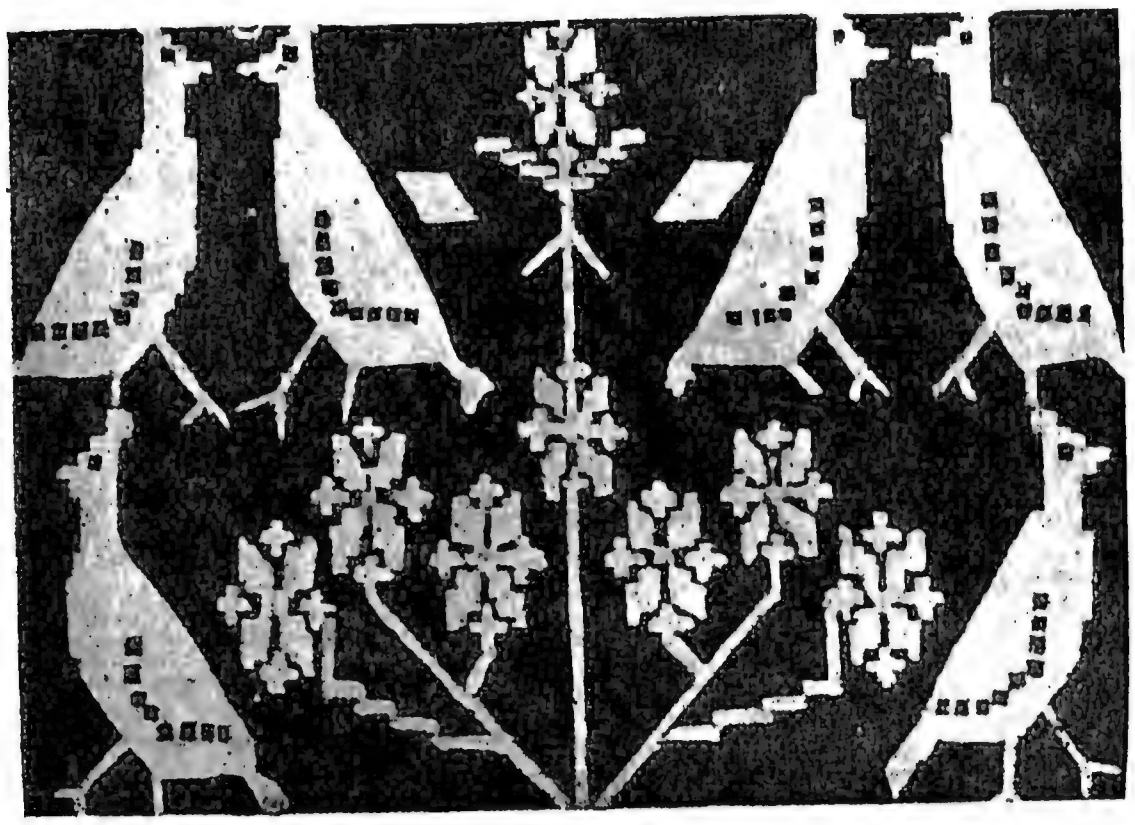


Рис. 5. Украинская вышивка. Подолия.

а





б

Рис. 6. а) Вышивка крестом Товмачского района (Галиция); б) шитье по перевити Пашского района (Ленинградская обл.).

а

б

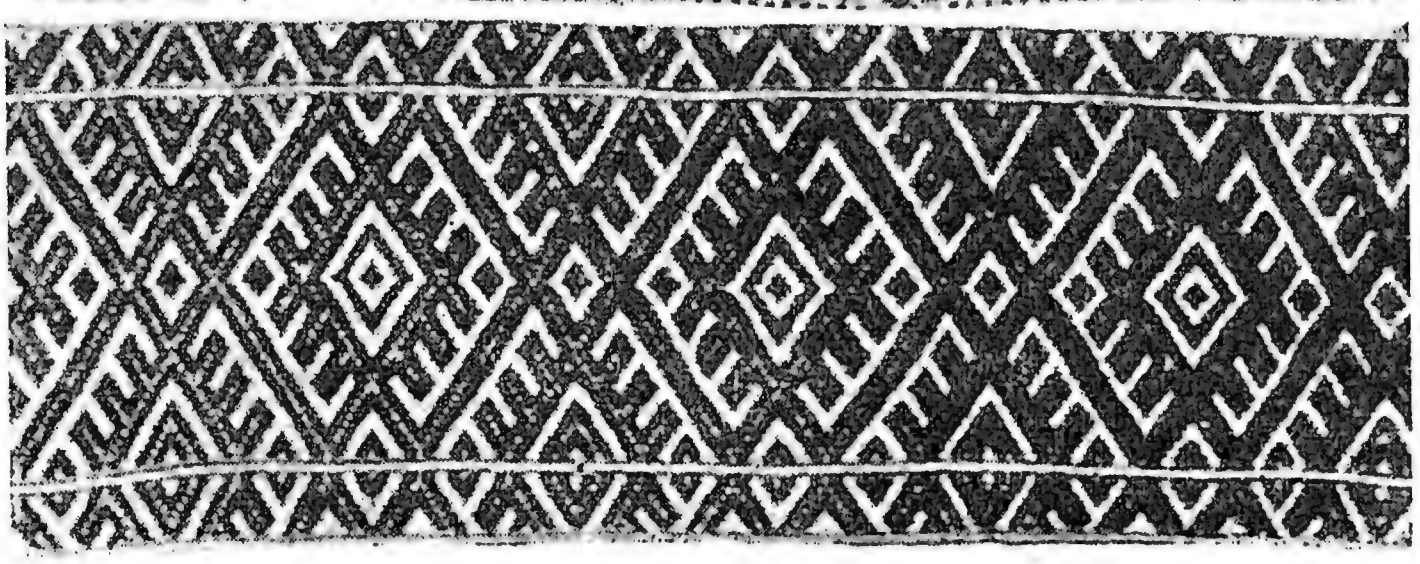
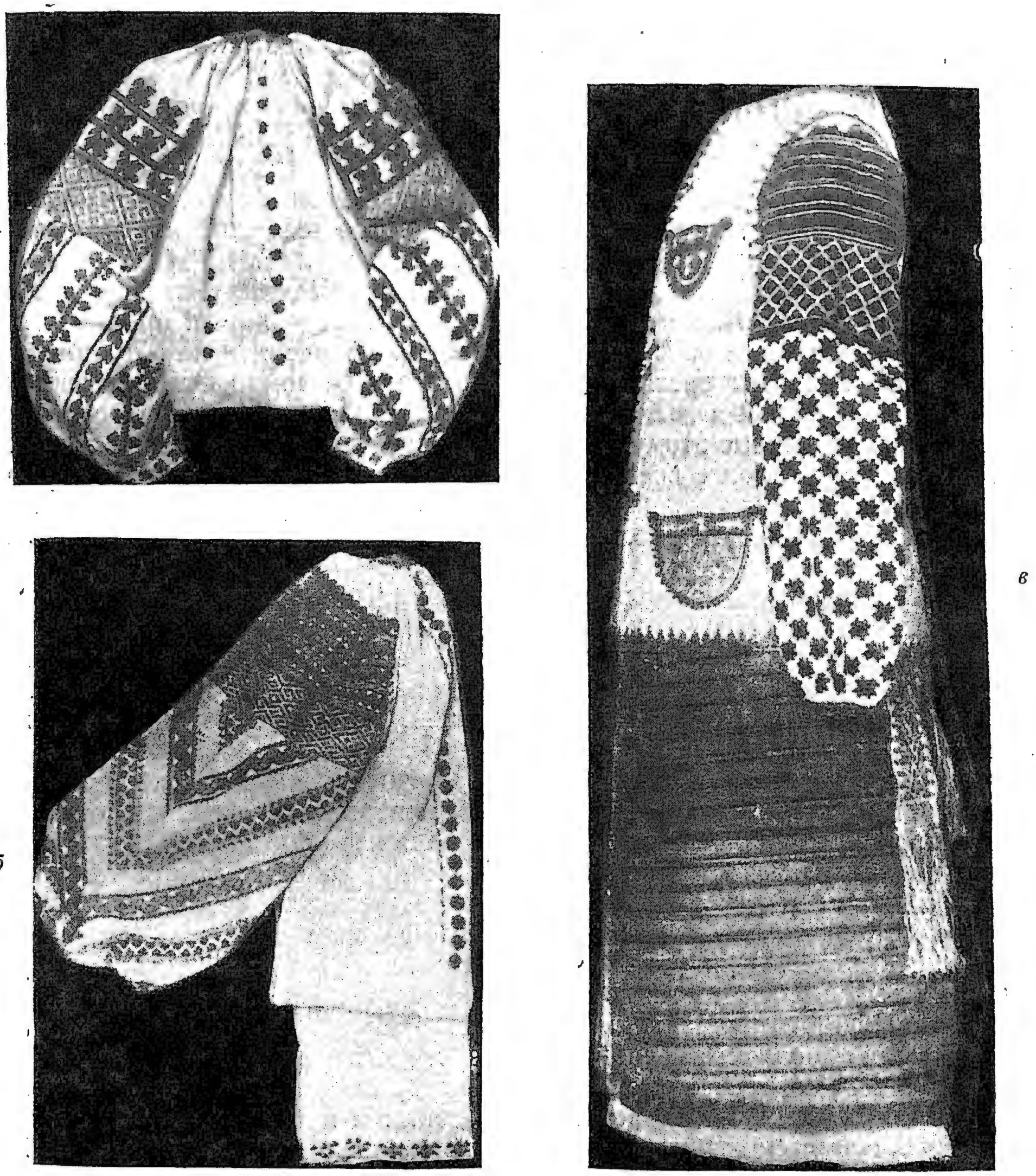


Рис. 7. Тканые полосы многоремизного переплетения:
а) Волынь; б) Устюженский район, Вологодской обл.

верхней части рукавов женских русских сорочек, на украинских поликах и прилегающих к ним узких полосах «підполиччя».

Приводимая подольская сорочка из с. Клембовки, Ямпольского района, с так наз. уставкой в виде трех рядов птиц древнейших форм (бисер) и поликом



б *в*

Рис. 8. а) Сорочка (с. Клембовка, Ямпольского района); б) сорочка (Буковина); в) гуцульские сорочка, кептарь, запаска и пояс (Гос. Украинский музей, Киев).

геометрического рисунка (техника «набірування»), другая севернобуковинская и гуцульская женские сорочки в достаточной мере иллюстрируют эту обязательность древнейшего узора для верхней части рукава (рис. 8).

«Творчество русского («руського», т. е. гуцульского, — *Л. Д.*) народа чрезвычайно разнообразно, а богатство узоров огромно. Это мы видим на различных изделиях, — писал проф. В. Шухевич в 1901 г. — А так как начальные типы

EB_1941_AKS_386

жизни и культуры более всего сохраняются в горных областях, далеких от всяких посторонних влияний, то там и лежит гнездо, где сохранились наиболее совершенные традиции родной орнаментики, которая характеризует наш народ в горах, особенно в Гуцульщине. Но это не исключает того, что те же самые или чрезвычайно схожие признаки в домашних изделиях выразительно не проявились бы в Подолии, на Волыни и вообще на Украине (равно как и в России и в Белоруссии, добавим мы, — *Л. Д.*). Каждый, кто имел намерение близко ознакомиться с художественной стороной изделий домашних промыслов на Руси-Украине, признает, что орнаментика эта имеет за собой вековые традиции и что в орнаментальных мотивах различных областей Руси-Украины проявляется общность. . .» [1]

То обстоятельство, что писанки повсюду расписываются исключительно женщинами, объясняет связь большинства узоров их росписи с узорами рукоделий. Разбирая узоры писанок галицкой Волыни, М. Кордуба обратил внимание на то, что полоски, делящие яйцо на поля (передилки), «сильно напоминают узоры мережек, и с этой точки зрения влияние мережки на орнамент писанок неоспоримо».[2] Писанки особенно многообразны по росписи на Украине, где они чаще всего украшены растительными мотивами и цветочными и звездчатыми розетками, поражая богатыми и яркими сочетаниями красочных пятен.[3]

Противоположные этому чисто живописному подходу графические построения узора писанок более всего встречаются в среднерусских районах, особенно Курской обл., и на юго-западе Украины, в том числе — Гуцульщине. В этой графической ветви писанок более всего сохранились древние изображения линейного рисунка.

В Курском крае изготовлялись крашанки с процарапанными и частично писанными на красном поле женскими фигурами в расширяющейся книзу одежде, с ветвями в руках, возможно осмысленные в христианском духе, и широко были распространены писанки с крупным розеточным рисунком, исполненным по черному или синему полю кирпично-красными, желтыми и белыми штрихами [4] (рис. 9).

Гуцульские писанки при той же графичности и расцветке отличаются от великорусских самым строем росписи. Вся поверхность яйца, как отметил Кордуба, разбивается продольными полосами на пояса (так наз. писанки-поясницы), а при наличии вертикальных полос на прямоугольники, которые заполняются хорошо знакомыми нам по вышивке архаического типа силуэтными фигурками коней, крестообразными розетками, ромбами с продленными сторонами и решетками-плетеньями. На ряду с этими мотивами, общими с русскими, гуцульские писанки имеют в росписи такие мотивы, которые характерны только для украинской народной орнаментики. К таким относятся, напр., фигуры слитых двух-четырех спиралей, а особенно цепь соединенных спиралей, иногда двойных, носящая название «бесконечника», который одинаково встречается на галицких, подольских, волынских, харьковских и кубанских образцах.[5]

Связь гуцульских писанок с общеславянскими формами по линии общности древнейших мотивов и вместе с тем вхождение в специфически-украинский круг

---

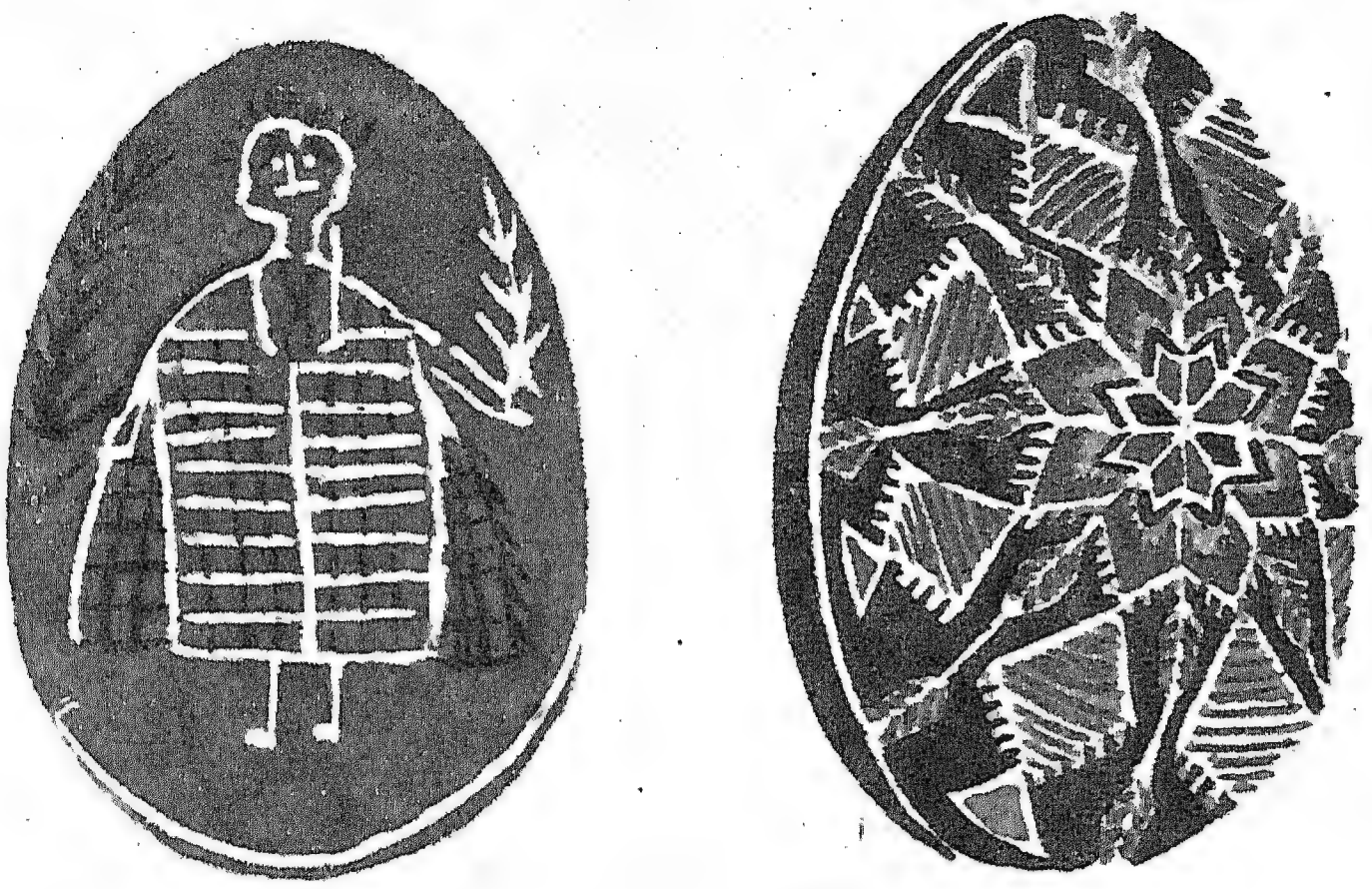
[1] В. Шухевич. Гуцульщина. Матеріяли, т. IV, стр. 242.

[2] Мирон Кордуба. Писанки на Галицкій Волині. Матеріяли до украинсько-руськоі етнольогіі, т. I, Львів, 1899, стр. 184.

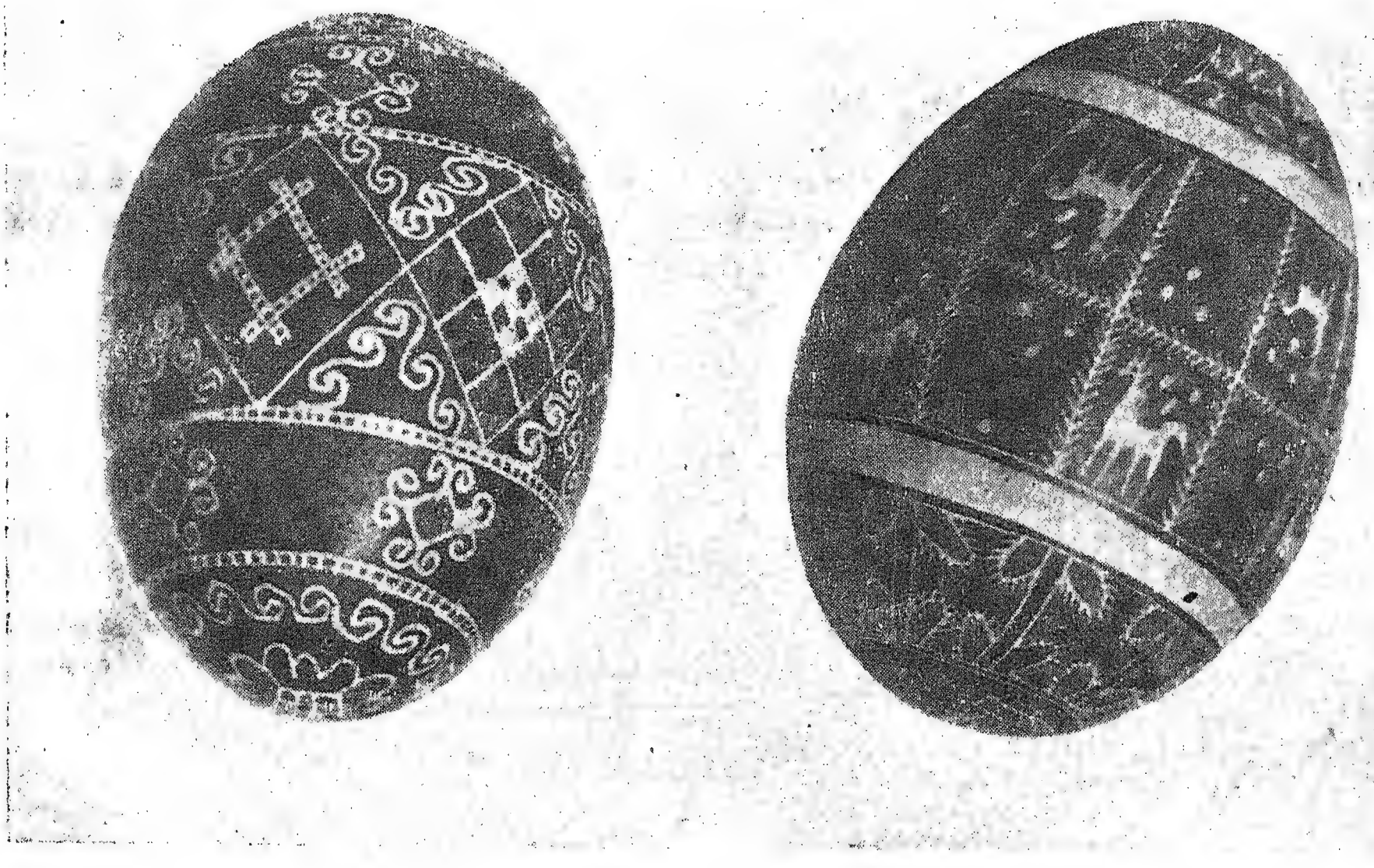
[3] Н. Ф. Сумцов. Писанки. Киевская старина, 1891, стр. 181—209, 363—383.— С. К. Кулжинский. Описание коллекций народных писанок. Лубенский музей. М., 1899, стр. 50—53.

[4] С. К. Кулжинский, ук. соч., табл. I—13, II — 2 — 16, III — 7.

[5] М. Кордуба. Орнамент писанок на Галицькій Волині. Зап. Наук. т-ва ім. Шевченка, кн. V—VI, 1899. — Его же. Писанки на Галицькій Волині, стр. 192—197.



а



б

Рис. 9. Писанки: а) курские; б) галицкие.

народного творчества по мотивам иного рисунка подводит нас к вопросу о национальных, а внутри последних — местных особенностях народного искусства.

Как известно, к XV в. сложение украинской, белорусской, равно как и русской народности было уже закончено. Особенно интенсивно процесс формирования каждой народности и ее культуры стал развиваться с распадением Киевского государства. Так, в Галицко-Волынской летописи XIII в. уже дают себя знать черты, свойственные будущему украинскому языку. Однако, несмотря на растущую политическую разобщенность частей общерусского государства, их кровное родство, прекрасно осознаваемое в «Слове о полку Игореве», призывавшем к единению князей Владимиро-Суздальской земли, а также князей Перемешльского, Смоленского, Галицкого, Владимир-Волынского и Луцкого, сохранялось во всех проявлениях культурной жизни восточнославянских земель при развитии местных особенностей.

В зодчестве, не говоря об общеславянской основе деревянной стройки клетями, свойственной и русскому Северу, и Карпатам, это сказалось в общерусском характере архитектурного типа и убранства дворцов и храмов XII—XIII вв. Владимиро-Суздальского княжества, Галича и Холма, которые были декорированы каменными рельефами тератологического порядка.[1]

Византийско-русская живопись, давшая с XII в. высоко-развитые образцы как в Киеве, так и в Новгороде, продолжает свое самостоятельное развитие на русских, украинских и белорусских землях, что доказывается русско-византийской стенописью XIV—XV вв., миниатюрами Лаврашевского евангелия (памятник белорусского искусства нач. XIV в.), Киевской иллюминированной Псалтирью 1397 г. и иконами галицкого письма XV—XVI вв. В последних, как более поздних, наблюдается некоторое влияние немецкой и итальянской живописи XV—XVI вв. Но общий строй галицких икон доказывает устойчивость общерусского начала. Только постепенно в XVII в. новейшее (т. е. западное) искусство, — по словам И. Свенцицкого, стало зарождаться на месте древней иконописи, — внесло, правда, в нее очень интересные местные подробности, но уничтожило красоту начальной, простой византийско-славянской композиции.[2]

Наконец, в декорировке наиболее характерными для всех восточнославянских земель явились мотивы плетушки, которые в меньшей мере, нежели в северноевропейских странах и на Кавказе, сочетались с тератологическими фигурами. Появившись еще в XI в. в прикладном искусстве и иллюминованных рукописях, этот орнамент к XIV в. достигает у нас особенного развития, постепенно изживает тератологические мотивы и к XV в. окончательно устанавливает строго геометрический рисунок переплетений,[3] который в галицких и русских рукописях господствует на протяжении всего XVI в.

---

[1] И. Грабарь. Глава XVIII тома II «Истории русского искусства». — К. Шероцкий. Очерки по декоративному искусству Украины. Киев, 1914, стр. 6—7. — М. Каргер. Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв. — Н. Воронин. К вопросу о взаимоотношении Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской архитектуры XII—XIII вв. Краткие сообщения Инст. ист. мат. культ., III, 1940, стр. 14—27.

[2] І. Свенціцкий-Святицький. Ікони Галицької України XV—XVI віків. Львів, 1929, ст. XI. — И. С. Свенцицкий. Лаврашевское евангелие. СПб., 1913. — Его же. Галицько-Руське церковне малярство. Львів, 1914. — Его же. Іконопись Галицької Україні XV—XVI віків. Львів, 1928. — Приверженность галичан к византийско-русскому письму ярко отразилась в деле о помещении в рогатинской церкви, по приказу Гедеона Балабана, львовского епископа, склонявшегося к унии, «образа бога невидимого», по поводу чего галичане писали жалобу. По преданию сам «бог нетерпящи ереси испусти гром с небес и разодра икону на обличение нечестивых в Рогатине» (І. Свенціцкий. Галицьке-руське церковне малярство, стр. 52).

[3] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв., Л., 1936, стр. 44—48. — Г. Павлуцкий. Орнамент Пересопницкого евангелия. «Искусство», Киев, 1911, № 2, стр. 85—87.

Устремленность к геометрическим формам, на ряду с внешними факторами в развитии русского феодального искусства, была несомненно продиктована народной основой геометрических построений восточнославянского узора. Этот народный узор, воздействуя на искусство правящих классов, не избежал в свою очередь воздействия последнего и некоторые его элементы усвоил.

С укреплением феодального строя в основных районах Киевского государства закабаляемое земледельческое население входит в тесное взаимодействие с феодальной усадьбой и ее устойчивой и богатой со времени христианизации Руси материальной культурой. Закрепощенные общинные «ремесльмяники и ремествьеницы», упоминаемые Русской Правдой с конца XI в. в составе вотчинного хозяйства, работая на феодала по образцам феодального искусства, осваивали их формы и многое передавали своей сельской среде. Последнее утверждается появлением с XI—XII вв. в курганах с погребениями славян-земледельцев вещей круга феодальной культуры или созданных под их воздействием.

В пережиточных памятниках народного искусства этот процесс также оставил свои следы. Особенно в оятских и прионежских вышивках (двусторонним швом и по перевити), на ряду с начальными изображениями, встречаются акантовые мотивы, фигуры барсов, орлов, грифов в сравнительно сложных ракурсах, характерные для феодального искусства, но уплощенные и своеобразно схематизированные в нормах народного творчества. В среднерусских землях и в Надднепрянской Украине эти раннефеодальные мотивы, освоенные народным искусством, были, очевидно, захлестнуты мотивами более поздней геральдики. Но они уцелели в исторически изолированной среде гуцулов, сохранившей, как отметил Шухевич, в своем искусстве древние формы.

Речь идет о так наз. «топорцах» или «келефах». Большинство их снабжено настоящими топориками, украшенными геометрическим узором. Некоторые же имеют ручки в виде парных резных головок-коней (древнейшая форма),[1] либо в виде медной, тщательно прочеканенной звериной фигурки тератологического стиля, о наличии которого в памятниках галицко-волынского зодчества упоминалось выше. На приводимом образце фигурка составляется из звериной головы, туловища птицы и змеиного хвоста.[2] Интересен переход от стержня к ручке через капитель с растительными мотивами, что дает право предполагать зависимость таких наверший от архитектурных форм. Навершия, подобные приведенному, сравнительно редки. Более распространена промежуточная форма между топорцами и фигурными навершиями в виде келефов со спиральным завитком вместо лезвия и обушком топора (рис. 10).

Трудно решить вопрос о наличии в русском и украинском народном искусстве мотивов, которые могли быть отнесены к категории использованных из византийско-христианских. Крестообразные мотивы, одинаково многочисленные в русской и украинской народной орнаментике, входят, как мы знаем, в категорию древнейших. Поэтому отнесение Сумцовым некоторых крестовидных форм в росписи писанок типа греческого, четырехконечного, равностороннего, либо андреевского креста к категории христианских не можем считать доказанным.[3] Как в русском, так и в украинском народном искусстве крестовые мотивы, объединяющиеся с растительными, либо входящие в систему построения розетки,

---

[1] В. Шухевич, ук. соч., т. II, стр. 128—129; т. IV, стр. 274—275.

[2] Наличие таких тератологических изображений в искусстве Галицкой Руси доказывается следами их в заглавных буквах галицких рукописей XVI в. В этих буквах, как замечает И. Свенцицкий, — приплюснутая головка концевых переплетений, напоминающих извивы змеи, равно как и звериные когти и клювы птиц, открывают их начальный исток (Прикраси рукописів Галицькоі Украіни XVI в., Жовква, 1922—1923, стр. III—IV).

[3] Н. Ф. Сумцов, ук. соч., стр. 371—372.

могли сложиться на месте задолго до принятия христианства. Это не исключает возможности последующего переосмысления этих фигур в духе новой религии.

Существует также мнение, что низь и выполняемый ею орнамент «в древние времена были занесены на Украину из Византии и на протяжении многих веков почти не изменились».[1] Едва ли это так. Низь была подсказана прохождением уточной нити в ткачестве. Остатки местных тканей, находимых в славянских погребениях X—XI вв., доказывают наличие в те века сложной ткацкой техники многоремизного переплетения, что естественно при широком развитии у восточных славян льноводства, о чем упоминают еще арабские авторы, начиная с X в.[2]

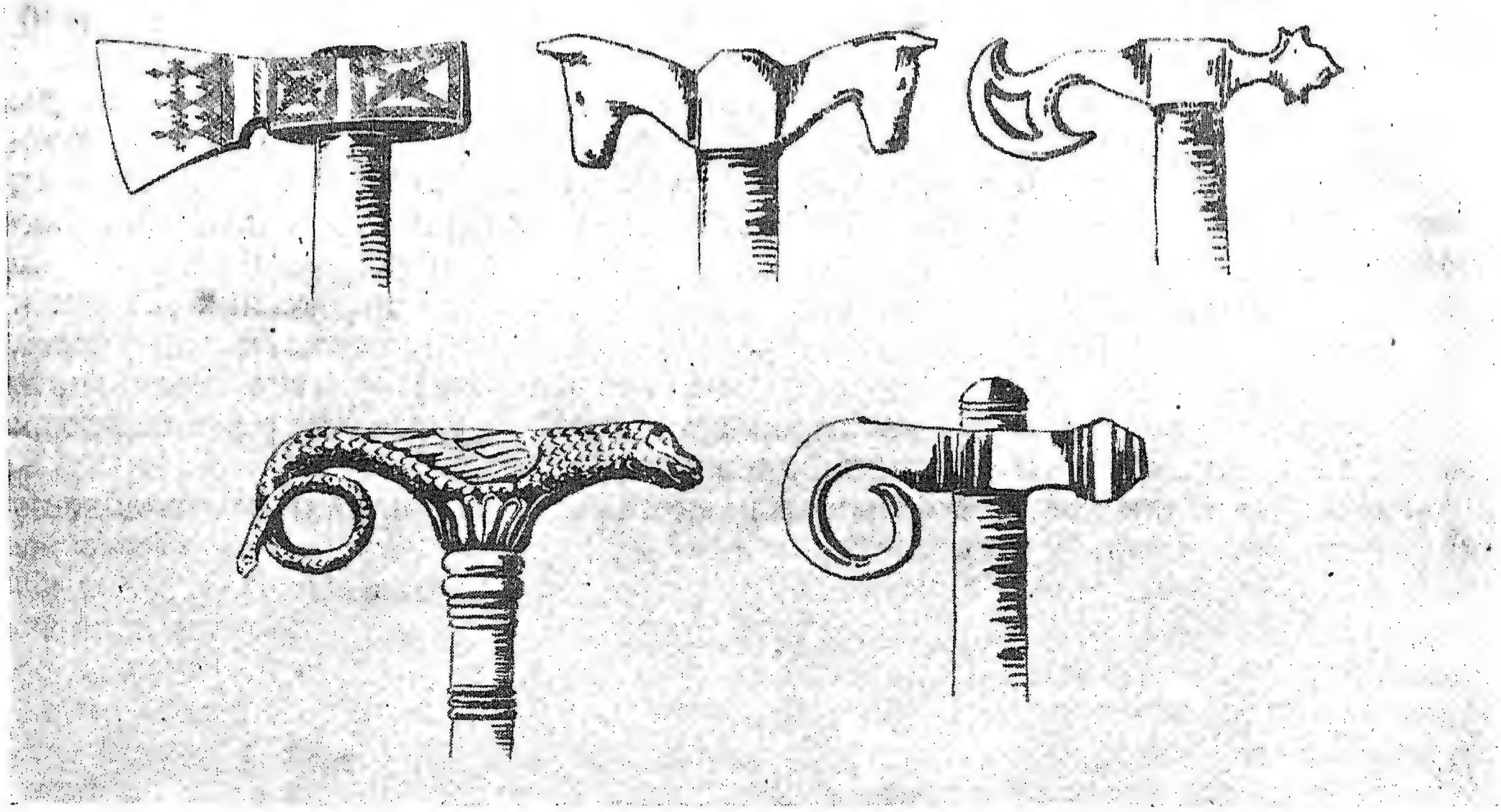


Рис. 10. Гуцульские келефы (топорцы).

Но вместе с тем опрометчиво было бы при рассмотрении разновидностей геометрического узора народных тканей Украины и России не допускать вероятности воздействия на них в длительном процессе их развития некоторых мотивов из искусства господствующего класса, т. е. тех геометрических построений, о которых упоминалось выше. Так, напр., распространенный в русском народном ткачестве (особенно в Новгородско-Псковском крае), равно как и украинском и белорусском, скатертный (салфеточный) многоремизный узор из шашечных крестообразных фигур, иногда вписанных в шашечные окружности (так наз. «кружастины»), узнается в так наз. крещатых ризах святителей на иконах XIV—XV вв. новгородского и галицкого письма[3] и, возможно, связан с формами, явившимися из Византии (рис. 11).

Но если признать со сделанными оговорками возможность творческого освоения народным искусством России и Украины некоторых декоративных построений из единого источника феодального искусства древней Руси, то все же

[1] Орнаменты украинской народной вышивки. Текст Л. Розенберга, Харьков, стр. 7 и 9.

[2] В. Клейн. Путеводитель по выставке тканей XII—XIX вв. М., 1926, стр. 8—10.

[3] См., например, крайнюю левую фигуру деисуса XV в. из Стариск (І. Свенціцкий. Іконопись Галицькоі Украіни XV—XVI віків. Львів, 1928).

основой русского, украинского и белорусского узора на всех этапах его развития оставался древний геометрический рисунок, который все время обогащался, как в силу общего развития, так зачастую в силу связей с соседними народами (напр., приволжскими — для России, молдавскими и южнославянскими для Украины).

В равной степени, сохраняя свою действенность от Белого моря до Карпат, он вплоть до наших дней определяет геометрические построения вышивки и узорного ткачества трех братских народов, которые пользуются чрезвычайно близкими мотивами узора, но бесконечно вместе с тем вариируют их расположением, сочетаниями, расцветкой и т. д., сообщая узору не только свой национальный, но и местный облик, как это видно на приводимых галицких вышитых и тканых изделиях (рис. 12).

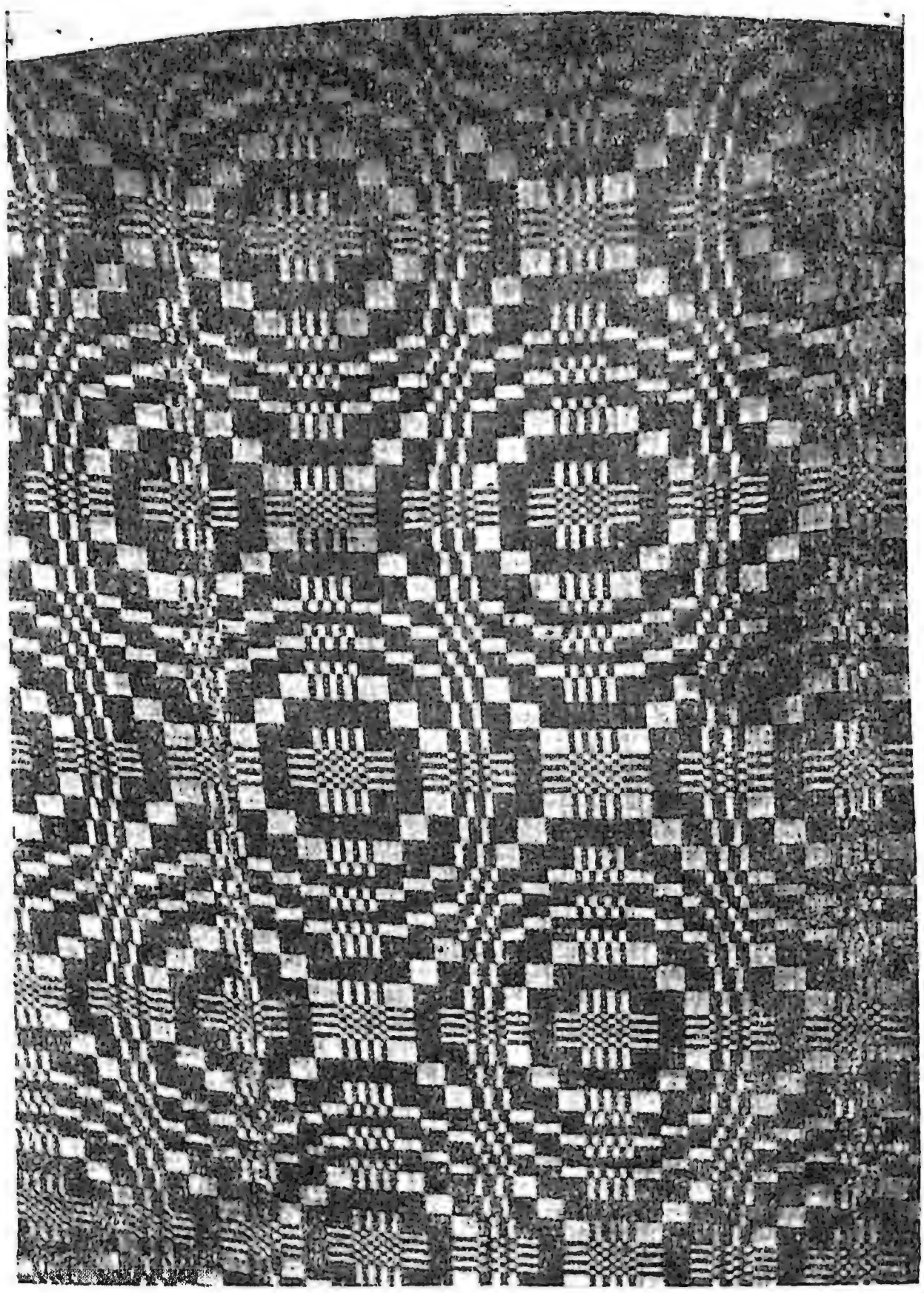


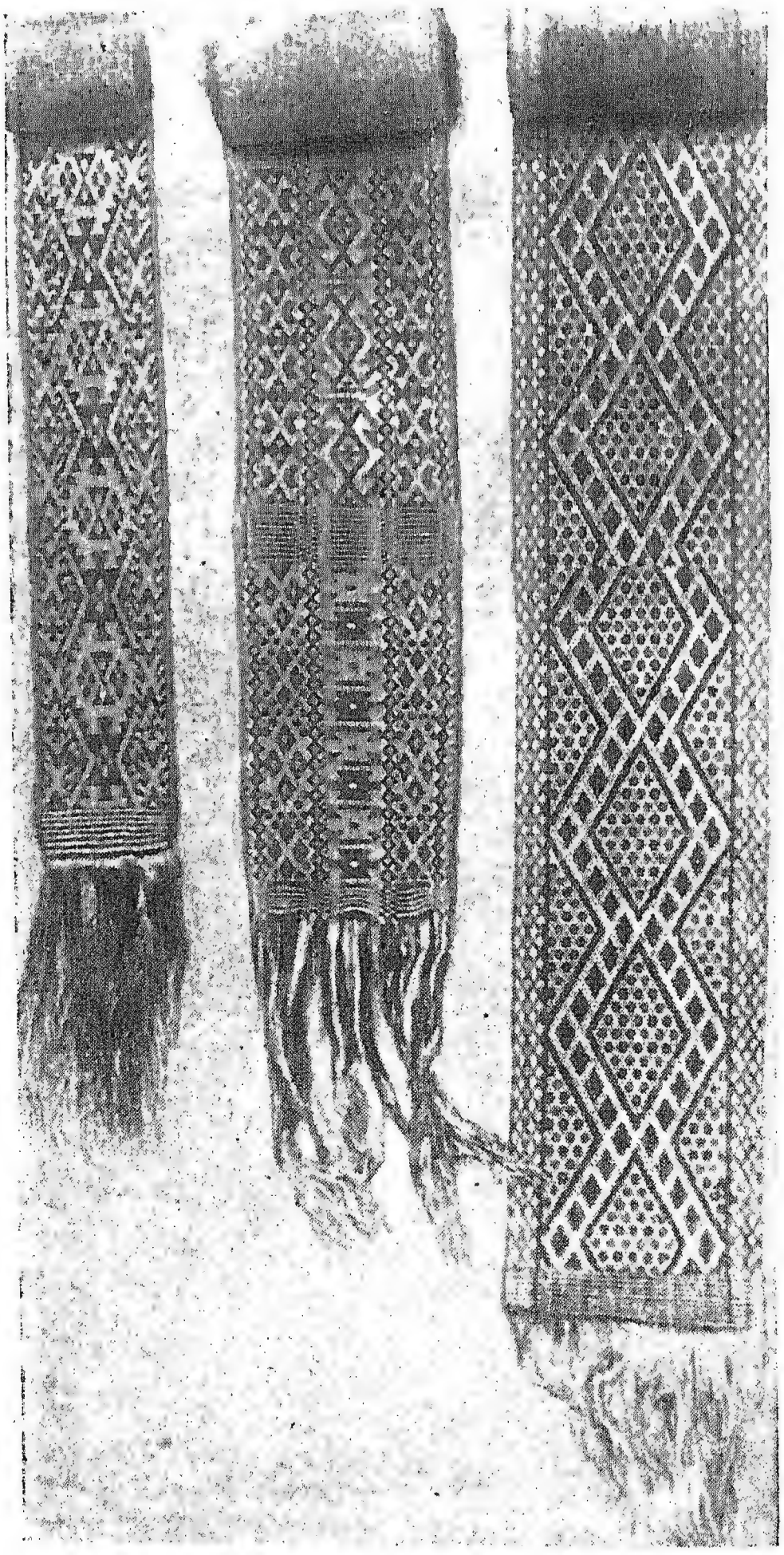
Рис. 11. Салфеточная ткань. Узор «кружастинами» (Ленинградская обл., Гос. Русский музей).

Характеризуя украинские плахты, которые дошли до нас в образцах XVII в., Ф. К. Волков заметил, что узор их «представляет собою бесконечное разнообразие комбинаций и модификаций одного орнаментного типа — розетки. Следует обратить внимание на то еще обстоятельство, — писал он, — что в плахтах, несмотря на крайнее разнообразие модификаций узора, над рисунком решительно преобладает разнообразие цветовых сочетаний. Это отразилось, между прочим, и в некоторых народных названиях рисунка плахт, выражающих цвет узора: синятка и т. п.».[1] Это замечание (в расширенном толковании термина «розетка») можно распространить на все геометрические узоры Украины, как тканые, так и вышитые, бесконечно разнообразные, имеющие в каждой местности свои особенности, но одинаково исходящие из элементов, общих для всего восточнославянского мира.

Местные их отличия, при единообразии элементов, определяются в большой мере характером цветовых сочетаний. Так, вышивкам северной части Украины (северные районы Черниговщины и Волыни) свойствен красный цвет (разумеется, на белом полотне-холсте). В средней полосе Украины (южные районы Черниговщины, Полтавщина, почти вся Харьковщина, Киевщина и

[1] Ф. К. Волков, ук. соч., стр. 318.

северные части Днепропетровщины и Херсонщины) красный цвет сочетается с синим, реже с черным. В южной — к этим цветам присоединяется желтый. В Подолии черный цвет, иногда в сочетании с красным, является особо характерным для геометрических узоров, которые по мере приближения к Бессарабии, Буковине и Галиции расцвечиваются желтым, а местами обогащаются бисером, металлическими блестками и нитями, очевидно, под воздействием Молдавии и южнославянских групп.



б

а

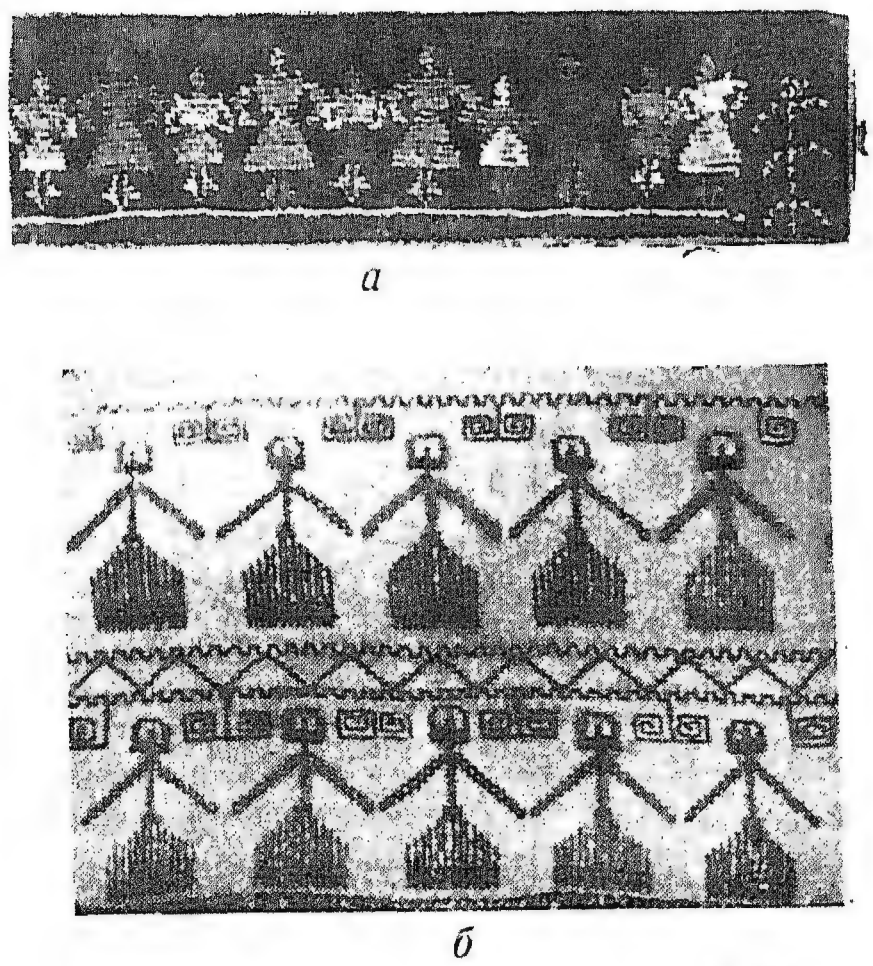
Рис. 12. а) Хустка (вышивка; Пядяки, Восточная Галиция, 1904 г.; Гос. Музей этнографии, Ленинград); б) пояса мужские гуцульские (шерсть, тканая; Украинский музей, Киев).

Технические приемы вышивания этих узоров: известная уже нам «штопівка», низь (протягивание в направлении утка нити, то выходящей налицо, то проходящей по изнанке холста), занизування (протягивание нити в направлении основы), «набірування» (короткие смежные стежки), верхоплут (протягивание нити между рядами поперечных стежков), «вирізування» и «довбанка» (обшитые вырезанные или проткнутые небольшие дырки) и, наконец, шитье крестом, — все эти швы согласованы с прямоугольным строем материала и дают строго-геометрический рисунок.

Такого же порядка местные варианты расцветки геометрической вышивки наблюдаются и в русском народном искусстве. Так, на русском Севере господствует красный цвет. В Прионежье, сохраняя свою ведущую роль, он сочетается с черным, зеленым, лиловым, желтым и иными цветами. В Архангельской области красный геометрический узор в вышивке слегка оживляется голубоватой и желтой нитями. В более же южных районах, особенно юго-восточных, полихромия нарастает.

Техника вышивки геометрического узора, не говоря уже о ткачестве, принятая в русском народном искусстве, близка украинской. Но каждый народ, в зависимости от его художественных вкусов, отдает предпочтение определенным видам вышивания. Так, при общей распространенности шитья крестом и мережкой, украинские вышивальщицы широко пользуются низью и вырезыванием, в то время как в России геометрические узоры чаще всего выполняются двусторонним швом и шитьем по перевити и сравнительно реже техникой, напоминающей украинскую низь, или вырезыванием.

Если геометрические узоры в русском и украинском народном искусстве с течением веков обратились в самодовлеющую декорировку, сохранившую действенность до наших дней, то архаические изображения человека, животного, птицы, дерева, растения, естественно, должны были подвергнуться кардинальному переоформлению. Древняя схематичная трактовка этих изображений, определяемая давно позабытым содержанием, с течением времени должна была неминуемо себя изжить. Удержавшись в качестве непонятной, но привычной традиции, древние образы несколько отступили на задний план и должны были уступить место новым, продиктованным живой действительностью.



а

б

Рис. 13. Концы полотенец: а) Устюжна, Вологодской обл. (Гос. Русский музей, Ленинград); б) Винницкий район (Гос. Украинский музей, Киев).

Как в России, так и на Украине известны изображения, созданные на основе традиционных, но осмысленных по-новому, и соответственно этому видоизмененные. Таков, напр., ряд традиционных женских фигур, которые и на кумачевом конце из Устюжны, Вологодской обл., и на рушнике из Винницкого района одинаково перекомпанованы в хороводы (рис. 13).

Но такого порядка обновление старинных форм, не прекращавших своего существования, все же не разрешало направленности народного искусства к реальному образу. Очевидно, этот переломный момент и вызвал как в русском, так и в украинском народном искусстве творческое освоение мотивов ренессанса — барокко. Датированные XVII в. резные украинские сволоки, узорные русские изразцы и керамические плиты XVI—XVII вв. и того же времени образцы украинского и русского шитья определяют начало широкого использования народными мастерами этих мотивов. Они налицо также в русской и украинской росписи, набойке и т. п. Разумеется, мотивы ренессанса — барокко не были механически перенесены из так наз. высоких образцов, а так же, как и раннефеодальные, народом творчески освоены и переработаны.

Но прежде чем охарактеризовать эту творческую переработку, необходимо выяснить те источники, из которых пришли в русское и украинское народное искусство эти новые формы, а вместе с ними новые технические приемы исполнения. Уже с конца XV в. в Москве появляются итальянские мастера, оставившие следы своей деятельности в ренессансной декорировке каменного зодчества. Ряд позднейших памятников дает эволюцию от первоначальных строгих форм ренессансного орнамента к усложненной декорировке барокко, особенно выразительной в так наз. нарышкинском стиле, архитектурные и декоративные формы

которого в сильной мере определяются культурными взаимосвязями России и Украины.[1]

Большое число ввозимых из западных стран (в том числе из Италии) изделий из благородных металлов, тканей (особенно венецианских бархатов), кружева и пр. оказало свое влияние на работы русских ткачей, эмальеров, резчиков по кости и дереву, мастеров палатного письма, басмы и т. п., откуда новые мотивы перешли в народное искусство.

Точно так же и на Украине с конца XV в. наблюдается проникновение мотивов ренессанса. Выходцы из черноморских факторий итальянских городов Кафы, Килии и др., в конце XV в. завоеванных турками, удаляются частью в Литву, которая имела в своем составе русские земли от Волыни и Белоруссии вплоть до бассейнов Ворсклы и Десны, а частью в Галицию, захваченную Польшей. Ассимилируясь здесь, итальянцы становятся проводниками своей цветущей культуры. Сильно развившиеся к тому времени торговые связи с Прибалтикой приводят к усилившемуся ввозу в развивающиеся города Украины и Белоруссии предметов западноевропейской культуры.[2]

Но заслугу освоения восточными землями, захваченными Польшей и Литвой, западноевропейских форм вовсе не следует приписывать польской народности, равно как и литовцам, в ту пору находившимся под сильнейшим воздействием русской культуры.

«Еще в начале XVI века, — по характеристике М. Грушевского, — польский элемент, как государственный, имел более физическое, внешнее преимущество. Русь здесь стала покоренной народностью, но она не имела оснований считать себя низшей. Приблизительно до второй четверти века в отношении культуры старая Польша не имела чем похвалиться перед Украиной».[3] Украинское и белорусское мещанство, оборонявшееся от польско-католической агрессии подъемом родной культуры, совершенно самостоятельно освоило формы Возрождения.

На примере напечатанных полоцким мещанином Франциском-Георгием Скориной Псалтири 1517 г. и виленских изданий 1525 г. можно констатировать наличие в украино-белорусской печати ренессансной орнаментики. Далее, к середине XVI в., т. е. без всякого запаздывания по сравнению с оформлением польского ренессанса, украинское искусство дает такие исключительные образцы ренессансной декорировки на Волыни, как иллюминованные Загоровский апостол и Пересопницкое евангелие, а также особо многочисленные галицкие иллюминованные рукописи, вроде евангелий из Хишевич 1546 г., Корманич 1596 г., Великополья, Великих Мостов и др. В этих памятниках, на ряду с традиционной плетушкой, имеются богатейшие обрамления из мотивов аканта, скомпанованных вазонами и цепью спиральных завитков побегуна, а в волынских — с фигурами амуров.[4] И, наконец, ряд изданий русского первопечатника Ивана Федорова — Московский Апостол 1564 г., Заблудовское евангелие 1569 г., Львовский Апостол 1574 г. и Острожская библия 1580 г. — исполнен в ренессансном оформлении, утвердившемся в графическом искусстве России, Белоруссии и Украины.

Украинское архитектурное убранство дает, например, такие образцы ренессансных форм, как надгробие Константина Острожского конца XVI в. (Киевская

---

[1] Г. Павлуцкий. Орнамент Пересопницкого евангелия, стр. 87—90. — Ф. Горностев. XXII глава II тома «Истории русского искусства», под. ред. И. Грабаря. М.

[2] История средних веков. Ред. Сказкина и Вайнштейна, т. II, М., 1939, стр. 444 и сл.

[3] М. Грушевський. Культурно-національный рух на Україні в XVI—XVII віці. Дніпросоюз, 1919, стр. 33—37.

[4] А. С. Грузинский. Пересопницкое евангелие, как памятник искусства эпохи Возрождения в южной России в XVI в. Журн. «Искусство», 1911, № 1, стр. 1—48. — Прикраси галицьких рукописів XVI в., Жовква, 1922—1923, № № 98, 124, 146, 174, 176, 13778, 14965, 15491 и др.

лавра) или скульптурный фриз Успенской церкви, главной святыни Львовского братства, отстроенной при материальной поддержке царя Федора Иоанновича, а с середины XVII по XVIII в. — многочисленные памятники, в которых традиционный архитектурный тип (вроде трех- или пятиглавого храма), иногда совмещенный с западным (базиликой), обряжается в своеобразный барочный наряд.

Роспись XVII в. в Троицкой церкви Киевской лавры, исполненная местными живописцами под влиянием фламандской школы, и многочисленные иконы восточных и западных областей доказывают творческое освоение западноевропейских форм украинской живописью. Эти формы разрешались украинским искусством в своеобразной сдержанно-архитектоничной редакции, несомненно продиктованной народным искусством и противоположной банальной торжественности и вычурности «иезуитского стиля», особо ярко представленного, напр., во львовском костеле иезуитов XVII в.[1]

Но кроме западных источников, русским и украинским декоративным искусством для созидания новых форм в неменьшей степени были использованы мотивы узора Ближнего Востока, издавна находившегося в непосредственных сношениях с нашими землями. После завоевания Казанского царства и продвижения на восток сношения Москвы с переднеазиатскими странами развиваются особенно интенсивно. Узорные ткани Кизилбашской земли (т. е. Ирана), привозимые с Гилянского берега (Каспия), получают в Московском государстве широкое распространение.

В XVI—XVII вв. на основе роста национального движения в сефевидском Иране декоративное искусство Востока обогащается возрожденными древнесасанидскими мотивами, передающими в более реалистической трактовке объекты из мира животных и растений.[2]

Устремленные в сторону живых форм мотивы декорировки Востока, слившись с живыми формами возрождения — барокко, амальгамировались в те своеобразные узоры, которые характерны для русских тканей, вышивки, керамики, эмали, резьбы и росписи Московской Руси.

То же, но в несколько иной обстановке произошло на Украине. Через Галицию и Волынь проходили торговые пути, связывавшие европейские страны с придунайскими и балканскими и далее с Малой Азией. Через Побужье и южное Приднепровье шли связи с Крымом и Турцией вплоть до Кавказа. В силу особенного оживления Галицко-Волынского торгового пути на восток галицкие города становятся видными торгово-промышленными центрами, сравнительно рано добивающимися самоуправления. Временное падение торговли по юго-восточной магистрали, вызванное гибелью Царьграда, скоро сменилось восстановлением старых связей и новым расцветом городов-посредников. Среди них особенно выделялся расположенный на перекрестке дорог Львов.[3]

Оживляются и восточные области. Оправившись от татарского разорения, Надднепрянская Украина, вошедшая в состав Литовского княжества, с начала XV в. также развивает торговые и культурные связи с Востоком. Подобно западноукраинским центрам, но несколько позднее получивши Магдебургское право, Киев, напр., не только приобретает значение важного транзитного пункта, но и славится своими собственными изделиями, в том числе ювелирными, которые далеко проникали на Восток.

---

[1] В. А. Верещагин. Старый Львов. Пгр., 1915, стр. 50—54. — К. В. Шероцкий, Киев, 1917, стр. 265—266. — Г. Павлуцкий. Главы XVII и XX тома II «Истории русского искусства», под ред. И. Грабаря.

[2] А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Востока. Л., стр. 50—54.

[3] В. Пичета. Историческая судьба Западной Украины и Западной Белоруссии. «Историк-Марксист», 1939, № 5—6, стр. 80—89.

Эти живые связи с Востоком не могли не оставить глубокого следа в народном искусстве России и Украины. Несколько примеров. Как в среднерусском ткачестве, так и в украинском (особенно в западных областях) распространена техника ручного коврового перебора, издавна известная всему Ближнему Востоку, в том числе казанским и крымским татарам. При национальном своеобразии коврового ткачества у русских, украинцев и татар в отношении рисунка и расцветки, их изделия обнаруживают некоторое сходство, что объясняется общим источником происхождения (рис. 14).

Но русским и украинским народным ткачеством были освоены не только техника ручного коврового перебора, но и некоторые мотивы восточного узора, причем оба народа проявили удивительное единообразие в их отборе. К таким относится, напр., орнамент из стреловидных фигур. В русской набойке и ткачестве он известен под именем «дорог» [1] и распространен от северного края (см. на рис. 15 ткань полотняного переплетения Архангельской обл.) вплоть до среднерусских областей (см. на рис. 15 рязанский конец полотенца ручного коврового перебора). Точно такие же стреловидные мотивы повсеместно наблюдаются в украинских тканях, в том числе на галицких ковровых изделиях из Коломыи (рис. 16).

Очевидно, этот пришлый мотив не противоречил привычной геометрической декорировке и поэтому еще в более схематизированной, четко ступенчатой или прямолинейной редакции (в противоположность расплывающемуся рисунку на Востоке) ассимилировался в наших тканях.

Эта геометризация народным ткачеством вошедших извне мотивов особенно ярко проявляется в украинских коврах, изготовление которых к XVIII в. широко распространилось в массах.[2]

Многообразие видов украинских ковров, различающихся рисунком, расцветкой и композицией узора, объясняется исследователями различными источниками влияния для каждой местной школы. Называются Иран (для так наз. центральной группы килимов), Средняя Азия (главным образом для Левобережья), Малая Азия и Закавказье, особенно Армения — для юго-запада Украины, связанной с Молдавией и Балканами, даже Восточный Туркестан — для Волыни.

Но криволинейные растительные узоры восточных ковров нашим народным искусством были восприняты весьма своеобразно. Преобладание в украинском, равно как в русском и белорусском ковроткачестве геометрических построений заставляет жестко ограничить выводы о зависимости его от восточных образцов. При наличии таковой, народные мастера в большей мере следовали своей художественной традиции, нежели усваивали чужеземную. Уделявший особенное внимание восточным истокам ковроткачества Украины Б. Г. Крыжановский признал, что «в собственно народных слоях были распространены, повидимому, только очень стилизованные цветочные килимы и последующие стадии геометризации их, а также мелкогеометрические килимы. На ряду с ними очень часто встречались килимы со звездчатым рисунком, всегда счетным».[3]

Особо строгая геометризация растительных мотивов наблюдается в килимах южных и западных областей Украины, а особенно в Гуцульщине, где орнамент ковров и ковровых тканей состоит из неизобразительных прямолинейных построений (рис. 17). Та же особенность свойственна и волынским

---

[1] Н. Н. Соболев. Набойка в России, М., 1912, стр. 31—34, 41—44.

[2] А. Заремб ский. История и техника тканья украинских килимов. Матер. по этнографии, т. III, Л., 1926, стр. 1—7.

[3] Б. Г. Крыжановский. Орнамент украинских и румынских килимов. Матер. по этнографии, т. III, стр. 29.

Рис. 14. Образцы волынского ткачества ковровым перебором (Гос. Русский музей, Ленинград).

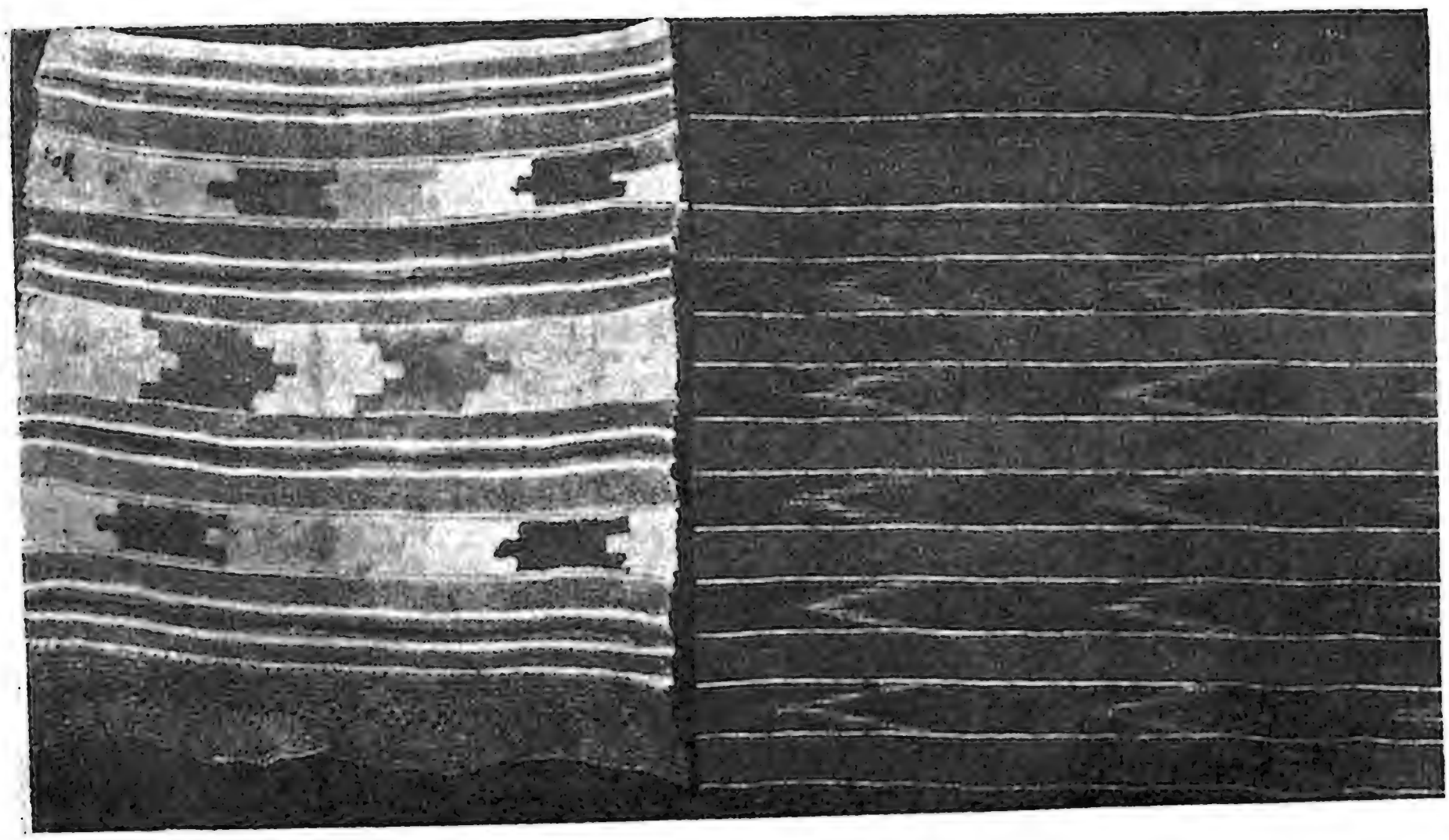
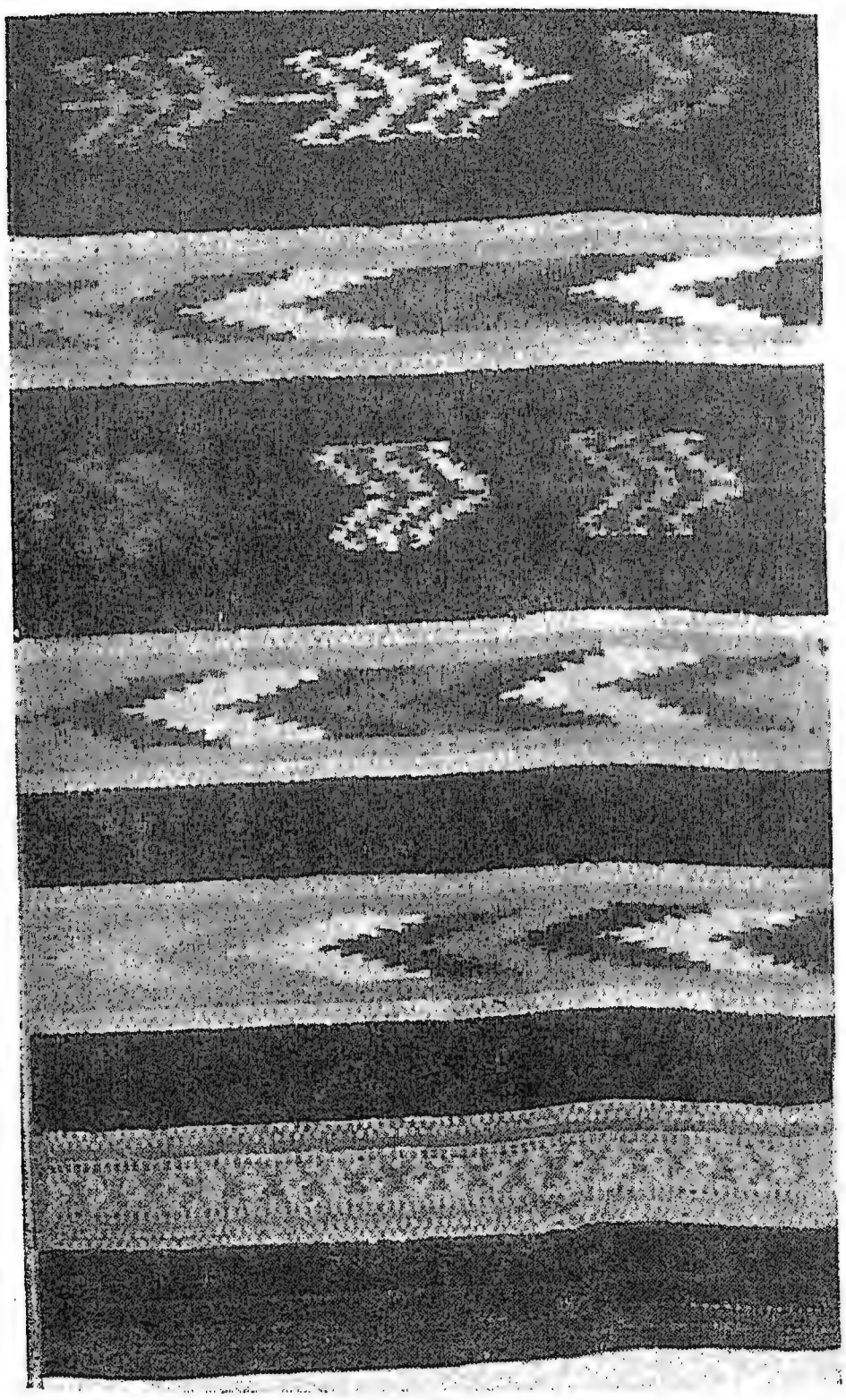
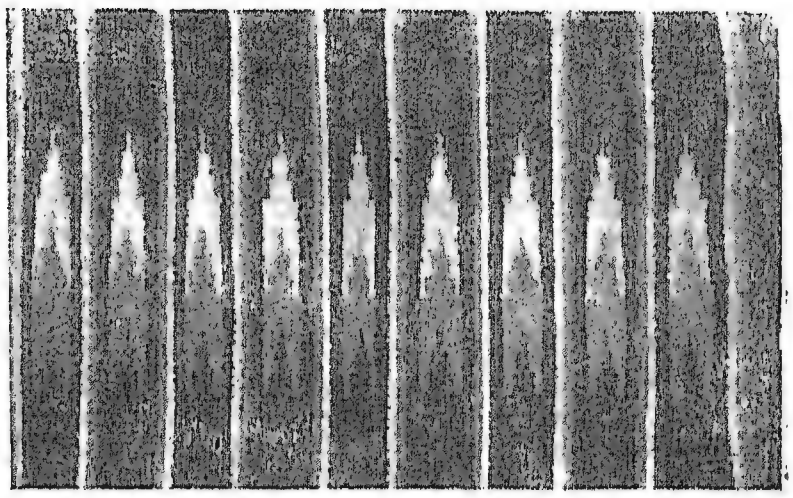


Рис. 15. Узор «дорог». Рязанский конец. Архангельская ткань.

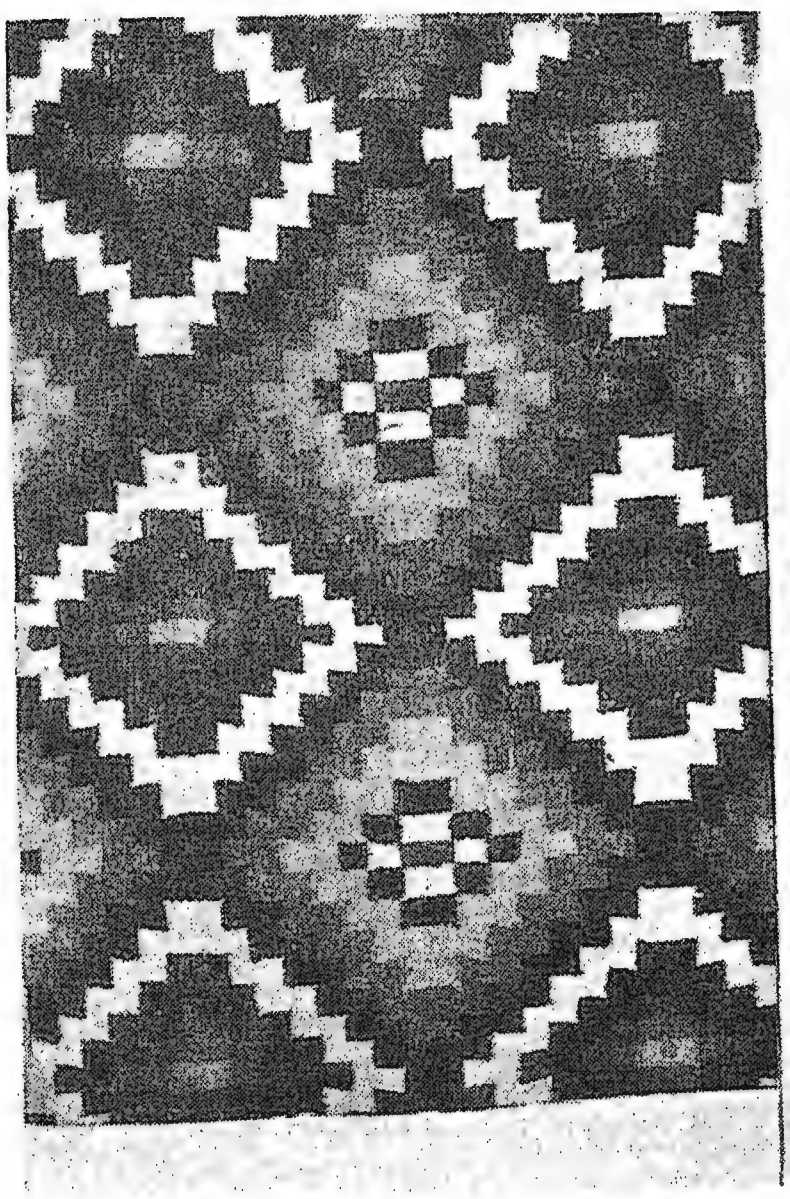


а

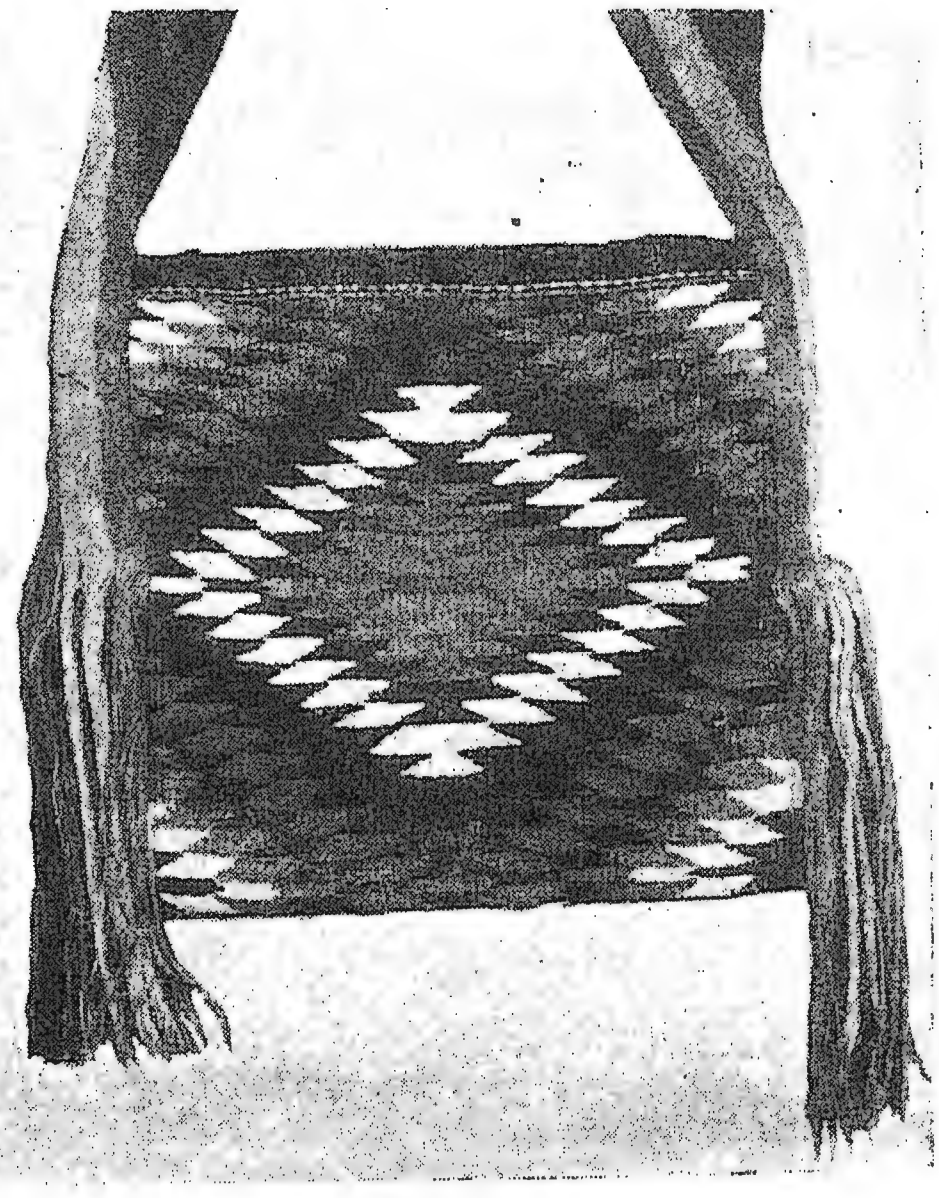


б

Рис. 16. а) Верет (Коломыя), 1914 г.; б) часть коврового лижника, 1905 г. (Гос. Музей этнографии, Ленинград).



а



б

Рис. 17. а) Часть килимка; б) тейстра-торба (Галиция, 1904 г.; Гос. Музей этнографии, Ленинград).

килимам, в которых растительные мотивы схематизируются до рядов розеток и ромбов (рис. 18).

В соседящих с Волынью областях Белоруссии народное ковроткачество также отличается строго-геометрической декорировкой (вспомним приведенный гродненский ковер, рис. 1) и в тех же художественных нормах обнаруживается даже в Ленинградской обл. В Островском районе, на ряду с изготовлением цветных льняных покрывал в косую шашку с заполнением звездами и другими мотивами прямоугольного рисунка, ткутся (редко, правда) двусторонние сшивные ковровые покрывала с узором из ромбов и стреловидных зубцов (рис. 19).[1] Точно так же в русских безворсовых коврах Воронежской обл., напр., из Урыва, доминирует геометрический орнамент из ромбов и розеток, схожий с ковровым украинским, особенно с волынским, по расцветке (рис. 20).

Итак, общая традиция не только удержала украинских и русских, равно и белорусских, мастеров в нормах строго-геометрических построений декорировки ковров, полотенец и поясов, но вызвала одинаковый отбор мотивов, узора. Технические возможности ткачества, определяющие его прямолинейную структуру, обусловили в нем особенную стойкость традиции народного искусства.

Вышивка оказалась в этом отношении более гибкой. На смену швам прямыми стежками явились свободные несчетные швы, приспособленные к криволинейному рисунку. В России — главным образом тамбурный шов, издавна известный Ближнему Востоку, в том числе Крыму,[2] на Украине, на ряду с менее привившимся тамбуром, — так наз. «рушниковый шов».

К этим швам в России и на Украине присоединилась гладь. Гладь представлена высокой техникой шитья цветными шелками, золотом, серебром и более простой, самобытной крестьянской.[3] Приводимая украинская гладьевая вышивка XVII—XVIII вв. цветными шелками и серебром относится к так наз. «старокиевскому» шитью, более всего применявшемуся в украшениях облачений. Из прихотливо изгибающегося стебля вырастают своеобразные листья и цветы, которые размещены по принципу равновесия (а не строгой симметрии) красочных пятен. Характерна подача цветка в вертикальном разрезе, позволяющая видеть его пестик и часть лепестков, т. е. в манере изображения тюльпанов, гиацинтов, шиповника, гвоздики и плодов граната на художественных тканях и фаянсах Ирана и Османской Турции XVI—XVII вв. (рис. 21, а).

Слияние этой декорировки Востока с началами ренессанса-барокко представлено на другом образце старокиевской глади. Здесь поданные в восточной манере раскрытые цветочные чашки и вертикально рассеченные тюльпаны и плоды, к которым добавлены вишни, уложены в систему так наз. волнистого «побегуна» (рис. 22).[4] Иногда эти цветочные мотивы даются вазоном, который произрастает из корзины или вазы, как показано на русском костромском образце (рис. 23).

Все эти системы декорировки одинаково свойственны русскому и украинскому шитью, что не исключает национального своеобразия каждого. Для украинского шитья особо характерным является, напр., большее разнообразие растительных мотивов и особенное пристрастие к мотиву виноградной лозы; для

---

[1] Л. Динцес и К. Большева. Народные художественные ремесла Ленинградской области. Советская этнография, т. II, Л., 1939, стр. 134.

[2] Н. А. Чепурина. Орнаментное шитье Крыма. М., 1938, стр. 40—42.

[3] Ф. Волков. Там же, стр. 319, — Украинское народное творчество, сер. III, вып. 1, 2, СПб., 1912, стр. 25—26. — Орнаменты украинской народной вышивки, Полтава, 1900, стр. 5—6.

[4] Українські взори XVIII віку. Вип. 1—2, Київ, 1909—1912. — Мотивы малороссийского орнамента, Полтава—СПб., 1907. — Н. Самокиш. Мотивы украинского орнамента, СПб.

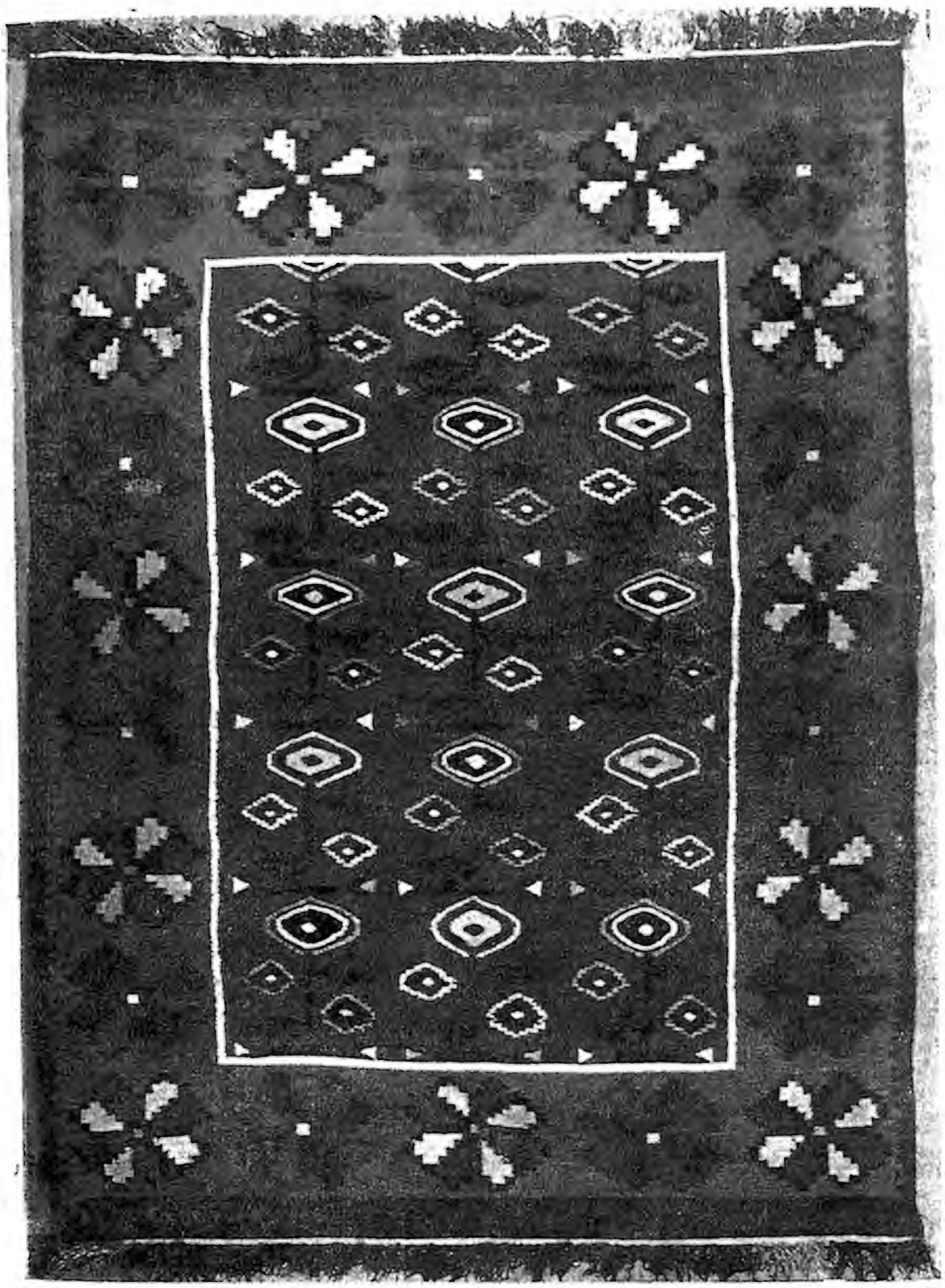


Рис. 18. Волынский килим (Гос. Русский музей, Ленинград).

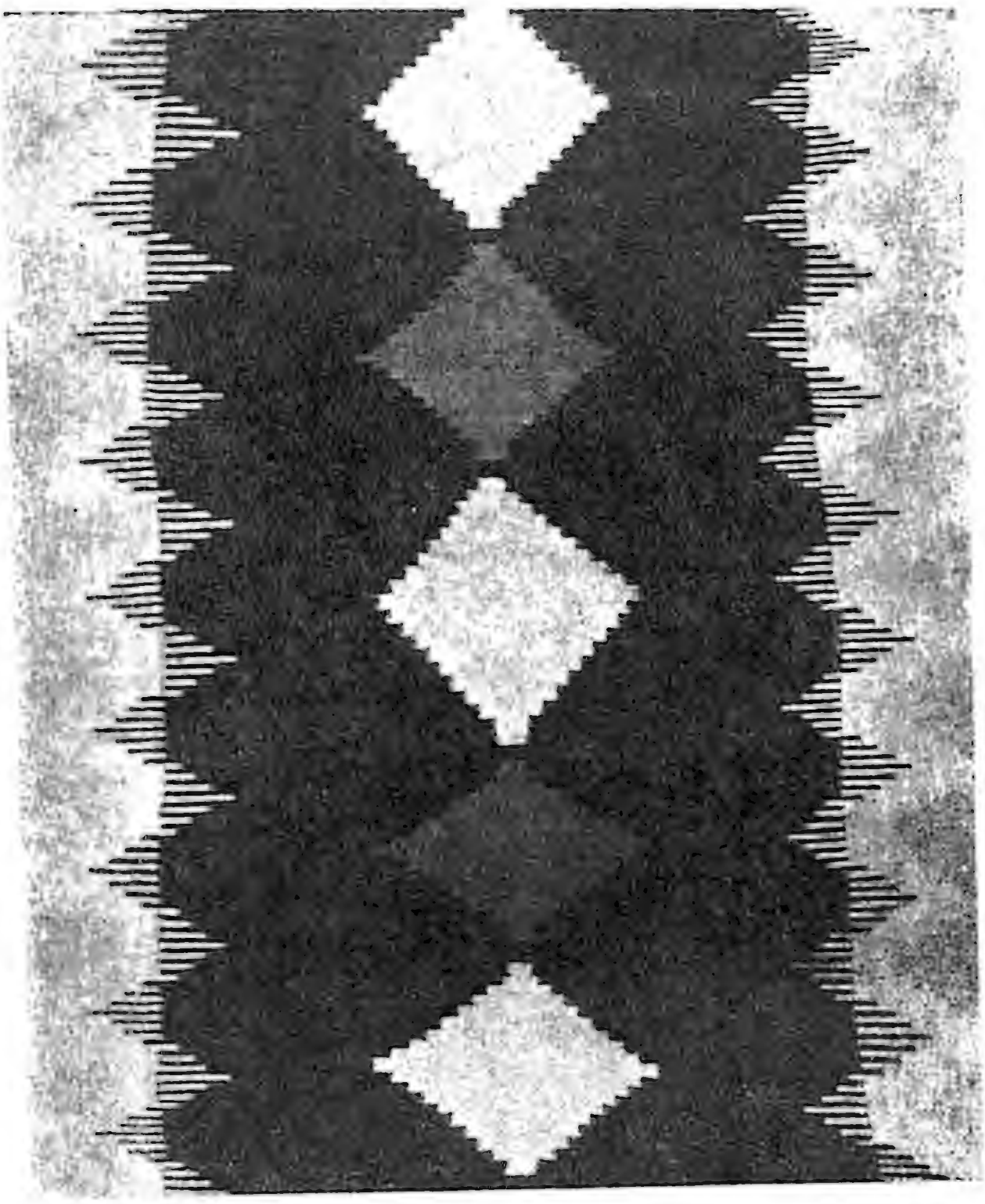


Рис. 19. Ковровое покрывало (Ленинградская обл.).

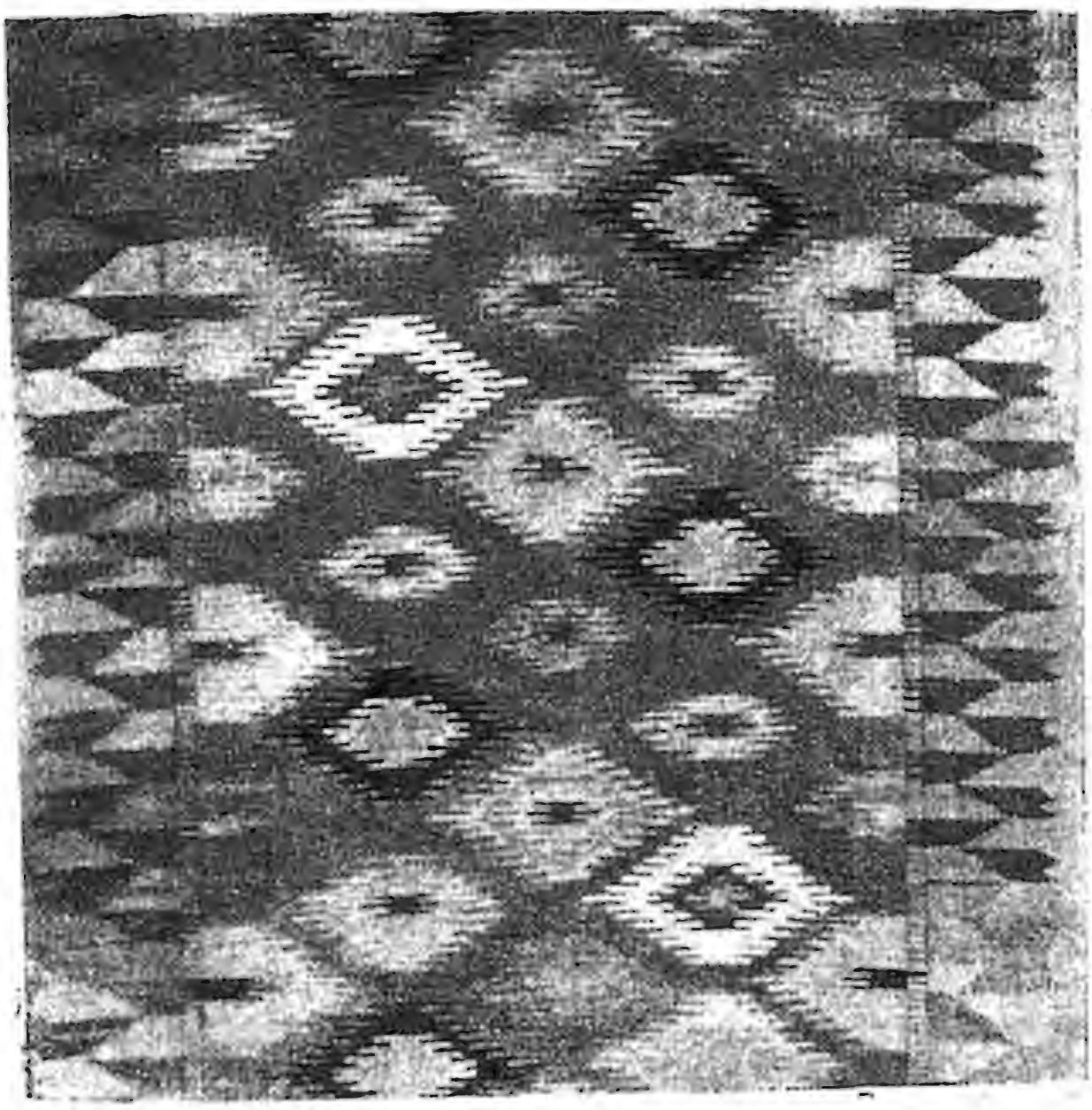


Рис. 20. Ковер (с. Урыв, Воронежской. обл.).

Рис. 21. Вышивки Киевщины.

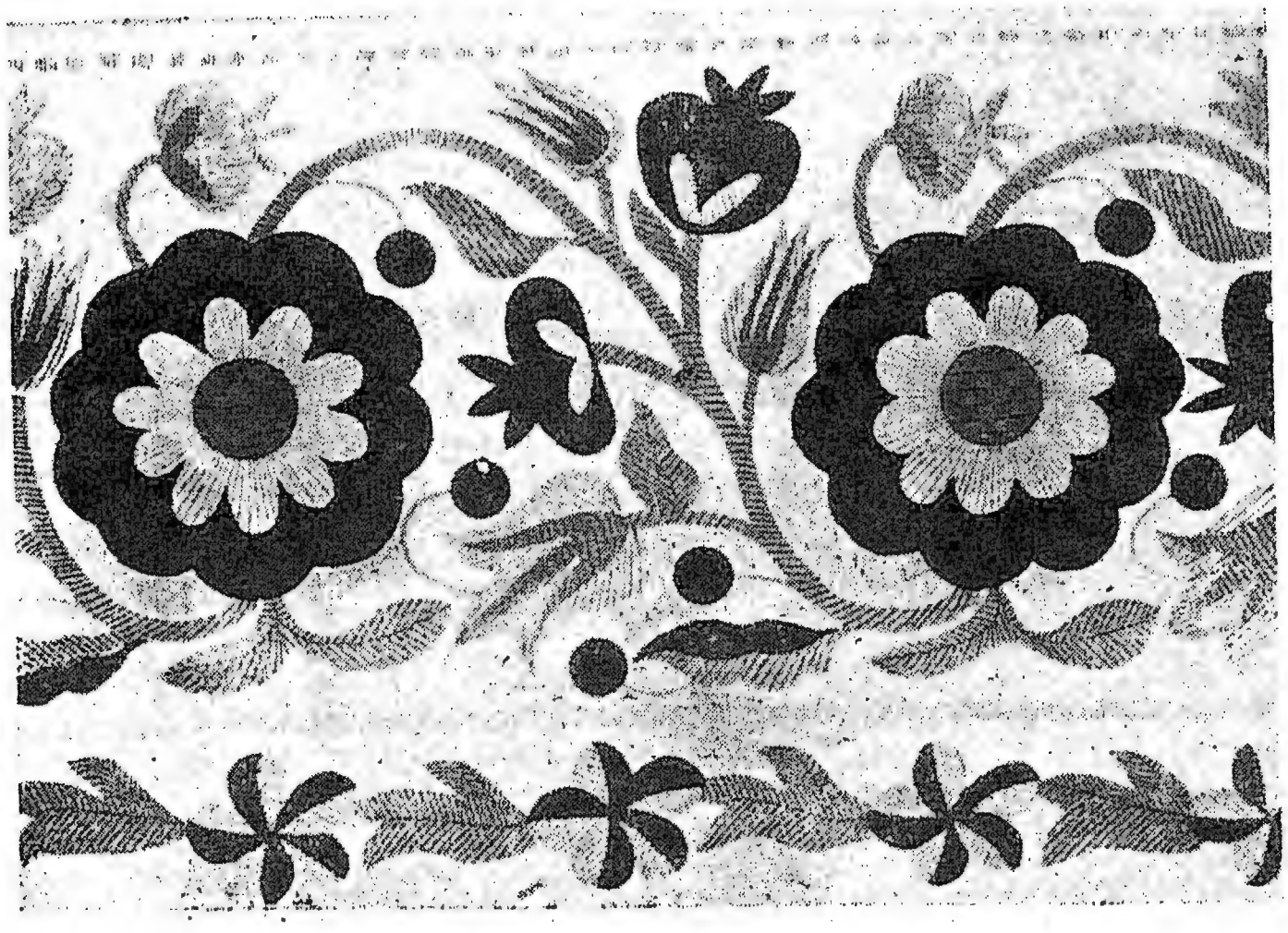


Рис. 22. Старокиевская гладь.

русского шитья гладью и по перевити — включение в акантовую систему узора таких фигур, как коронованные фениксы, сирины, стрельцы-кентавры и т. п.

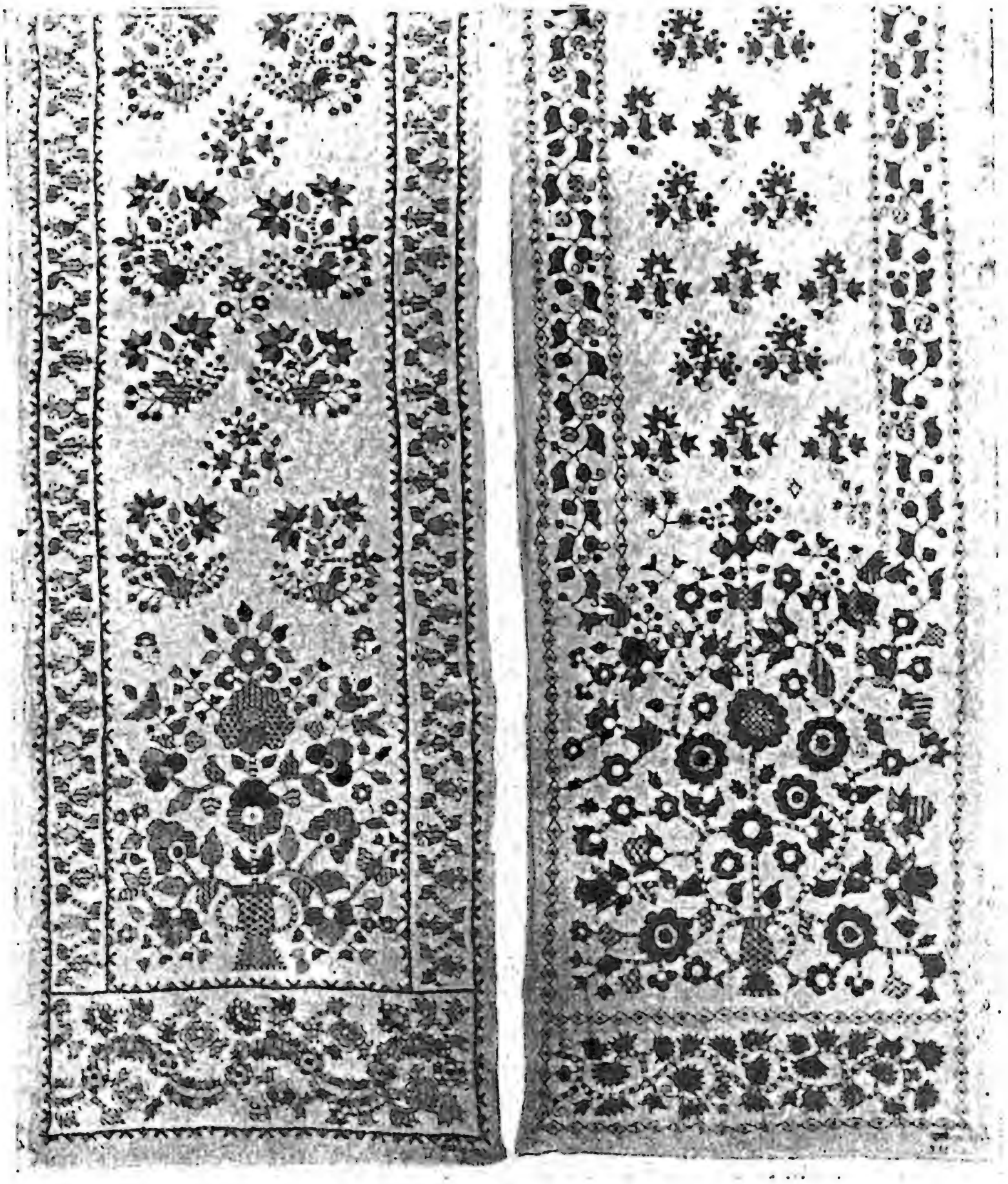
Того же содержания узор был широко разработан народным искусством, в котором он принял особо характерные формы. Приводимая вышивка красной заполочью (Киевщина) изображает цветочную ветвь, которая по своим мотивам несколько напоминает первый образец старокиевского шитья, но трактована

Рис. 23. Конец полотенца (Кострома).

совсем по-иному (рис. 21). Народная переработка прежде всего сказалась в плотности компановки и в общем прямом абрисе вазона, который согласован с прямоугольной тканью. Традиция построения растительного мотива в виде оси-ствола с симметрично отходящими ветвями, с цветами или плодами, привела к выпрямлению главной оси и зеркальности расположения ветвей. Сложная многолепестковость, выявляемая цветным оттенением, свойственная цветам старокиевской глади, здесь отсутствует. Цветы обращаются как бы в плоский лист, оживленный разрозненными лепестками гвоздики-василька. Зубчатый узкий лист принимает вид уплощенного жгута, а изображение цветка чашкой перевоплощается в розетку, по традиции помещаемую по средней оси композиции. Уплощенная растительная фигура лишена какой бы то ни было модели-

ровки и оживляется чередованием сплошной зашивки отдельных частей и заполнением их в решетку или шашку.

Подобную же переработку мы видим на черниговском «килковом», т. е. развешиваемом на «килок», рушнике (рис. 24,а). Края рушника обрамлены волнистым цветочным стеблем, превращенным в «повитыцю» — вьюнок, либо в своеобразный извивающийся жгут с примыкающими к нему цветами и листьями.



а *б*

Рис. 24. а) Черниговский рушник; б) курский рушник.

По узкому краю этот жгут трактован как цепь так наз. восточных «огурцов», обращенных в разные стороны. Вазон еще в большей мере, нежели на киевском образце, переработан по-народному и помещен в вазу характерного рисунка, с большими по-барочному изогнутыми ручками и увеличенным колоколовидным поддоном, который невольно вызывает в памяти традиционную подставку в архаических изображениях древа. Выше вазона по рушнику разбросаны симметричные кусты с обращенными друг к другу коронованными птицами.

Фигуры фениксов более свойственны русской вышивке; на полтавских килковых рушниках, отличающихся от черниговских двуцветностью вы-

шивки, птицы, помещаемые у основания вазона, либо на ветвях, не коронованы.[1]

Аналогичные черниговским курские рушники (рис. 24б) могут с достаточным основанием быть объяснены как продукт влияния украинской вышивки на русскую. Но широкое распространение и в среднерусской и в северной народной вышивке узоров того же характера, вроде приводимого, тамбурного на полотенце из Подпорожского района Ленинградской обл. и строчевого по вырези с тамбурной обшивкой на переднике из Прионежья (рис. 25), позволяет курские и черниговские килковые (а по-русски — спичные)[2] рушники считать промежуточным звеном между русской и украинской народной вышивкой, которая творчески использовала и слила декоративные мотивы Запада и Востока.

При большом разнообразии местных видов этой декорировки на Украине и в России, в ней повсеместно в одном направлении разрешается форма каждого мотива и всего построения. Эти качества в конечном счете обусловлены общностью древней традиции изобразительной вышивки обоих народов.

Западные области Украины, как уже указывалось, более всего развили в вышивке традиционные геометрические построения. Но и здесь мы находим примеры растительной декорировки, аналогичные украинской надднепрянской и русской. Приводимая гладьевая галицкая вышивка на поручах (рис. 26) по строго-симметричному плоскостному построению вазона и розеточной, рассеченной по вертикали трактовке цветочных мотивов без оттенений близка к народным образцам шитья на гуцульской верхней одежде. Исполнена эта вышивка на поручах в характерной западноукраинской расцветке — черным, желтым, голубым и белым шелками.

Широкое применение этот узор нашел в росписи поливенной керамики Гуцульщины (из Косова, Кут и Пистиня), которая была освоена гуцулами лишь в конце прошлого века, но быстро приобрела специфически гуцульский облик (рис. 27). На приводимом кувшине работы известного пистиньского гончара Петра Кошака 1904 г. основным является узор побегуна с характерно-рассеченными по вертикали тюльпанами.[3] В росписи второго уплощенного сосуда-чутры, того же мастера, среди растительных ветвей помещается олень, не в условно-декоративной, а подлинно-реалистической трактовке.

Наличие в гуцульской росписи изображений зверей, птиц и целых жанровых сцен рядом с декоративно-растительными мотивами чрезвычайно показательно. Творческое использование народными мастерами пришлых мотивов было явлением, лишь сопутствующим основному — разработке образов реальной живой действительности.

На приводимых расписных кафлях Гуцульщины этот самобытный процесс представлен в различных вариантах (рис. 28). В одном случае мастер применил традиционную систему парного размещения птиц и зверей по сторонам симметричного растительного мотива. Но лаконичная и вместе с тем вполне исчерпывающая характеристика в целом, а не в отдельных признаках, животных и птиц, которые даны в движении, не нарушающем общего ритмического соответствия отдельных частей композиции, далеко оставляет за собой схему древних фигур. Вазон строится из мотивов, частично почерпнутых народным искусством извне, но полное изживание в них декоративной условности и приближение к наблюденному в действительности делает эту фигуру жизненно убедительной. Кафли с фигурами льва и петуха особо выразительны по меткой фиксации народом

---

[1] Украинское народное творчество. Сер. III, Женские рукоделия, СПб., 1912, 1913, вып. I, рис. 36, 42, 43, 46; вып. II, рис. 22, 30, 48.

[2] То-есть развешиваемые по стенам избы на спицах.

[3] В. Шухевич, ук. соч., т. IV, стр. 271—272.

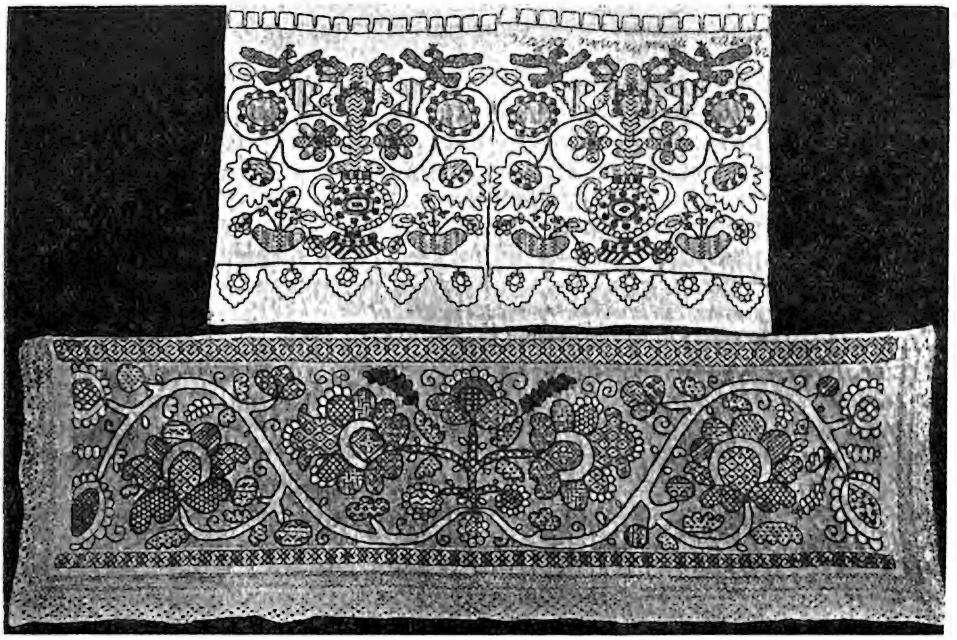


Рис. 25. а) Концы полотенца (Ленинградская обл.); б) край передника (Прионежье).

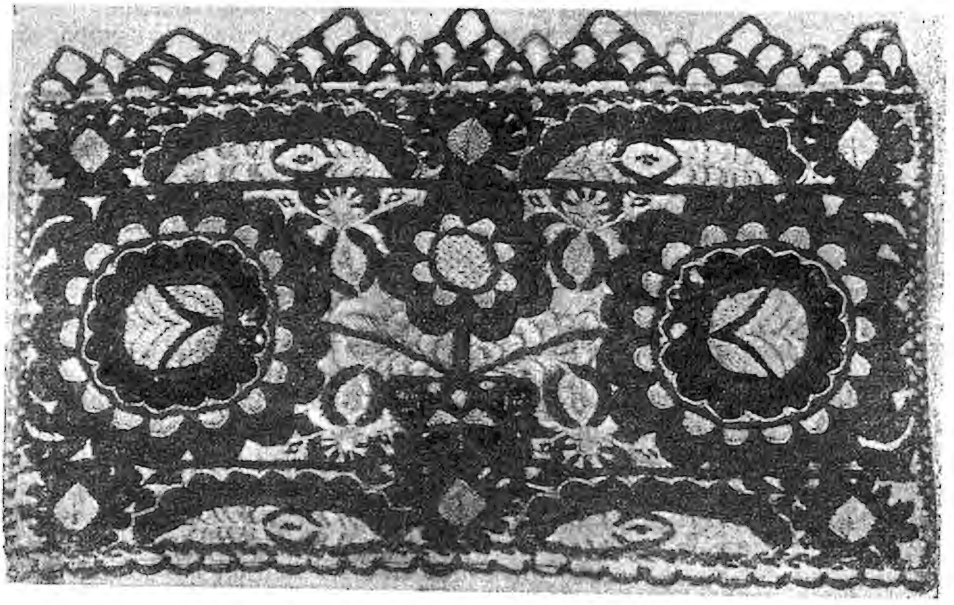


Рис. 26. Вышивка шелком (Галиция; Гос. Русский музей, Ленинград).

образа в целом. Это осуществляется компактным плавно текущим рисунком и яркой, вовсе не натуралистически-точной расцветкой, усиливающей основное содержание, вложенное мастером в изображение.

Однако этот новый творческий метод осуществляется не в разрыве с прежней народной художественной традицией. Освобождение последней от схематичности, но и сохранение таких ее качеств, как остроты и лаконичности характеристики и архитектоничной слаженности, при обогащении новыми графическими и живописными средствами — определяют переход от примитивного народного реализма к новой реалистической форме. Яркий пример такой новой свободной композиции — кафля на сатирический народный сюжет с персонажем прошлого века.

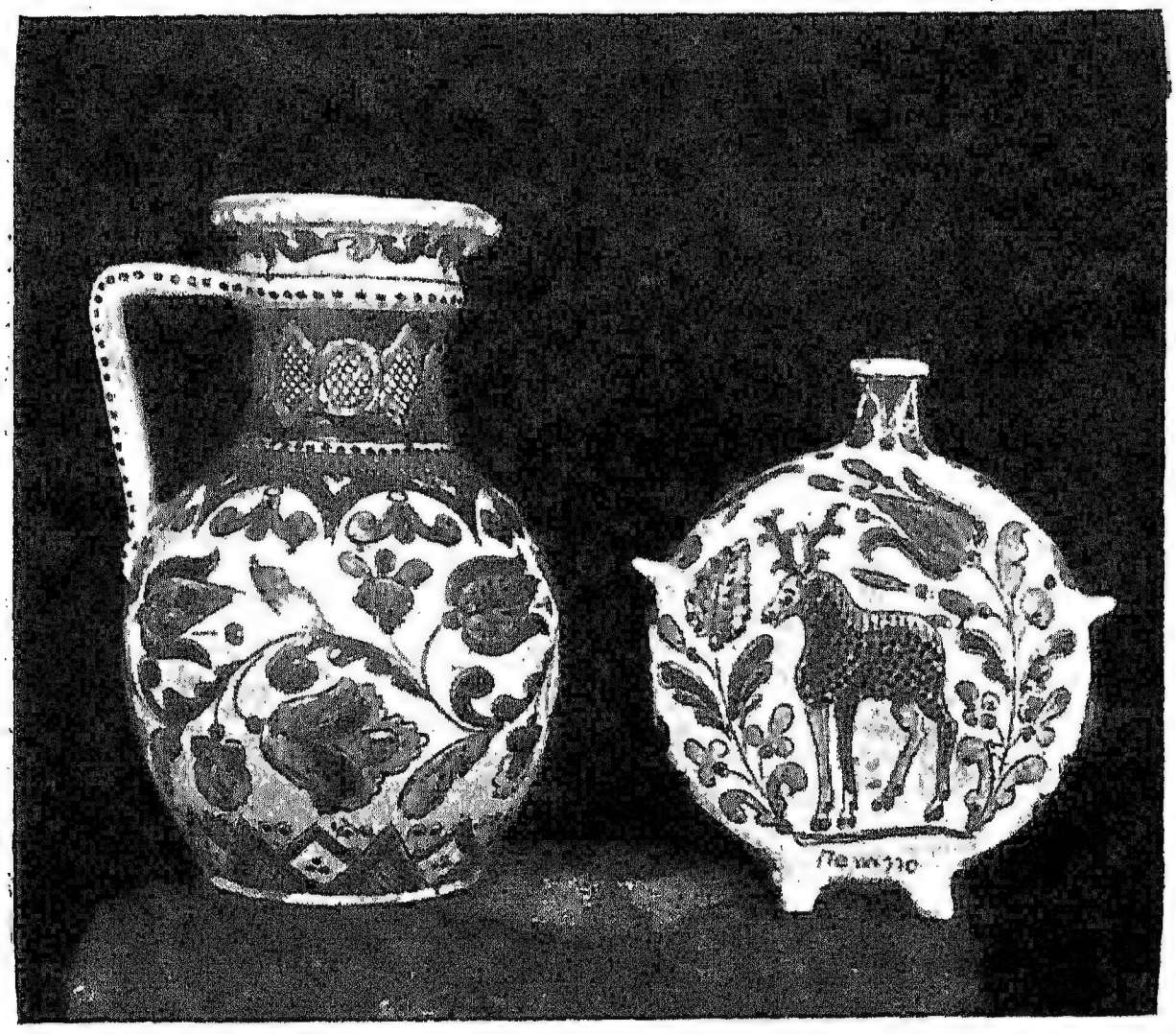


Рис. 27. Збанок и чутра, работы Петра Кошака, 1904 г. (с. Пистинь, Гуцульщина; Гос. Музей этнографии, Ленинград).

Можно было бы привести из русского и украинского народного искусства множество такого же порядка явлений, определяющих процесс перехода от древних традиционных форм к новым. Если, напр., известная опошнянская керамика, опекаемая в прошлом земством, сравнительно недалеко ушла в своей росписи от узоров, взятых из старокиевских, то в росписи поливенных сосудов прошлого века из южной Черниговщины (Ичня, Нежин) представлены живые образы птицы, зверя и растения, а в ичнинских крестьянских кафлях — жанр, аналогичный гуцульским изображениям, но отличающийся некоторыми местными особенностями исполнения.[1]

Рис. 28. Гуцульские кафли.

[1] Е. Спасська. Кахлі Чернігівщини. Київ, 1927, стр. 21—23. — М. Фриде. Гончарство на юге Черниговщины. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 52—58.

Точно так же в русской росписи по дереву (народная роспись керамики в России не получила большого развития) можно указать на северодвинскую школу, в основном использующую декоративные мотивы XVII в., но вкрапливающую в них отдельные жанровые изображения, и более позднюю типично-жанровую роспись Поволжья, начиная с прялок со сценами чаепития вплоть до отдельных фигур и свободных жанровых сцен работы современного мастера Мазина.

Обе эти русские школы росписи, при всей их разнотипности, определяются не столько отказом от традиционного строя, сколько определенной степенью формального и сюжетного его обогащения и обновления, т. е. теми же качествами, что и разнообразные школы народной росписи на Украине (в том числе и настенной).

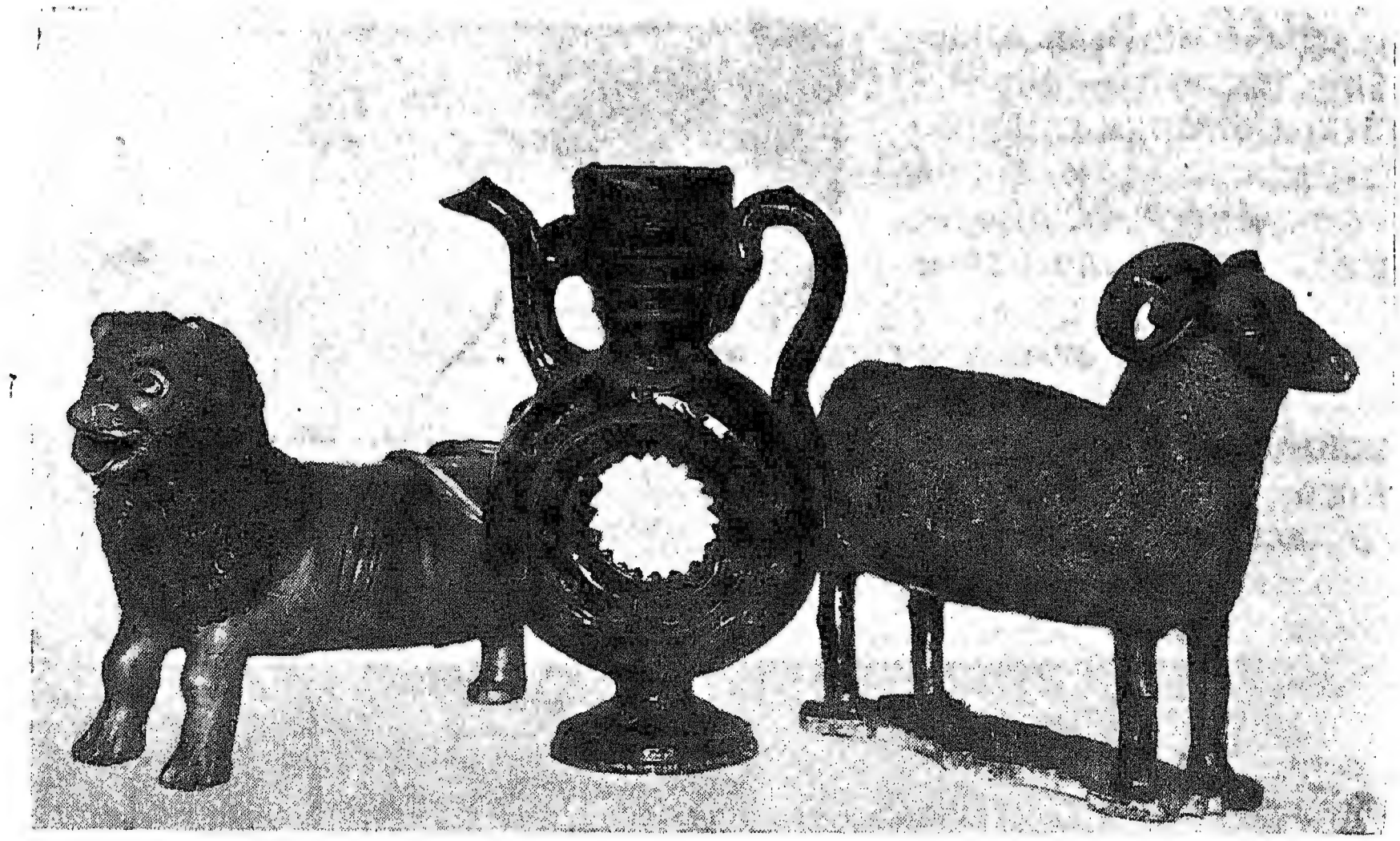


Рис. 29. Керамические изделия скопинских гончаров (Рязань).

Обусловленное общностью культурной основы единообразие формотворчества русского и украинского народов определило не только близость их древних изобразительных форм, но и однотипность разрешения ими в последующие времена ряда проблем, которые кратко, насколько позволили рамки очерка, были охарактеризированы на примерах, наиболее типичных. Тесные культурные связи между братскими народами, естественно, способствовали этой близости. Но вызванные течением исторических событий периоды разобщенности не могли ее ослабить.

Так, напр., в народной керамике Украины и Средней России одинаково представлены формы XVII в., пришедшие с Востока и Запада (рис. 29). Кумане-квасник и фигурный сосуд в виде льва были освоены как русскими, скопинскими и гжельскими, так и украинскими гончарами, которые одинаково внесли в эти формы свои традиционные качества монументальной слитности. Народная лаконичность образа сближает украинских и русских керамических львов, а также фигурные сосуды в виде баранов, совершенно самостоятельно сконструированные украинскими и русскими гончарами. Точно так же в прошлом веке на Полтавщине и в Вятке (ныне Киров), при всех местных отличиях,

была переконструирована в одном направлении древняя форма народной керамической игрушки в жанровую, и т. д.

Эта близость изобразительного искусства русского, украинского, равно как и белорусского народов, на ряду с такою же близостью в других проявлениях народной культуры, была одним из основных стимулов развития идеи свободного воссоединения трех братских народов. В течение веков отторгнутые от России и Украины народы западноукраинских областей с особенной настойчивостью отстаивали свою культурную самобытность от попыток поработителей уничтожить либо присвоить ее себе. На Народном Собрании Западной Украины крестьянин из с. Космач Коломыйского района Станиславской обл. тов. Гаврищук, вспоминая о годах панской кабалы, говорил: «Нас водили в Варшаве, как диковинных зверей, но. . . не думали о том, что мы живем в курных избах. Власти хотели ополячить гуцулов, потому что они славятся своей знаменитой резьбой, вышивками, но им не удалось этого добиться. . . — Не хочу быть подпихачем панским! — воскликнул в конце своей речи молодой гуцул. — А хочу, чтобы передали нас матери нашей Советской Украине!

— Так будет! — тотчас откликнулся зал».[1]

«Сбылась мечта поколений, — писал другой депутат Народного Собрания, проф. Студинский, занимавшийся изучением истории связей Западной Украины с Великой Украиной и Россией и за это одинаково преследуемый польскими жандармами и изменниками украинского народа. — Почти шесть столетий тому назад Польша захватила Западную Украину. ... Тем не менее. . . Западная Украина жила всегда той же культурной жизнью, что и другие украинские земли. . . И не кованному сапогу польского шляхтича было раздавить это чувство единства, эту традицию культурного общения и кровную связь».[2]

В одном великом горниле культуры Киевской Руси выковывалась творческая мощь России и Украины. И память об этом одинаково сохранил русский народ, тепло вспоминавший в былине о Дунае Ивановиче, о «славном Волынце, Красном Галиче», и галицкий народ:

К руськой моей крови большу любовь чую.....
Пока дух во мне живет, буду ворожити,
Должны руськи молодцы Русчизну любити.[3]

Народ западных областей Украины, веками отстаивавший свое национальное достоинство, стойко оберегал свое слово, свою песню и свое изобразительное искусство от преследований и посягательств полонизаторов. И в день открытия Народного Собрания народное слово и народное искусство мощной волной влилось в освобожденную столицу Западной Украины. «С утра, — рассказывает очевидец, — на улицах Львова появились группы прибывших из сел украинских депутатов. Никогда не ходило по центральным улицам этого чинного города столько украинцев-крестьян в праздничных национальных костюмах. . . В зале театра пестрая красочность депутатской массы казалась еще более праздничной. Девушки и женщины в расшитых сорочках, хлопцы в рубахах, как ковер. . .» [4]

«Только теперь на освобожденных навеки землях Западной Украины расцветет настоящая большая, подлинно народная украинская культура, о которой

---

[1] Евгений Петров. Народ решает свою судьбу (Корр. ТАСС, Львов, 27 октября 1939 г.).

[2] К. О. Студинский. Сбылась мечта поколений. Газ. «Советская Украина», № 246, от 26 октября 1939 г.

[3] Б. Д. Греков. Киевская Русь. Л., 1939, стр. 7—9. — Его же. Древнейшие судьбы Зап. Украины. Новый мир, 1939, № 10—11, стр. 256. — Я. Ф. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, ч. III, М., 1878, стр. 257.

[4] П. Павленко. Речи как присяга. Ц. О. «Правда», 27 октября 1939 г.

мечтал, за которую боролся в мрачные годы черной реакции мой отец Иван Франко», — писал депутат Народного Собрания Петр Франко.[1] Залог этого расцвета не только в том внимании, которое наши партия, правительство и общественность уделяют достижениям народного гения, как бы далеко они не уходили в прошлое, но и в новом источнике их обогащения. «На наших глазах, — отметил В. М. Молотов в своем докладе, — идет не только подъем национальных культур, но и сближение этих культур между собой».[2]

На примере современного народного искусства Надднепрянской Украины мы видим, как в русле нового социалистического содержания оно обогатилось не только новыми образцами живой и счастливой действительности, засверкало новыми ритмами и красками на основе прежних достижений, но еще более расширило свои возможности путем творческого использования искусства братских народов. Так, напр., в последних работах мастеров народной росписи Надднепрянской Украины, при всей их национальной специфичности, налицо творческое использование лучших образцов хохломской росписи и декоративного искусства братских восточных республик.

Нет сомнения, что исключительно одаренный народ западных областей Украины, пронеся через столетия гонений свое искусство и войдя в семью народов Советских Социалистических республик, доведет его до того расцвета, который возможен лишь в нашу эпоху, эпоху Сталина.

Март 1940 г.

Résumé

L. Dintzes

La communauté historique de l'art populaire russe et ukrainien

La communauté de l'art populaire russe et ukrainien procède de l'unité de leur origine slave orientale ancienne. Les mêmes images et motifs d'ornement géométrique se sont conservés dans les broderies et les tissus (fig. 1, 2, 5—8), la plastique (fig. 3), la menue sculpture sur bois (fig. 4) et la peinture ornementale populaires en Russie et dans l'Ukraine orientale et occidentale, de même qu'en Biélorussie.

Ces formes populaires sont entrées en interaction avec les formes féodales de la Russie en général, se sont enrichies par elles (fig. 10, 11), et à leur tour les ont très fortement influencées sur tout le territoire de l'état de Kiev. Lorsque celui-ci se morcela, il y eut formation particulièrement intensive de variantes locales et nationales d'ornement (fig. 12) et d'images ayant reçu un sens nouveau (fig. 13).

Dans la suite, l'art populaire russe et ukrainien utilisent dans leurs oeuvres la technique et les formes d'art du Proche Orient (fig. 14—20) et les formes de la Renaissance et du Baroque (fig. 21—26). Les formes amalgamées provenant de ces deux sources n'entrent pas en lutte avec la tradition de l'art populaire, mais se soumettent à elle tout en l'enrichissant.

Ce processus accompagnait la création par le peuple de nouvelles formes réalistes d'une valeur achevée, proches entre elles dans l'art populaire russe et ukrainien par suite de l'unité de la tradition artistique (fig. 27—29).

Le peuple défendait opiniâtrement le caractère slave oriental de l'art populaire des régions occidentales de l'Ukraine contre les attentats de ses oppresseurs. Aujourd'hui que ces régions sont entrées dans l'Union Soviétique, leur art populaire voit s'ouvrir devant lui un brillant avenir.

[1] П. Франко. Новая культура новой земли. Газ. «Советская Украина», № 246, 26 октября 1939 г.

[2] В. М. Молотов. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1939 г.

П. Г. Богатырев

Фольклорные сказания об опришках Западной Украины

В устных рассказах, которые мы подвергаем здесь разбору, наглядно показаны причины, которые гнали мирных крестьян Западной Украины в опришки: это невыносимый экономический и социальный гнет со стороны панов. В рассказах этих часто встречаем указания, что ряды опришков составлялись из дезертиров, бежавших от тяжелой военной службы.

Прежде чем приступить к анализу рассказов об опришках, я хотел бы сделать несколько замечаний об изучении фольклора вообще. Сборники сказок, в частности великорусских, украинских и белорусских, все больше и больше пополняются новыми устными рассказами самых разнообразных жанров, сильно отличающихся друг от друга и по своей форме, и по своим функциям. Полагаю, что одним из актуальных заданий современной фольклористики является определение и изучение своеобразия каждого жанра устных рассказов. Работа, проделанная А. И. Никифоровым в его статье «Народная детская сказка драматического жанра»[1], показывает, что внутри самой сказки отдельные жанры очень сильно различаются по своей форме. То же в меньшей мере можно сказать и о функциях сказок для детей. Во многом сказки для детей близко примыкают к колыбельным песням. Они так же, как и колыбельные песни, успокаивают и убаюкивают детей. Психологическое воздействие таких сказок сходно с психологическим воздействием на детей колыбельных песен.

Еще сильнее различаются между собой фантастические сказки и так наз. «былички». Уже по своей форме былички отличаются от разукрашенных эпитетами, общими местами и т. п. фантастических сказок — отсутствием этих стилистических украшений, своим языком, часто близко примыкающим к языку практическому. Но и по своим функциям былички не менее, чем своей формой, отличаются от фантастических сказок. В то время как доминантной функцией большинства фантастических сказок является функция эстетическая, во многих быличках доминантной будет функция научного повествования, в других — функция, близкая к той, какую несли хроники газет, в третьих доминантной функцией будет функция социального протеста. Каждый жанр устного рассказа требует не только от исследователей, но в первую очередь от собирателей особого подхода, особой техники записи, чтобы верно передать если не все, то, по крайней мере, наиболее специфические черты этого жанра. Так, детская сказка, например, требует точной передачи мелодии песен, вставляемых в сказку, точной передачи ритма самого рассказа. Такие сказки должен записывать собиратель, искушенный в записи песен, умеющий записывать не только текст, но и мелодию, а также чувствующий ритм сказа. Особые методы нужны и при записи быличек (подробнее об этом дальше).

---

[1] Сказочная комиссия в 1927 г. Л., 1928.

Одной из специфических черт устных рассказов, да и вообще фольклорных произведений является то, что они известны большинству, а иногда и всем слушателям. В своей книге «Народный чешский и словацкий театр» я подчеркивал своеобразие восприятия театрального представления у публики народного театра. «Характерной особенностью публики чешского и словацкого театра, — писал я, — является то, что она каждый год в определенные месяцы смотрит те же самые рождественские и пасхальные пьесы или пьесу о святой Доротее, разыгрываемую обычно в феврале. У нас такой из года в год повторяющейся пьесой был «Царь Максимилиан», по своему основному содержанию близкой к пьесе о Доротее, а также другие традиционные пьесы русского народного театра, на Украине «вертеп», у белоруссов — «бетлейка». Зритель смотрел на эти пьесы с необычайным интересом, хотя знал их все наизусть. В этом принципиальная разница между зрителем народного театра и заурядным посетителем нашего театра. Многие из зрителей нашего театра прямо упрашивают, чтобы им перед представлением не рассказывали содержание пьесы, так как они хотят пережить все перипетии пьесы, все неожиданности, которые встретятся в этой пьесе, и ее развязку. Иначе обстоит дело с публикой народного театра. Зрителей народного театра мы могли бы сравнить с теми довольно редкими страстными любителями театра, которые в своей жизни уже 20—30 раз видели «Гамлета», «Горе от ума», «Ревизора», знают в этих пьесах наизусть отдельные монологи и диалоги, помнят, как отдельные сцены играли знаменитые актеры, и вот снова в 31-й раз идут на «Гамлета», «Горе от ума» и «Ревизора», чтобы снова пережить хорошо известные им сцены. Эстетическое восприятие такого зрителя подобно эстетическим переживаниям актера, который снова и снова при исполнении пьесы переживает отдельные реплики, монологи и всю пьесу. Разница в том, что тогда как актер переживает это активно, зритель переживает пассивно. Вероятно, так же переживали театральные представления и средневековые зрители, которые с неугасаемым вниманием много раз смотрели на одну и ту же старую мистерию, хорошо им известную, с одной стороны, по прежним представлениям, с другой — по Библии и по житиям святых. Это подробное знание текста пьесы позволяет зрителям народного театра активно выступать в самой пьесе и соучаствовать с артистами».[1]

Точно так же и слушатели фольклорных рассказов отличаются от обычных читателей литературных произведений, которые боятся вперед узнать содержание и развязку, напр., романа, просят, чтобы другие, пока они сами не дочитали до конца, не рассказывали им содержание романа. Слушателям фольклорных произведений многие из этих произведений заранее известны, и их не может рассказчик поразить неожиданностью перемен в отдельных частях и развязке рассказа. Слушателей фольклора мы могли бы сравнить с теми нашими читателями, которые по десяти и более раз перечитывают «Евгения Онегина». Фольклористам не раз приходилось убеждаться, что не только сказочники, но и их слушатели хорошо знали содержание сказок. В Закарпатской Украине мне при записывании сказок около мельницы, где собралось много народа,[2] удалось констатировать, что многие слушатели без интереса слушали всю сказку, сосредоточивая свое внимание только на отдельных местах сказки, на отдельных ее деталях, и не слушали другие места. Таких слушателей сказок мы могли бы сравнить с теми любителями театра, которые тоже с неодинаковым вниманием слушают хорошо им известную пьесу, а выбирают в ней только отдельные сцены, а в опере, напр., отдельные арии, дуэты и т. п. Каждому из нас приходилось наблюдать,

---

[1] См. мою книгу «Lidové divadlo české a slovenské» (1940, Praha, стр. 62—63).

[2] В Закарпатской Украине, дожидаясь, пока придет их очередь молоть зерно, чтобы скоротать время, крестьяне, расположившись около мельницы, рассказывают сказки.

что многие из таких театралов даже уходят из театра, прослушав любимую арию или любимый монолог. Так уходили, прослушав интересующие их места, и те слушатели сказок около мельницы, которых мне пришлось наблюдать в Закарпатской Украине.

Знание сказок позволяет слушателям соучаствовать в их рассказывании, как знание народных пьес позволяет зрителям соучаствовать в спектакле. Но слушатели при слушании рассказов различных жанров по-разному на них реагируют. Фантастические сказки с их стилистическими украшениями: эпитетами, loci communes и т. п. обычно мало прерываются слушателями и в том случае, когда они эти сказки очень хорошо знают. Веселый анекдот гораздо чаще прерывается слушателями, но еще чаще прерываются былички, особенно рассказы о событиях, случившихся в родном селе. Ведь здесь каждый слушатель знает не только не хуже, но иногда и лучше самого рассказчика отдельные детали рассказов.

Итак, если при слушании фантастических сказок слушатели обычно пассивно переживают рассказывание, то при слушании быличек они активно соучаствуют в рассказывании. Былička, не стесненная рамками художественной формы фантастической сказки, легко может прерываться слушателями, дополняться или исправляться ими. Получается действительно коллективное творчество, где за фразами рассказчика вставляются фразы слушателей. Ученик проф. Шветеринка, Отто Бринкман в своей диссертации [1] печатает рассказы крестьян о местных событиях вместе с вставками слушателей. По своей форме такая запись напоминает нам драматическую сцену с участием многих лиц. Сначала начинает рассказчик А, его прерывает один из слушателей Б, потом идет опять продолжение рассказа рассказчиком А, он опять прерывается слушателем С, и т. д. В продолжение рассказа вставляют замечания то Б, то С, то Д и т. д. Такая запись, где обращено одинаковое внимание и на повествование самого рассказчика, и на все замечания слушателей, прежде всего дополняет нередко очень ценными деталями самое содержание рассказа. Ведь, как мы уже выше заметили, в рассказах типа быличек слушатели часто знают не меньше, но даже и больше самого рассказчика.

Не менее ценно фиксирование замечаний слушателей и для уяснения того, как воспринимается слушателями рассказ, пользуется ли он у них успехом или нет. Фиксирование таких замечаний слушателей помогает нам определить, в какой степени весь рассказ или отдельные его места являются высказыванием только рассказчика и в какой степени они отражают мнения и настроения всего сельского коллектива или определенной его группы.

Далее, эти замечания слушателей определяют различные функции рассказа, в частности функцию социального протеста, каковая нередко выявляется в былинках. Замечания слушателей позволяют нам установить также, как меняется социальная окраска рассказа в зависимости от состава слушателей и их реакции в процессе рассказывания.

Для определения того, какую функцию несет рассказ, очень важно также отмечать самым подробным образом интонацию, мимику и жестикуляцию рассказчика, которыми он сопровождает свое рассказывание. Ведь нередко при таких рассказах соответственная интонация, мимика и жестикуляция говорят больше, чем сами слова.

К сожалению, в имеющихся у нас в распоряжении записях об опришках из Западной Украины не отмечены ни замечания слушателей, ни интонация, ни мимика, ни жестикуляция рассказчика. Единственное, что остается нам для определения функции рассказа об опришках, это только текст самого рассказа.

---

[1] Otto Brinkmann. Das Erzählen in einer Dorfgemeinschaft. Münster, 1933.

В большинстве рассказов об опришках последние рисуются защитниками угнетенного украинского народа, и рассказы эти явно несут функцию социального протеста.

Приведем ряд высказываний, дающих ясное представление об отношении к опришкам украинского народа Западной Украины.

Хто то були опришки?

Давно ни так було, єк тепер. Давно ґаздував у днину, а в ночі пидстриг собі волосє з долини, а верхне пидєзав, забив пид крисаню тай уже стрижек. Вимастив си сажев, кріс на плечя, бартку у руки, ножі тай пістилєта за ремінь, тай готовий опришок. Пишов з хати, грабував, рано зернув си, перебрав ся, волосє розправив, тай уже ґазда. Бо жядні опришки ни грабували без зводу.

Все они имели в каждом селе знакомых и родственников, которые знали у панов все ходы и выходы. Далее говорится, что в случае, если кто-либо пострадал от пана или богача и не мог добиться законной защиты, приходилось обращаться к опришкам.

Чьоловік скривжений найде ватагу опришків, зачьне їх просити, аби опришки си пимстили на тим або тим кривдителю. Опришки си на це згодє, тай навіть тот чьоловік їм покаже на того кривдителя, та и поможе єго обграбувати.

Опришки, говорится дальше, не грабили своих людей, но только чужих панов и евреев.

А своїх грабували хиба лиш тих, опришки, котрі опришків зачьипали, або на ні доносили, або робили зводи. Люде и до сегодне згадують про опришків добрими словами. И мают їх за оборонців перед усєков кривдов. Приміром кажут: Ий коби теперь були опришки, ми би гет пригрозили Польшю, та вступили си за нашими кривдами!

Про опришків давно ни можна було ничьо говорити, анї співати. Бо скоро би хто був важив си похвалити опришків за їх добрі учєнки, або склав співанку, то зараз Юріштан, єк си дизнав, впакував у катуш на кілька років, а набив, тілько схотїв. Тимунь и до сегодне старі люде ни хотє розказувати, бо боє си, аби їм ни було єкої біди, через то усї добрі учєнки опришків пропадают серед народа через тот давний страх.

Опришки си робили ни через то, аби грабувати, а лиш через то, аби ни дати си упасти у ниволю. Бо давно заберали у ниволю всїх молодєків. Прийде ровта, обскочі хату, име, зєже молодєка и гайда до войска нїби на 24 роки, але то вже до свої смерти. Приженут до войска, зачьнут бити, а вин гайда у гори тай здизинтерує. Ховає си дизинтир лїсами, найде до себе побратимив тай иде в опришки, бо инакшего ретунку ни було. Єк би був котрий опришок важив ся сидїти в хаті, то би го имила ровта. А так, єк утече, то шо му зробє, хіба в гудзицу надують!

Опришки єк ходили на грабунки, то собі казали: Ми мусимо грабувати тих, котрі нас ловили до некрутациї, бо ми через нї ни є вилні. Опришки то були людє з Голов; в опришки ходили: Грицьо Козмин (Кознєк), Цїличюк (Кознєк), Плескун Козмивский (Кознєк), Макогин, Михайло Клям (Бойчук), Дмитро Василюків (Понипалєк), Грицьо Баган, Мішко Федю-

ків, Процьо Туманюк (Сапріянчук), Фока Туманюк (Сапріянчук) та богато других. Про опришків згадують гуцули з великим пошенованєм.

(Голови, 13 вересня, 1907, зап. Петро Шекерик-Доників).[1]

Теперь перейдем к анализу самих рассказов об опришках. Некоторые из этих рассказов всем своим содержанием несут явный социальный протест угнетенных крестьян против своих угнетателей. Как пример приведем в несколько сокращенном виде рассказ № 57 о самом популярном опришке Довбуше — «Довбуш як местник людських кривд».

Давно, єк я ще був малим хлопцем, кажут, була панщина; мусїли люди панам за пусто робити від досьвітку до ночи, а хто си трохи опізнив, не прийшов з ранку, тому давали 10 буків, тай казали лїзти на таку 8 метрів високу гору, аж на вершок тай там кукурікати.

Кукурікав до полудне, злїз — дали 10 буків, тай вілази знов, кукурікай до вечера. А на добраніч знов єму 10 буків відрахували. Так тото люди від пана терпіли, аж зібрали си, тай пішли шукати Довбуша, може би він ще єку раду дав. Шукали єго так лїсами й дебрами може в місєц, а єк знайшли, то на вколїшках лїзли до него, кресанї в руках держали та все просе: Ой пане наш Олексо, вступи си за нами, такого ми та такого лихого пана маєм.

А Довбуш (таку низеньку бесїду мав) так до них каже: Йдїт до дому, не бійте си, я там явю си, зийду. . .

Довбуш с опришками врывается к пану во двор.

Прийшли на гору до пана, а Довбуш каже: А шо, пане, будеш людий бити, заставл ти кукурікати? — Пан на колїна: Ей, пане Олексо, змилуй си, шо хочеш дам тобі, лиш даруй ми жите.

Довбуш попуджів пана тай каже: Давай ґелетку червінців. — Вінесли із пивницї. Вічерпали їх опришки у бордюги, тай забрали си. А Довбуш наказав пана: Диви си, єк будеш людей мучити та збиткувати, то я тебе ще найду, хотя бис і в Туреччину сховав си, а тогди вже инакше поговоримо! — З того часу пан инакший став.

(Зап. в Річцї Косів. пов. від Івана Пентюка Кищука, 70 літн. гуцула, Олена Кисїлевська).[2]

А вот отрывки из рассказов об опришке Туманюке.

«Туманюк ходив в опришки за гору, на Буковину, Туречіну, Волошіну тай долив». Он не грабил крестьян, а только панов и богатых купцов. «Вин казав так: Ототи пани-дерошкіри дерут усе с хлопив, но а ми мусимо брати вид них податок. . .»

Идут конкретные примеры:

За горов був тєшкий рик. Загирскі купцї волохи зибрали си тай пишли до нас за хлїбом. Накупили долив хлїба тай си вернули назад криз Голови на Шибений. Але дорогов зачьили коло Козмив пасти Козмам пашу та виробєти збитки. А Козми — то була родина опришків. Волохи-купцї пишли собі далї, а Козми пишли дати знати Туманюкови.

Розказали Туманюкови, шо загирскі волохи, єк си вертали з долу, збиткували си з них и зробили їм богато шкоди. Туманюк сказав, шо треба

[1] Володимир Гнатюк. Народнї оповіданя про опришків. Етнографичний збірник. Видае Етнографічна комісія Наукового товариства імени Шевченка, т. XXVI. У Львові, 1910, стр. 2—3.

[2] Там же, стр. 93—94.

скликати опришків тай си порадити. За пара чьисив було чьути скріз голосні фурканя в жменї: угу, угу! А до вечьиру вже си богато збігло опришків до Туманюка.

Урадили опришки пити в погоню за волохами и за то, що дорогов зачьипали людий, видобрати їм хлїб за кару. Волохи вийшли у Шибений коло озера, пид Чьорногоров и там наклали ватру, посилели конї на пашу, хлїб позмітували коло ватри тай сами посїдали коло ватри тай там си обнучювали.

Зибрало си з Туманюков двацїт штири опришки тай пишли в погоню за волохами. Понаберали собі креси, пістолета, ножі, піки так бартки и так, як сонце було вже понад захет, були всї двацїть штири опришки з Туманюком на Шибеним коло одзера.

Туманюк чів прийшов ид тий ватрі, тим таки крикнув до волохів: Дайте-ко нам ват'е, поки ми вам дамо! (вин шепелев) — тай то кажучи, вихопив пістоле тай бур у ватру. Як зачьили буркати опришкі з пістолет у ту ватру, то волохи без броду повтїкали, лишеючи усе. Як поутїкали волохи, а Туманюк сказав: Отепер беріт, шо хто тілко може узети и понести. Набрали опришки хліба, а Туманюк був такий дужий, шо узев обоє бисах, цїлий корец так, як его нїс кінь. И як узев тот корец Туманюк на топорише свої бартки, то так его знїс аж до в село на бартцї и то нїдде ни припочював.[1]

Приведу начало другого рассказа о Туманюке:

Була на Ворохтї дуже богата паня дїдичка, звали її Марусев. В тої дїдички служив оден гуцул з Жебя. Тота дїдичка була дуже погана така, шо ни могли в неї бути жедні слуги. А до того ни хотїла виплачювати плату. Тота дїдичка позбиткувала того слугу тай нагнала его гет, ни заплативши ему майже за кілька років тешкої служби анї грейцера.

Вин пишов до Мочьирнака на Ворохтї тай си ему поскаржив на ту дїдичку. А Мочьирнак каже: Иди, сараку, в Голови, там є славний ваташко Процьо Туманюк. Прийди до него, попроси его, а вин пиде и си пимсти на тий дїдиці тай заплати тобі.

Тот гуцул так зробив и Туманюк си на то згодив.

Пишов вици з Туманюками Семен Фотюк з Жебя-Магури. Прийшли Туманюки до Мочьирнаків з тим чьоловіком. Мочьирнаки сказали, шо и уни идут з Туманюками до тої Марусї. Прийшли вни до Марусї, забралі гроші, убили добре Марусю, аби вна знала, як то боліло слух та людей нивиних. Пишли вни вид Марусї, подїлили си добичьов тай си розийшли.[2]

В других рассказах отдельные замечания рассказчика, вкрапленные в рассказ, придают функцию социального протеста всему рассказу, а без этих замечаний рассказ этой функции не имел бы. Так в рассказе № 72 «Як громада зискала через Довбуша толоку» замечание: «Люди скаржили ся Довбушеви, шо їм тяжко робити паньщину тій дїдичцї, і він єї тому хотїв покарати»[3] оправдывает учиненный Довбушем грабеж помещицы. Замечание в рассказе № 44 «Молодий вік Олекси»: «На петнацїтім роцї зібрав собі Олекса легінів і пішов розбивати тих панів, шо хлопам кривду робили», а также окончание: «Потому не хотїв слухати нї старших, нї царе і утїк в гори» — дает социальную окраску всему рассказу.

---

[1] Там же, стр. 198.
[2] Там же, стр. 199—200.
[3] Там же, стр. 101.

Подобные же замечания находим и в рассказе № 37 «Довбуш, його син и скарби»:

> Єк уздрів тогди Довбуш, що вже муси гинути, зачав просити своїх леґінів, шоби его на мак дрибний посїкли и так его поховали, шоби ляхи за его гриб ни знали. . . Опришки виконали розказ свого умераючого ваташка. Єго посїкли на дрибний мак и так его поховали, шоби вороги его гриб ни знали. . .[1]

Довбуш после своей смерти оставил сына, который должен был, когда ему исполнится 8 лет, вытащить «бартку» из железного столба, которую там для него врубил Довбуш.

> И втогди вин мав воювати з тов бартков цїлий світ и уже би був йго нїхто ни стратив, бо ему ни було би було вже смерти.

Но сын Довбуша уже семи лет пошел вытаскивать эту бартку, но вытащить ее еще не мог:

> Та про то хтось доніс лєхам и скоро вни си дизнали про Довбушевого синка, котрий мав стати силнїшим и славнїшим навіть вид свого дєдї, тогда вни того хлопчика вишукали и его стратили.
>
> А та бартка й до сегоднїшного дня ржевіє в Черногорі, бо нима кому єї витєгнути и освободити гуцулив вид усеї біди, єка їх присїла вид смерти Довбуша.[2]

И здесь основной мотив — Довбуш оставляет «бартку» сыну, с которой он сможет завоевать целый мир, — отдельными фразами, а также указанием, что «лєхи стратили его сына» освещается так, что весь рассказ принимает насыщенное социальное содержание о неудавшемся освобождении гуцулов от их врагов.

Приведем полностью еще один рассказ со сходным мотивом — № 117 «Довбушева бартка і хрест».

> Кажут, шо на Угоршінї, за горов, у Сиготї, затєв Довбуш Олекса свою бартку у зелїзний хрест. Єк затєв Довбуш ту бартку у тот зелїзний хрест, то сказав: єк котрий си найде такий, аби у сїм років свого житя мих цу бартку витєгнути, то буде такий самий у кождим дїлї, єк я.
>
> Тай кажут, шо був си прибрав один шкілник, шо у сїм років був пидтєх бартку Довбушеву з того зелїзного хреста. Але шо с того. Коли то повидїли другї тай зараз заминдували тай того хлопца стратили на тим оментї.
>
> Вни си спудили, аби тот ни став таким, єк Довбуш був и Тумунь, стратили того хлопца так аґзом.
>
> С того хлопця мав бути чьоловік, та шо с того. Коли вороги єго збавили, доків вин пидник.
>
> А тепер другого такого нима. Та може чій єкис си найде, шо витєгне ту бартку, али тогди уже аж буде панам куца година!
>
> (Голови, 11/II, 1907, зап. Петро Шекерик-Доників).[3]

Сам по себе этот рассказ не несет функции социального протеста, и только благодаря последней фразе весь рассказ получает определенную социальную окраску. Мало того, нам становятся понятными и отдельные детали; так, напр.,

---

[1] Там же, стр. 83.
[2] Там же, стр. 58—59.
[3] Там же, стр. 134.

мы вместе со всеми слушателями теперь ясно понимаем, кто были «вни», которые «спудили, аби тот ни став таким, єк Довбуш був и Тумунь, стратили того хлопця так аґзом».

Иногда и в самом рассказе нет даже намека на функцию социального протеста, а замечания, вставленные в рассказ, несущие эту функцию, настолько не связаны с общим содержанием рассказа, что не в состоянии дать какую-либо социальную окраску всему рассказу, и замечание так и остается как бы привеском, не связанным с самим рассказом. Приведу пример: «Довбушева бартка і комора».

Я був на Кидроватий коло Довбушевого сїцьця. Єк си вийде на Кидровату, то треба трохи пити в долину и там коло гребеня на поли стої сїдец. Тот сїдец, то вирубаний камінь на чьоловіка. То гет вирубано на голов, плечя, руки, ноги и на люльку так, шо єк седе чьоловік, то на кожду честь тїла вирубане місце.

Тот сїдец то вже дуже облупаний, бо єго люде облупали шукаючі гроший. За плечіма того сїцьца є викопана єма, з котрої вибрали люде котев зеривний червоних. Тоти червоні то був закопав там Довбуш.

Довбушева комора то вид сїцьця за далеко лиш на один верх Довбушевої бартки. Але шо с того, коли ни знати, єк за далеко летїла Довбушева бартка. Кажут, шо у Довбушя була зроблена бартка з одного цитнаря стали, но то шош мала важити тота барточка. Тай кажут, шо Довбуш єк седе на тот свий столец, то бувало єк верже тов свойов бартков, то вна аж упаде на його комору.

Довбуш був дуже добрий чьоловік, вин лишь у богачів брав, а бідним давав.

(В Головах, 20 червня, 1907, зап. Петро Шекерик-Доників).[1]

Весь рассказ начинается интересным описанием «сідца» и переходит потом в один из увлекательных рассказов о кладах, т. е. того типа рассказов, которые привлекали внимание слушателей не столько своими эстетическими достоинствами, сколько соблазнительными сведениями, как заполучить несчетные богатства. Рассказ совершенно неожиданно заканчивается фразой: «Довбуш був дуже добрий чьоловік, вин лишь у богачів брав, а бідним давав». Это замечание ничего не прибавляет и не разъясняет в самом рассказе, а остается как бы оторванным.

Многие рассказы об опришках объясняют и оправдывают их расправу (порой очень жестокую) с панами местью за обиду, причиненную панами или непосредственно самому опришку, или его брату. Но и здесь эта личная месть комментируется рассказчиком в отдельных фразах как месть не только за себя, но и за всех угнетенных панами. Приведем несколько примеров. Так, в рассказе № 40 «Довбушеві дїла»:

Був в Олекси Довбуша брат тай того брата убив дїдичь. . . Зибрав (Олекса Довбуш) собі кількох товаришів тай напав на того дїдичя в ночі. Єк имив Довбуш того дїдичя, то єго остро покарав. Рубав єму одну руку, другу руку. Рубав єму ноги. Так того дїдичя Олекса Довбуш розрубав на кавалки. А єк усе укне кавалок того дїдичя Довбуш, то все си в него пита: А шо боли? — Ой боли, — каже дїдичь. — А Олекса Довбуш каже: Отак мене сердце боли за моїм братом. — И так Олекса Довбуш похторєв, аж доків ни умер єму дїдичь у руках.

[1] Там же, стр. 141.

Далее идут описания разных похождений Довбуша. Заканчивается рассказ фразой, указывающей на социальное значение деятельности Довбуша для крестьян Западной Украины: «Коби Довбуш був жив, то и нам би добре було».[1]

Приведу второй рассказ (№ 41 «Довбушева пімста») о мести Довбуша за брата.

Довбуш Дмитро мав брата Василя, и того брата Василя замучив дїдичь з Вилавчя. Дмитро Довбуш в одно плакав за братом. Очі єму николи ни висихали з перед слиз. Вин лиш гадав, є би си пимстити на дїдичю за брата.

Здоїв Дмитро Довбуш вивцї на міру в Чьорногорі, а слизи в одно єму скачют з очий. Єк переміріли молоко на міру, а Довбуш каже: Отак, братя мої любі та солодкі, панове ватаги! Оцу мою бриндзу усу абесте роздїлили мижи люде равно. Єк богатим, так середним, так бідним людем абесте розділили по ривний пайцї. А мої педесеть петеро дробу абесте таки роздїлили однако, єк багатим, так середущим и так бідним газдам. Бо я вже ни вийду бирше брати свої вивцї, най берут добрі люде, а я вже иду у світ. Иду пімстити си на усїх наших нипрєтелях.

Довбуш уговаривается со слугой помещика, чтобы тот помог разбойникам попасть на двор помещика, и при этом прибавляет:

Диви си, абес нас усїх тринацїтвох упакував у браму так, аби нас нїхто ни видїв, та дістанеш усї маєтки. Бо я нїчо бирше не хочю, лиш маю си пимстити на дїдичю, а всї маєтки роздїлю мижи вас.

И, действительно, после победы над помещиком,

Витак виносив усї добра на двир Довбуш з того двора и роздав усе то слугам дїдичевим. У того дїдичя були ниприторенни суми, але усе Довбуш роздав людем, а собі нїчьо ни узєв з тих маєтків и тих гроший, шо знали за синий похоть.[2]

И в этом рассказе Довбуш, отомстив за брата, не берет себе ничего из добытого богатства, но в то же время не забывает слуг помещика и раздает им это богатство.

Наконец, приведем отрывки из третьего рассказа (№ 42 «До чого довела панська злоба»), где описывается месть Олекса Довбуша и за себя, и за брата.

Старший брат Иван наймив си у пана за слугу у Космачі. Тай служив Иван у того пана великі рокі. За тоти роки так Иван дослужив си та доробив си, шо став таким богачєм у грошех, єк пан. Але пани и до сегодне ни хотє вірити в то, шоби Иван мих си дослужити та доробити так богато гроший. Але тоти гроші то ни мав Иван у своїх руках. Ти гроші були у того такий пана. Але нарештї зачєв Иван казати: Чюєш, пане, виддай ти минї гроші мої. — Але пан ни хотїв Иванови виддати Иванові гроші. Ни мав шо робити Иван, лиш мусїв пана подавати до суду за гроші. Але в судї ни хотїли Иванови присудити гроші пани, бо пани всї були злодії и тєгли, тай шє и до сегодне тєгнут оден за одним. Иван прийде з паном до суду, а пани в судї забрішкують Ивана тай кажут, шо то не може бути, аби Иван, простий мужик, мав тілько гроший. Але єк так процесував си Иван з паном, то пан задумав Ивана утопити у Прутї водї. Тай раз єк си змовив пан з своїм вірним слугов, так и изробили. Вертали си усї три разом на панский

[1] Там же, стр. 68—70.
[2] Там же, стр. 70, 72—73.

фирі з процесу, Иван тай пан з своїм вірним слугов, фирманом. Уни переходили Прут ріку, тай там на возї оба Ивана ймили, зєзали, забили у міх, завезали, тай вергли у ріку Прут и там утопили Ивана, старшего брата Олексиного. Теперь пан чюв си безпечьним тай знав, шо нїхто у него ни ме правити Иванову суму, крим одного молодшего Иванового брата Олекси, котрого то пан дуже си зачєв бости, бо Олексина слава зачєла си скризь розходити по горах, єко великого силачя. Пан постановив имити, скоро си єви тай убити Олексу так само, єк єго брата Ивана.

Поймать Олексу пану не удается. Олекса набирает двенадцать «хлопців» и идет к пану в имение. «Дідо» рассказывает Олексе о том, какую крепость построил себе пан и какую стражу поставил, чтобы защищаться от Олексы:

На усїх штирох углах стої по сорок хлопа и по два пси.

Но слуги, стоящие на страже лиш тимунь мают, бо так пан їм наказує, але уни би радї з радної душі, аби ти уже раз прийшов тай изробив тому панови конец. Де вин себе так строго сокоти, а нарид уже цїлий рик карає вартами.

Прийшов Олекса пид браму панцкого двора, а то си курє ватри, а на вартах такий народ умучїний, шо страх. Люде уже послїпли стоїчі так, покаправіли ни спючі. Єк уздріли вартивники Олексу з дванацїтьма ледїнями, так зачєли бога просити, та декувати богови, шо уже иде їх освободитель. . .

Тота варта єк уздріла, шо то Олекса, про котрого вже була чютка, такі стали раді, шо ни знали, шо робити з радости, шо вже раз увилнит їх Олекса вид тої муки. То люде так, господи, покаправіли, шо страх, ни спючі цїлї ночи. . .[1]

Как видно из этих отрывков, рассказ подается не только как описание преступных действий помещика по отношению к двум братьям Довбушам, но и как систематическая несправедливость панов к крестьянам: «Пани всї були злодії и тєгли, тай ше и до сегоднє тєгнут оден за одним». И дальше: Довбуш, овладевший крепостью, в которой спрятался от него пан, здесь показан не только как мститель за злодеяния, которые были причинены брату, но и как освободитель замученных паном слуг. Точно так же не только лично за себя, но и за других потерпевших, расправляются опришки и со строгими панскими слугами.

Как пример приведу небольшой рассказ № 224 «Чи тямиш, панцю, як я у тебе капусту сапав?»

Туй у Пасїчнї, росказуют, був якись контроль тай раз на него найшли опришки і мучили єго. Але оден із тих опришків питає: Чи тямиш, панцю, як я у тєбе за паньщину капусту сапав? А як ти мене файно карбачем сапав по плечах? Ти чесний панок, нема що казати, не одногос так упік, шо аж му кістка у крижах пукла![2]

В ряде рассказов дело идет только о мести Довбуша или лично за себя, или за себя и за брата. Таковыми рассказами, напр., являются № 54 «Як пан забрав у Довбуша воли», № 55 «Пімста за воли-сивки», № 56 «Як Олекса пімстив ся на панови Баранї»; сравни также № 50 и № 51.

В этих рассказах мы не находим никаких замечаний, которые указывали бы, что эта личная месть принимает более широкие рамки и переходит в месть за всех

[1] Там же, стр. 75—78.
[2] Там же, стр. 274.

угнетенных. Однако и такие личные рассказы несомненно несут функцию социального протеста, так как если они рассказаны среди лиц, которые сами являлись жертвой угнетения и несправедливости панов, то каждый слушатель переживает свои личные обиды вместе с обидой Довбуша и его брата и вместе с ними — здесь только мысленно — мстит за эти обиды.

Во многих рассказах об опришках указывается, что они борются не только против панов, но и против евреев. Является вопрос, рисуют ли нам наши рассказчики это как шовинистическое выступление опришков против всех евреев или же здесь описывается только борьба против тех богатых евреев, которые эксплоатировали и украинских крестьян, и бедных евреев. Каждый рассказ о встрече опришков с евреями надо рассматривать отдельно, причем, как и в других рассказах, нам было бы очень важно знать и биографию самого рассказчика, и ту публику, и тех слушателей, где эти рассказы рассказываются. Здесь нам хотелось бы только указать, что в имеющемся у нас под руками тексте мы находим ряд рассказов, где подчеркивается, что опришки вели борьбу лишь против богатых евреев, эксплоатировавших местное население.

Так, в рассказах №№ 93, 94 и 95 о том, как Довбуш отбирает «рейства» и тем освобождает должников крестьян, дается такая именно характеристика эксплоататоров евреев. В рассказе № 93 «Як Олекса поратував людий» рассказывается, что еврей-эксплоататор «уже так був здовжив нарід, шо мало чій ґрунт уже і вістарчев на той довг. . .» [1] В № 94 «А дайте му, хлопці, рейства!» о богатом еврее говорится, что он «дуже здовжив був руський нарід»; [2] а № 95 начинается тем, что в Солотвине был богач еврей «Гених, що здовжив був увес нарід».[3]

С другой стороны, мы в том же сборнике Гнатюка находим рассказ № 87, описывающий встречу Довбуша с бедняком евреем. Бедный еврей «як уздрів, що то Олекса, то аж зубами здвенькав». Рассказ заканчивается: «Але Довбуш не казав ему нї слова. Біднакови нїколи нїц не казав».[4]

Интересный рассказ о встрече закарпатского разбойника Николая Шугая с бедным евреем помещает в своем рòмане Иван Ольбрахт:

> «Только бы уж поскорей миновать Зброд, думает Берка, так звали Бернгарда Гана из села Горба. Там то уж Николу не повстречаю!» И Берка стегает лошадку. Но Никола не заставил себя ждать. На дороге в ста шагах перед Ганом появляется поднятая вверх ладонь Николы. Ган соскакивает с телеги, вся кровь бросилась ему в лицо, в душе — отчаянное решение. «Не бери у меня, Никола, эти деньги! Еду в Хуст покупать детям башмаки», говорит он решительно, стараясь придать твердость своему голосу. — «Покажи, много ли их у тебя», приказывает Шугай. Ган вытаскивает засаленную записную книжку, раскрывает ее на той странице, где положены кредитки, но отступает и прижимает книжку к груди, решившись ее не отдавать.
>
> — «Дай сюда», сердито кричит Шугай, вырывая у него книжку. Перелистывает ее.
>
> — «Пятеро у тебя детей?»
>
> — «Семь».
>
> — «Так тебе никак не хватит, Берка. Вот тебе еще, да купи им получше», и прибавляет в книжку несколько зеленых стокронных ассигнаций.
>
> — «Как зовут у тебя самую младшую?»

---

[1] Там же, стр. 113.
[2] Там же, стр. 114.
[3] Там же, стр. 114.
[4] Там же, стр. 111.

— «Файгеле».
— «Кланяйся ей от меня!»[1]

Вкратце перескажу другое место из романа «Николай Шугай»:

Брат Шугая Юрка застрелил бедного еврея. На дорогу выбегает Никола, видит, что наделал его брат, и приходит в бешенство. Потом, успокоившись, он ему приказывает: «Никогда этого больше не делай». Ночью Николай Шугай сует в окно вдове убитого его братом бедного еврея четыре кредитных билета по тысяче рублей.[2]

Мы привели много примеров, где опришки рисуются героями, в которых народ видел своих спасителей от того тяжелого положения, в котором он находился; гибель опришков рисуется, как гибель народа. Но рядом с ними мы встречаемся и с рассказами, где дается прямо противоположная оценка опришков. Как пример приведу, рассказ «Юра Оженьик»:

Опришок Юра Оженьик з Космача ґаздував зо своєв жинков кілька лїт и мав двоє дїтий; хлопцеви на мньи Стефан 3 роки було, а дївчинцї Оленцї 2. Юра встарав собі коханку, сестру рідну своеї жінки на Микуличинскім боцї у Польиницьих. Збиткував свою жінку зза неї и оббирав з своєї жінки лудиньи и носив до тої. Вона решту лудиньи передержувала в тім льоху, шо си колопнї сушьи. И він зібрав си и лишив єї. Взьив собі товариство до себе дванацїтьох, . . . пішли воювати, воювали всего дванацїть неділь. Шо си нарубали, нарозбивали, йой-йой! Кілько було опришків, а жаден з них не вдав си в Довбуша: Довбуш був милосерний, знав бідного пожьилувати, тому бідолахи си розбивали ийк учули, шо Довбуш в село приходит; все си сходили и він їх дарував, тай люде єго сокотили. Довбуш собі безпешно ходив, куди хотїв; єго був би нїхто зверхности мандаторам не вийивив и не відав; ийк би си був любаску ненапитав, був би собі жив. От же Оженьик воював лиш дванацїть неділь и все, шо забирав у людий, то зносив до своеї коханки, котру мав жьиночу сестру. У дванацїту неділю прийшов у село на Баньки Березівскі. . . В тім селї, на Баньках, в одного чоловіка була жінка веремінна на тих дньих. Сказав ту жінку привести тому чоловікови. Чоловік привів свою власну жінку перед него и він взьив рушницу и дав тому чоловікови и сказав до него: На тобі оце; маєшь за жінку! — Тот чоловік ту рушницу взьив обзирати, а опришки нагнали єго, він пішов плачучи, бо си своєї жінки збув у лихі руки. Вони взьили завйизали жінцї очи в платьи и хотїли тоту жінку пороти, аби вібрали з неї живу дитину, а з дитини живої аби вібрали серце и аби тото серце ззїли, аби їх си кульи не брали. А вони не знали, шо над ними вже є погоньи. Лишень схотїли то робити, а то село є під лїсом, вийшов оден з тих опришків-душегубців роздивити си, тай уздрів, шо з того лїса иде йикас ровта. . .

---

[1] Ivan Olbracht. Nikolaj Šuhaj loupežník. Praha, стр. 86. Позволяю себе в своей работе несколько раз ссылаться на роман Николая Ольбрахта «Николай Шугай», произведение, не написанное специально с научными заданиями. Ссылаюсь на отдельные места этой книги как на материал, который должен быть проверен на месте научными исследователями. Отмечу, что Иван Ольбрахт долго жил среди крестьян Закарпатской Украины и внимательно изучал их жизнь и нравы. Вышли два перевода этого романа на русский язык: 1) Иван Ольбрахт. Николай Шугай, разбойник. Роман. Перевод с чешского С. Шмераль. Госиздат, «Художественная литература». М.—Л., 1934; 2) Ив. Ольбрахт. Николай Шугай, разбойник. Перевод с чешского Юр. Аксель-Молочковского. Госиздат, «Художественная литература». Л., 1938. — Я ссылаюсь только на чешский оригинал.

[2] Там же, стр. 142—143.

Разбойники убегают, их ловят. Оженьика и двух его товарищей вешают. Заканчивается рассказ:

> Пишіт же и це: Тоти дїти си згодували. Тота донька, Олена, віддала си и мала доньку, а тої доньки унук, Михайло Палїйчук, розказав за прадїда, за Юру Оженьика, усю сторію за опришка».
>
> (Космач від Мих. Палійчука, записала Кл. Лисинецька).[1]

Текст записи рассказа не вызывает сомнений, что отношение рассказчика к опришке Оженьику явно отрицательное и недоброжелательное. Возникает вопрос, чем следует объяснить это отрицательное отношение к нему. Был ли Оженьик одним из тех опришков, которые, по характеристике В. Гнатюка, «одинокою задачию клали собі убийства та грабунки і наживу з ніх»,[2] или же рассказчик принадлежал к тем, которые не сочувствовали опришкам и опришковству?

Присматриваясь внимательней к выше приведенному рассказу об Оженьике, мы должны притти к первому объяснению, т. е., что Оженьик был простым грабителем, который не вызывал сочувствия также у бедных и угнетенных. Мы никак не можем отнести нашего рассказчика Михаила Палийчука к тем, кто настроен против всех опришков. Наоборот, в самом рассказе Михаил Палийчук, описав жестокости Оженьика, переходит к характеристике Довбуша:

> Кілько було опришків, а жаден з них не вдав си в Довбуша: Довбуш був милосерний, знав бідного пожьилувати, тому бідолахи си розбивали ийк учули, шо Довбуш в село приходит; все си сходили и він їх дарував, тай люде его сокотили. Довбуш собі безпешно ходив, куди хотїв; его був би нїхто зверхности мандаторам не вийивив и не відав. . .

Доказательством того, что Михаил Палийчук не был против опришков и опришковства, служит и его весьма сочувственная характеристика Дмитрия Марусьика, которого он сравнивает с самим Довбушем: «Марусьик вдав си був на Довбуша, у богатирів брав а бідолахам роздавав». . .[3]

То, что отрицательная характеристика Оженьика принадлежит не одному только Михаилу Палийчуку, а утвердилась и в народе, подтверждается иным вариантом, записанным В. Гнатюком в 1908 г. от рассказчика Андрея Подерейчука (в Текучи, Печенїжин. пов.).

Рассказ № 185 «Опришок Юра Ожинюк з Космача» начинается так:

> «Як був малий, то крав ножики, то шо, а як віріс, став опришком. Він зібрав собі банду і розбивав». Далее следует уже известный нам эпизод о том, как «банда» Оженюка хотела вырезать у беременной женщины ребенка, чтобы потом вырезать сердце ребенка и его съесть. Кончается рассказ тоже без малейшего сочувствия к Оженюку и его разбойникам: «Але дав бог, що надийшов якис панок Герлїчко з Ясенова з людьми. Обскочили їх, взьили тай повели. Ожинюка повісили в Уротопах на „фабрицї“, а як го вішіли, прийшов его тато тай мати, а він каже: Ни плачте за мнов типер, як я йду на шнурок; будо мене вчити та бити, ще як я малий був».[4]

---

[1] В. Шухевич. Гуцульщина, ч. V. Львов, 1908, стр. 188—190.
[2] Вол. Гнатюк. Словацький опришок Яношік, стр. 2.
[3] В. Шухевич. Гуцульщина, ч. V, стр. 191—192.
[4] Володимир Гнатюк. Народні оповіданя про опришків, стр. 229.

Это, конечно, еще вовсе не означает, что не существует рассказов, где и благородные опришки представляются некоторыми рассказчиками в отрицательном виде. Так, и о прославленном легендарном Олексе Довбуше, образце всех благородных опришков, записан рассказ № 80 «Зустріч Довбуша з дїдом і бабою». Здесь после описания жестокой расправы Довбуша со старухой за то, что она ругала его, рассказчик заканчивает весь рассказ: «То нишєсте був, ни чьоловік, тот Довбуш».[1] В рассказе № 82 «Довбуш убивае вагітну жінку в Прокураві» о Довбуше рассказывается то же самое, что и про Оженьика, т. е., что он разрубает беременную женщину, вынимает из чрева ребенка, вырезает его сердце, которое ему нужно, как чародейное средство.[2]

Противоопришковские рассказы, очевидно, возникали в среде, которая не сочувствовала опришкам и их деятельности. Причем в некоторых случаях та же среда эти рассказы удерживала, рассказывала и распространяла в более широких кругах. Отсюда эти рассказы проникали и в другую среду, которая в основе близко стояла к тем, кого защищали опришки. И там эти противоопришковские рассказы все же иногда могли, хотя бы только частично, удерживаться.

На ряду с рассказами, где явно выражена противоопришковская тенденция, мы встречаем рассказы, рисующие бурную жизнь опришков без всякой ненависти к ним, но и без всякой похвалы их жизни. Приведем два таких рассказа.

№ 62. Оповіданє Палїя Шекерика про Олексу Довбуша.

Розказував минї дєдя, шо наш препредїд Палїй Шекерик Андрійчинків видів на власні очі Олексу Довбушя в селї Головах на плаю Просїчьки, отам на поли (де тепер хата Михайла Харінчука). Розказував Палій Шекерик про Довбушя так: Я мав тогди може дванаццїть, а може тринаццїть років, саме хлопчіше. Але добре знаю. Я вийшов на поле тай став тай стою. Аж нараз я уздрів: иде Довбуш Олекса з своїми ледінями. На Довбушу Олексї був сардак на плечьох. А грідушки, ґудзики и снури у сардака були з самої сухозолоти. Та таке файне, блишіт ци до сонця, єк золото. Крисаня з блєхами та с павами. А зброя? То все таке файне, шо страх. Добуш пів у лист, так файно, єк у скрипку.

Я так задивив си на Довбушя, шо аж рот роззївив. Довбуш став тай прийшов ид минї, тай каже: А шо, хлопчьи, так си дивиш на мене? Диви си, аби тебе ни кортїло ити в опришки. Бо я Довбуш и никого си ни бою, а шє єк шо у лїсї зашелести, то минї серце торне, ци то ни є єка зрада на мене, або ци то ни є єка ровта на нас. Кождої хвилї я нибезпечьний и мушу си сокотити. Найлїпше ґаздувати и бути ґаздов, бо тогди чьоловік є безпечний свого житя.

Погладив мене Довбуш Олекса по голові тай пишов далї играючі у лист. А я собі добре затємив єго слова, тай ни ходив ув опришки.

Це правдиве, бо Палїй Шекерек не любив брехати.

(Голови, 5 вересня, 1907. Зап. Петро Шекерик-Доників).[3]

№ 63. Довбушева рада:

Довбуш йшов раз на просїчках в Головах тай пів на лист та так, шо не мож було налюбовати си. Баган, дуже старий дїд, теперішного предїд, був хлопцем, та пас вівцї. Довбуш йшов з леґінями, а мав тобівку через ременї, та порошницї, мудро вибитї золотими ґузиками. Баган задивив си на него, шо очий ни зводит. Довбуш зазрів хлопчише тай кажет: Не диви си, синку, на мене, бо доки шімкнет (зашелестить) у лїсї, потьитко

[1] Там же, стр. 106.
[2] Там же, стр. 107.
[3] Там же, стр. 96—97.

си грийне, то в мене серце застине! Пильнуй свою маржинку тай кутай свою земленьку, тай жити меш спокійно.

(Від Дмитра Шекирика, 23/XI 1902, записав Л. Гарматій).[1]

Оба рассказа говорят о самом любимом опришке Олексе Довбуше с определенной симпатией. Он не только с внешней стороны показан в блестящем виде, но и духовный облик его обрисован с симпатией. В первом рассказе он ласков к ребенку и в обоих рассказах показан как человек, объективно рассуждающий. Оценка деяний опришка Довбуша, а вместе с тем и всего опришковства, якобы с собственных слов Довбуша, дается в обоих рассказах не с точки зрения моральности или аморальности и не с точки зрения социальной значимости опришковства. Рассказ чисто по-обывательски рассматривает, насколько жизнь опришка более опасна и беспокойна по сравнению с мирной жизнью сельского хозяина.

Для выяснения того, как и кем распространялись рассказы, сочувственно относящиеся к опришкам, рассказы, относящиеся к ним с антипатией, и, наконец, рассказы с «обывательской» оценкой опришковства, для нас прежде всего важно знать биографию рассказчика. К сожалению, собиратели рассказов об опришках оставили нас в полном неведении о рассказчиках. В записи рассказов об опришках отмечается иногда только село, в котором был записан рассказ. Иногда отмечается также имя и фамилия рассказчика, а в некоторых случаях и его возраст. Но и в тех случаях, где мы имеем более подробные сведения о рассказчиках, как, напр., следующая заметка: «Голови, 20/7, 1907, від Яворского (шо ходит шукати гроший, а Яворский чюв це вид одної дуже старої баби Єлени в Старих Кутах) зап. Петро Шекерик-Доників [2] и другие подобные заметки, — они тоже ничего не говорят нам ни о воззрениях, ни о настроениях рассказчика, ни о том, к какой социальной среде он принадлежал.

Только в редких случаях в самом рассказе рассказчики передают, от кого они слышали рассказ об опришках. Так, в рассказе № 217: «Напад опришків на ватажка (атамана) Івана Онуфрака в Зеленици» [3] и в рассказе № 219 «Про напад опришків на атамана в Зеленици» [4] мы узнаем из текста, что они были записаны от сына и внука, отец и дед которых были предводителями отрядов, ловивших опришков. Нам вполне понятным становится, почему рассказы эти переданы без симпатии к опришкам.

Рядом с функцией социального протеста в приведенных нами рассказах и отрывках из рассказов об опришках ясно выявлены и другие функции. Выступает здесь, напр., функция, похожая на ту, какую несут исторические рассказы и романы, повествующие нам о прошлом. Даже функция, какую несут различные судебные хроники, особенно часто встречающиеся в буржуазной прессе и преследующие цель поразить читателя рассказом о невероятных преступлениях. Отметим, что в рассказах, где явно выражена функция исторических рассказов или судебных и т. п. хроник, мы часто, как в газетах и исторических рассказах, встречаем самые точные указания, в каких именно местах и когда происходили описанные события с опришками, а также точное обозначение лиц, которые в этих событиях участвовали или были свидетелями их. Далее, в рассказах об опришках явно выступает функция, какую несут всевозможные рассказы с приключениями о разбойниках, сыщиках и т. п., рисующие опасные приключения разбойников и сыщиков, опасные положения, в какие они попадают, и затем ту остроумную находчивость, благодаря которой они из этих положений выходят победителями.

---

[1] Там же, стр. 9.
[2] Там же, стр. 37.
[2] Там же, стр. 266—270.
[4] Там же, стр. 271.

Действительно, жизнь опришков полна таких приключений, и рассказы о них блестяще могут выполнить такую функцию. Причем в некоторых рассказах и функция газетной хроники, и функция авантюрного рассказа тесно и нераздельно слиты с функцией рассказа, выявляющего социальный протест. Напряженность авантюрного рассказа о приключениях опришка усиливалась большой симпатией к самим опришкам: ведь дело шло не о каком-то незнакомом герое, а о поражениях и победах близкого и любимого народом героя, героя-освободителя. С другой стороны, описание всех опасностей, в какие попадали опришки, увеличивало еще больше сочувствие и симпатию к ним, а их ловкое освобождение из рук их преследователей — чувство восторга перед их находчивостью, ловкостью, силой и удалью. То же следует сказать и о сказочных фантастических элементах, какими насыщаются рассказы об опришках. Удаль, сила и ловкость опришков приобретают в рассказах о них гиперболические и фантастические формы, и сам рассказ принимает форму саги или фантастической сказки. Здесь рассказы об опришках из жанра «быличек» (рассказы об опришках в своем большинстве принадлежат к этому жанру) переходят в жанр фантастических сказок.

Один из путей, по которому рассказы наполняются фантастичностью — это путь гиперболизации. Приведу отрывок одного из рассказов о Довбуше:

> Довбуш, ийк був хлопцем, то служив у ґазди за вівчьирьи тай пас вівці. Але до овец приходив дес медвідь, тай хапав по одній. То вже так докучьило Довбушеви, шо вин раз став си скаргувати ґаздї, аби того чорного котюгу ни пускав, бо ийк ше раз го захопит коло овец, то уб҃. Вин гадав, шо тот ґазда ма҃ такі котюги. ґазда каже: Не бій си, вбий, я ти нїчо ни скажу. — Раз вин присокотив и имив того котюгу (медведя) живого, тай склав усї ноги до купи, тай принїс ґаздї.
>
> (Голови, від Петра Шекирьика записав Лука Гарматїй).[1]

Здесь сила молодого Довбуша доведена до гиперболических размеров: молодой пастух Довбуш по наивности своей принимает медведя за собаку и, наделенный сказочной силой, обращается с медведем так, как обычному смертному подсилу было бы обращаться только с собакой.

Другое, что привносит фантастический и легендарный характер в рассказы об опришках, это то, что их неимоверную силу и непобедимость (относится это в первую очередь к любимейшему из опришков Довбушу) они получили сверхестественным образом. Приведу здесь один из вариантов легенды о том, как стал непобедимым Довбуш, легенды, встречающейся во многих рассказах о Довбуше:

> № 42. До чого довела панська злоба.
>
> . . .Але одного лїта бив свєтий Илей (Іля) біду у Чьорногорах тай ни мих убити. Тогда сєтий Єлей поробив ототи усї у скалах драї та жолоби, шо тепер ҃ в Чьорногорах. Тай тогди зробило си отого одзеро у Шибеним, Ковталовий тай у Скринях. Най госпидь борони, шо тогди було. Єк грим удари у тєчєру, де си схова҃ біда, то цїлу тєчіру знесе и одзеро загати, а біду однако ни може убити.
>
> Пишов одного разу Олекса в згарь з вивцами тай прийшов пид оден дуже великий камінь тай став собі там. Тот камінь був великий тай зверьхє ривний, єк стив, а у тим камени була дира. Олекса собі стої, а то так, господи, грими, шо страх. Олекса види, а то все вихопит ци біда з каменя, з той дири, тай си глуми богови. Олекса мав кресик тай собі погадав: А най ко я єго спробую парнути. — Лише си біда вихопила з того каменя

[1] В. Шухевич. Гуцульщина, ч. V, стр. 174.

тай си обернула, то зачєла си глумити богови, а Олекса хап свий кресик, замірив у біду, бур! — а біда лиш си покотила. Нараз на дворі си виєснило, загріло сонечко, заспівали птахи, так стало весело на дворі, шо аж, господи, любо постоїти. Вивці пасут, а Олексї так си здрімало, шо аж страх.

Олекса єк убив біду, то біда так изгоріла, шо лиш став дехоть з біди. Єк си здрімало Олексї, так Олекса лїх спати на камени, таки там, где убив біду. Єк лїх Олекса спати тай спи, а в снї євив си Олексї ангіль, тай каже: Шо ти хоч за то, шо ти убив чорта, котрого бог ни мих убити через великі роки? — А Олекса сказав дї в просонку: Нїчьо бирше ни хочю, лиш хочю, аби позад мене ни було анї душєго и аби мене си нїчьо ни ловило и аби я ни мав смерти. Тай аби я де схочю, абих там пролїс. — Ангіль сказав: Най так буде! — тай зник.

Олекса спав далї, аж изнов си євив ангіль. Олексі зробило си на правій руцї хрестик, тай на плечю пид самов шийов мижи лопатами другий хрестик. Тай тогди ангіль сказав Олексї, вид чього єму смерть має бути, тай изник собі гет. Олекса єк си прошумав, то став такий дужий, шо страх.[1]

Мы можем на основании имеющихся записей об опришках предполагать, что фантастичность рассказов о них растет по мере того, как деятельность этого героя все больше уходит в древность. Так, один из рассказов об опришке еще до-Довбушинского периода — Головаче прямо насыщен фантастическими элементами. Головач напоминает нам сказочного героя, которого не берет ни пуля, ни огонь. Приведем здесь содержание рассказа о Головаче.

Головач один выходит против войска «поганого царя». В руках у него «на дванаціть сєжинь довгий сталений палаш». Как только он махнет в один бок, упадет «дванаціть сїжинь народу, а в другой так бик, тай ворожим войску єло ріднути людий. На Головача сипали си кулї градом, але Головач ни робив собі нїчо з того, бо єго ни ловила си куля». Любовница Головача «его зрадила панам, котрі боєли си строгости славного Головача і були би раді за всєку цїну єго стратити, шоби ни мати пид боком немилого собі опікуна всїх бідних и покривжених». Другие чудесные похождения Головача: «Головач, бувало, єк увийде у місто, то у него стрілєют так, єк градом кулями, але вин си з того всего смієв. Розказуют, шо вин отвори рот, а то єму стріле кулев у рот. А Головач покашле, выхарькае кулю з рота собі на долонь, та єк упари котрого панка нев по чолу, так тот си на місті ни тєнне. А Головачиви куля нїчого не шкодила. Або розказуют, шо вин нираз казав великим панам варити себе в сировици. Кажут, шо сировиця бої доокруги него, а вин собі сиди в сировици тай у флоєру грає».[2]

Убить Головача простой пулей, как выше было рассказано, было нельзя. Вот что могло его убить: «Треба вирвати єму срібний волос з голови, набрати з пароя роя воску, зсукати на тим волосі свічку з того воску, треба мати трої пшениці, з того зробити кулю, и на тий кули аби видправело дванаціт попив, дванаціть соночних, дванаціть утрінь и дванаціть службив, то аж тов кулев єго можна убити». Этой пулей Головача и убивают (ср. № 107, стр. 126; № 108, стр. 127—128; № 109, стр. 129—130).

Таких фантастических рассказов об опришках, живших в более близкое нам время (конечно, кроме Довбуша), мы не встречаем. Да и вообще в рассказах об опришках, живших в близкое к нам время, фантастические элементы встре-

---

[1] Володимир Гнатюк. Народні оповіданя про опришків, стр. 74—75.
[2] Там же, стр. 37—39.

чаются редко. Мы их найдем только в рассказах о самых любимых и популярных опришках.

Фантастические элементы в рассказах об опришках растут также с ростом популярности героев-разбойников. Рассказы о самом популярном опришке Олексе Довбуше являются одними из самых фантастических и в этом могут только сравниться с рассказом о герое до-довбушевского периода Головаче. Интересно, что фантастическими сверхестественными чертами одарил народ весьма популярного разбойника Закарпатской Украины Николу Шугая, убитого в 1921 г. Никола Шугай, как и Довбуш, «брал у богатых и давал бедным, никого не убивал, кроме случаев самообороны или случаев справедливой мести». Вот что говорит о ней автор романа «Николай Шугай», известный чешский писатель Иван Ольбрахт: «По свидетельству многих почтенных и заслуживающих всякого доверия людей, которым автор не имел причины не доверять, Шугай был неуязвим и помогала ему в этом зеленая веточка, размахивая которой он отгонял пули жандармов, как в июльский день отгоняет роящиеся пчелы сельский хозяин».[1] Тем, что Шугая не берет никакая пуля, «ни из ружья, ни из револьвера, ни из пулемета, ни из пушки», он обязан был старухе-ведьме, напоившей его чудодейственным зельем.[2]

Уважение и любовь к герою-опришку — защитнику прав бедных порождало вполне понятное желание крестьян представить его возможно сильнее, храбрее и, наконец, совершенно непобедимым и неуязвимым. Эту силу опришек получает сверхестественным путем и сам становится почти сверхестественным существом. И здесь с ростом социального протеста часто растет фантастичность рассказов о герое-опришке, являющемся олицетворением этого протеста.

Наконец, многие рассказы, в которых ярко выражена функция социального протеста, несут одновременно и функцию эстетическую и в этом отношении соприкасаются с народными сказками, анекдотами и т. п. Таким образом, и в тех рассказах об опришках, где доминантной функцией является функция социального протеста, мы рядом с ней встречаем также и другие функции.

Во многих рассказах об опришках, однако, доминантной функцией является отнюдь не функция социального протеста, а другие функции, которые в рассказах об опришках с доминантной функцией социального протеста играли второстепенную и менее значительную роль. Мало того, мы встречаем много и таких рассказов, где функция социального протеста, если судить по тексту рассказа, совершенно отсутствует (может быть, при рассказывании она выявляется интонацией, жестом и т. п. рассказчика). Тогда рассказы об опришках очень близко приближаются — в одних случаях к судебным хроникам, в других — к историческому рассказу и, наконец, к анекдоту или сказке.

Приведу рассказ № 176, «Макогін і Дерчя».

Макогин сидїв в Головах отам, де тепер сиди Бабуля (Микула Гріздак). Ци вин мав таки правдиве имне Макогин, ци лиш так єго називали, то не знаю. Ходив Макогин в опришки за гору тай си вернув на Голови. В Головах тозди був десетником Дерчя Козмивский. Дерчя Козмивский учюв, шо́ є в Головах опришок Макогин тай зачьив збивати ровту. Бігав Дерчя цїлий день по селї тай гонив людий у ровту, а у вечьир пишов до себе т хатї на нич. А Макогин мав сестру Папуцу тай сидїв цїлий день у неї, тай чюв, єк Дерчя кричьив на людий, аби ишли в ровту ловити Макогона.

---

[1] Ivan Olbracht. Nikolaj Šuhaj loupežník. Praha, стр. 7.
[2] Там же, стр. 12.

Макогин каже до свої сестри: Чьикай, є. . му му псом маму, мушу го навчіти, єк ловити опришки! Учюв Макогин, а Дерчя кричі уже коло Антонив тай иде до Козмив (Козьнеків). Макогин си схопив тай побіх у потик на раґаш тай там засів на Дерчю. Лише Дерчя збіх на раґаш тай біжи раґашєм у долину, а Макогин у тот раз повх Дерчю по ногах, у самі загинки попид колїна. Дерчя упав на раґаш, а Макогин штрик на Дерчю колїньми. Тай приступив одну руку, та лише хотїв другу руку пристолочіти Дерчи, бо Макогин мав утєти Дерчьи наперед єзик у хавках, а витак обі руцї по ликтї за кару. Але в тот чьис Дерчя борше вифатив ніж тов нипристолочінов руков тай сунув Макогонови у калюхи.

Макогин скотив си ниживий на земню, а Дерчя си схлопив тай уфатив кривавий ниж у зуби тай побіх до Козмив давати знати, шо убив опришка. Дерчя побіх ґвавтуючі до Козмив, а Папуця сокотила брата Макогона тай то все видїла. Єк побіх Дерчя, а Папуця штрикла ид Макогонови тай єго розперезала и здоймила з Макогона повний пасок чьирвоних тай утекла.

(Зап. 1907 р. Петро Шекерик-Доників).[1]

В этом рассказе нет и тени какой-либо социальной окраски. Рассказчик без всякого сочувствия относится и к опришку Макогону, и к десятскому Дерче. Его, повидимому, интересует только рассказ об опасных положениях, в которые попадает то первый, то второй.

Встречаем мы также рассказы об опришках, где доминантной будет эстетическая функция, как это мы часто находим в сказках и анекдотах, а функция социального протеста или стоит на второстепенном месте, или совсем отсутствует.

То, в какой степени выделена та или иная функция рассказа об опришках, зависит и от самого рассказчика, и от вкусов и интересов его слушателей. Одни слушатели требуют только увлекательных рассказов вроде судебных хроник, другие — художественных рассказов, близких к сказкам или анекдотам, третьи требуют в первую очередь, чтобы рассказ был заострен социально.

Мы должны изучать рассказы об украинских опришках совместно с изучением рассказов о разбойниках других карпатских стран. Это правильно понимал и В. Гнатюк, посвятивший свою работу словацкому разбойнику Яношику, популярному не только в Словакии, но и в других карпатских областях. Словацкие и украинские разбойники часто переходили границы своих стран. Переход границ этими разбойниками был не случайным. Они принуждены были переходить границы, чтобы спастись от преследований.

«Опришки уже, бувало, грабують за горов», — находим мы в книге В. Гнатюка «Народнї оповіданя про опришків», «а єк там си на нї зроби велика покличь и зачнут їх там дуже ловити, то пидут тогди на грабунки у Волошіну и грабують волошінами. А єк волошінами зачьнут їх ловити, то уни пидут тогди суда до нас, на лєцкий бик. . . А єк си тут зроби за опришками поголоска, то вни знов утїкают за-гору (на Угорщину), де за ними поголоски уже утихли».[2]

Но еще чаще и еще свободнее, чем сами разбойники, переходили границы рассказы и песни о них. И действительно, мы, напр., знаем украинские песни о словацком разбойнике Яношике. Создавались они в карпатских областях, и здесь были наиболее распространены.

Чешский профессор Юрий Горак, разбирая песни и рассказы об обокраденной шинкарке, приходит к следующему заключению: «Если мы примем во внима-

---

[1] Володимир Гнатюк. Народнї оповіданя про опришків, стр. 206—207.
[2] Там же, стр. 5—6.

ние, что имеются многочисленные польские варианты, но всего только один моравско-силезский вариант, со следами польского влияния, один угро-русский (в стихотворных частях здесь появляется много полонизмов: стемпáй, бендзьи и т. д.), и что ни в народной западноевропейской, ни в устной великорусской и южнославянской литературе этот мотив не существует, — мы безусловно должны признать, что песня об обокраденной шинкарке возникла в карпатской области и именно на польской почве». В основу ее легло, по всей вероятности, действительное событие. Рассказы о разбойничьей хитрости распространились по всей области. Возникла импровизированная песня, изображающая (несколько иронически, ибо симпатии определенно были на стороне ловких разбойников) разбойничье нападение. . . Песня распространялась. Нравилось и ее содержание, а также и ее веселая мелодия. Это лишний раз должно убедить нас, что изучать рассказы об опришках, записанные в Западной Украине, нужно совместно с подобными рассказами в других карпатских областях.

Рядом со специфически карпатскими рассказами мы встречаем в репертуаре об опришках рассказы и отдельные мотивы, взятые из международного фольклорного репертуара. Тот же профессор Горак пишет: «Между песнями и прозаическими традиционными рассказами о разбойниках появляются также мотивы, которые не ограничиваются областью татро-карпатской. Напр., Гнатюк напечатал следующий прозаический анекдот о Яношике:

> Йшла раз баба на торг. Питає Яношік: Де йдеш? — На торг. — За чим? — За чобітьми, але маю мало гроший. — На, пятку, купи собі красні чоботи! — Баба прийшла на торг, але стало їй жаль гроший, не купила чобіт и пішла так до дому. Здибає на дорозї Яношіка. Ти купила чоботи? — Нї, не купила. — Чому? — Бо жалувала гроший. — Тодї зловив її Яношік, облупив їй ноги по колїна и пустив: я казав тобі купити чоботи, було купити, тепер маєш їх даром!

Подобный же рассказ записал Гнатюк и об украинском Кармелюке. Кармелюк встретил крестьянина, который ехал на базар и жаловался, что его жена с детьми голодает. Кармелюк дал ему деньги, крестьянин их пропил, но «хлопці» Кармелюка его как следует проучили.[1] Похожий рассказ напечатал Герман Курц, собравший швабские устные рассказы о разбойниках в своей работе «Der Sonnenwirth. Schwäbische Volksgeschichte aus dem vorigen Jahrhundert» (Gesammelte Werke, VII, стр. 35).

Однажды встретила одна женщина Зонненвирта (по другому варианту это была его теща). Она жаловалась, что не может купить детям даже «Spruchbuch». Зонненвирт дал ей деньги и женщина с благодарностью ушла. Когда она возвращалась домой, она нашла Зонненвирта еще на дороге. Он подошел к ней, сунул руку в корзину и вместо книги нашел там яйца, которые она купила на его деньги. Зонненвирт выругал ее за обжорство и, схватив яйца одно за другим, побросал в нее, так что она вернулась домой вся мокрая.

Имеем ли мы здесь международный мотив или эти легенды возникли независимо друг от друга в разных областях?

Многие рассказы об опришках являются конгломератом рассказа о действительном событии с бродячими сюжетами и мотивами. Мы здесь встречаем и библейский мотив о Самсоне и Далиле, и анекдот-фацецию (Опришек Штола перед казнью просит попрощаться с матерью и откусывает ей нос в отместку за плохое воспитание)[2] и др.

---

[1] Ср. «Киевская старина», 1882, т. X, стр. 185—186.

[2] Володимир Гнатюк. Народні оповіданя про опришків, № 188 «Штола та его мама», стр. 240.

Помимо рассказов об опришках, украинцы распевают песни о них. Исследование этих песен является интересной самостоятельной задачей. Здесь я хотел бы только подчеркнуть, что пение песен об опришках несомненно и поддерживало интерес к рассказыванию о них сказок, анекдотов и рассказов, как в свою очередь эти рассказы поддерживали интерес к песням.

Одним из методов для установления того, как изменялись в рассказах об опришках действительные события и как изменялись сами эти рассказы при передаче от одного рассказчика к другому, является сравнение исторических документов об опришках (конечно, с критикой текста, принимая во внимание, что судебные акты составлялись далеко не объективно) и тех рассказов, которые записаны в народе. Другим и более надежным методом является изучение на месте в с е х рассказов о разбойниках и их постоянные видоизменения в народной традиции; рассказы эти бытуют еще и теперь и в Западной, и в Закарпатской Украине. В частности, следует обратить особое внимание на рассказы и песни об опришках последнего времени — о Николе Шугае, убитом в 1921 г., Лепее, убитом в 1938 г., и о Клевце, неизвестно куда исчезнувшем после смерти Лепея.

Из разговоров с закарпатскими крестьянами я убедился, что и к Николе Шугаю, и к Лепею народ относился с уважением и любовью, так же, как он относился к старым опришкам типа Довбуша и др. На месте, в Западной Украине, а также и в соседних с нею областях, в частности в Закарпатской Украине, мы можем изучать все изменения, какие происходят в рассказах, от сухого протокольного рассказа об опришках до высоко поэтических и фантастических рассказов — сказок и песен. На месте мы можем проверить и исправить те «законы» и постулаты об изменениях саг и легенд, которые предложили в своих исследованиях Розьер, Фробениус, Бениньи, Аксель Ольрик и др.[1] Это изучение на месте в настоящее время создающихся и изменяющихся рассказов о разбойниках прольет нам свет на создание более старых рассказов о разбойниках, не только у русских, но и у других народов, равно и таких рассказов, как сказания алтайских мастеровых [2] и т. п. Рассказы об опришках помогут нам, в частности, объяснить и сказки о ворах, где функция социального протеста часто не выявлена так ярко, как в рассказах об опришках. Наконец, это исследование на месте еще живущего фольклора поможет нам осветить и общие вопросы о создании и изменении сказок и былин.

Несмотря на то, что материал об опришках не записан с той точностью и подробностью, как бы нам этого хотелось, я все же счел возможным и необходимым написать эту статью. Считаю ее только как бы статьей-программой, которая больше ставит, чем разрешает вопросы. В статье я сознательно привожу много цитат, чтобы обратить внимание на тот исключительно интересный материал (несмотря на несовершенство его записи), который должен побудить к его дальнейшему обследованию и собиранию.

Итак, в первую очередь должна быть произведена собирательско-и с с л е д о в а т е л ь с к а я работа. Я подчеркиваю и с с л е д о в а т е л ь с к а я, так как нигде исследователь не достигнет таких точных результатов для разрешения поставленных им заданий, как при самом собирании материала. Вновь собранный материал поможет исследователям не только исправить высказанные в моей статье положения, но и поставить и разрешить ряд новых проблем — о создании, жизни и изменениях рассказов об опришках и вообще устных рассказов.

---

[1] См. главу «Les lois de la formation des légendes» в книге. A. v a n G e n n e p. La formation des légendes. Paris, 1910, стр. 277—294.

[2] А. А. М и с ю р е в. Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых. Новосибирск, 1938.

Résumé

P. Bogatyrev

Les récits folkloriques sur les „oprichki“ de l'Ukraine occidentale

Dans les contes fantastiques, c'est la fonction esthétique qui domine, dans les contes véridiques — la fonction sociale ou un élément proche de la dominante ordinaire aux récits historiques ou aux chroniques des journaux. Les récits sur les «oprichki» (partisans) ont pour dominante soit la fonction sociale, soit celle des récits historiques. Les récits oraux de ce type exigent une méthode spéciale de notation. Il convient d'accorder la plus grande attention aux remarques faites par les auditeurs et aux intonations et gestes des narrateurs mêmes. L'analyse des contes sur les oprichki publiés (en dépit de leur notation imparfaite) révèle nettement leur fonction sociale. L'étude des contes sur les oprichki de l'Ukraine occidentale doit être menée de pair avec celle des contes similaires de l'Ukraine transcarpathique et de la Slovaquie. Les oprichki passaient souvent les frontières séparant l'Ukraine occidentale de l'Ukraine transcarpathique et de la Slovaquie. Les légendes et les contes les concernant la traversaient plus facilement encore. Les derniers oprichki dans l'Ukraine transcarpathique furent Šugaj, tué en 1921, et Lerej et Klevec, qui y opéraient en 1937 et 1938. Les récits sur les oprichki sont un conglomérat de descriptions d'événements réels et de sujets empruntés aux légendes et anecdotes ambulantes: les oprichki tiennent leur force d'êtres surnaturels, les balles les évitent, etc. Certains récits ne se rencontrent que dans les régions des Carpathes, d'autres rappellent les sujets errant par toute l'Europe. La popularité de ces récits était soutenue par celle des chansons, où les sympathies du peuple envers les oprichki sont souvent exprimées plus vivement que dans les légendes en prose publiées. Certaines de ces chansons se sont transformées ensuite en récits.

Les récits sur les oprichki ont beaucoup de commun avec les récits sur les brigands russes, mais on y trouve aussi certains traits spécifiques qui les distinguent des légendes russes. Grâce à leur fonction sociale si vivement exprimée, ils nous aideront à mieux comprendre les récits sur les voleurs, où la fonction sociale ne se perçoit pas si nettement.

Pour terminer, l'auteur formule les problèmes que comportent la notation et l'étude des récits sur les oprichki.

А. П. Мышко

Этнография деревни Ревков Скидельской волости Гродненской губернии 1914 года

Предлагаемая вниманию читателей статья А. П. Мышко написана в 1914 г. Автор, уроженец и житель деревни Ревков, описывает по личным впечатлениям довоенную жизнь западных белоруссов в районе Гродно, тех белоруссов, которые после мировой войны 1914—1918 гг. попали под тяжкое иго польских панов и только в конце 1939 г. освобождены от этого ига и воссоединены со своими братьями-белоруссами в великом Советском Союзе.

Происхождение статьи А. П. Мышко таково. Историк литературы и фольклорист, преподаватель Петроградского учительского института В. В. Данилов, ныне интендант первого ранга Военно-Морского флота, привлек своих учеников к собиранию фольклорных и этнографических материалов. Студентам института была предложена тема для сочинения по русскому языку: «Состояние народной песни и обряда в такой-то местности». Студенты учительского института, за редкими исключениями, были уроженцами и жителями деревень из разных губерний царской России. Они хорошо знали местный крестьянский быт, который их окружал с детства. Некоторые из студенческих сочинений на указанную тему имели научное фольклористическое и этнографическое значение. Опыт В. В. Данилова был отмечен в свое время в специальной печати. В журнале «Этнографическое обозрение» (1916, № 3/4, стр. 156—160) появилась статья Д. К. Зеленина «Этнографические работы воспитанников Петроградского учительского института» и в «Журнале Министерства народного просвещения» (1916, № 8, отд. 3, стр. 113—126) статья самого В. В. Данилова. В 1917 г. этнографические работы учеников В. В. Данилова поступили в Ученый архив Географического Общества, где хранятся и теперь. Рукопись А. П. Мышко имеет шифр: А — 211, тетрадь XI.

Статья А. П. Мышко печатается ниже как бытовой документ 1914 г. лишь с небольшими сокращениями и с некоторыми стилистическими поправками. Рукопись приготовил к печати Д. К. Зеленин, которому принадлежат и примечания.

Редакция

Деревня Ревки расположена в 28 верстах на юго-восток от гор. Гродно. В пяти верстах от деревни протекает река Неман. В окрестностях много помещичьих лесов. Местность возвышенная, с песчаною почвою. Население белорусское, православное. Благодаря распространению грамотности, местный белорусский говор, особенно у молодежи, совсем близок к русскому языку.

Есть в Ревках и шляхта — пришлые поляки. Они живут в особой околице,[1] где дома расположены над самой речкой, тогда как деревня Ревки примыкает к реке только одним своим концом. Говорят поляки на смешанном польско-белорусском языке.

Главное занятие крестьян земледелие. Прежде, не больше 15 лет назад, когда не было удобрения для почвы, жили совсем бедно. Земельные наделы небольшие — не больше двух десятин на душу. Урожаи и теперь (1914 г.) плохи, но хлеба почти у всех крестьян хватает для семьи на весь год, а у зажиточных остается часть для продажи.

Лет 15 тому назад хаты у всех поголовно в деревне были курные, небольшие. Вместе с семьей в избе зимой жили телята, поросята и ягнята. Окна в избах были

[1] Околица — околоток, квартал.

не более четверти квадратного аршина. Теперь (1914 г.) курных хат осталось на всю деревню только четыре; у прочих избы с дымовыми трубами, у некоторых сделаны посредине хаты даже изразцовые печи.

Дома у всех небольшие и состоят из одной комнаты. Вдоль стен «лавы» для сиденья, в «покути» (красном углу) стол, на стенах иконы. Стены в большинстве случаев выбелены мелом. Улица в деревне узкая и кривая. Избы расположены по обеим сторонам улицы. Во дворах хлевы для скота. За двором следует у всех почти хозяев сад, состоящий из яблонь и груш разных сортов. Хлебный сарай и «сверан» (амбар) строятся на некотором расстоянии от жилых помещений. За садом идет огород, овощи из которого предназначаются преимущественно для собственного употребления.

Крестьяне живут небольшими семьями. Бывает часто, что сын с отцом не живут вместе, особенно — если жена сына не понравилась его родителям, или если отец женился вторично. Братья после смерти отца делят имущество по частям. Оттого теперь, вследствие чересполосного владения, много мелких полос. Землевладение у крестьян не общинное, а подворное.

Крестьяне очень трудолюбивы. Многие уходят на заработки в Петербург, некоторые едут в Америку. Остающиеся дома занимаются кустарным промыслом — делают ложки и колеса, или же работают у ближайших помещиков. Промысел выделки ложек падает с появлением более выгодных заработков, например работы в крепости и работы по прокладке шоссейных и железных дорог. И только старики да еще крестьяне, которым семейные обстоятельства не позволяют отлучаться из дому, продолжают еще заниматься выделкой деревянных ложек.

Выделка ложек очень кропотливая и неблагодарная работа. Чтобы сделать ложку, нужно несколько дней. Ложки здесь делают с длинными черенками — по виду непохожие на те, которые выделываются кустарями внутренних губерний России. Сначала ствол березы режут на куски определенной длины. Куски эти колют на части, и каждая часть обтесывается в форму ложки. После этого ложку обрезывают ножом, сушат, вырезают резцом и, после вторичной сушки, сглаживают опять ножом. Работу мастер производит большею частью в согнутом положении, и многих она преждевременно сводит в могилу.

Некоторые крестьяне занимаются продажей свиного мяса. Одним словом, каждый стремится нажить лишнюю копейку, и благодаря этому крестьяне живут, если и не богато, то и не бедно, хотя земельные наделы и небольшие.

Одинаково с мужчинами работают и женщины. Некоторые летние работы, например жнитво, исключительно лежат на женщине; мужчины только пашут, косят и занимаются возкой навоза. Домашнее хозяйство всецело лежит на женщинах; зимой мужчины молотят, а женщины прядут, ткут и шьют.

Молотьба производится цепами, но у некоторых крестьян есть уже конные молотилки и соломорезки, что значительно облегчает работу и дает возможность свободное время отдать отдыху и духовным потребностям. В деревне появился в последние годы спрос на книгу и газету, чему много способствовало появление достатка и свободного времени.

С проведением в 1901 г. вблизи деревни железной дороги жизнь крестьян изменилась и интересы их сделались обширнее. Несмотря на это, а также на близость города, одежда крестьян мало изменилась. По будням ходят в лаптях и в одежде собственной работы. Юбки у женщин домотканные, окрашены в различные цвета; шьют их со сборками сзади и в меньшей степени спереди. Платки головные у всех ситцевые. Верхняя зимняя одежда состоит из овчинного тулупа или «ватовки» — пальто на вате фабричного производства. Нижнею одеждою служит «ангерка» — род коротенького кафтана синеватого или черного цвета. Летняя одежда — «матроски» и «блюзки» из ситца. «Чаравики» (башмаки) носят

только по праздникам, по будням ходят в лаптях из мягкой кожи, а летом — босиком.

Мужчины ходят в сапогах только по праздникам. Пальто носят из белой валеной шерстяной ткани собственного производства; зимой — овчинные тулупы. Парни делают себе пиджаки самотканные черного цвета, а кто побывал в городе — из ткани фабричного производства.

Строй жизни можно назвать еще патриархальным: дети слушают родителей и хулиганства — эксцессов последнего времени — не наблюдалось. Водку пьют умеренно, и настоящих алкоголиков совсем нет. Пищевыми продуктами служат рожь в различных видах и картофель. Приправой к кушаньям служит свиной жир, а в постные дни — «алей» (конопляное масло). Мясо едят только по большим праздникам.

Значение образования крестьяне сознают вполне и стараются дать его своим детям. Отсутствие в ближайшем местечке высшего начального училища заставляет их ограничиваться начальной школой. Лишь некоторые зажиточные и более настойчивые дают детям дальнейшее образование.

Нравы, обычаи и верования сохранились у крестьян те же самые, что были у их дедов, но молодежь относится к верованиям уже безразлично. Праздники и посты соблюдаются во всей строгости. В церковь ходят каждое воскресенье. По мнению крестьян, за каждый содеянный грех бог наказывает, и случившееся несчастие приписывают гневу божию.

Из святых более почитают Николая-чудотворца и Георгия-победоносца. Рассказывают даже случай, будто бы когда один крестьянин в праздник св. Николая выехал пахать, то его разнесли лошади, и он умер. Летом празднуют 24 июля св. Борису и Глебу, а 20 июля св. Илье; «на Илью», говорят, нельзя работать, так как он все уничтожит громом. Каждый праздник носит особое название: коляды, великдень, ушесте (вознесенье), семуха (троица), купала, спас, сентьян, движене, богач.

Существуют различные приметы и вера в ведьм и знахарей. В ответ на мои слова, что ведьм нет, крестьяне сказали, что я не верю в существование чорта, а значит не верю и в бога. Верят, что в человека может вселиться чорт, а ведьма может напустить различную хворь — особенно через напиток. В деревне Ревки имеется даже один знахарь; он заговаривает от «переполоху» — от испуга, заговаривает над водой, в которую бросает уголь. Воду эту больной должен выпить.

Мне приходилось видеть, как он заговаривает: раскрывает грудь больного, дует на нее и три раза сплевывает в левую сторону, громко произнося: «господи помилуй». Дальнейших слов никому не передает, так как иначе, по его словам, он потеряет силу лечить. Больные едут к нему ежедневно.

Чтобы остановить кровь при порезе, над раной произносят три раза, не переводя дыхания, следующий заговор: «Стань кровь в ране, як Иисус Христос стоял во Иордане».

По мнению крестьян, ведьма может отнять молоко у коровы. Перед Иваном-купалой вечером кладут в хлевах на пороге крапиву, чтобы ведьма не перелезла в хлев в виде жабы. Рассказывают, что давно когда-то один крестьянин поймал на пороге жабу и отрубил ей передние лапки. На следующий день оказалось, что жена соседа умирала с отрубленными руками.

Существуют такие приметы. Если ночью над чьим-нибудь строением кричит «пугач» (филин), то в этом доме случится несчастье. В пятницу нельзя печь хлеб, иначе в девятую пятницу сгорит дом. По кладбищу ночью опасно итти: покойники умертвят. Умершие и чорт показываются будто бы в виде привидений; чорт чаще всего является в виде барана, петуха, или в виде предлагающего свою помощь человека. Один крестьянин передавал мне, будто чорт водил его целую ночь, привел в самое болото, а когда крестьянин, не доверяя своему спут-

нику, перекрестился, чорт захохотал и исчез. Покойники же, будто бы, являются людям в виде высоких белых фигур.

Наиболее удобным местом для чорта являются перекрестки дорог. Здесь можно продать чорту душу; нужно только в полночь выйти на перекрестки и свистнуть. Чорт явится и потребует расписаться кровью; продавшие свою душу люди, по требованию чертей, берут во время причащения святые дары в платок и ворожат ими. Воду из колодца нельзя пить, не перекрестивши ее, так как там может сидеть чорт. Люцифер в аду все время лижет цепь, которой его приковал архистратиг Михаил; к пасхе цепь бывает почти совсем перелизана, но, когда в церкви запоют «Христос воскрес», она снова принимает первоначальный вид.

Ведьмы и знахари умирают в страшных мучениях; чтобы они скорее умирали, нужно вынимать доски из потолка избы.

На ко́ляды (на святках) бывает три кутьи — накануне первого дня праздника, т. е. 24 декабря, накануне нового года и накануне крещения. Вечером вся семья должна быть дома. Стол покрывают сеном, на которое стелют скатерть. В «покути» кладут сено с соломой и ставят в это сено горшок с кутьей. Кутью варят густую, без соли, едят с маком. После ужина все сидят дома и потом идут в церковь. «Василева кутя» 31 декабря бывает не вечером, а утром, не постная, а скоромная. На эту кутью плодовые деревья в саду обвязывают соломой, чтобы был хороший урожай на плоды. На стол и в покути кладут сено с соломой и после обеда все таскают из-под скатерти соломинки: если вытянуть длинную соломинку, вырастет хороший лен.

На кутью под крещенье хозяин выписывает праздник: берет с собой кутью, гороху и маку, и пишет мелом кресты на всех строениях во дворе. Войдя в дом, бросает на всех горохом, и все ловят; если поймают много, то в наступающем году будет много ягнят.

Святки продолжаются две недели; не работают только первые три дня, а в прочие дни не работают лишь в сумерки, в «щедрик». В течение всех святок не шьют, чтобы пальцы не болели в наступившем году, и ничего не связывают. По вечерам гадают: девушки кормят собак галушками, а петуха зернами: чью первую галушку хлеба съест собака, та девица скорее выйдет замуж. Накануне Нового года ездят на кочергах под окнами и спрашивают: «поехаў»? Если ответят: поехал, то гадающая девица выйдет в этом году замуж, а если скажут: стоит, — не выйдет.

На второй день праздника ходят колядовать с «гвяздой» (со звездой). Получают за колядование колбасу и деньги. Песни поют большей частью из книги «Богогласник», но есть и свои песни, так называемые «даўнейшие», например:

Пойдем, деўки, колядуючи.
Зайдем, деўки, до пана Кемежука:
Даст нам бочку пшаницы,
А у придатку — свиную лопатку.
Даст нам бочку жита,
А придатку — красну Прузыну.

На коляды нельзя волка называть своим именем: волк тогда — «колядник», а мышь — «поспенка», чтобы первый не ел овец, а вторая ржи. На новый год нельзя пить воды, чтобы летом не мучила жажда.

Сретение называют: «грамни́цы». В этот праздник ходят в церковь со свечами. Громничную свечу дают в руки умирающему; она вообще имеет целебные свойства. Говорят: «на грамни́цы половина зимницы».

«Деды» (поминки умерших предков) бывают «малые» — перед филипповым постом (осенью) и «великие» — перед великим постом (весною). На «деды» готовят обязательно семь блюд. Во время ужина первую ложку кладут на стол для по-

койников. Перед ужином бывает общая молитва за покойников. После ужина ложки связывают — чтобы летом у пастуха не убегали коровы.

На благовещение (25 марта) купаются в реках от «коросты» — чесотки; в этот день купает своих детей «крюк» — ворон. Увидевший первый раз весною аиста должен долго бегать, чтобы в течение всего лета отличаться легкостью в беге и в работе. При первом весеннем громе ударяют в спину камнем, чтобы не болела спина. Кто слышит первую весеннюю кукушку, имея при себе деньги, тот будет весь год иметь деньги.

На «вербницу» (вербное воскресенье) бьют друг друга вербой, приговаривая: «за тыдзень великдень.[1] Не я бью, верба бье!» На пасхе ходят «волóкать» — поют под окнами домов церковные песни, сначала просят так: «Пане господару, позвольте ваш дом развеселить, боским словом потешить». По окончании пения произносят «имшаване» [поздравление] польского происхождения:

Малютки дятки
Щипали квятки,
На дрози луцали. . .

В понедельник на фоминой неделе (первая после пасхальной неделя) устраиваются «проводы» — вроде «дедов» (поминок). Существует поверье, будто в праздник св. Петра и Павла (29 июня) солнце при восходе «гуляет» — движется во все стороны несколько минут. О празднике «богач» (8 сентября) говорят: «Пришел богач, кидай рогач [соху], бери севеньку [севалку], сей помаленьку». На «успеня» (15 августа) освящают рожь и целебные травы. В день св. Андрея 30 ноября девушки гадают — сеют лен вокруг колодца.

Беременная женщина не должна смотреть ни на что плохое, а главное — в испуге хвататься за какую-либо часть своего тела, хотя бы за лицо: будто бы у ребенка окажется на том месте пятно. Повивальная бабка подкуривает родильницу, отчего бывают несчастные случаи. Новорожденному ребенку стараются дать поскорее имя. На «христины» (пирушка после крестин) приглашаются, кроме кумы и кума, родственники и близкие соседи. Через два дня после «крестбин» бывают «мурины» [2] — ребенка купают, причем водою, в которой купали ребенка, бабка старается умыть всех присутствовавших, а затем воду эту выливает на грушу или яблоню, чтобы ребенок был здоров и скорее рос.

Ребенка берегут от посторонних взоров, чтобы его «не уракли» — не сглазили; если сглазят, то ребенок не спит и все время плачет. Радикальное средство от «урокаў» [3] — подкуривание: мать берет помело, зажигает его и над дымом держит ребенка.

Свадьбы устраиваются или осенью, после полевых работ, или же весной — на семуху (троицу). Парень сначала выбирает себе свата из людей, умеющих хорошо поговорить. Придя в дом к невесте, сват здоровается по-польски: «Нех бенде похвален Езус Христус». Ему отвечают: «Навеки веков». Сват просит пустить переночевать заблудившихся купцов, потом предлагает свой товар и просит показать хозяйский. Девушка-невеста при приходе свата обыкновенно скрывается к соседям, пока ее не разыщут. Каждая считает своею обязанностью никому не отказывать в просьбе выпить у нее в доме, но если она не намерена выходить замуж за данного жениха, то вышивка ограничивается одной, самое

---

[1] За тыдзень великдень — через неделю пасха.

[2] Мурины — от слова миро, которым православные попы мазали младенцев при крещении. Вода, которою были смыты следы мира на коже ребенка, считалась целебною.

[3] «Уроки» — мнимое действие «злого» слова, особенно похвалы или восхищения, чему приписывали детские болезни. Сглазить — об аналогичном действии злого глаза, взгляда. Дым от помела считался целебным, так как помело связано с печью, а через это — с культом очага и с культом предков.

большое двумя бутылками водки. Если же свадьба состоится, то устраивают еще «великую горелку», на которую сзывают всех близких соседей и родственников в деревне. В пустые бутылки свату невеста насыпает ржи и обвязывает их поясом.

Перед свадьбой в доме невесты пекут «каравай» — круглые хлебы. Месят каравай девушки и при этом поют:

Расти, расти, караваю,
Выше стоўпа медяного,
Повышей Алексея молодого (имя жениха).
Расти, расти, караваю,
Повышей печи медяной,
Повышей Алены молодой (имя невесты).
Стояла елка тридцать лет,
Зрубили ее на загнет [1] —
Каб наш загнет ясен быу,
Каб наш каравайко красен быў!

На следующий день утром приезжает жених с шаферами и с музыкой. Перед отъездом к венцу мальчик лет шести берет жениха и невесту за руки и водит вокруг стола. После этого волосы невесты и жениха поджигают «грамничной» свечкой с четырех сторон; поджигает отец в то время, когда девушки поют свадебные песни. После этого жених и невеста кланяются в ноги родителям и едут отдельно в церковь. Девушки поют:

Через мой двор тетеря летела.
Ой, не даў мне бог, за кого я хотела.
С ким пила и ела, жартовала,
Тому не люба стала.
С кого кпила [2] и насмехалась,
С тым жити стала.

Уезжая, молодая выбрасывает из повозки солому, чтобы девчата скорее выходили замуж. В церкви наблюдают: кто первый встанет на ковер, тот будет верховодить в доме.

После венчания едут сначала в дом новобрачной, где гуляют дня два. Новобрачная дарит холстом, а родственники дарят ее деньгами; дарить выбирают особого старосту. На второй день едут к молодому, где в воротах двора их встречают парни с кольями и не пускают, пока сват не даст им на выпивку. В доме за столом сидят гости и выполняют разные работы — столярничают, пишут, шьют. Молодая выкупает место подарками.

И у молодого, и у молодой играет музыка. Танцуют польку и мазурку, причем эта последняя совсем не похожа на настоящую мазурку. Каравай молодого «покупают купцы», торговля длится очень долго. Каравай же новобрачной дарят в следующее воскресенье, во время «салодкой горелки» [сладкого вина].

По покойникам причитаний не бывает. Родные плачут, приговаривая, что вздумается. Если после выноса покойника из хаты дым от свечи, горевшей возле головы покойника, пойдет в красный угол, то хорошо, а если он пойдет в дверь, то скоро в том же доме будет еще покойник.

В свободное время парни устраивают игрища; в зимнее время ходят на вечеринки, где поются песни. Вот несколько таких песен; первые рисуют подчиненное положение жены:

Зазлавала [3] жена на мужа,
Злезла на печку, сказала: недужа.[4]

---

[1] Загнет — маленький очаг при печи.
[2] Кпиць — шутить, шутя обманывать.
[3] Зазлавала — озлилась, осердилась.
[4] Недужа — больна.

— «Устань, милая, принес я тебе меду».
— «Пий себе, милый, я не пила зроду!»
— «Устань, миленькая! принес я горелки».
— «Пий, себе милый, шукай сабе деўки!»
— «Устань, милая, принес я дубинку,
Принес я дубинку, да на твою спинку».
Жена устала, як и не лежала,
Абняла мужа да й поцеловала.
— «Дзякуй табе, милый. За твое здарове!
Што выгнаў з мене весела нарове.[1]
Мне ни болели ни руки, ни кости,
Тулько лежала в великой злости».

Другая песня:

Жена мужа да й патешила —
Завела у садок да й павесила.
Пришла до дому, раздумалася:
«Што я зробила, маладенькая,
С ким я буду жить? Нет миленькаго!
Пойду я у той сад —
Сад-виноград. Я прислухаюсь».
Прийшла у садок да паслухала.
Пташки заспевали, растешили:
Развяжи милого, што повесила!
Пришла у садок да отцапила:
— «Устань, миленький, —
Сладких яблачкаў ты накушался,
Разных пташечек ты наслухался»!

Песня об отношении свекрови к невестке:

Ой на том дуби да й змея сидить,
Да й змея сидить и скрива глядить.
— Ой пущу я стрелу в тую змею,
Не ў тую змею, да ў свекроў сваю!
Я вару рыбку, да не варитца,
Лихая свекроў усё сваритца.
Я вару рыбку, да звариласа,
Лихая свекроў пасвариласа!

«Штоб я тое горе знала,
Замуж не пошла бы, усе гуляла,
Уха, ая, головушка бедна мая (2 раза).
Замуж выйти — треба знати,
Поздно легчи, рано ўстати.
Дежу мешу — руки ў тести,
Дитя плача у колыстци.
Печку палишь — свекроў варчить,
Гарщок бежить — мужик варчить.

Любовная песвя:

— Чия эта черешенька, чия эта вишня?
Чия эта Аўдолечка на улицу вышла?
— Михайлова черешенька, Михайлова вишня,
Михайлова Аўдолечка на улочку вышла.
— Я тую черешеньку сакеркой зрублю,
А я тую Аўдолечку все таки палюблю.
И я ей чаравички куплю.
Чаравички невелички, да запятки скрипят,
А я выйду на улочку, усе хлопцы глядзять.

---

[1] Нарове — норов, злой нрав, упрямство, каприз.

— А вы, хлопцы, не глядзете,[1]
Самы сабе покупетя.
Мине милый палюбиў,
Чаравычки пакупиў.

Есть также много чисто русских песен, взятых из песенников. Свои песни, однако, поются чаще. Мотивы всех песен грустные и довольно однообразные.

Все сказанное относительно обрядовой стороны жизни крестьян дер. Ревков можно отнести и к другим деревням Скидельской волости. Большинство населения белорусское. Язык очень близок к русскому.

Résumé

A. Myško

L'ethnographie du village de Revki (gouvernement de Grodno)

L'auteur (dont le mémoire a été rédigé en 1914), natif et habitant du village de Revki, décrit d'après ses impressions personnelles la vie d'avant-guerre des Biélorusses occidentaux de la région de Grodno — Biélorusses qui plus tard, après la guerre mondiale de 1914—1918, subirent le joug pesant des seigneurs polonais, dont ils ne furent délivrés qu'à la fin de 1939, quand ils furent réunis de nouveau avec leurs frères les Biélorusses de la grande Union Soviétique.

L'origine de ce travail est la suivante. V. Danilov, chargé de cours à l'Institut pédagogique de Pétrograd, fit participer ses élèves à la récolte de matériaux folkloristiques et ethnographiques, en leur proposant comme sujet de composition «L'état actuel de la chanson et des rites populaires dans la contrée de N». Les étudiants de l'Institut qui, à de rares exceptions près, étaient originaires de villages de divers gouvernements de la Russie, connaissaient de près la vie des paysans, au milieu desquels ils vivaient dès leur naissance. Quelques-unes de leurs compositions sur le sujet donné présentaient une valeur folkloristique et ethnographique, comme cela fut signalé alors dans les revues spéciales. En 1917, elles furent remises aux archives scientifiques de la Societé Russe de Géographie, où elles sont conservées encore aujourd'hui. De ce nombre est le mémoire de A. Myško, qui décrit le genre de vie et le folklore des Biélorusses du village de Revki en 1914.

[1] Глядзять, глядзете — это единственные в записях А. П. Мышко случаи столь характерного для белорусского языка дзекания. Вообще, с диалектологической точки зрения, записи Мышко очень непоследовательны. Повидимому, это обстоятельство объясняется не только влиянием на местный белорусский говор русского литературного языка и русской школы, о чем говорит не один раз автор, а также и тем, что сам Мышко не ставил себе целью дать сколько-нибудь точную картину местного говора.

А. М. Линевский

Карелы [1]

I

Название и самоназвание. Самоназвание северных карел — карьялайне, южных карел — ливгиляйне, ливвикей, люввикей, лювдикей. Финны-суоми называют карел Karjalaire; по-шведски — Karelare, древнее — Kyrjalar. Старинное русское название: кореляки.

Этническая и языковая принадлежность. Карельский язык принадлежит к финно-угорской группе языков и близок к языку финнов-суоми. Тысячелетняя связь карел с русскими значительно приблизила карельский язык к русскому, что особенно заметно в карельской терминологии и лексике.

Антропологическая характеристика. В антропологическом отношении карелы характеризуются в общем средним ростом (165—167 см), светлой окраской волос и глаз, узким невысоким лицом, большим количеством вогнутых спинок носа (40—55%). В направлении с севера на юг в Карелии понижается средний рост, увеличивается доля белокурых волос и голубых глаз, повышается головной указатель (с 79.3 до 82.0) и процент вогнутых спинок носа. Все это указывает, что в состав карел вошли два основных европеоидных типа: 1) относительно высокорослый, мезокефальный и длиннолицый с малым количеством светлых волос и глаз, а также вогнутых спинок носа и 2) более низкорослый, брахикефальный и низколицый с сильно выраженной депигментацией и большим процентом вогнутых спинок носа. Первый тип, ярче выступающий в северных районах, представляет собой вариант северноевропейской расы; он, несомненно, одинаков с беломорским элементом русских Карелии и Архангельской обл. Второй тип, сосредоточенный преимущественно на юге Карело-Финской ССР, является восточнобалтийским.

Кроме балтийских и беломорских компонентов в состав карел входят в небольшом количестве переходные лапоноидные типы — низкорослые, темные и брахикефальные. Наибольшая их концентрация наблюдается кое-где на севере Карелии, напр. в районе Тихтозера и Вокнаволока, где умеренная короткоголовость (головной указатель 81.8) сочетается с низким лицом, относительно темными глазами и относительно большим количеством вогнутых спинок носа (40%).

Карелы Калининской обл. по росту и пигментации близки к своим соплеменникам из северных районов Карелии, по головному указателю (81.6) они,

---

[1] Эта статья А. М. Линевского написана для сборника Института этнографии Академии Наук СССР «Народы СССР» по специальной программе этого сборника (см. «Сов. этн.», II, 1939). Антропологическая характеристика карел написана Н. Н. Чебоксаровым; раздел об орнаменте — Л. А. Динцесом; раздел «Язык и письменность» заимствован из рукописи проф. Д. В. Бубриха. (*Ред.*).

напротив, более напоминают группы южной Карелии. Характерно для них также значительно меньшее, чем на севере, количество вогнутых спинок носа (только 20%). Все это наводит на мысль, что среди калининских карел преобладает умеренно светлый брахикефальный валдайский тип.

Интересно отметить, что антропологически карелы очень близки к своим русским соседям. Северные карелы по многим признакам больше напоминают кемских или архангельских поморов, чем представителей своего народа из южных районов. Южные карелы, в свою очередь, сближаются с русскими Ленинградской и Вологодской областей, среди которых преобладает восточнобалтийский компонент. Наконец, карелы Калининской обл. антропологически относятся к тому же валдайскому типу, что и русские Калининской обл.

Несомненно, что формирование карельского народа происходило среди населения, с глубокой древности смешанного в антропологическом отношении. В серии черепов из неолитического могильника на южном Оленьем острове (Онежское озеро), раскопанного В. И. Равдоникасом, уже встречаются, на ряду с преобладающими европеоидами «кроманьонского» облика, объекты, несущие монголоидные черты: уплощенность лица, слабое выступание носовых костей и др. (Жиров). Позднее в финских курганах X—XII вв. часто попадаются черепа с переходными «лапоноидными» особенностями: плосковатым низким лицом, слабо выступающим вогнутым носом, предносовой ямкой и т. д. (Чебоксаров). Все эти расовые типы, конечно, вошли в состав предков современных карел, распространявшихся в начале второго тысячелетия н. э. значительно южнее границ бывшей Карельской АССР.

Географическая среда. Карело-Финская ССР расположена вдоль западного побережья Белого моря, на юге включает в себя Ладожское озеро и весь, кроме юга, бассейн озера Онежского. На западе достигает берегов Финского залива. Рельеф страны отличается скалистостью, повсюду заметны следы ледников, насчитывается, примерно, до 20 тысяч озер, в которые впадают ручьи и речки, часто соединяющие собою ряд озер. Много болот. Карелию называют «страною озер и скал».

Полезные ископаемые Карелии очень велики и многочисленны: 1) нерудные ископаемые — граниты, диабазы, мраморы, примерно, сорока разнообразных расцветок, известняки, кварциты, песчаники, эффузивные диабазы и брекчии, моренные и ленточные глины. 2) Керамическое сырье — полевой шпат, кварц, пегматит. 3) Минеральные, диэлектрические минералы — горшечный камень, слюда. 4) Абразионные материалы — брусковый, точильный, стеклообразный и жерновой камень. 5) Белые кварциты, шунгит, тонкоплитняковые сланцы, песчаники, железная охра, барит и т. д. Кроме того, известны железнорудные месторождения — магматические, жильные и, примерно, в 100 озерах — озерная руда, ряд месторождений меди и т. д.

Обилие воды делает климат Карелии сравнительно мягким, но близость Ледовитого океана регулярно вызывает заморозки в июле — августе. Поэтому примитивное земледелие дореволюционного времени не поднималось выше устья р. Кеми. Благодаря высокому развитию советской агрономии, земледелие в настоящее время возможно в любой точке Карело-Финской республики.

Преобладающие почвы — суглинистая супесь, дерновые и подзолистые суглинки. Олонецкий и соседние районы на юге — в основе земледельческие, северные районы (Лоухский, Калевала и др.), благодаря осушке и обработке болот в советское время, создают теперь культурное животноводство.

Обилие и высокое качество карельских лесов общеизвестно. Бассейны Белого моря, Ладожского и Онежского озер обеспечивают население с древних времен рыбой (свыше 80 пород). На Белом море и Ладожском озере прежде были обильные промыслы за млекопитающими: на Ладожском озере — за тюленями,

на Белом море — кроме многочисленных разновидностей тюленей, били моржей, белух и встарину — китов.

В хвойных лесах (сосна, ель с примесью березы и осины) до последнего времени было немало охотничьей фауны. Еще в 1906 г. писатель М. М. Пришвин довольно метко охарактеризовал Карелию, как «страну непуганных птиц». Карелия лежит на пути перелета птиц в Арктику. Это до сих пор создает благоприятные условия для регулярной охоты весной и осенью; распространена также охота на белку, лисиц, рысей, медведей.

В настоящее время Карелия превращена в промышленную страну с механизированными лесоразработками, которые составляют основу ее экономики; развиваются усовершенствованные приемы рыболовства. Увеличивается сеть электростанций. Это позволяет промышленным комбинатам тут же на месте перерабатывать добываемое сырье в промышленные изделия.

Расселение и административное устройство. Декретом ВЦИК от 7 июня 1920 г. части бывших Олонецкой и Архангельской губерний были объявлены «Карельской Трудовой Коммуной». Через три года Коммуна декретом от 25 июля 1923 г. была преобразована в Автономную Карельскую республику. Территория этой Карельской республики занимала около 147 тыс. кв. км, т. е. по своим размерам в 5 раз больше территории Бельгии. Население республики в основном состояло из карел и русских, численное их соотношение было равно 2 : 3. Главный город Карело-Финской республики — Петрозаводск. В прочих городах (Медвежья Гора, Беломорск, Кемь) преобладает русское население. Кировская железнодорожная магистраль, идущая по меридиану, довольно точно отделяет территорию, занятую карелами, от территории, занятой русскими.

31 марта 1940 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании Карельской АССР в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику. В новую союзную республику, согласно с пожеланиями трудящихся Карелии, включена также большая часть территории, отошедшей к СССР на основании мирного договора с Финляндией 12 марта 1940 г., в частности города: Выборг, Антреа, Кексгольм, Сортавала, Суоярви и Куолаярви. В этих новых районах живут не только карелы, но и кровно родственные им финны. Площадь Карело-Финской республики более 196 000 кв. км.

Подразделения и обособленные части. В Финляндии именем «карел» прежде называлось все население, живущее на территории древней Карелии, т. е. в бывших губерниях царской России — Выборгской, Куопиоской, в частях Санкт-Михельской и Улеаборгской. В узком смысле «карелами Финляндии» называли тех карел, которые сохранили православие. Эти карелы живут в районе территории Выборг — Кексгольм — Сортавала (Сердоболь), т. е. граница их расселения, примерно, совпадает с государственными границами России по Абоскому договору 1743 г. Православных карел в Финляндии было около 50 тыс. человек.

Численность. По переписи 1926 г. карел в СССР было 248 тыс. чел., в том числе в Карельской АССР — 100 тыс. чел., вне республики — в Калининской обл. — 140 тыс. чел., в Ленинградской обл. — 2 тыс. чел. и в районе Череповца — 2 тыс. чел. В 1849 г., по подсчетам акад. Кеппена, карел в России было 171 тыс. чел., т. е. количество их за 75 лет почти удвоилось. Многие карелы, с переходом на русский язык, стали считать себя русскими. По переписи 1939 г. в СССР проживает 252 559 карел.

«Преобразование Карельской Автономной Республики в Союзную Карело-Финскую Республику будет способствовать дальнейшему хозяйственному и культурному развитию этих двух родственных народов и укреплению их братского содружества. Оно положит конец культивировавшейся на протяжении многих

лет врагами финского и карельского народов вражде и розни между обоими народами».[1]

Историческая справка. Многие финляндские ученые считают карел теми биармийцами, о которых говорят скандинавские сказания. Усиленное распространение этих очень сомнительных предположений в Финляндии имело, вероятнее всего, тенденцию политического характера — показать величину «пан-Финляндии».

Справедливее считать древней территорией карел те места, где они живут и поныне, т. е. весь бассейн Ладожского озера и два примыкающих к нему перешейка; иначе говоря — территорию от Финского залива до западного побережья Онежского озера.

Курганы IX—XIII вв. дают обширный материал о культуре карел того времени. Могильный инвентарь указывает не только на экономическое, но, судя по характеру вещей, также и на значительное социальное расслоение. Частые упоминания в русских летописях о карелах, как союзниках Новгорода, подтверждают вывод, что социальная структура карел не слишком отставала от русских соседей. Карелы принимали участие в походах новгородцев не только на внешних, но и на внутренних врагов древнего Новгорода, напр. на некоторых русских князей.

В XII—XV вв., т. е. в эпоху господства Великого Новгорода, положение карел не отличалось от их соседей. Характерно для этого периода стремление шведов, после захвата нынешней Финляндии, подчинить также и Карелию. Однако карелы не покорились шведской короне, и за исключением только одного случая всегда были на стороне русских.

Показательна, напр., борьба в конце XII в. В 1164 г. 55 судов шведов были разбиты у Ладоги. В 1186 г. новгородцы под руководством Вышаты разоряли в Финляндии тавастов. В следующем, 1187, году карелы сожгли столицу норманов Сигтуну, через 4 года князь Мстислав разорил центральную Финляндию, населенную ямью, а в 1198 г. он же разгромил шведов и их столицу в Финляндии Або сжег.

Новый цикл борьбы между Новгородом и Швецией падает на 20-е годы следующего, XIII, столетия. Католическая церковь усилила натиск на племена Финляндии. Вероятно, это обстоятельство вызвало подобное же наступление православия на карел: в 1227 г. была крещена часть южных карел, после чего был совершен поход на тавастов. В следующем году католики разоряли православных карел до Ладожского озера, но на обратном пути почти целиком были истреблены ижорами и карелами.

Борьба продолжалась и в 1236 г., когда регент Швеции Биргер предпринял крестовый поход с целью распространения католичества на Руси. 15 июня 1240 г. князь Александр Ярославович разбил на р. Неве Биргера и получил прозвание «Невского». В следующем году Александр Невский разгромил врага в его новой крепости Копорье. Через 8 лет Биргер высадился в Финляндии, покорил тавастов и основал город Тавастгуст (по древнему названию Эменлинн или Тавастборг). Тавасты сделались католиками. С этого времени Финляндия стала фактически провинцией Швеции.

Конец XIII в. был периодом почти непрекращавшихся войн новгородцев и шведов за распространение своего влияния. Каждый раз походы шведов оканчивались их разгромом. Когда начался период нашествия татарских орд на Русь и Россия была очень ослаблена, — все же новгородцы в 1292 г. походом на ямь продолжали отражать вторжения врагов через южную Финляндию. Правитель

---

[1] А. А. Жданов. Доклад на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 21 марта 1940 г.

Швеции Кнутсон в следующем году основал крепость Выборг на крайнем западе территории карел. Попытка новгородцев разгромить Выборг окончилась неудачей, и выборгский гарнизон захватил почти всю Карелию; через два года, в 1295 г., новгородцы вместе с карелами отбросили шведских завоевателей к Выборгу. Создание крепости Ландскроны (на ее месте в XVIII в. в Петербурге была построена Александро-Невская лавра) в 1301 г. окончилось разгромом шведов, и крепость была срыта. Течение Невы было опять в руках Новгорода.

Через несколько лет, в 1310 г., новгородцы вместо древнего города Корелы создали крепость, ныне называемую Кексгольм, и в том же году разгромили шведов на юге Финляндии. Через 3 и 7 лет шведы ответили двумя походами. Летопись отмечает гибель в Кексгольме множества онежских купцов. При этом в 1317 г. карелы были на стороне шведов. Этот единственный в истории случай измены объясняется злоупотреблениями новгородского князя Бориса. Новгородцы признали виновными не карел, а князя, и потребовали его изгнания. Карелы вновь перешли на сторону русских, и в 1318 г. новгородцы с помощью карел разгромили и сожгли столицу Финляндии Або. Через 5 лет шведы безуспешно нападали на Кексгольм; это вызвало попытку новгородцев взять Выборг, окончившуюся для русских такой же неудачей. В том же 1323 г. новгородцами была основана крепость Орешек или Ореховец (по-шведски Нотебург; впоследствии Петр I назвал ее Шлиссельбургом, т. е. Ключ-городом). Крепость эта защищала вход в Ладожское озеро.

В том же году в Ореховце был заключен мир. Любопытно, что арбитрами были два купца с острова Готланда. Они решали споры делегаций, причем русскую делегацию возглавлял сам князь Юрий Данилович, а шведскую — один из виднейших вельмож, королевский советник Эррик Турресон. Впервые были официально определены границы между Россией и Финляндией; шведам была отдана западная часть территории, заселенной карелами.

Было бы долго перечислять все дальнейшие военные походы то одной, то другой стороны. Кровавая борьба продолжалась, показателем чего служат перемирия следующих годов: 1326, 1351, 1482, 1493, 1497, 1504, 1557, 1575, 1583, 1590 и мирные договоры 1595 (Тявзинский мир), 1609 (Выборгский договор), 1617 (Столбовский мир), 1661 (Кардисский договор) и, наконец, 1721 г. — Ништадтский мир, заключенный Петром I.

Борьба русских и шведов происходила не столько за влияние на те или иные племена, живущие в районе Финского залива, сколько за торговые пути Европы с Востоком. Крепости Ладога, Орешек (Шлиссельбург), Ландскрона (позднее Санкт-Петербург) и Кронштадт расположены на водном пути — Ладожское озеро, река Нева и Финский залив. Кто ими владел, тот был хозяином торговой артерии, соединяющей Восток с Западной Европой.

Крепости Корела (Кексгольм) и Выборг были необходимы для поддержания господств в данном районе. В борьбе двух мощных феодальных государств карелы почти всегда были на стороне Новгорода, а затем — Москвы и бились с врагами России в союзе с русскими.

В периоды Московского царства и Российской империи внешняя история карел является в сущности частью русской истории, поскольку решающие события обычно происходили в центре русского государства. Карелы во всех внешних конфликтах неизменно поддерживали Россию; карельский народ выказывал при этом подлинный героизм, но российские делегаты на мирных конференциях, своим неумением, а иногда и прямой изменой государственным интересам, часто сводили на-нет успехи русского народа и его союзников — карел. Только этим и можно объяснить, что часть карел на западе оставалась под владычеством шведов.

Показателем того, как относились карелы к шведам и к русским, является факт, когда в трудные годы начала XVII в. значительная часть карельской народности предпочла переселиться в глубь России, в так наз. «тверские земли», чтобы только не подпасть под власть шведов.

Основные занятия. Бассейн Белого и Балтийского морей, громадные озера — Ладожское и Онежское, густая цепь рек, речек и тысяч озер — все это способствовало раннему и прочному заселению древней Карелии. Наиболее ранние, явно неолитические стоянки датируются третьим тысячелетием до н. э. Находки за последние годы «арктического палеолита», несомненно, принадлежат к более позднему периоду и хронологически не совпадают со стадией западноевропейского палеолита.

Ассортимент орудий, находимых на стоянках, и замечательные рисунки на скалах (петроглифы) выявляют широко развитый в то время охотничий промысел на суше, на реках и на море. Чтобы показать разнообразие приемов охоты, перечислим лишь те виды охоты на лося и оленя, которые изображены петроглифами: 1) применение особой западни, охватывающей ноги животного; 2) метание камней; 3) метание дротика и копья; 4) применение стрел (следовательно, стрельба из лука); 5) загон в реку, где животных кололи вилами (двузубцами); 6) гоньба по насту; 7) ловля капканами, т. е. механическими ловушками. Кроме этих приемов, представленных на древних изображениях, повидимому, применялись еще ямы, а также загон стада в огороженные изгородью места. Допустимо также предположение об оленеводстве, вероятно, так наз. лопарского типа — с отпуском животных на лето в лес и со сгоном их осенью. При этом применялось заманивание в период течки важенками (самками) диких самцов, которых охотники затем убивали.

Изучение орудий труда неизбежно приводит нас к выводу о расцвете неолитической культуры в древней Карелии во второй половине второго тысячелетия до н. э. Культурный слой стоянок первого тысячелетия до н. э. значительно слабее, а следующее тысячелетие не сохранило никаких следов поселений. Только в VIII—IX вв. н. э. вновь появляются многочисленные остатки древнего человека в виде могильников-насыпей (курганов).

Юго-восточный бассейн Ладожского озера, по определению археологов-исследователей, имеет свыше 1100 курганов; из них раскопано, примерно, 400. Находки обычно датируются X—XII вв., наиболее ранние — VIII столетием. Инвентарь курганов вместе с находками городища на Старой Ладоге подразделяют на четыре группы: 1) изделия домашнего производства; это изделия из дерева и лыка, домотканина из льна и шерсти, глиняная утварь; 2) изделия местного ремесла, большею частью железные предметы — стрелы, копья, топоры, ножи и, возможно, некоторые бронзовые изделия; 3) предметы ввоза с Востока — из серебра и бронзы: браслеты, шумящие подвески, а также стеклянные бусы; 4) предметы ввоза из Скандинавии — боевое оружие, бронзовые фигуры и браслеты; отдельные предметы из Прибалтики.

Монеты как западноевропейские, так и арабские, аббасидские и саманидские указывают на то, что вдоль бассейна Ладожскго озера в те века проходил торговый путь, и местное население было втянуто в торговые обороты. Курганы исчезают в конце XIII в., лишь немногие восходят к XIV в. Они заменяются христианского типа кладбищами. В это время изменились торговые взаимоотношения, и основной торговый путь между Востоком и Западом стал проходить по водной магистрали Киев — Новгород, появилась мощная система Ганзы. Громадная территория: Ладога, Онега, Северная Двина, Печора, Урал превратились в колонии Новгорода, откуда он получал, главным образом, меха, а с Урала еще и так наз. закамское серебро.

Оседлость, чем карелы, главным образом, отличались от своих соседей саамов (лопарей), обеспечивала занятие земледелием. На выбранном участке леса выжигались деревья, мотыгой или сохой разрыхлялась почва, зола перемешивалась с размельченными кусками дерна и затем производился засев ржи или репы; площади посевов назывались «нивами». Эта повсеместно распространенная на всем севере Европы «подсечная система» потом стала чередоваться с обычным трехпольем.

Писцовые книги XVI в. Обонежской пятины, в которую входила часть карел, указывают на крайне мелкие поселения, нередко в одно-два хозяйства; количество посева и покоса выявляет очень маломощное земледелие и скотоводство. Показателен тот факт, что старинные поселения карел обычно находятся на самом берегу озера или реки, в то время как новые селения, как правило, возникают на высоких местах, где заморозки не так опасны для посевов хлеба. Очевидно, встарину рыбный промысел имел здесь больше значения, чем земледелие.

Известную роль в хозяйстве играло животноводство, что доказывается перечислением объектов натурального оброка в актах XVI в. при переходе на денежные расчеты. Денежные взносы заменялись представлением в натуре коров, боровов, свинины, тетеревов, зайцев, гусей, сметаны, молока, масла, сыров — сметанного, кислого, мягкого, сухого, а также яиц. Таким образом мы видим, что в оброке учитывались также объекты животноводства и охоты.

Не вызывает никакого сомнения существование металлургии. Районы Заонежья и средней Карелии весьма богаты болотной железной рудой, из которой, как известно, ковали высоко ценимые на Руси в XV—XVIII вв. топоры и ножи. Обилие местной руды явилось причиной возникновения в последней четверти XVII в. железных и медеплавильных заводов, построенных иностранными предпринимателями, а в начале XVIII в. почти повсеместно перешедших в собственность казны.

С основанием Петербурга усилилась торговля, в столицу начали ввозить с Белого моря не малое количество товаров, главным образом разных мороженых продуктов. Появился новый промысел — извоз и бурлачество, успешно существовавший до появления пароходов и железных дорог.

В середине XIX в. повсеместно в Карелии начались лесоразработки, и в устьях крупных рек — Кеми, Выга, Суны, Шуи, Олонки и других — появились лесозаводы. Население многих волостей стало круглый год заниматься лесозаготовками, лесосплавом и периодической работой на лесозаводах.

В волостях, близких к финляндской границе, в XIX в. было широко развито коробейничество. Торговцы раздавали товары малоимущим карелам, которые разносили их далеко по Финляндии. Этот последний промысел способствовал более тесному сближению двух братских народов.

С р е д с т в а с о о б щ е н и я и с в я з и. Наиболее древние средства сообщения: в теплое время на лодках, в холодное — на лыжах. Дорог не было. Этим можно объяснить то обстоятельство, что редко можно встретить старинное карельское селение не на берегу реки или озера, где вытекает или втекает река (селения карел Калининской обл. возникли не раньше XVII в. и поэтому в это обобщение не входят).

Лошадей, которых, судя по курганным данным, карелы знали еще в прошлом тысячелетии, помимо верховой езды, население применяло для перевозки клади на волокушах. Это — две оглобли, прикрепляемые к хомуту, ниже соединенные между собой перекладиной, на которую клали груз; другими концами волокуша волочится по земле.

В Заонежье кое-где уцелели служащие для вывозки навоза одноколки, в которых колеса сделаны из обрубка цельного ствола. Колесных экипажей в Карелии не было очень долго. Это доказывается также и обычаем перевозить

на дровнях покойников летом на кладбище — пережиток, указывающий, что сани появились в Карелии, как и вообще на Руси, в несравненно более раннее время, чем телеги. В литературе XIX в. встречаются воспоминания о том, как чиновников, за отсутствием телег и экипажей, доставляли иной раз на своеобразных носилках, прикрепленных к двум верховым лошадям.

Селение и жилище. Наиболее древний тип поселения — избы с хозяйственными постройками, расположены не вдоль улицы, а без всякого плана, кому где вздумалось их выстроить. В таком селении вместо улицы была только сеть тропинок.

Жилищ два типа: один состоит из ряда примыкающих друг к другу построек. Впереди и выше всех изба, за ней сарай, далее — хлев. В профиле эти постройки образуют плоскости в убывающем по высоте порядке. Другой тип — это обычное севернорусское строение, где под одной большой двускатной крышей сосредоточены двор и все необходимые постройки. На переднем плане — изба, обычно в два этажа: летом живут вверху, зимой — внизу; верхняя изба отделяется сенями от сарая, клети и кладовых. Внизу рядом с жильем хлев, конюшня и т. д.

Избы по-черному, без дымоходов, почти исчезли, встречаясь лишь единицами. Но эти курные избы сохранялись под видом охотничьих или луговых избушек. В сказках упоминаются избы о трех углах — возможно, что это уподобление охотничьему заслону в лесу, состоящему из наставленного с трех сторон ельника, перед которым горит костер.

Классовое расслоение отражалось в постройках. В бедняцком жилище печь в углу избы занимала иной раз до $^1/_4$ всей площади, в другом углу — низенький стол; к стенам с двух сторон прикреплены неподвижные лавки, под которыми складывались хомуты, сапоги и прочие ценные вещи. По фасаду было три окна, из них среднее немного повыше, а два боковых не более полуметра высотой. Спали зимой на печи, летом — на полу. В середняцких хозяйствах была обязательно кровать, обычно от входа направо. На ней спали хозяева, а дети, даже взрослые, спали зимой на полу, летом — в сенях или на сеновале. Кулацкая часть карел, как правило, подражала городскому населению. Внешнее экономическое благосостояние обнаруживалось лишь подъемом жилого помещения повыше от земли и добавлением двух-трех венцов бревен для большей высоты стен горниц.

Одежда. Национальная одежда и специфические, одним лишь карелам свойственные украшения в настоящее время почти неизвестны. Только на севере Карелии кое-где сохранились сарафаны из цветных продольных полос. Уже в середине XIX в. этнографы констатируют отсутствие у карел национальных костюмов.

В 50-х годах XIX столетия отмечены у карел приплечки — вышивки разноцветными нитками, в виде удлиненных треугольников, вышиваемые на женских рубашках с длинными холщевыми рукавами. Сарафаны носили клинчатые, чаще всего со спинкой до самой шеи. У бедных они были из домотканины с набивным рисунком, у состоятельных в праздники — из сукон и дешевого шелка. Обязательная принадлежность женского костюма — платки на голове, шаль на плечах и из дорогой материи или богато расшитый передник. Из украшений носили бусы, серебряные, золоченые и золотые цепочки, дутые броши на груди, а также иногда серьги из местного жемчуга, в форме бабочек. Ближе к Поморью и в Заонежье наряд был явно заимствован у русских, начиная от парчевой душегрейки и до головного убора «поднизь» или «подчелок», с местным жемчугом. Женщины, повидимому, повсеместно носили сороку; в иных местах она называлась «лакка». На ногах — нередко мужские сапоги, а ближе к городам — «баретки» или туфли.

Костюм парней издавна состоял из рубахи, по праздникам обычно шелковой или атласной (забываются времена, когда носили рубаху с расшитым подолом, нарукавниками и воротом), белых в голубую полоску штанов из домотканины. Позднее появилась черная пиджачная пара. Жилет обычно был признаком солидности лет и положения. Также не национальным, а свойственным всему Северу является надеваемый поверх полушубка балахон из домашнего сукна (основа льняная или конопляная, уток — шерстяной), широко распространенный на Севере под названием «азям», иногда «шабур».

Промысловая одежда: охотники надевали чаще всего коричневый, а иногда белого цвета, из домашнего сукна кафтан, холщевые штаны, летом лапти, а зимой так наз. «кенки» или «упаки». Кенки — это сапоги с отгибающимися кверху концами, незаменимые для бега на лыжах.

Обрядовая одежда: лет 50 тому назад женщины во многих местах носили «матурник» — сарафан из красного сукна с металлическими пуговицами. От ворота по груди на нем — ряд из тринадцати больших пуговиц, а остальные пуговицы, до подола, были меньшего размера. По объяснению последнего старообрядческого начетчика Карельского Беломорья Матросова, 13 пуговиц означали Христа с двенадцатью апостолами, меньшие же пуговицы — прочих «малых» апостолов. Повидимому, матурник занесен русскими старообрядцами; он крайне неудобен, на улице ветер раздувает его, и женщине трудно в нем итти. Для моления старообрядцы применяли белую, из домотканого холста рубаху с длинными узкими рукавами, очень широкий, из черного сатина (у богатых — из черной шерсти) балахон и такого же цвета, без всякой расцветки, платок. Необходимой принадлежностью при молениях была лестовка, для отсчитывания числа отбиваемых поклонов или повторяемой иисусовой молитвы.

Главным материалом для одежды служила домотканина — холст из конопли, позднее — из льна, а также домашнее сукно. Чистое сукно очень толсто и менее прочно, чем более гибкое и тонкое полусукно, с шерстяным утком. Ассортимент покупных материй был разнообразен; парчевые изделия, душегрейки, головные украшения и т. д. передавались из поколения в поколение, и многие из них сохранялись не одно столетие.

П и щ а. Основная пища карел — мучная, в самой республике при этом обычна рыба, у калининских карел — молочные продукты. Мясо, в связи со слабым развитием прежде животноводства, ели не часто. Дичь в XIX в. не была предметом питания, так как почти всецело шла в руки скупщиков, отправлявших ее в Петербург.

Для выпечки хлеба к муке часто примешивали сосновую кору. Весной, после того как пройдут первые дожди, с дерева осторожно стесывали верхний слой коры, оставляя нижнюю светлокоричневую массу. Разделив роговым скребком на продольные полосы, снимали узкие, длинные полоски коры и выжаривали их в горячей печке, чтобы удалить горьковатый смолистый вкус. В большой деревянной ступе толкли кору на кусочки и затем на ручных мельницах намалывали светлокоричневую сосновую «муку». Пропорция подмешивания этого суррогата к хлебу зависела от степени благосостояния хозяйства. Иногда бедняцкие хозяйства соотношение настоящей муки и соснового суррогата доводили до пропорции — 1 : 1. В период острых голодовок делали лепешки из чистой сосновой «муки», разведенной на кислом молоке.

Характерны для Карелии сушеные толстые лепешки из пресного теста, с отверстием посредине. Их нанизывали на жерди, сушили над печью и брали в далекую дорогу. Они назывались: лейкэ-лейпэ.

Из муки делают обычные для всего Севера печенья: калитки, т. е. пирожки с начинкой из каши, ягод или картофеля; шаньги — хлебные ватрушки, с начин-

кой из каши, картофеля, ячменной муки или ягод, и разные хлебы, а также кисели; мука идет еще для подболтки в суп, в кашу и т. д.

Рыбу едят во всех видах: свежую, соленую, распаренную после сушки и, гораздо реже, квашеную. Сеяли много репы, она хорошо росла на подсеках. Путешествовавший в самом начале XIX в. акад. Озерецковский отметил, что репа была основной пищей в районе Олонца: репный квас, репные пироги, репная каша и как сладкое блюдо — пареная репа. С запретом выжигать лесные площади под «нивы» в обиход стал входить картофель. Употребление грибов почти неизвестно; из ягод собирают только бруснику, клюкву, чернику, реже — морошку.

Едят обычно три-четыре раза в день: утром, когда встают, в полдень — обед и затем до сна, в зависимости от обстоятельств, один или два раза.

Медицина и гигиена. Царское правительство совсем не заботилось о здоровье «кореляков». Этим и можно объяснить, что в лечебном деле Октябрьская революция застала среди карел много пережитков древнейших воззрений. Методы лечения чаще всего были связаны с магическими представлениями. Лекарь прежде всего должен был решить вопрос: «откуда пришла болезнь?» Если человек был накануне заболевания на озере, то лекарь решал, что болезнь произошла от озера, а потому надо итти туда «попрощаться», т. е. испросить прощения у озера, точнее — у его хозяина. Если нельзя было определить таким способом источник заболевания, то считалось, что болезнь послана по ветру, и тогда возникала задача определить, кто из людей мог ее наслать. Если источник болезни «определен» (напр.: «пришло от озера»), то после захода солнца, чаще в полночь, заболевший в одной рубахе, отнюдь не подпоясанной, шел в сопровождении лекаря-колдуна на озеро. Знахарь чертил вокруг себя и больного магический круг, чаще всего железом и огнем; больной повторял вслух заговор, который ему шептал знахарь. Иногда больной только делал земные поклоны, а колдун вслух или мысленно произносил заклинания. В этом и состояло все лечение.

Рядом с этим широко применялась «уподобительная» магия. Чтобы женщина легче родила, всегда открывали трубы, окна и двери, отпирали замки, развязывали все узлы, а в особо трудных случаях раскрывали в церкви «царские врата». Все это должно было способствовать более легкому появлению ребенка на свет. Тот же принцип магии ясен, напр., в обычае поить роженицу водой, которой обмыли ружье: «как ружье легко стреляет, так пусть и роженица легко родит».

Предупреждение заболевания в основном сводилось к ношению разных амулетов: ртуть в шейке пера, челюсть или зуб щуки, «мышиный камень» из гнезда мышей, серебро, реже — железные изделия, хлебные зерна и т. д. Такого рода обереги делали для новорожденных, их также носили девушки на выданье, невесты и молодухи. В зависимости от возраста и положения состав оберега видоизменялся: девушкам «на выданье» в этот ассортимент вводили ленты вышедшей ранее замуж сестры или подруги; невеста получала ряд дополнительных оберегов для предохранения от «сглаза», напр., серебряный крестик, а молодухе добавляли замкнутый замок и в подол ее одежды втыкали иглы со сломанными концами, как предохранение от порчи.

От ночного крика и беспокойного сна младенцев знахарка перед наступлением полночи обходила дом с топором, обухом которого трижды стучала в подоконники и порог. После этого над входом в дом прикреплялись остриями вниз вилы, косы, ножи, топоры — всё колющие предметы, которые будто бы не пропускают болезнь к ребенку. Происхождение данной болезни приписывалось некоему духу женского пола.

Оспу чаще всего называли: Оспа Осиповна, Оспа Ивановна. Заболевание кого-либо из членов семьи приписывали ее приходу в дом. Пока больной не выздоровеет, в этом доме нельзя было шуметь, ссориться, категорически запрещалась половая жизнь живущих здесь, не мазали дегтем сапог и беспрекословно выполнялись все капризы больного, так как предполагалось, что от его имени говорит сама «Оспа Осиповна».

Детский рахит, всюду именуемый «собачьей старостью», лечили мнимой передачей болезни ребенка той или иной собаке. Для этого или мыли ребенка вместе с собакой, или обмазывали его тестом, сажали на короткое время в горячую печь и затем скармливали собаке куски этого теста: съев тесто, собака будто бы перенимала болезнь ребенка. «Лечение» горячки (тифа) и озноба было, в сущности, способом умерщвления больного. В одном случае больного старались опустить в как можно более холодную воду, зимой — даже в прорубь, а в другом случае больного до беспамятства парили в банном жару.

Цынгу, этот бич Крайнего Севера, с давних пор лечили разумными методами: на спину больного накладывали тяжести и заставляли его много двигаться, что вызывает усиление кровообращения и работы всех органов; далее, больного поили свежей кровью, и он поправлялся.

Социальный строй. Карельские курганы IX—XIV вв. непропорциональным распределением могильного инвентаря отражают общественную дифференциацию карел этой эпохи. Встречая в одном кургане два захоронения, из которых одно снабжено мечом, щитом, стрелой, топорами, бронзовой пряжкой, таким же бубенчиком и другими украшениями, а второе — лишь большим наконечником стрелы,[1] — законно предположить, что социальное положение похороненных было разным. Крайне редко встречаемые в курганах мечи и щиты свидетельствуют об особом положении их владельцев перед прочей массой покойников, заполнивших остальные курганные насыпи.

Следы рабства, зафиксированные карельским эпосом, хорошо известны по этнографическим данным у широкого круга племен северной Европы и Сибири. Калевала рисует рабство в рунах о Куллерво из рода Калерво, который был воспитан как раб в роде Унтамо.

Еще в недавнее время у карел весьма стойко сохранялась структура большой семьи (семейной общины), иногда численностью свыше 40 человек. Все имущество такой семьи принадлежало всему хозяйственному объединению и никому из членов в частности; производство и потребление было коллективным. Хозяином большой семьи теоретически всегда был старший по степени родства. После его смерти хозяйством начинал руководить следующий за ним брат, дальше — другой брат, и только после смерти всех братьев хозяйство брал в руки старший сын старшего брата. Если, например, дядя и племянник были одних лет, то хозяином становился дядя, а не племянник. Однако, изучая генеалогию больших старинных семей, мы видим, что при долголетии хозяина после его смерти очень часто хозяином делался его старший сын, так как братьев его отца или уже не было в живых или, по дряхлости и по непривычке распоряжаться, они не решались брать на себя эти функции. Глава хозяйства обыкновенно оставался им до самой смерти. Старики не могли припомнить мне случаев лишения хозяина права управлять хозяйством.

Сопротивление хозяину со стороны отдельных членов хозяйства могла оказать только его родная мать, отказываясь благословить сына на задуманное дело. Отказ в материнском благословении морально парализовал волю хозяина. Кроме сопротивления матери, выше воли хозяина стояла сила обычая, на который ему указывали старшие члены семьи.

---

[1] Бранденбург. Курганы, курган № 45.

В ведении хозяйки был скот (кроме лошадей), запасы белья и одежды, хранение и изготовление пищи. Хозяйка, подчиненная вообще хозяину, имела некоторое преимущество в скотоводстве: без ее одобрения и разрешения никто не имел права ни убить, ни продать ни одной скотины. Она имела также право требовать от хозяина изготовления или приобретения необходимого в хозяйстве. Вообще же хозяйка являлась руководителем всех женских работ и отвечала за всех женщин.

Если старшее поколение мужчин не испытывало особого давления в большой семье и было ответственно лишь перед хозяином, то положение женщин старшего поколения было в такой же степени тяжелым, как мужской и женской молодежи. Пожилая женщина зависела от мужа, подчинялась хозяйке всего хозяйства и, наконец, хозяину. Но муж обычно был и защитником своей жены, почему незамужняя женщина (старая дева) или вдова находились в особенно тяжелом положении: некому было защищать их интересы.

Вся тяжесть подавления индивидуальности, личной инициативы и воли падала на молодежь, как на мужскую, так и женскую: она зависела от родителей и находилась в полном подчинении у хозяина, девушки же зависели еще и от хозяйки. Сколько ни работал молодой член семьи, весь заработок поступал в общую пользу. Когда парень уходил на заработки, то по возвращении домой он все заработанные деньги отдавал хозяину. Даже отец работавшего парня без разрешения хозяина не смел взять у сына ни одной копейки. Если бы заработавший деньги захотел сколько-нибудь оставить себе, он мог бы это сделать лишь утаивая.

Еще более тяжелым являлось в большой семье положение женской молодежи. Дочь в доме считалась временной жилицей. В доме мужа она рассматривалась как настоящий член семьи только после того, как у нее родился сын. Положение бездетной женщины было весьма тяжелым. Отец и мать, по выходе дочери замуж, теряли на нее права. В случае какого-либо бедствия, они не могли обращаться к ней за помощью. Все права родителей на дочь переходили к мужу и его родителям.

Юридически не было разницы между старшим сыном хозяина и его племянником, если они приблизительно в одних летах. Вопрос о подчинении одного другому в младших поколениях был тесно связан с возрастом, и всегда более молодой был подчинен более старшему, в то время как в старшем поколении важен был не возраст, а степень родства. Среди женщин жена хотя бы младшего племянника имела некоторую власть над любой девушкой в хозяйстве, к которому принадлежал ее муж. Обычай разрешал любому старшему карелу «учить», т. е. наказывать, чаще всего физическими мерами, более молодого, чем он, по возрасту. При этом родня никогда не должна была заступаться за того, кто подвергался «учению».

Экономическое расслоение и закабаление местными богатеями бедноты широко обозначились, как доказывают документы, уже в XV в. Сохранились грамоты, в которых богатые карелы выступают в тяжбах со своими бедными соотечественниками, скупают у них земли, ловища и т. д.

Реформы Ивана Грозного и последующих царей способствовали классовому расслоению карел. На памяти населения каждая волость в XIX в. имела «хозяев», т. е. кулаков, которые держали своих земляков в кабале. Чтобы избежать неизбежной конкуренции, невыгодной богачам, между ними существовала договоренность и раздел «зон влияния»: население каждого района было вынуждено выполнять все требования своего «хозяина».

Р е л и г и я. В начале XIX в. население средней и северной частей Карелии было старообрядческим. Остатки дохристианских представлений можно найти

в охотничьих сказках, где стихии часто фигурируют под видом водяного, лешего и т. д. Больше всего старых верований сохранялось в приметах.

Литература XIX в. зафиксировала у карел ряд представлений, сходных с представлениями мордвы, марийцев, коми и других родственных племен, как, напр., мифы о мироздании, основанные на дуализме, на сопоставлении зла и добра, ряд более или менее одинаковых божеств и т. д.

Леший представлялся следующим образом: он сладострастен, любит пошутить над человеком, но при умелом договоре с ним делается помощником или покровителем охотника. Леший имеет свои тропы, вступив на одну из них, человек не может сойти, пока не перетряхнет всю свою одежду и не наденет ее наизнанку. Леший живет семьей, у него жена и дети, он часто воюет с соседним лешим. Миграция белки и других объектов охоты объяснялась результатом проигрыша их в карты местным лешим своему соседу. Водяному в одинаковой мере приписывалось картежничество, сексуальные похождения и т. д. Водяной считался всегда злым и опасным для жизни человека. Если водяной представлялся стариком очень волосатым, то леший мог иметь самый разнообразный возраст, а также и внешний вид: иногда он гном ростом, иногда — выше сосны; очень часто, особенно в сказках, имеет вид охотника и даже солдата в мундире. В отличие от человека леший застегивает левую полу своей одежды на правую.

Верили также в духов, связанных с той или иной хозяйственной постройкой. О домовике было широко распространено представление, как о старой женщине, любящей по ночам прясть; ее считали несомненным покровителем хозяйства и всей семьи. Крайне любопытна связь домовика с подпольем: на третью ступеньку ведущей туда лестницы спускали женщину во время трудных родов; там же лечили заболевших; в подполье, а иногда под порогом, в очень отдаленные времена погребали старшую в роду женщину (реже хозяина).

Очагу приписывались целебные свойства и функции оберега. Новобранцам и другим отъезжающим членам семьи давалась ладанка с землей из подполья и золой из печи. При переходе в новый дом, из старой печи всегда переносили в новую огонь, иногда горячие угли в горшке, в крайнем случае — золу.

Довольно четко сохранялось представление о духе, живущем в хлеву, и очень смутно — о конюшенном. О последнем известно лишь поверье, что если он не полюбит лошадей определенной масти, то станет их мучить. С хлевом были больше свего связаны женщины: они в хлеву рожали детей, в хлеву ухаживали за скотиной. По рассказам стариков, в «степенных» хозяйствах мужчина очень редко входил в хлев. Как правило, в старину при очистке весной хлева применялись не вилы, а деревянные лопаты, чтобы случайно не поранить покровителя, чаще всего олицетворяемого «мышью» белого цвета (вероятно, так называлась ласка). Поэтому никогда в хлевах не разорялись мышиные гнезда, а находка в хлеву камушка означала приобретение целебного талисмана.

Повидимому, некогда видное значение в домашнем пантеоне духов занимал ригачник, т. е. дух — хозяин риги. Во всяком случае, с ним повсеместно были связаны обрядовые гаданья, обычные на святках, в частности — выяснение сроков выхода замуж и выявление характера будущего мужа. Ригачник представлялся всегда очень волосатым. В полном забвении находится «баенник» (банник), но до сих пор редко кто из стариков пойдет мыться в баню в полночь.

Карелы жили большею частью в небольших селениях. Напр., в населенном карелами Повенецком уезде в 1905 г. было 151 селение с 1—5 домами, 106 — с 6—10, 105 — с 11—25, и только в одном селении было более 50 домов. Малочисленность населения являлась естественным препятствием к организации таких увеселений, как хороводы. Не привилось также масляничное катанье на лошадях. Наиболее развитый цикл празднеств падал на святки. Здесь интересно отметить поверье о Кегно (или Каруте), который связывался с прорубями. На эти послед-

ние в период святок всегда клали две лучины поперек: эти крестообразные знаки, яко бы, препятствовали выходу из воды духов. Ряженые (по-местному «кухляки») олицетворяли духов, вышедших из проруби и уходящих обратно в последнюю ночь святок перед крещением. Таким образом, христианское рождество совпадало с местным культом Кегно.

Следующий крупный цикл празднеств приурочивался к летнему иванову дню. Он проходил в общем так же, как и у русских. Общественные пиры всегда приурочивались к ильину дню 20 июля, а там, где жители были связаны с промыслами на воде, к миколиным дням, зимним и вешним, — 9 мая и 6 декабря.

Поминание покойников, по-карельски «мустайзет», было распространено повсеместно, но не приурочивалось к определенному календарному дню. Обряды, связанные со смертью, в XVIII в. в основном уже не отличались от русских. Отметим кое-где сохранившееся надземное гробовище (вместо могильной насыпи) с окошечком на запад, иногда на восток, куда при поминках выливалось питье и бросалась еда; все это наводит на мысль о некогда бытовавшем надземном погребении. Вместо креста устанавливались столбы, обычно разукрашенные резьбой, с прибитыми двумя дощечками в виде крыши. Могилы наиболее уважаемых покойников на карельских кладбищах часто имеют насыпь типа кургана, обнесенную срубом, иногда пятиконечным, напр., могила Рокача в Ругозерском районе. В гроб хозяйственной женщины клали прялку с куделей или нить с иглой; рассказывают, что неизлечимым пьяницам в гроб клали бутылку водки. Нетрудно заметить в ряде старинных селений стремление устраивать кладбище на острове.

Свадебный чин разработан был весьма подробно, но он в основном не отличался от русской свадьбы. Процедура, связанная с рождением ребенка, церковного характера.

Если в настоящее время совершенно забыты священные рощи, то существующий запрет на принесение с кладбища ветвей и на применение в качестве топлива упавших на кладбище деревьев, является показателем священного значения кладбищенских деревьев. Рябина и черемуха принадлежали также к числу священных деревьев.

Сохранились следы почитания некоторых птиц и животных. Многие старики до сих пор не бьют лебедя — это превращенная женщина. Несомненно влияние старообрядчества в запрете есть зайца на том основании, что «лапа у него собачья». Щука, в частности щучья челюсть — фетиш, который нетрудно еще найти в избах, где живут старики, даже в наши дни.

Любопытен обычай приношения иконам в местных часовнях крыльев глухарей и яиц лебедей. Женщины, желавшие получить хорошую прибыль шерсти от овец или вырастить высокий лен, приносили туда же овечью шерсть, лен и т. п.

Влияние православной церкви почти сошло на-нет. Политическая роль церковников в царское время, их явное содействие белогвардейцам в 1918—1920 гг. привели к тому, что в 1922—1923 гг. в карельских районах Северной Карелии уже не было ни одного попа. В настоящее время представителей церкви в карельских районах — лишь немногие единицы.

В таком же положении и сектанство. Еще в начале 30-х годов нашего века сектантов можно было насчитать около сотни в Тунгудском, Ругозерском и других районах. После коллективизации старообрядчество уцелело лишь в наиболее глухих поселках, и в настоящее время насчитывается не более нескольких десятков человек староверов.

Народное творчество. Карелам посчастливилось больше, чем многим другим народностям нашего Союза, ознакомить культурный мир со своим творчеством: сборник карело-финских песен «Калевала» переведен на все главные языки Европы и навсегда вошел в число памятников мировой литературы.

Правда, финские националисты-суоми ради политических целей еще сто лет назад объявили карело-финские руны национальной эпопеей лишь одних суоми. Но когда карельский народ вошел равноправным членом в свободную семью народов Советского Союза, когда появилась карельская интеллигенция и возобновились записи рун, до сих пор бытующих в карельских деревнях, — стало бесспорным и общепризнанным, что руны «Калевалы» (страна Калевы) — это общее творчество двух братских народов — карел и суоми.

Сборник «Калевала» содержит 50 рун. Хорошим показателем того, что это собрание различных песен отнюдь не составляет единую эпопею, служит одна уже невозможность коротко передать содержание всего сборника, — приходится давать пересказ одной руны за другой: большинство рун имеет завершенную фабулу и логически не связано с последующей песней. Прав был переводчик на русский язык Л. Бельский, когда он на титульном листе заменил слово «эпопея» более правильным — «эпос».

Мудрый певец Вейнемейнен, рожденный от дочери воздуха и ветра, и брат его кузнец Ильмаринен по очереди сватаются. Первое сватовство певца к саамке (лопарке) Айно оканчивается ее гибелью в море. Певец попадает к хозяйке Похьолы (страны холода), но та согласна отдать дочь лишь в обмен за чудодейственную мельницу Сампо. Вейнемейнен едет домой, чтобы послать брата выковать эту мельницу. Встречает на обратном пути деву воздуха, опять сватается (далее вклинивается мотив о происхождении железа и об исцелении от раны). Вейнемейнен возвращается домой и отправляет брата ковать Сампо; девушка не идет за него замуж, и раздосадованный Ильмаринен возвращается обратно. Вклинивается пять песен о Лемминкейнене и его неудачном сватовстве к дочери хозяйки Похьолы. Вновь начинается рассказ о Вейнемейнене и его брате. Две руны повествуют о магических заклинаниях, с помощью которых нужно сделать лодку, чтобы свататься в Похьоле. Вейнемейнен и Ильмаринен стараются перегнать друг друга. Дочь хозяйки отказывает старику Вейнемейнену и принимает сватовство Ильмаринена. Тот успешно выполняет три испытания, похожих на испытания, данные Лемминкейнену. В шести рунах описывается свадьба. Молодые уезжают на родину Ильмаринена.

Пять рун вновь посвящены Лемминкейнену, которого обошли приглашением на свадьбу. Обиженный, он убивает мужа хозяйки Похьолы, сам бежит от кровной мести, спасается на некоем острове, где ведет крайне легкомысленный образ жизни, затем возвращается на родину, находит мать и делает неудачную попытку отомстить хозяйке Севера.

Шесть рун повествуют о несчастном Куллерво, взятом в рабство соседним родом: описание его страданий, его преступного кровосмесительства и самоубийства. Вклиниваются семь рун, посвященных походу Вейнемейнена и Ильмаринена для возвращения себе Сампо. Происходит бой между народами Похьолы и Калевы, во время которого чудодейственная мельница Сампо разбивается и тонет.

Лоухи (хозяйка Похьолы) мстит, посылает болезни, медведей, похищает небесные светила и огонь из домов Калевы. Три песни посвящены рассказу, как герои добывали обратно огонь и светило. Последняя (50-я) руна — о непорочном зачатии и рождении младенца — будущего короля Карьялы. Вейнемейнен навсегда уплывает со своей родины.

Внимательное изучение сборника карело-финских рун позволяет сделать следующие выводы. 1) Руны или песни, включенные в сборник «Калевалы», являются подлинно народным эпосом. 2) Руны эти возникли в разное время. В сборнике «Калевала» легко различить по крайней мере шесть циклов: неудачное сватовство Вейнемейнена, женитьба Ильмаринена, руны о Лемминкейнене, руны о Куллерво, руны о чудесной мельнице Сампо и, наконец, цикл свадебных

песен, а также преданий о создании мира, похищении солнца и т. д. Все эти циклы возникли не одновременно, а независимо друг от друга. 3) Руны возникли не в одном узко ограниченном месте. Отсюда множественность имен будто бы одного и того же героя: Вейнемейнен, он же — Увантолайнен; Лемминкейнен имеет синонимы: Ахти, Каукоммиэли, Кайколайнен, Ветрикке, Вейтина и т. д. «Имя Куллерво, — пишет Ленрот, — в рассказе о податях заменяется именем Калретуйнен, Тууринкинен, Лемминкейнен или старшего сына Вейно». Отсюда — путаница имен: «То, что один поет про Вейнемейнена, другой поет про Ильмаринена; что у одного поется о Лемминкейнене, то у другого поется о Куллерво или Юхагейнене». Отражая моменты, непосредственно касающиеся интересов всего населения, руны, безусловно, были распространены повсеместно. 4) Записи XIX в. дают нам циклы комбинированных рун. Сказания о чудесной Сампо, насыщающей людей, и об исчезновении этого счастья, смешиваются с сказанием о сватовстве и «умыкании», с преданиями о походе одного племени на другое. 5) Очень слабо ощущаемая струя христианства проникла в руны таким же образом, как элементы православия в дохристианские заговоры славян. Кроме того, частично руны написал сам Ленрот.

Карельский орнамент по своим темам и основным формам входит в круг народного орнамента северной половины Европейской части РСФСР. Общие исторические судьбы, еще со времен древнего Новгорода связавшие русское население Приладожья, Прионежья и Беломорья с карельским, обусловили близость изобразительного искусства обоих народов. Это, однако, не исключило своеобразия каждой ветви, различающейся от другой некоторыми особенностями трактовки форм, манерой построения узора, расцветкой и т. п. Эти признаки определяют специфику карельского орнамента, наиболее выразительного в вышивке.

Древнейшим типом карельской вышивки следует считать вышивку, исполняемую «досюльным», т. е. старинным швом — мелкими двусторонними прямыми стежками красной нити по холсту, либо белой — по кумачу; она обычно украшает концы полотенец, подзоры и т. п. Центральное изображение на ней — женская фигура, либо дерево, либо древовидно-проросшая женская фигура и симметрично расположенные по сторонам ее фигуры коней, всадников и птиц, с частым употреблением розеток. Стасов видел тут языческую сцену поклонения богине-земле или древу жизни, причем розетки, так же как и ромбы, олицетворяют животворящее солнце. Эта сцена или отдельные фигуры из нее, выполняемые также и в строчке (шов по выдерге), близки к подобным же фигурам в русской вышивке. Они строго линейны, композиционно объединены соответствием прохождения линий контуров соседних фигур и, несмотря на известный схематизм, выразительны в передаче основного, определяющего объект изображения признака. Характерно-карельской особенностью этих вышивок является пристрастие к дробной зигзагообразной линии.

На этапе освоения некоторых мотивов раннефеодального искусства (грифонов, барсов, одноглавых орлов, растительных акантовых фигур) в карельском орнаменте прочно устанавливаются следующие особенности: заполнение фигуры строго-прямолинейным, мелким узором из полосок, составленных из треугольников или ромбов, полосок зигзагами и гребенчатых полей в мелкую шашку (техникой «набора»). При сохранении традиционного красного контура основных фигур, заполняющий их мелкий узор иногда выполняется желтыми, розовыми, черными, зелеными, синими и лиловыми нитями интенсивного цвета. Такое же введение цветных нитей в систему красного, обычного для всего севера, прямолинейного узора наблюдается и в карельском ткачестве. Кроме того, для последнего характерно особое пристрастие к фигурам Z-образным, играющим самодовлеющую роль, либо роль соединительных тангетт к рядам разноцветных

лежащих ромбов и т. п. Эти же признаки вышивки распространены и у русских Архангельской обл. (мелкий узор желтой и голубой нитями), в приильменских районах и других местах.

Кроме этих типов узора, карельская вышивка, подобно русской, знает узор, выполняемый тамбурным швом по холсту, кумачу и «тамбуром. по выдерге» (строчка «по письму» с тамбурной обшивкой). Появившись, очевидно, не раньше XVII в., вышивка тамбуром строится на криволинейных растительных мотивах, освоенных из узоров Московской Руси. В отличие от русских, в карельских образцах вышивки тамбуром, на ряду с криволинейными растительными мотивами, широко используются традиционные прямолинейные построения.

Карельская деревянная резьба, очень близкая к русской, использует аналогичные описанным мотивам узора розетки и растительные древовидные фигуры. Техника выполнения орнамента — пропиловкой, но сохранилась и более древняя выемчатая резьба.

Народное образование. Процент грамотных карел был до Октябрьской революции ничтожным: в чисто карельском Олонецком районе в 1913 г. было только 14% грамотных. На 100 человек населения, по официальному отчету Олонецкого губернского статистического комитета, в 1913—1914 гг. училось в Повенецком уезде 6.1, в Петрозаводском 6.2 и в Олонецком 5.5 человек. В этих трех уездах было 190 церковно-приходских школ. Процент выбывших из одноклассных школ карельских районов по отделениям: 1—9%, 2—12%, 3—21% и 4—20%. «Почему же берут родители своих детей из школы до окончания курса?» — задает вопрос статистик Олонецкой губернской земской управы и отвечает: «Главные причины таяния школ — малограмотность и некультурность, а потом уже бедность населения. Впрочем, и то и другое идет рука об руку».

Преподавание шло на русском языке. После революции 1905 г. епархиальное управление путем денежных поощрений стало заинтересовывать приходских церковников в изучении и применении карельского языка при общении со своими прихожанами. В 1909 г. было организовано православное карельское братство, которое на карельском языке издавало различные брошюры, как, напр.: «О спасении души» (500 экз.), «Как нужно веровать, жить и молиться» (500 экз.), «Лютеранские заблуждения» (1500 экз.) и т. д.

Язык и письменность. Карельский язык принадлежит к числу западно-финских языков финно-югорской группы. Ближе всего он стоит к финскому, ижорскому и вепсскому языкам. Сходство между карельским и финским языками определяется, во-первых, общностью их происхождения, во-вторых, участием и в том и в другом различных ветвей языка племени Карьяла. Финны и карелы вообще свободно понимают друг друга, пока речь касается предметов и идей, известных в доклассовое время. Но как только речь поднимается над этим уровнем, начинается затруднение в понимании.

Если не считать записей фольклорных текстов и переводов на карельский язык церковных богослужебных книг, то карельская письменность возникла только в 1931 г. В настоящее время калининские карелы предпочитают пользоваться русской письменностью, а карелы Карело-Финской ССР — финской письменностью.

Главные диалекты: а) ливвиковский, б) людиковский, в) собственно-карельский.

II

Историческая справка. Начиная со второй половины XIX в. и почти до самой Октябрьской революции в занимаемые карелами селения отправляли политических ссыльных; так, напр., в 1904 г. в с. Мяндусельгу, б. Пове-

нецкого уезда, был водворен М. И. Калинин. Ссыльные в пределах возможности вели среди молодежи разъяснительную работу. В 1905—1906 гг. группа социал-демократов в Петрозаводске занималась распространением прокламаций и нелегальной литературы по волостям, главным образом через сельское учительство. Отдельные проявления революционного характера в Петрозаводске: 3—4 демонстрации рабочих и учащихся, кратковременные забастовки рабочих, покушение на сенатора Крашенинникова, окончившееся казнью А. М. Кузьмина, и др. не скоро доходили до карельских селений и не могли вызвать революционных откликов. Однако работа ссыльно-поселенцев и в особенности империалистическая война дали свои результаты.

4 января 1918 г. в Петрозаводске признана власть Советов. Несмотря на сильное противодействие эсеров (как правых, так и левых), с января 1918 г. повсеместно прошел по всем крупным пунктам процесс, как тогда говорили, «большевизации».

С марта того же года на севере Карелии начали появляться шайки белофиннов, доходившие до Кеми, где они были разбиты рабочими и местными моряками. Их попытки захватить северную и среднюю Карелию удались лишь частично; взята была пограничная полоса: Поросозеро — Реболы — Ухта, и была провозглашена «Ухтинская республика». Несколько позднее, уже на юге, начались нападения белофиннов на карел Олонецкого района. Население, организовавшись в партизанские отряды, оказывало большую помощь малочисленным частям Красной Армии, которой и удалось повсюду разбить белофиннов.

Несравненно более серьезным противником были интервенты — англичане, американцы, французы и сербы, с помощью которых белогвардейцы захватили Мурманский край и затем заняли весь бассейн Белого моря и часть побережья Онежского озера. Несмотря на превосходное боевое снаряжение, белофинны были разгромлены в июне 1919 г., а белогвардейцы в 20-х числах февраля 1920 г. ликвидированы руками самих белых солдат, тотчас же после бегства руководящей верхушки из Архангельска и переворота на следующий день в Мурманске.

3 июля 1920 г. Первый Всекарельский съезд заявил, что «карельское трудовое население не хочет порывать культурных, экономических, политических и государственных связей с Советской землей и совершенно не думает присоединяться к белой Финляндии». В ответ на это заявление, сделанное 142 депутатами от 105 тыс. карел, Финляндия 25 октября 1921 г. вновь сделала попытку захватить Советскую Карелию. Это так наз. белофинская авантюра. Руководители банд переименовали себя по именам главных героев Калевалы: командир — Ильмаринен, один из заправил, крупный кулак — Вейнемейнен. Поход тов. Антикайнена и удачные действия других дали возможность уже в феврале 1922 г. изгнать с советской территории последние остатки белофиннов.

Интервенты, белогвардейцы и белофинны захватывали в разное время почти всю территорию, занимаемую карелами. Эти захваты нанесли очень большой материальный ущерб, определяемый не менее 100 мил. руб. золотом. Много погибло карел, защищая свою свободу и землю. Почти у каждого крупного селения высится красная пирамида — памятник на братской могиле. Из 17 000 населения Ухтинского района белофинны увели с собою около 11—12 тыс.; из них около 8 тыс. вскоре вернулось обратно.

Социалистическая реконструкция быта. Совет Труда и Обороны в апреле 1921 г., под председательством В. И. Ленина, утвердил профиль хозяйства Карельской республики. Основой ее хозяйства был признан лес — лесозаготовки, лесопиление и экспорт леса; далее, было постановлено создать мощный бумажно-целлюлозный комбинат и гидроэлектростанцию в Кондопоге, произвести срочный учет горных богатств страны и форсировать развитие горной промышленности. Проведение этих указаний в жизнь привело Карело-Финскую

республику, в особенности после двух пятилеток, на уровень индустриальной страны. Размер капиталовложений в первую пятилетку — 360 млн. руб. и во вторую — 761 млн. руб. На лесозаготовках, предприятиях, в совхозах и учреждениях республики работает до 140 тыс. рабочих, включая в это число также и сезонных. Объем лесозаготовок в 1939 г. дошел до 13.6 млн. кубом.; это в 8 раз больше чем в 1913 г.

Уже к концу 1937 г. удельный вес социалистического сектора составлял в промышленности — 99.8%, в сельском хозяйстве — 99.2% и в товарообороте — 100%. Если в дореволюционное время в Карелии было 30 тыс. сох и косуль, которыми карелам приходилось ковырять каменистую почву, то в 1940 г. было 32 машинно-тракторных станции; 77% всей посевной площади, по данным 1937 г., было обслужено машинно-тракторными станциями. Если прежде даже на частновладельческие, т. е. кулацкие, хозяйства приходилось по 4.8 десятины пахоты, а площадь участка подсечно-земельного надела в среднем равнялась 0.31 десятины, то теперь площадь 965 колхозов достигла 74 тыс. га.

Коллективизация и связанные с нею процессы, в частности укрупнение селений, коренным образом изменили весь быт населения. Произошло это не сразу. Классовая борьба в конце 20-х и в начале 30-х годов протекала обостренно, как и в других местах Союза. Антисоветские элементы всеми мерами пытались задержать темпы лесоразработок, устраивали аварии, применяли поножевщину в борьбе с сельскими активистами. С разгромом классовых врагов жизнь «по старинке» заменяется советскою: появились местные стахановцы — лесоруб рационализатор лесозаготовок Готчиев, рационализатор лесовывозки Гаврюков и тысячи ударников леса, в сельском хозяйстве орденоносец А. Ключарева и множество других строителей социалистического хозяйства.

Вместо трехполья введен многопольный севооборот. В 1937 г. уже 13.2% всей площади засевалось кормовыми травами, тогда как в 1913 г. травосеяния совсем не было; столько же процентов площади занимали посевы картофеля, 4.4% — технические культуры и 62.2% — зерновые. В 1938 г. поголовье свиней было 24 тыс., тогда как в 1917 г. их было только 1400.

Механизация сельского и лесного хозяйства, применение новых методов в земледелии, животноводстве и рыболовстве, создание горной промышленности и механизированного транспорта, — все это создало среди карел десятки тысяч специалистов леса, поля и моря. Высоко поднялись зажиточность и культура населения. Все, что было в дореволюционное время в обиходе одних богачей, теперь сделалось доступным каждому колхознику, каждому рабочему, каждому, кто умело работает в лесу, поле или на море.

Рост материального благосостояния населения советской Карелии отчетливей всего выявляет статистика местных сберегательных касс. По данным на октябрь 1939 г., за последние пять лет число вкладчиков увеличилось на 27%, а состав вкладов за этот же период возрос на целых 450%. Средняя годовая зарплата в 1932 г. была 1600 руб., а в 1938 г. она достигала 3406 руб. Зажиточная жизнь широких масс выявляется также показателями розничного товарооборота: в 1938 г. общая сумма составила 497.5 млн., при 135.5 млн. в 1932 г.

Социально-культурное строительство и народное творчество. Если в царской Олонии в 1913 г. было 20 больниц с 437 койками и все население губернии обслуживалось 34 врачами, то теперь, в советской Карелии 54 больницы с 2920 койками. В дореволюционной Карелии не знали ни родильных домов, ни детских консультаций, ни детских яслей; в 1938 г. было 24 колхозных родильных дома с 468 койками и 18 консультаций. На 1 августа 1939 г. в Карелии функционировало 384 яслей с 7780 постоянными местами.

Такой же рост дает народное образование. Если в 1913 г. было 657 преподавателей, то в 1939 г. их 3100 чел.; соответственно изменилась и численность учащихся: от 13 000 до 89 000. Совершенно отсутствовало до революции дошкольное образование; в настоящее же время существует 2215 детских садов с большим штатом обслуживающего персонала.

В 1913 г. было 53 библиотеки с 60 000 книг, теперь же 346 библиотек имеют 938 000 книг. До революции отсутствовали клубы и избы-читальни, в настоящее время работа изб-читален проводится в 280 точках.[1]

Общий рост культуры карел доказывается расцветом народного искусства. За три года выявлено около 200 карельских и русских носителей устного творчества, среди которых, несомненно, много талантливых самородков. Трое из них награждены орденами, шестеро получили почетные грамоты Верховного Совета Карельской АССР, 9 приняты в члены Союза советских писателей Карело-Финской ССР, среди них карелы тт. Туруев, Ватчиева, Ремсу.

Национальный карельский музыкальный инструмент — кантеле, близкий к старым русским гуслям, усовершенствован (42 струны вместо прежних десяти) в 1932 г. т. Гудковым. Им же был организован ансамбль кантелистов из 30 человек, в репертуаре которого более 80 карельских мелодий, 12 народных танцев, а также более 20 оркестрованных произведений классической русской и западной музыки. Ансамбль этот уже широко известен и за пределами Карелии, не раз выступал в Москве, в Ленинграде, Белоруссии, на Украине, на Кавказе и т. д. Большую и интересную работу ведут 658 кружков художественной самодеятельности, включающие до 10 000 участников. Из них особенно выделяются художественным исполнением карельские организации: Пряжинский, Ведлозерский, Олонецкий, Петровский художественные ансамбли, выезжающие далеко за пределы своих районов. Имеется филармония, ряд театров и более 16 тыс. радиоточек. В Карелии живут композиторы: Р. Пергамент, К. Раутио, Иоусинен, В. Гудков, Л. Теплицкий, Л. Вишкарев, разрабатывающие народные карельские мелодии и широко применяющие их в своих симфониях, сюитах и романсах.

В конце 1940 г. в Карело-Финской ССР издавалось 38 газет. Одновременно в Карелии выходит литературно-художественный журнал на финском языке и литературный альманах на русском языке.

Национальное карельское издательство за 16 лет своего существования выпустило 2305 названий книг, большею частью на карельском языке, с общим тиражом 932 тыс. экземпляров.

Таким образом карелы, наравне с другими народами великого Советского Союза, с успехом развивают свою национальную по форме культуру. Страшное время XV—XIX вв., когда карел из-за голода ел кору сосны, прошло навсегда. Карелы строят новую жизнь, где труд — не проклятие, а дело чести, доблести и геройства.

ВАЖНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА (Книги на русском языке).

По антропологии: 1) Карелы СССР. Материалы Комиссии экспедиционных исследований Академии Наук СССР, вып. 24, Л., 1930. — По статистике: 2) Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР, № 12, Л., 1926. 3) Статистические обзоры, изд. Статистического управления, позднее Управления народнохозяйственного учета Карельской АССР. 4) Вершинский А. Список карельских селений Московской области. М., 1932, изд. Моск. обл. музея. — История

[1] Во все эти показатели не входит мощная сеть, созданная в 1940 г. в новых районах Республики.

и этнография. 5) Архангельская Карелия. Арханыгельск, 1908. 6) Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карел и самоедов Архангельской губ. Записки Русского географического общества по Отделению этнографии, VI, СПб., 1878. 7) Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Географического общества, I. Архангельская губерния; II. Олонецкая губерния. Пгр., 1914 и 1915. 8) «Карело-Мурманский край», журнал, 1923—1935. 9) Крохин В. П. История карел. СПб., 1908. 10) Круковский М. А. Олонецкий край. СПб., 1904. 11) Линевский А. М. Петроглифы Карелии, т. I. Петрозаводск, 1939. 12) Линевский А. М. Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск, 1940. 13) Линевский А. М., Машезерский В. И. и Пегов В. И. Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в. Петрозаводск, 1939. 14) Майков П. М. Финляндия, ее прошлое и настоящее. СПб., 1905. 15) Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. 16) Максимов С. Год на Севере, т. I, СПб., 1855. 17) Машезерский В. и Трофимов В. Карело-Финская ССР. М. 1940. 18) Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения раннего феодализма в Карелии. ОГИЗ, 1934. 19) Финно-угорский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР Академии Наук СССР, № 15, Л., 1928 (Обзор литературы по антропологии, этнографии, языкознанию, археологии и истории). 20) Экономика и статистика Карелии. Петрозаводск, 1928—1932. 21) Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. 22) Народное творчество Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1940.

Résumé

A. Linevskij

Les Caréliens

L'article de A. Linevskij sur les Caréliens de l'URSS, écrit pour le recueil édité par l'Institut d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'URSS, est rédigé suivant le programme de ce recueil publié dans l'«Ethnographie Soviétique», livr. 2, 1939, pp. 210—212.

Д. К. Зеленин

О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР

Древние исторические памятники, русские и шведские, согласно свидетельствуют, что в XII и XIII вв. карелы очень часто воюют вместе с русскими и на стороне русских-новгородцев. Таковы войны 1142, 1149, 1178, 1187, 1198, 1228, 1241, 1253, 1270 и других лет. Это тем более замечательно, что массовое крещение карел произошло только в 1227 г., когда, по прямому сообщению древнерусской летописи, новгородский князь отправил в Карельскую землю специальную миссию для крещения карел: «Того же лета (6735) князь Ярослав Всеволодович послав крести множество корел, мало не все люди».

Покойный финский ученый У. Сирелиус объяснял эту запоздавшую христианизацию давних соседей и друзей русского Новгорода «конкуренцией русских со шведами».[1] Нужно сказать, что шведы в XII и XIII вв. предприняли три крестовых похода против финнов и карел: в 1157 г. на юго-запад той территории, которую после занимала Финляндия, в 1249 — на запад и в 1293 — на юго-восток. Так шведы покорили большую часть карел. Противодействием этим тенденциям шведов подчинить всецело и всех карел культурному и экономическому влиянию Швеции и была христианская миссия к карелам 1227 г. со стороны древних новгородцев, которые вообще распространением православия среди своих соседей не занимались. Ранее 1227 г., конечно, отдельные случаи перехода карел в православие также происходили, но они не были массовым явлением. Вообще же, первоначально одни карелы воспринимали русскую культуру, а другие уходили от нее, отступали перед русскими насельниками в глушь края — в неудобные, болотистые и каменистые места. Доказательство этому местные авторы-краеведы видели в том, что лучшие места края, наиболее удобные места при больших и рыбных озерах и реках, давно были заняты русскими, причем многие русские селения носят там и карельские имена.[2]

В 1251 и в 1323 гг., на основании мирных договоров Новгородской Руси с Норвегией и Швецией, карельская территория была разделена. В конце XIII в. шведы особенно усиленно претендовали на всю Карелию: в 1293 г. они построили в Карельской земле крепость Выборг, в 1295 г. — Кексгольм, который русские встарину называли «Корела», в 1300 г. — Ландскрону на р. Неве. Борьба за Карелию между Русью и Швецией тянулась до самого конца XVI в., до 1595 г., а окончательно завершилась только в 1721 г. Ништадтским миром.

---

[1] U. Sirelius. The Genealogy of the Finns. The finno-ugrian Peoples. Helsinki, 1925, p. 49.

[2] А. Соборнов. К истории культуры Олонецкой корелы. Олонецкий сборник, I, 1875—1876, стр. 125—126. — А. Ласточкин. Карелы, обитающие в Олонецкой губернии. Там же, III, Петрозаводск, 1894, стр. 137.

В процессе этой многовековой борьбы очень много карел перешло «из-за Свейского рубежа» на Русь и поселилось в Верхнем Поволжье, где в 1926 г. их насчитывалось более 140 тыс. чел.

В начале XVII в., во время польской интервенции в Москве, Швеция захватила почти всю русскую Карелию. По Столбовскому миру 1617 г. эта Карелия была возвращена Москве, но Корельский уезд — морское побережье от Нарвы до г. Корелы (Кексгольма) — остался за Швецией. Между тем, здесь жило тогда много православных карел, издавна связанных с Россией и культурно, и экономически. Многие из этих карел переселились тогда в Россию, где им были отведены запустевшие земли в Верхнем Поволжье, главным образом в нынешней Калининской обл. Такие переселения карел из-за шведской границы происходили в истории не один раз.

Из Калининской обл. карелы проникали также и в б. Ярославскую губ., в частности на северо-запад бывшего Моложского уезда. В 1863 г. здесь было около ста карельских семей, сохранявших еще свой язык.[1] К 1919 г. эти моложские карелы, особенно в Бекренском приходе, совершенно обрусели, и только в б. Бокаревской и Сабуровской волостях они еще помнили свой родной язык.[2]

По финским источникам, в районе Эвряпя в 1613 г. из 1140 дворов было 945 пустых: это запустение было следствием ухода местного карельского населения в Россию:[3] Когда во время войны 1656 г. русская армия, после кратковременных успехов, отступила, и шведы очень жестоко расправились с карелами, больше 4 тыс. карельских семей бежали из Приладожья на Русь.[4] Историк Ю. Г. Готье насчитал для одного только Замосковного края таких карел-переселенцев к 1670 г. до 16 тыс. чел.[5] По восьмой ревизии 1834 г. в б. Тверской губернии карел было 83 304 чел., больше всего в Бежецком уезде — 26 491, в Весьегонском — 22 275 и в Вышневолоцком — 21 638 чел.

Мы имеем несколько этнографических описаний этих «тверских карел» от середины XIX в. в рукописях Ученого архива Географического общества. В 1850 г. в Прилуцком приходе и в бассейне р. Сити в пределах б. Кашинского уезда карел было более одной тысячи; о них местный автор писал тогда следующее: «ныне и между собою говорят они более по-русски», но с особенностями, напр., смешение грамматических родов, смешение звуков *и* и *ы* и т. п. В б. Весьегонском уезде 1855 г. карелы уже все знали русский язык, но также смешивали мужской грамматический род с женским; здесь тогда все карелы и пели «общепринятые русские песни». В дер. Василево б. Новоторжского уезда в 1849 г. только пожилые карелы еще могли говорить по-карельски, а молодежь уже не знала родного языка.

В. А. Преображенский в своей книге «Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении» [6] сообщает о тверских карелах следующее: «Утратив почти все свои обычаи и предания, они сохранили только язык свой и худо владеют русским языком». Тут, очевидно, имеется в виду тот же «акцент» обрусевших карел — смешение грамматических родов и отдельных звуков, о чем говорят местные авторы, цитованные нами выше. Описывая отдельные приходы, местные авторы-краеведы знали, конечно, свой край лучше, чем В. А. Преображенский, который писал о всей губернии в целом, но и он не отрицает знания тверскими карелами русского языка. Из верхнего Поволжья карелы еще в XVII в. «дали небольшой колонизационный отпрыск далее на юг и юго-запад, где, однако,

---

[1] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры. СПб., 1913, стр. 465.
[2] Бежецкий край, т. I, 1921, стр. 73.
[3] В. П. Крохин. История карел. М., 1908.
[4] Бежецкий край, I, стр. 68.
[5] Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 194.
[6] СПб., 1864, стр. 79.

по своей малочисленности они очень скоро растаяли среди русского населения».[1] Переписная книга Тимофея Муромцева 1665 г. отметила их, между прочим, на Медынских дворцовых пустошах (теперь Медынский район Смоленской обл.), где карелы поселились «в прошлых годах» «без указу».[2] На этнографической карте П. И. Кеппена 1855 г. эти медынские карелы выделены особой краской. Но ни местный краевед М. А. Баталин 1856 г., ни исследователь местных говоров языковед Н. Н. Дурново 1903 г. не обнаружили в языке этих «карел» ничего карельского.[3]

Вообще, в Верхнем Поволжье карелы обрусели раньше и сильнее тех карел, которые жили в б. Олонецкой губ., теперь в Карело-Финской республике. Переселение и совместная жизнь с русскими всегда способствовали более быстрому усвоению русской культуры соседними народностями.

Карел б. Олонецкой губ., теперешней Карело-Финской республики, в 1890-х годах специально изучал этнограф Н. Лесков. В 1892 г. он писал: на западе и северо-западе Олонецкой губ. карелы и русские «находятся в самом близком друг к другу отношении». Живут они нередко в одних и тех же селах; напр. в с. Ялгубе, Петрозаводского уезда, одну половину населения составляют русские, а другую — карелы. Они взаимно «роднятся посредством браков, угощаются, не говоря уже об обычных международных отношениях. Результатом такого близкого общения является то обстоятельство, что как русские, так и карелы многое перенимают и заимствуют друг от друга начиная от языка и обычаев и кончая покроем одежды».[4] Ту же картину обрусения рисует местный автор-историк А. Ласточкин в 1894 г. По его словам, к западу от озера Онего и реки Свири русской колонизации, шедшей сюда вообще с востока, не было. При всем том, продолжает А. Ласточкин, «и западная [т. е. чисто карельская] часть Олонецкой губернии совершенно русская. Образ жизни, нравы, обычаи — здесь все те же, что и внутри России, исключая природного языка карелов».[5]

В 1887 г. этот край изучал на месте известный русский этнограф Н. Н. Харузин. По его наблюдениям в районе г. Пудожа, «в иных местах местные жители помнят, хотя и смутно, свое финское происхождение; так, например, на Водлозере они сами говорят, что одни деревни происходят от шведов (шведами называли здесь финляндцев), другие от чуди. . . Иные деревни имеют чисто русское происхождение». «Если бы не русский язык, которым говорят сарозеры, можно было бы их принять за несомненных финнов».[6] В 1870-х годах тех же олонецких карел изучал на месте этнограф В. И. Майнов; он также отметил постепенное исчезновение карельской культуры под влиянием русской. Даже в наиболее глухих тогда местах, напр. у озера Сегозеро, карелы тогда уже превосходно говорили по-русски, а карельский язык сохранялся лишь в самых отдаленных от Онежского озера местах.[7]

Для 1854 г. мы имеем этнографические описания двух карельских приходов б. Лодейнопольского и Повенецкого уездов — в Ученом архиве Географического общества.[8] О лодейнопольских карелах тут читаем: «Язык издревле

---

[1] Ю. В. Готье, ук. соч., стр. 194.

[2] Д. Малинин. К вопросу о происхождении медынских карел. Живая старина, т. XXV, 1916, № 1, стр. 26.

[3] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры, стр. 233 и сл.

[4] Н. Лесков, О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губ. Живая старина, 1892, № 4, отд. 2, стр. 97.

[5] А. Ласточкин. Карелы, обитающие в Олонецкой губернии. Олонецкий сборник, т. III, Петрозаводск, 1894, стр. 137.

[6] Н. Н. Харузин. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда. Там же, стр. 306.

[7] В. И. Майнов. Поездка в Обожье и Корелу. СПб., 1877, стр. 290.

[8] Ср.: Д. К. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива Географического общества, т. II, стр. 900, 912.

чудской», но далее следует описание диалектических особенностей местного р у с с к о г о языка. О повенецких (теперь медвежьегорских) карелах сообщается: «Природный язык карельский, но мужчины с 18—20 лет все знают по-русски, так как уходят на промыслы в разные места». Еще ранее Европеус писал о карелах на Вядлозере, что они сильно поддались русскому влиянию, что язык их чрезвычайно смешан с русскими словами, а во всех более торжественных случаях они употребляли русский язык.[1] Что касается карел бывших Кемского и Кольского уездов Архангельской губ. (теперь области), то о них И. Пушкарев писал в 1845 г.: «они совершенно слились с русскими и мало от них отличаются бытом своим».[2]

Эти согласные свидетельства путешественников о переходе карел на русский язык тем более замечательны, что у карел в царской России отмечена тенденция скрывать свое знание русского языка. В 1853 г. М. Заринский писал о карелах из района г. Кеми: «Хотя многие из них понимают русский язык, но стараются не выказывать этого, особенно перед людьми, коих видят случайно или в первый раз».[3]

Таким образом быт карел подвергся более глубокому влиянию со стороны соседнего русского населения, нежели язык. С этим вполне согласуются выводы финского этнографа Акселя Гейкеля в его специальном исследовании о финских постройках 1888 г. Один из выводов Гейкеля гласит, что архаические формы карельского жилища в России не сохранились, а заменены русскими — новгородского стиля: отдельные помещения для людей и домашних животных соединены здесь в одно связное целое; под русским же влиянием исчезает очаг.[4] С этим вполне мирится сообщение местного автора А. Соборного: «чем ближе карельские погосты и деревни к границе русских селений, тем больше заметно сходство в постройках карел и русских; чем дальше — тем меньше общих черт».[5] «Достаточно беглого взгляда на жилище карела и на обстановку в его жилье, чтобы заметить, что они в значительной степени заимствованы от русских; в одежде карел подражает русскому», — так писал в 1894 г. русский этнограф Н. Н. Харузин.

В дополнение ко всему сказанному напомним то впечатление, которое вынес знаменитый финнолог А. Кастрен при изучении им карельского фольклора: «По моему убеждению, бо́льшая часть сказок, известных в Карелии, простой перевод русских сказок: предметом их цари, царские сыновья и дочери, бояре и богатыри и т. д.. . . Впрочем, у русских карелов есть много и своих собственных сказок, но и они переполнены русских подробностей».[6] Местный автор 1875 г. А. Соборнов уверял: «В уме кореляка крепко засело убеждение, что он хотя и говорит по-карельски, но русский и, вследствие этого убеждения, силясь подражать русским, вместе с тем охотно и довольно легко усвоивает и русский язык».[7]

О глубине и стойкости культурного воздействия русских на карельский народ могут свидетельствовать также и следующие факты, только на первый взгляд мелкие. В 1927 г. экспедиция финляндских ученых этнографов У. Сирелиуса и А. Хямяляйнена изучала быт карел в районе Иломантси в 160 км к северу от Ладожского озера. Карелы эти некогда были православными, и у них до 1927 г. сохранились русские сарафаны, которые они и называли по-русски

---

[1] Цитирую по работе П. С. Ефименко «Заволоческая чудь», стр. 93.

[2] И. П у ш к а р е в. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях, т. I, кн. 2, Архангельская губерния. СПб., 1845, стр. 40.

[3] Архангельский сборник, I, ч. 2, Архангельск, 1865, стр. 248.

[4] A. H e i k e l. Die Gebäude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. Helsingfors, 1888, cap. XI. — Ср.: A. R. E m. Wissenschaftliche Beobachtungen während einer Karelienreise 1937. Ungarische Jahrbücher, XIX, 1939, № 1, S. 66.

[5] Олонецкий сборник, I, 1875, стр. 132.

[6] Этнографический сборник Географического общества, IV, СПб., 1858, стр. 255—256.

[7] Олонецкий сборник, I, стр. 129—130.

«ситца», т. е. ситец, ситцевик, равно как они сохранили и русские женские головные уборы — тоже под русским наименованием «цяпця» — чепец.[1] Обследователи отметили три способа местной рубки бревен: 1) старый карельский, 2) новый карельский и 3) финский. «Старая карельская» рубка полностью совпадает с обычною на всем русском Севере древнерусскою рубкою «в чашку» или «в обло» — с зауголками.

Все сказанное выше хорошо объясняет нам, почему в середине XIX в. у карел мы встречаем так много черт старой русской народной культуры.

Приводимые ниже сведения о старом быте карел взяты из трех рукописей Ученого архива Географического общества. Все три рукописи составлены около 1854 г. в ответ на этнографическую программу Географического общества. Описаны в них карелы разных селений б. Повенецкого уезда Олонецкой губ., теперь Медвежьегорского района Карело-Финской ССР.

Несколько подробнее описан старый быт карел теперешних Сегозерского и Ругозерского районов Карелии — бывшие «погосты» Паданский (теперь село Паданы), Селецкий, Масельско-Паданский и Ругозерский, теперь районный центр, село Ругозеро. Рукопись о карелах этой местности составлена была священником Паданского погоста Федором Лавдинским и поступила в Географическое общество в 1854 г. Архивный шифр ее: XXV, 5; наше сокращенное обозначение: Паданы.

Некоторые сведения о карелах теперешнего Ребольского района Карело-Финской республики доставил тогда же в Географическое общество учитель Ребольского сельского приходского училища З. Громов. Архивный шифр рукописи: I, 62; наше условное обозначение: Реболы. Село Реболы находилось близ границы бывшего Повенецкого уезда с Финляндией.

Неизвестному автору принадлежит третья рукопись — о карелах Семчезерского, Янгозерского и Гимольского погостов бывшего Повенецкого уезда. Архивный шифр рукописи: XXV, 22; наше условное обозначение: Семчезеро. Эти селения находятся в 100 км к юго-западу от Повенца, теперь рабочего поселка в Медвежьегорском районе, а прежде уездного города бывшей Олонецкой губ., и в 130 км к северо-западу от Петрозаводска.

Сравнительный материал из быта весьегонских и олонецких карел также взят из рукописей ученого архива Географического общества, сведения о которых см. в сборнике «Советская этнография», № 4, отдел «Библиография», стр. 198—199.

Излагая содержание этих рукописей, мы стараемся быть возможно ближе к подлиннику, но избегаем повторений и даем большею частью перевод текста рукописей на современный язык. Стиль рукописей и для своего времени не был образцовым, а теперь он устарел и для громадного большинства советских читателей не-специалистов мало понятен.

В карельских деревнях современных Сегозерского и Ругозерского районов Карело-Финской республики в 1854 г. все взрослые мужчины карелы понимали и говорили по-русски. Этому много способствовали отхожие промыслы местного населения. Из женщин карелок только очень немногие понимали русскую речь.

В Семчезере карелы называли свой язык «лапиксе»; мелкие различия в языке имелись здесь тогда почти в каждой деревне. Предметы и понятия, вошедшие в употребление в более поздние времена, носили русские названия, большею частью несколько измененные на карельский лад, напр.: «са́мовара», «чайникка», «чашка», «чернильница», «шкапу» — шкаф и др.

В Реболах карелы слыли тогда наиболее «образованными», что нужно понимать: наиболее обрусевшими. После ряда неурожаев около 1830 г. местное карельское население очень обеднело, вследствие чего здесь сильно развились

[1] Kansatieteellinen Arkisto, III. Издание Suomen Muinaismuistoyhdistys. Forssa, 1939, стр. 80, 323.

отхожие промыслы: уходили целыми семьями в район Петрозаводска, частью и в Финляндию, и жили там по 10—15 лет.

Занятия и промыслы. Основным занятием карел Сегозерского и Ругозерского районов Карело-Финской республики в 1850-х годах было земледелие, главным образом подсечное. Трехполье встречалось лишь как большая редкость — «за малостию земли». Поля вообще были каменисты и к пашне неудобны. Требовали много удобрений, а в случаях весенней засухи никакого урожая не давали. На «нивах», т. е. подсеках, обычный урожай был сам-пят, в редких случаях сам-десят. Нивы расчищались из-под зарослей мелкого леса. Это требовало весьма много сил и времени, тем более что ниву приходилось огораживать. В Семчезере был в широком употреблении особый тип рабочей одежды, так наз. «палова́я рубаха»; в ней весною «валяли», т. е. жгли лес на подсеках, в ней же и молотили; это была просторная верхняя рубаха из толстой черной ткани. Сеяли на расчищенных из-под леса подсеках большею частью только один раз, в редких случаях снимали два урожая хлеба. Лишь очень немногим крестьянам-карелам хватало своего хлеба на весь год. В Семчезере, «по недостатку и бесплодности земли», самый старательный земледелец имел своего хлеба только на три четверти года.

На лесных нивах часто сеяли еще репу, и она служила одним из существенных пищевых продуктов. Огородничества почти совсем не было — «за неимением поблизости удобных полей». Из овощей известны были только картофель, лук и редька, и те встречались не часто.

Скотоводство было ничтожным. «Многие не имеют и одной лошади». Впрочем, колесных экипажей здесь совсем не было — вследствие неудобных дорог, но зимой крестьяне-карелы занимались извозом. Рядом с безлошадными крестьянами немногие богатые карелы имели по 5 лошадей и по 15 голов рогатого скота. Середняки держали по 5 и 6 голов скота, весною продавали одну или две «скотникам». Через район тогда проходила дорога, по которой летом гнали гурты скота из-под г. Кеми в города Петрозаводск и Олонец; за лето проходило около 400 голов скота. Свиней держали только в двух домах во всем районе, и то в небольшом числе.

Охота и рыбная ловля давали карельским крестьянам немалый доход. Зимою 1853 г. в Паданском районе было добыто до 40 тыс. белок. Стреляли также диких оленей и птиц. Разными ловушками, между прочим петлями из медной проволоки, ловили норок, лисиц, зайцев, куниц, выдр, россомах, а также глухарей, тетеревов и рябчиков. Медведи и волки здесь встречались редко. В Семчезере охота на птиц, белок и оленей давала ежегодно в общей сложности 4 тыс. руб. серебром, т. е. по 10 руб. серебром на каждого домохозяина.

В деревне Сондалах, в 15 км к северу от Паданского погоста, в сентябре 1853 г. было добыто сетями и неводами до двух с половиною тысяч пудов ряпушки. В дер. Коргубе около с. Ругозера рыболовство было преобладающим занятием. Местные рыболовы, между прочим, применяли в своих неводах веревки, витые из бересты (березовой коры) в три пряди; при своей дешевизне такие веревки очень прочны, особенно летом. В зимние морозы они ломаются, вообще же служат даже до десяти лет. В Реболах карелы вили такие веревки и толстые канаты из них на особых крутильных станках.

При ловле рыбы неводами позднею осенью пользовались варежками — рукавицами, вязаными из волос лошадиной гривы. Такие варежки были и в Реболах. Волос конской гривы пряли для них на самопрялках, потом две пряди нитей крутили на той же самопрялке в одну толстую нить, из которой и вязали рукавицы одною иглою; такие рукавицы служат пять лет и более, они теплы, нескоро промокают и быстро высыхают. В Семчезере вили возжи из конопли — также с примесью конского волоса. Это использование конского волоса может

свидетельствовать о том, что некогда у карел было сильно развито коневодство.

Деньги на уплату податей и другие расходы крестьяне получали, продавая рыбу и дичь. Кроме того, многие занимались зимою извозом: за провоз груза на своей лошади на расстояние в 300 км получали по 30 копеек с пуда. Ездили к морю под Кемь и везли оттуда сельди в районы Петрозаводска и Олонца, а иные и в Петербург. Возили еще бревна на заводы близ г. Повенца. Уходили также весною на сплавные и судоходные реки для сплава леса, для рубки и пилки дров. В Семчезере карелы проявляли большую ловкость и проворство при сплаве леса: стоя на одном бревне с шестом в руке, местный карел плыл иногда через все озеро. Иные нанимались в батраки к местным кулакам, получая за это в год от 25 до 35 рублей серебром. Иные юноши уходили в Финляндию, где занимались разносною торговлей. Покупая в большом городе, часто в Петербурге, «красный товар» — мануфактурные и галантерейные изделия, они носили этот товар в сумке на своих плечах по деревням. Большею частью они торговали таким образом не на свои деньги, а на капитал купца-хозяина, от которого и получали условленную плату — от 70 до 100 рублей серебром в год. Все почти отхожие промыслы здесь назывались «бурлачеством».

Ремесленников почти совсем не было; во всем районе Падан был один хороший кузнец и один столяр. Домашние изделия — ткани, кушаки и сукна — в продажу не поступали.

В Семчезере карелы встарину, кроме рыбной ловли, занимались еще добычей руды и кузнечным делом. Железную руду «подымали» из озер — главным образом для собственных нужд, в небольших количествах. Почти у каждого домохозяина была своя кузница. Но все это давно исчезло. В 1850-х годах местные карелы продолжали «подымать» весною руду из озер, но уже не для себя, а для Олонецких горных заводов. Зимою же возили руду и бревна на разные местные заводы.

Б ю д ж е т. Описываемые карелы находились тогда в ведомстве Палаты государственных имуществ. Каждый крестьянин платил в год податей за одну душу 3 руб. 90 коп. серебром, земских сборов $63^3/_4$ коп. и на исправление дорог вносил 25 коп. Таким образом семья из пяти человек платила ежегодно сборов 22 руб. $68^3/_4$ коп., семья из девяти человек 40 руб. $83^3/_4$ коп. Покупали за деньги соль, которую тогда «в казне» продавали по 65 коп. серебром за пуд; на каждого человека требовалось в год полпуда соли. Прикупали хлеб вдобавок к своему: в казенных сельских запасных складах платили по 2 руб. 50 коп. ассигнациями [1] за пуд, а в вольной продаже четверик ржи (т. е. 18 или 20 кг) стоил от 70 коп. до одного рубля серебром. Покупали еще крестьянские «выворотные» сапоги из белой кожи, которые стоили от 1 до $1^1/_2$ рублей серебром; деготь по $1^1/_2$ копейки серебром фунт и дешевле (3.75 коп. за кг); смолу от 20 до 25 коп. серебром за пуд; железо от 3 до $4^1/_2$ коп. серебром за фунт (т. е. 7.5—10 коп. кг). Табак здесь вовсе не употребляли, так как среди карел преобладали старообрядцы. Издержки на вино, праздничное угощение, наряды и т. д. автор Ладвинский упоминает, но не подсчитывает.

У весьегонских карел в 1850-х годах казенных и земских повинностей в год было не менее 6 руб. серебром с каждой души, т. е. несколько более, чем в Медвежьегорском районе. Все годовые издержки на одну душу местный автор, помощник окружного начальника, исчислял тогда в 6—10 руб. серебром. От заработков или же от продажи хлеба и скота крестьянин будто бы получал вдвое более этой суммы и у него, таким образом, оставалось «на щегольство и праздники» 12 руб. серебром. Этот подсчет помощника окружного начальника относился, очевидно, только к зажиточным карелам, так как рядом с этим тот же автор уверяет, что местные карелы бедны, особенно же в местностях, удаленных от городов, напр. в бывшей Свищевской и отчасти Карамышевской волостях; здесь

тогда карелы-крестьяне только «с великим трудом уплачивали подати» (рукопись Ученого архива Географического общества под шифром: XLI, 49).

П и щ а. Ежедневная пища карел состояла из хлеба — ржаного, ячменного («житного») и овсяного, из мелкой рыбы и ячневой каши; молоко употребляли пресное, кислое и «печеное наподобие яичницы». Мясо ели в будни только одни зажиточные. В посты, кроме хлеба и рыбы, ели грибы, печеную репу, ячневую и редко пшенную кашу; кроме того, варили кашу из муки — ржаной и ячменной, с толченым конопляным семенем; зимой такую кашу ели с брусникой. Праздничный стол был много обильнее: рыбные пироги, вареная рыба, мясо, ячневая каша на молоке с маслом, кисель, разные печенья, ватрушки, между прочим пирог «косовик» с начинкою из ячневых или овсяных блинов и крупы. Горох ели только зажиточные в постные праздники, а гороховой муки вовсе не употребляли. Свиное мясо, равно как мясо кур и петухов, считали нечистым и не ели, как не ели и пойманную петлями лесную дичь. В общем употреблении было оленье мясо.

Репу клали в кадки с водою и опускали туда же раскаленные камни. Запаренную таким образом репу клали потом в горячую печь, устье которой закрывали каменной плитой и замазывали глиной. Только через сутки эту репу вынимали из печи и вкладывали в бочки, слегка пересыпая солью. Приготовленная таким способом репа красновата на вид и довольно сладка на вкус; ее ели зимою в постные дни с квасом и грибами «волнухами». Из репных «сухарей» приготовляли квас: резали репу на куски и сушили ее в печи, а после, по мере надобности, заваривали ее кипятком и получали таким образом репный квас. Но в Реболах репный квас готовили иначе: репу варили в больших чугунных котлах, потом давали ей остыть и вскиснуть. Этот кислый сироп выливали в кадку с водой, подкрашивали ягодным соком и пили как квас.

Бедные карелы в Реболах примешивали к хлебу картофель, а весною еще и порошок из сосновой коры. Картофель для этой цели сначала варили, потом мяли в кадках и мятый примешивали в мучное тесто. Сосновую кору сдирали с деревьев в конце мая широкими пластами. Эти пласты поджаривали потом на горячих углях, отчего кора вздувается пузырями и, высыхая, становится рыхлою. Потом кору толкли в ручных ступах и мололи на ручных мельницах. Получался порошок, к которому примешивали немного муки — «как бы только для связи». Из смеси пекли обыкновенным способом хлеб, который имел сладковатый вкус. Учитель Ребольского училища З. Громов приводит такой случай: вся семья одного бедного карела, состоящая из 7 взрослых детей, имела только 7 фунтов (менее 3 кг) ржаной муки и в течение 15 дней питалась, приготовляя таким способом суррогат хлеба из сосновой коры и употребив для примеси к ней всего лишь 7 фунтов муки. Все остались здоровы и работоспособны, «без труда отправляя все крестьянские работы». На этом основании З. Громов заключал о питательности этого суррогатного хлеба. Вряд ли в этом случае З. Громов был вполне точен. Ф. Ладвинский пишет, что в Паданах и Ругозере также ели летом хлеб с примесью сосновой коры, причем от него сильно тучнели, «были сонливы и очень бессильны».

С примесью того же порошка из сосновой коры в Реболах пекли также еще и картофельные лепешки. Для этого вареный картофель очищали от шелухи, толкли и разводили водой. В полученный жидкий раствор сыпали сосновый порошок до густоты теста, делали из него лепешки величиною с чайное блюдечко и пекли в самой жаркой печи или даже на горячих углях.

Тот же учитель ребольского училища З. Громов такими чертами описал местное угощение гостей в праздник, очевидно, в доме зажиточного карела. Стол накрыли узорчатой скатертью. Подойдя к столу, домохозяин перекрестил хлеб ножом и стал его резать длинными «отрезами» — ломтями, раскладывая

их по краям стола так, что из ломтей получилась непрерывная цепь, окружившая всю поверхность стола с трех сторон. Оставшийся неразрезанным кусок хлеба хозяин положил, вместе с ножом, на нижний конец стола и сам ушел. Хозяйка принесла оловянные ложки и разложила их на столе кругом — по числу гостей. Потом принесла кусок «чухонского» (сливочного) масла на тарелке и смешанное с творогом молоко в чашке. Молча поклонилась гостям, что означало приглашение им садиться за стол. Хозяин принес груду полотенец [2] и просил гостей откушать хлеба-соли: «Ну, гости, не извините,[3] прошу покорно садиться». Гости помолились богу и уселись за стол, приняли от хозяина полотенце и, приговаривая: «А напрасно!»,[4] начали кушать. Хозяин взял приготовленный заранее графин с водкою, налил рюмку, предложил первому из гостей по порядку, поставил графин и рюмку на середину стола. Хозяйка подала рыбный пирог, потом ватрушки, далее — уху, затем рыбное жаркое на сковороде. Хозяин стоял молча перед столом, а когда гости приступили к жареной рыбе, заговорил: «Не извините, ведь рыба-то по воде ходила!» Гости в ответ на это приглашение налили себе по рюмке водки и осушили. Наконец, хозяйка принесла пряженые [5] пироги и, раскладывая их перед гостями, с поклоном проговорила: «Кушайте, гости, за прочее пищи [6] не извините»; с веселым видом встала у стола. И хозяин, и гости налили по рюмке водки за здоровье «пирожницы», т. е. хозяйки, испекшей пироги. Этим закончился праздничный обед.

О б щ е с т в е н н ы й б ы т. На сельских сходках фактическая власть «исстари» принадлежала немногим местным богачам. «Их голос гораздо слышен и уважителен в собраниях». Влиятельности этих кулаков много способствовало и то обстоятельство, что в их домах всегда останавливалось все приезжающее из города начальство. В отличие от прочих крестьян все кулаки были грамотными. Вообще же, из 1565 человек в Паданском приходе было в 1854 г. грамотных мужчин 35 и женщин 15, причем женщины учились грамоте в Даниловском и Лексинском раскольничьих скитах.

В противоположность богачам, «старшие в селениях особенного значения не имеют». То же самое и в отдельных семьях: «часто дети при жизни отцов принимают управление домом и всем имуществом, нередко против воли родителей». Вообще, патриархальный характер карельской семьи в описываемое время уже разрушался. Лишь в очень немногих семьях вытканное женщинами полотно поступало в общее пользований всей семьи, обычно же лен и коноплю делили между собою женщины или еще до прядения, или же в виде выпряденных ниток. «Помочей» (толок) не устраивали. Батрачество, равно как аренда («кортома») полей и сенокосов были распространенными явлениями.

При разделе братьев по случаю несогласий между ними старший в семье разрезал пополам цельный хлеб: если один из братьев брал себе одну половину этого хлеба, тогда сразу же приступали к разделу всего имущества на равные части.

П р а з д н и к и и у в е с е л е н и я. Среди описываемых карел преобладали староверы-раскольники, но в наших источниках нет никаких подробностей об их религиозной жизни. О весьегонских карелах того же времени имеются сведения, что они не признавали православных попов, а выбирали из своей среды грамотного крестьянина, который и совершал богослужение в особо отведенной для того избе. Они не ели из одного блюда с православными; табакокурение считалось главным грехом; безбрачную жизнь считали богоугодною. Имели свои праздники, иконы, книги и свечи, крестились двумя, а не тремя, как православные, перстами. Кроме среды и пятницы не ели скоромного также и в понедельник, что называли: «понедельничать».

В большие праздники в погост Паданы приезжали карелы даже за 50 км и далее. После обеда в погосте происходили хороводы и пляска, причем песни

пели по-русски — не исключая и девиц, которые часто не знали русского языка. Посещая всех своих родственников и знакомых, иные обедали в разных домах пять и более раз в один день. Среди угощений были чай и кофе, но не было пряников. В так наз. часовенные праздники гостей угощали жители той деревни, чей был праздник.

Из музыкальных инструментов в Паданах была известна только «ширманка», как здесь называли гармонику. Местные детские игры: козни — бабки, а у взрослых рюхи — городки. Зимой девицы и парни парами катались по вечерам с гор на салазках.

С е м е й н а я ж и з н ь. Когда приходило время жениться и молодой человек выбрал уже себе невесту по сердцу, тогда он кланялся в ноги своим родителям и просил их высватать намеченную им девицу. Родители обычно не перечили и посылали сватами двух или трех своих близких родственников. Старший из них шел сватать с палкою [7] в руке. После приветствий сваты говорили родителям невесты: «Господа хозяева, у нас есть жених, а у вас невеста; мы пришли за добрым делом — за сватовством. . . » Сватов угощали горячими пирогами, кормили обедом или ужином. Что касается вина, то первою пили всегда бутылку, принесенную от жениха, и только вторую пили за счет родителей невесты. После столования происходил сговор: договаривались о сроке, к какому брачный вопрос должен быть разрешен. Обычно невестины родители требовали два или три дня сроку, чтобы подумать и посоветоваться со всем своим родом-племенем. Но если жених не люб, то отказ следовал ранее — тотчас же или на следующий день.

В назначенный срок сваты вновь приходили в дом невестиных родителей. По общему соглашению назначался день свадьбы.

В день брака родственники жениха собирались в дом его родителей и обедали. Перед отъездом жениха к невесте все гости вновь садились за стол; ноги жениха покрывали при этом теплым одеялом или белой шубой, это — «как бы символ счастья». После этого жених кланялся в ноги своим родителям, и те благословляли его иконою и хлебом. Все участники свадебного поезда обходили три раза вокруг стола по солнцу, и тогда только ехали в дом невесты. Там встречали дорогих гостей, сажали их за стол, но угощали одним только вином.

Вслед за этим начинался традиционный «плач невесты». Она плакала сначала в доме своих родителей, потом в домах своих родных. Часто невеста обходила все дома своей деревни, исключая, впрочем, родственников жениха; плакала и прощалась. Родные при этом давали ей деньги «в пособ» (в пособие), хотя бы одну копейку. Не выполнивших этого обычая сопровождавшая невесту «причётница» (вожатая, которая причитает вместо невесты) «ругала». У олонецких карел в девичник плакальщицы подводили невесту к каждому из посетителей и причитали; посетитель должен был дать денег или подарок — ситца, холста, платок и т. д. Собранными деньгами невеста окупала часть свадебных расходов. Наконец, невесту приводили в клеть и одевали под венец.

В эту же клеть к нарядно одетой невесте приводили потом и жениха. Здесь обязательно присутствовал так наз. «клетник», которого считали колдуном, «оборонителем свадьбы», и который всегда имел при себе своего рода талисман — толстую волеватую (извилистую) ольховую палку. Клетник ставил жениха и невесту на сковороду [8] и перевязывал их три раза чем-то секретным, что не подлежало оглашению. Клетник же строго наблюдал за тем, чтобы перед отъездом к венцу одежда жениха и невесты не касалась дверных порогов; в таком соприкосновении видели опасность «порчи».

Перед отъездом к венцу все садились за стол, и невеста дарила жениховых родственников — рубашками, платками и холстом. Получившие в дар холст надевали его крестообразно поверх своей одежды.

После венца весь свадебный поезд ехал в дом жениха, где новобрачным устраивали торжественную встречу: специально для них постилали по лестнице крыльца холст, ситец или серое сукно. По этому ковру шли одни только новобрачные; в них тогда кидали мелкое перо или ячменные зерна — «для счастья».

Далее следовал так наз. «княжий стол», которым у бедных оканчивались все свадебные увеселения. К этому столу новобрачную выводили под покрывалом, нарядно одетую, но уже не в девичий костюм, а в наряд замужних женщин. Снимая с нее покрывало, спрашивали всех, хороша ли молода? Все кричали: «Ура! Хороша молода!»

Новобрачная тут же дарила своего жениха и его родственников рубахами, платками, полотенцами и т. п. Вслед за этим новобрачные вместе угощали всех своих гостей вином, за что им на поднос или на тарелку клали деньги.

Главное обрядовое блюдо на княжьем столе — ячневая каша, варенная на молоке. Ее подавали на стол в том горшке, в котором она варилась; ели с маслом; пустой горшок из-под каши тогда же разбивали о пол или же бросали его на печь. Карелам Весьегонского района Калининской обл. этот магический обряд разбивания горшка из-под каши за княжьим столом в 1850-х годах также был известен, причем у них существовало поверье: на сколько черепков разобьется горшок, столько детей будет у новобрачных; разбивал здесь горшок дружка.

На следующий день утром новобрачных водили в баню. У зажиточных после бани опять был обед с гостями, причем невеста снова подносила подарки родственникам с жениховой стороны.

Через неделю после свадьбы новобрачные с отцом жениха приходили в дом своего тестя. Здесь их угощали и потом выделяли приданое невесте: из одежды — шубу, кафтан, шугай, сапоги, а также овчинное одеяло, из скотины — корову и овцу, еще сельскохозяйственные орудия — косу, серп, грабли и т. п.

В Паданах беременная карелка в случае трудных родов, чтобы скорее и легче разрешиться от бремени, совершала особый магический обряд: взяв с собою узелок соли, она обходила три раза вокруг всей деревни. Если же деревня была слишком велика для ее сил, то она обходила только вокруг своего дома. В крайнем случае, если родильница не имела сил совершить и это троекратное обхождение вокруг дома, — ее заменяла другая женщина из той же семьи. После обхода соль разводили в воде, родильница пила эту воду и мыла ею свое тело. Для той же цели пила роженица воду из правого сапога ее мужа.

Момент родов сохраняли в строгой тайне. Если же узнавали, что кому-либо тайна стала известною, то требовали, чтобы любопытный взбрызнул лицо родильницы холодной водой.

Плачи по умершим в Паданах произносили на карельском языке. Перед выносом из дома гроба подле него или под него клали железную кочергу, либо кусок железа. После выноса гроба на стол в избе ставили квашню, а под стол камень. Выносимый гроб над дверным порогом держали несколько секунд неподвижным. «Вообще, замечает автор из Падан, народ сильно боится покойников».

Народная медицина. Карелы в Паданах при многих болезнях говорили: «Это пришло от воды», или — от ветра, от леса, и т. п. Лечились в таких случаях заговорами или шопотами, которые произносили на карельском языке. Во время тифозной эпидемии пытались «отогнать болезнь от больного и из дому», стреляя из ружья около больного, а иные вели больного зимой к проруби и здесь «обдают его холодною водой».

На ознобленные (обмороженные) части тела привязывали в тряпке очень сильно вываренную землю или же мазали лебединым и лисьим салом. Обожженные места смазывали конопляным маслом, а также засыпали порошком из березовой заболони: «Между берестою и древесиною березы находится кора,

которую сушат и толкут мелко в ступе». Автор 1864 г. добавляет: «Полезное действие вареной земли, сала и березового порошка я частью испытал на себе сам».

От боли и колотья в боках, т. е., очевидно, от плеврита, делали припарки из сенной трухи. От простудного кашля и горловой боли пили с медом отвар трав зверобоя и богородской. На больные зубы клали крепкую водку и «купоросное масло», т. е. серную кислоту.

Ж и л и щ е. Карельские деревни в Паданах имели обычно не более 10—30 домов; только в Ругозере было около 70 домов. Деревни были разбросаны одна от другой на 10—30 км. Круг деревень, занимающих территорию до 70 км в поперечнике, составлял один «погост» или приход и имел общую церковь. Старинные деревни строились без определенного плана, «и потому деревня составляет как бы круг из двух или трех неправильных линий». В Реболах дома в деревнях были расположены не по общему порядку, а каждый отдельно. Между двумя соседними усадьбами находилось или небольшое поле, или лесок, или по крайней мере огород, либо пожня (покос). Вот почему деревня из каких-нибудь 10 дворов занимала пространство более полукилометра.

В Семчезере все почти селения окружены были с одной стороны водою, а с другой лесом. Чтобы предохранить свои посевы от вымерзания, местные карелы выбирали для своего жительства более высокие места, окруженные озерами. Поля находились близ самой деревни.

В Семчезере дома строили себе сами домохозяева: в первый год — жилой дом, в следующем году — сени, далее — сарай и т. д. Если же в семье был только один взрослый работник, то он приглашал в помощь себе своего соседа.

Дома строили почти всегда окнами на юг, реже на юго-восток или юго-запад. Материалом служил сосновый лес; рубили избы на мху, крыли тесом — бедные на один скат, а богатые на два ската. Соломенных крыш вовсе не было, так как леса было много, а соломы мало.

У всех описываемых карел, не исключая и пограничного селения Реболы, тип жилища был северновеликорусский. Избы строили на подполье, которое в Семчезере было вышиною более двух метров. В подполье держали репу, квас, молоко и куделю; там же стояли ручные жернова, на которых ежедневно женщины мололи муку или крупу. Рядом с жилой избой, в одной «связи» и под одной крышей с нею, находились сени и скотный двор. В Паданах «связь» шла вдоль: сзади жилой избы строились сени и две малых клети или чулана для домашней рухляди, одежды и съестных припасов. В праздники одна из этих клетей служила местом, где угощали близких родственников.

С одного бока сеней был вход по лестнице с улицы, с другого бока — выход на скотный двор, над которым возвышался сенной сарай.

В Семчезере в юго-западном углу сеней стояла неподвижная кровать, куда на день выносили постели, а летом тут спали. На гребне двускатной крыши лежало большое бревно, называемое «шеломом».[9]

У зажиточных избы были «пятистенные», т. е. с двумя жилыми комнатами. В пятистенке вторая жилая изба прирубалась с восточной стороны. Она была продолговатою — шириною меньше первой избы в два раза. В ней было два окна — на юг и на восток. Таким образом, в пятистенном доме было обычно пять окон. Печи во второй избе большею частью не было. В обычной жилой избе было одно (редко два) большое окно 54 × 36 см и три или четыре малых окна 36 × 27 см. Последние на зиму завешивались пузырем из телячьего желудка. Около большого окна стоял стол.

В Семчезере юго-восточный угол жилой избы, с двумя малыми окнами — одно в южной, а другое в восточной стороне — отделяли занавесью из конопляного холста, окрашенного голубою краской. Это было помещение для девиц.

Северо-западный угол избы, с одним окном в западной стене, отделяли также занавесью — и это было помещение для старух.

В Семчезере налево от двери, в углу стояла четырехугольная печь из дикого камня. Она занимала почти половину всей избы. Дымохода не было, дым из устья печи подымался вверх, наполняя всю избу, и только потом он постепенно выходил в потолочное отверстие, от которого шла на крышу деревянная труба. Устье печи находилось подле дверей. Около устья был большой шесток — «со́ста»,[10] на котором ребята утром, во время топки печи, сидели и грелись.

В Паданах печи делали из необожженного кирпича; такой кирпич мягок и непрочен, почему внутренность печи выкладывали не из него, а из особого огнеупорного камня — темнокрасного цвета. Этот камень не сгорал и не повреждался в печи в течение более ста лет. У весьегонских карел отмечены глинобитные печи того же самого типа — «русской печи».[11]

Для освещения служила лучина. Мыли в избе не более 5 раз в год. Внутри избы были неподвижные лавки около стен, стол, одна или две скамейки. В стенах вбиты гвозди, на которые вешали шапки, полотенца и одежду. Повыше окон кругом всей избы шли «воронцы» — полки, черные от дыма; на них клали мелкие хозяйственные принадлежности. В Семчезере к южной стене приделывали широкий прилавок из досок. Под ним находился вход в подполье — ка́рзина. У весьегонских карел отмечены полати под потолком, при входе в избу; на полатях спали и складывали рабочую одежду. Прочие авторы умалчивают о полатях, хотя они также могли быть.

Против окна у северной стены висел рукомойник; под ним стояла большая кадка с пойлом для скота. В эту лохань утром опускали раскаленные камни, чтобы согреть пойло для скота. Весьегонские карелы в жилой избе зимою держали телят, ягнят с матками и кур.

В Реболах встречались еще старинной стройки восьмиугольные амбары для хранения разной домашней рухляди. Они были выстроены из деревянных брусьев и крыты тесом на два ската. Вновь подобных построек не ставили. В Реболах два амбара ставили рядом — чаще против окон жилой избы: в одном хранили съестные припасы — хлеб, рыбу, грибы, ягоды и т. д., в другом — одежду, посуду и разную домашнюю рухлядь.

Хлевы большею частью пристраивали с боков скотного двора. Высокая «ригача» служила для сушки снопов и для молотьбы. В углу ее у дверей стояла печь из дикого камня, обмазанного глиною. Над потолком крыша на два очень отлогих ската. Близ риги — «сенник» для соломы и сена, крытый на один скат тонкими жердями, под которые клали березовую или еловую кору. В бане — каменная печь без трубы и одно малое окно. В Семчезере среди хозяйственных надворных построек названа еще «лесная избушка».

У т в а р ь и э к и п а ж и. В Семчезере карелы плели из лент бересты продолговатые солонки и коробки. Эти последние служили вместо рукомойника и вместо ковша, чашки, горшка — в них летом творожили молоко, даже вместо котла для варки рыбы — очевидно, раскаленными камнями. Вместо сундуков для хранения одежды служили чаще кошели и корзины, сделанные из бересты же или же из сосновой лучины.

Почти единственным экипажем служили сани-дровни. В них зимою и летом одинаково возили муку, руду, репу, глину, и сами ездили. Кузов на этих дровнях был сколочен из четырех досок, продолговатый, подобно гробу. В лес провизию везли на кережках,[12] сделанных из лучины. В Реболах встречались праздничные легкие сани — «кория». Кузов их был сделан из тонких досок, с высоким задком и низкими, менее 18 см, боками. Угол кузова сшивали конопляными веревками.

Для возки бревен в Паданах служили волокуши из двух толстых коротких полозьев, скрепленных между собою вязом. Употреблялись, конечно, также и лыжи.

О д е ж д а карел всего описываемого района характеризовалась наличием мужской рубахи-косоворотки с ластовицами, которые часто были иного цвета по сравнению с другими частями рубахи; таким образом, это была рубаха русского типа. Для будней рубаху шили из красного ситца или из льняного полотна. В Реболах ее шили без воротника, с чем нужно сравнить старинный тип русской рубахи «голошейки». Но в Реболах у молодежи и в Паданах у стариков встречались также и рубахи с прямым разрезом на груди, изредка — с широким воротником.

Верхней рабочей одеждой служила большею частью вторая рубаха — широкая, из толстого полусукна. Ее опоясывали кожаным ремнем шириною «в три пальца», с медною или железною пряжкою; на этом ремне висели ножны с ножом. На нижней рубахе поясом служил узенький ремешок, реже — красный шерстяной плетень; на поясе висел кожаный кошелек с огнивом, кремнем, трутом и серой в маленьком деревянном корытце. Местами рабочую грубую верхнюю рубаху называли: «паловая» или «ригачная», т. е. служащая для работы на подсеках или для молотьбы. Белые холщевые балахоны, очень обычные у весьегонских карел того времени, здесь не были в употреблении.

В Реболах носили серые кафтаны без воротника, обшитые по всем бортам тонкою кожею. Эту рабочую одежду дополняла холщевая сумка за плечами, так наз. «ша́лку» (Семчезеро), а летом «кукель» — накомарник вместо шапки, от комаров.

В нарядный костюм мужчин входили широкие плисовые шаровары, завязанный одним узлом платок на шее, поддевка и фуражка. В Реболах еще двубортная жилетка из нанки или ластика, с белыми пуговицами в два ряда.

В Паданах старики-карелы носили зимой шапку с четырехугольным плисовым верхом и меховым околышем. Летом, рядом со старинными широкополыми шляпами, встречались более модные маленькие шляпы. Зимой мужчины носили на руках, повыше кисти, вязаные из шерсти нарукавники длиною более 10 см.

Самою обычною обувью были берестяные лапти «виржу» или «лёбе», с длинными, до четырех метров длины, оборами. Лапти эти были не прочны, но легки и мягки. В праздники носили кожаные белые сапоги с длинными голенищами и с круглыми носами, так наз. выворотные сапоги.[13] Для зимы шили «койби» из оленьей кожи; внутри их была суконная подкладка до голенищ, а в подошве рубец белой кожи шириною 44 мм. Валенки были «в весьма малом употреблении»; у олонецких карел молодежь избегала носить валенки, считая это «стыдом» — неприличным.

Усы никогда не подстригали: раскол требовал, чтобы они навсегда оставались в естественном положении. Старики стриглись подобно русским староверам: выстригали все волосы на макушке головы, оставляя внизу нестриженый кружок вокруг всей головы. Молодежь же причесывалась уже с косым пробором, зачесывая волосы от левого глаза к правому.

Женщины носили сарафаны старинного русского покроя — с клиньями по бокам. В Семчезере сарафан из голубой крашенины называли «костыч». В верхней части лифа был небольшой разрез с тремя оловянными или медными пуговицами. К сарафану надевали нарукавники — род блузки с разрезом и с завязками на спине; холщевые нарукавники служили также и вместо передника. Нарядные сарафаны были из ситца, кисеи и штофа — «по достатку родителей»; их чаще шили без лифа, на двух лямках. С нарядным сарафаном носили часто ситцевую кофту. Городских платьев деревенские карелы тогда еще не носили.

Женская рубаха — «ряччина» холщевая синяя, с длинными, узкими рукавами; нижняя ее часть из более толстого и грубого конопляного холста. Малень-

кий ворот застегивался у шеи медною или оловянною запонкою. В Семчезере нарядная девичья рубаха имела ситцевые или кисейные рукава, оплечье и ластовицы, а становицу (нижнюю часть) льняную; ворот ее был обшит синею ленточкою или тесемкою. В Реболах нарядная женская рубаха была с длинными клиновидными рукавами, коленкоровая, но с холщевым станом; по подолу ее вышиты были узоры красными нитками. В Ругозере на плечах женских холщевых рубах были вышитые красной бумагой или разным шелком так наз. «приплечка» — четырехугольники длиною 18 см; такая же мода была тогда и у русских поморок на берегу Белого моря.

Верхнею одеждою женщин и девиц был шугай — с перерезом по талии, ниже которой он был собран в мелкие складки как сзади, так и спереди. Рукава шугая были с манжетами у кисти. На зиму шили шугаи на вате, и они заменяли шубу.

Замужние женщины заплетали волосы в две косы, каждая в три прядки, обвивали ими голову и прятали их под сороку. В праздники сверх сороки надевали шелковую косынку «модою», т. е. в виде колпачка, или же в виде широкой ленты. Сороки и кокошники на голове носили ситцевые, штофные и матерчатые, смотря по состоянию. Девицы носили одну косу. В будни ее плели в три прядки, а в праздники в семь и более, что русские называют «без числа». Надо лбом повязывали шелковую косынку, сложенную в виде ленты шириною 65 мм. Из-под косынки выпускали на спине косу. К концу косы привязывали шелковую ленту шириною 45—65 мм. Кольца на руках носили оловянные и медные.

Рабочею обувью женщин и девиц были лапти. В праздники девицы надевали башмаки из белой или черной кожи. Старухи носили еще башмаки без задников, с высокими и узкими каблуками.

Примечания

[1] Счет денег «на ассигнации» противополагался счету «на серебро»: один рубль серебром стоил в три с половиною раза дороже рубля ассигнациями.

[2] Полотенца во время обеда заменяли в старом русском быту салфетки.

[3] «Не извините» было обычной в дореволюционной русской деревне формулой извинения. Книжное слово «извинять» понималось «обвинять».

[4] «А напрасно!» Подразумевается: беспокоитесь, т. е. мы, гости, не стоим того внимания, которое проявляют к нам хозяева.

[5] «Пряжить» — варить что-либо в масле или в сале.

[6] «За прочее пищи». Нужно помнить, что говорит карелка, которая плохо владеет русским языком.

[7] Посох в руках — необходимая обрядовая принадлежность свата у очень многих народов; кроме русских, напр., и у юкагиров на крайнем северо-востоке Сибири (П. Третьяков. Туруханский край. Записки Географического общества по общей географии», II, 1869, стр. 395).

[8] Сковорода в качестве железного предмета считалась оберегом от всего злого и должна была предохранять жениха и невесту от «порчи», которую знахари и злые люди могли подбросить на пол (Н. Познанский. Заговоры. Пгр., 1918, стр. 247 и 253). По той же причине одежда молодых не должна была соприкасаться с порогом в дверях. — «Секретным» поясом для молодых служила, вероятно, рыболовная сеть, обилие узлов в которой делало ее, в глазах суеверов, магическим предметом (ср.: Живая старина, XX, 1911, стр. 13, 243. — Известия Академии Наук по Отделению общественных наук, 1931, стр. 749—750).

[9] «Шелом» (русская форма книжного слова шлем) — обычное на севере у русских название конька на крыше.

[10] «Сòста» — измененное русское слово шесток, шест, которое образовано от корня сидеть (Известия ОРЯС, VIII, 1904, № 4, стр. 10 отдельного оттистка статьи Д. К. Зеленина). В старой русской курной избе печной шесток служил для той же цели: на нем сидели дети во время топки печи, когда дверь открывали и в избе было холодно.

[11] «Русская печь», как особый тип, отличается тем, что она служит для варки в ней пищи и печения хлеба, не имеет конфорок, а верхняя площадка ее является лежанкой.

[12] Кережки — маленькие сани, салазки.

[13] Выворотные сапоги — сапоги простейшего шитья: их шили сызнанки и потом выворачивали.

Résumé

D. Zelenin

Sur l'ancien genre de vie des Caréliens de la région de Medvejia-Gora (République Soviétique Socialiste Carélo-Finnoise)

Les monuments historiques et les documents ethnographiques du XIX-e siècle montrent que les Caréliens se sont graduellement russifiés, leur genre de vie ayant subi plus fortement l'influence russe que leur langue. L'auteur donne une description ethnographique des Caréliens de la région de Medvejia-Gora d'après des manuscrits de 1854 conservés aux archives scientifiques de la Société Russe de Géographie. A cette époque prédominait ici la culture sur terres défrichées, avec la chasse, la pêche et diverses industries. Le navet occupait une place importante dans l'alimentation; la population pauvre mêlait à la farine de l'écorce de pin réduite en poudre. La famille patriarcale était déjà décomposée; les koulaks, paysans riches qui prenaient à ferme les terres d'autrui, jouaient un grand rôle dans la vie sociale. La superstition régnait, surtout dans la médecine populaire.

Les Caréliens tissaient leurs mitaines avec du poil de la crinière chevaline et tressaient leurs cordes avec du chanvre mêlé de crin de cheval, ce qui semble attester un large développement chez eux de l'élevage du cheval à cette époque.

Г. А. Никиитн

Народное изобразительное искусство финнов-суоми

(По материалам Государственного Музея этнографии в Ленинграде)

Среди собраний Государственного Музея этнографии имеется значительный вещевой материал по суоми. Это разнообразные хозяйственные предметы, средства передвижения, предметы домашнего обихода, мебель, утварь, одежда, ковры и т. п. Эти экспонаты приобретались Музеем от отдельных лиц: в 1911 г. была приобретена большая коллекция от известного финского ученого У. Т. Сирелиуса; в 1914 г. было поступление от И. А. Котикоски. Имеющиеся в музее экспонаты собраны в разных районах Финляндии, в бывших губерниях Тавастгусской, Вазасской, Ньюландской, Выборгской, Санкт-Михельской, Улеаборгской и Або-Бьернборгской.

Этнографический музейный материал, отражая историю, быт и культуру народа на определенном этапе его развития, отражает также и творчество народа в широком смысле этого слова, в частности народное изобразительное искусство. С этой стороны мы и охарактеризуем предметы из собраний Музея этнографии, пытаясь дать краткий очерк народного изобразительного искусства суоми.

Изыскания финских буржуазных ученых-националистов в области этнографии, археологии, лингвистики и фольклора издавна и последовательно были направлены на отыскание элементов сходства культуры суоми с культурой других народов, относящихся к финно-угорской группе, причем результат этих изысканий тенденциозно освещался в угоду обоснования захватнической политики финской буржуазии, стремившейся к созданию «великой Финляндии вплоть до Урала». Такой же подход был и по отношению к изучению народного искусства. Увлечение сравнительным методом при изучении этнографических явлений и отдельных вопросов народного искусства привело к тому, что генетика этих явлений и их развитие выпадали из поля зрения исследователей и оставались неразрешенными. Единственное почти исключение — широко распространенное утверждение о шведском влиянии на искусство суоми, что подкрепляется историей многовекового подчинения народа суоми Швеции.

Не останавливаясь на этой последней проблеме, мы должны констатировать многообразие народного искусства суоми, свидетельствующее о творческих силах народа, не только воспринимающего, но и творящего свое оригинальное искусство. В собраниях Музея этнографии можно выделить следующие комплексы предметов искусства суоми:

1) Предметы, орнаментированные вышивкой.
2) Образцы ткани.
3) Вязаные изделия.
4) Ковры.
5) Резные лопасти прялок, в большинстве которых резьба сочетается с росписью.

6) Резные деревянные мотовила.
7) Утварь деревянная резная и расписная (короба, сундуки).
8) Мебель резная и расписная.
9) Экипажи, двуколки, сани и части сбруи (клещи хомутов).
10) Изделия из кожи (кисеты для табака).

Искусство вышивки у суоми в прошлом имело широкое распространение. В частности, оно применялось для орнаментики одежды.

В сочинении Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» описывается современная ему женская одежда суоми. Она состояла из рубахи, штанов, чулок, кожаных башмаков, сарафана, запона (передника), телогрейки и охабня (халата). Голова закрывалась фатой. Охабни и телогрейки шили из «крашенины своего рукоделия». Они украшались также «змеиными головками» или «разнопестренным шитьем», т. е. вышивкой. Запоны были также «чрезвычайно распестрены шитьем, змеиными головками, корольками, бахромками и сему подобным». Также и передняя половина сарафана от колен до подола была «распестрена узорчатым шитьем и бисером». Кроме того, встречалась нагрудная и нарукавная вышивка рубахи, исполненная шерстью.[1] Это свидетельство XVIII в. указывает, что кроме вышивки имело место шитье бисером, которое сочеталось с использованием ужовок (раковины каури) и бус. Впоследствии вышивка для орнаментации одежды стала применяться в меньшей степени. Орнаментировались, главным образом, части головных уборов, передники, концы полотенец, скатерти. Вышивали на руках и в пяльцах. Применялись различные швы: «простой стежок», «квадратный», «шов крестиком», «косой гобеленовый», «прямой гобеленовый», «гладьевый», «тканьевый», «цепной», «обметочный», «плетеный шов». Швы составляли целые орнаментальные композиции.

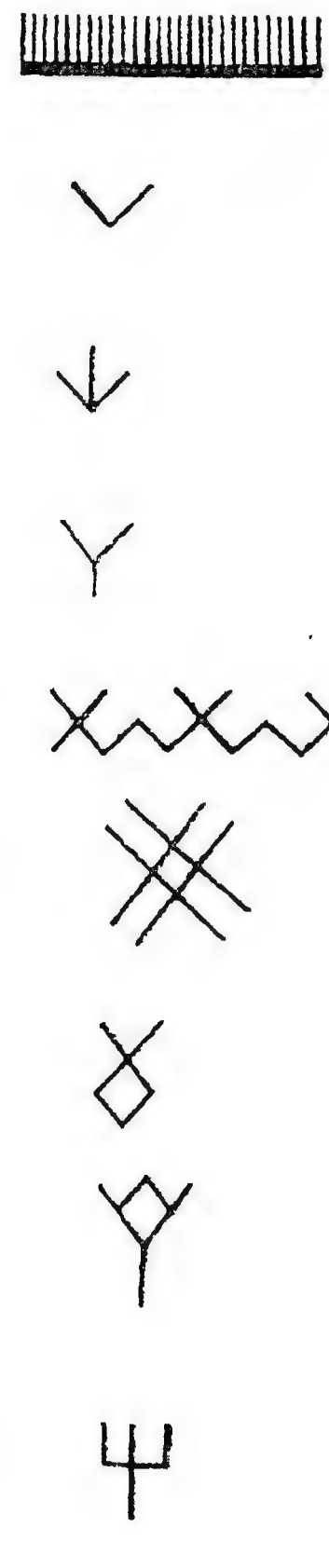


Рис. 1. Отдельные элементы орнаментальных композиций.

Орнаментика вышивки суоми в сохранившихся до нашего времени образцах имеет геометрический характер.

Представляет большой интерес осмысление отдельных элементов орнаментальных композиций, в которых на ряду с поздними моментами выявляются и архаические черты:

1) Kukonharja — петушиный гребень.
2) Pienet kananvarpaat — куриные лапки (точнее: пальцы курицы).
3) Suuret kananvarpaat — большие куриные лапки.
4) Pienet kananvarpaat jalan kanssa — мелкие пальцы ступни курицы.
5) Pieniä kananvarpaisia hienoilla koukkupolvilla — маленькие куриные пальцы и мелко-зубчатые кривые ножки.
6) Kananvarpaistarha — скрещенные куриные лапки.
7) Linnunsilmä pienet kananvarpaat päässä — птичьи глаза и куриные пальцы.
8) Yksijalkainen linnunsilmä härtsikkäinen — нога, птичьи глаза и рога.
9) Haravainen — маленькие грабли.

[1] Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 16—17.

10) Poikkijalkainen haravainen — маленькие грабли с крестообразной ножкой.[1]

Цветовая гамма вышивки суоми достаточно разнообразна. Ее составляют красный, синий, желтый, зеленый и коричневый цвета различной густоты. С проникновением анилиновых красок старинная цветовая гамма, которую давали растительные красители, была нарушена.

Во второй половине XIX в. искусство вышивки приходит в упадок, о чем свидетельствует предпринятая в 1879 г. попытка возродить старую вышивку. В Финляндии было создано так наз. «Общество друзей ручной работы». Деятельность этого общества была связана с мыслью о реформации старинной одежды. Изделия этого общества распространялись по всей стране, но в них было мало общего с народным искусством.[2] В конце XIX в. вместо вышивки в обиход стала входить строчка.

Особое место в художественной культуре суоми занимает тканье. Ткачество было распространено повсеместно и ткацкий стан был непременной принадлежностью в крестьянской избе. В некоторых районах пользовались весьма архаичным непереносным ткацким станом. Ткачество — давнее и характерное женское занятие, оно нашло отражение и в устном народном творчестве. В финско-карельском народном эпосе, в рунах Калевалы, часто фигурируют прялка, веретено, ткацкий стан. В 4-й руне, где описывается сватовство Вейнемейнена к Айно, мать последней рассказывает о семи синих платьях и украшениях, которые должна надеть Айно:

Мне дочь месяца ткала их,
И дочь солнца мне их сшила.
В годы юности прошедшей,
В молодые годы часто
Я в лесу брала малину,
В лес по ягоды ходила,
Там однажды увидала
Я дочь месяца за станом
И дочь солнышка за прялкой.
Серебра дала дочь солнца,
А дочь месяца мне злата.
Золотой кокошник вышел
И серебряный налобник. . .[3]

В руне 23-й, где дается наставление невесте, как она должна держать себя в доме будущего мужа, указывается даже на детали процесса тканья:

Вот и прясть настанет время,
Время для тканья настанет.
Не ищи в деревне пяльцев,
За ручьем себе искусства,
По дворам себе советов,
У чужих себе ты берда.
А сама пряди ты нитки,
Пряжу собственной рукою,
Шерсть закручивай слабее,
А льняные нитки круче,
Их мотай в клубок покрепче,
Намотай их на воробы,
А с вороб навей на вьюшки,
На навой навей основу,
Ударяй покрепче бердом,
Ты станком скорее двигай.
На кафтан натки ты сукон,

[1] Theodor Schvindt. Finnische Ornamente. Helsingissä, 1895, стр. 1—2.
[2] T. Schvindt. Finnische Ornamente. Helsingissä, 1895, Einleitung, стр. 2.
[3] Калевала. Перевод Л. П. Бельского. «Akademia», 1933, стр. 22.

Шерстяных наделай платьев
Из одних охлопков шерсти
От ягнят прозимовавших,
Из волос овечки летней,
Из бараньей мягкой шерсти.[1]

В руне 24-й в наставлении жениху при перечислении достоинств невесты подчеркивается:

И полотна белит ловко,
И прядет отлично нитки,
И сильна, чтоб выткать платье.
У нее так звучно бердо,
Как на холмике кукушка;
Челночек скользит у девы,
Как по ветке горностайка;
У нее в руках катушка,
Как в зубах у векши жолудь. . .[2]

Ткачеству начинали обучать еще с детского возраста. К совершеннолетию девушка должна была изготовить себе приданое. В прошлом, в условиях натурального хозяйства, домотканиной обслуживались все семейные потребности в одежде. Для изготовления пряжи использовался домашний материал — шерсть, конопля, лен. Кроме одежды, изготовлялись и другие предметы. Я. Аренберг пишет: «Можно с большою степенью вероятности предположить, что упомянутые в старинных документах „stola jounen" (покрывало для стульев), „bánka drátten" (покрывало для скамеек), „háng kläden" или „väggadrätten" (ткани, которыми увешивали оштукатуренные внутренние стены комнат) изготовлялись в своей же стране».[3]

Ткачество было широко распространено в стране: уже в XV—XVI вв. оно существовало и как отрасль кустарной промышленности. Ткани Финляндии экспортировались за границу — в Швецию, Данию и в Прибалтийские районы. В середине XIX в. производство пряжи и ткачество внутри крестьянских хозяйств для собственных нужд стало сокращаться. Как показало обследование кустарных промыслов, проведенное в 1887 г. в ряде районов Финляндии, будничная одежда женщин еще была домотканной, а праздничная, как правило, стала делаться из покупного материала. Этот процесс был связан с сокращением посевов льна и конопли и с падением овцеводства:

В	1875 г.	на	1000	жителей	было	529	овец
»	1890 »	»	»	»	»	443	»
»	1905 »	»	»	»	»	324	»[4]

Из тканых изделий широко распространенными в прошлом были узорные покрывала. Это так называемые «raany», «loide» и «täkänä». Они изготовлялись в особенности в Эстерботнии и местами в Карелии. Орнамент чаще всего был геометрическим. Наиболее употребительными цветами в тканях были красный, синий, желтый и зеленый. В Музее этнографии имеются разнообразные тканые изделия, собранные в Вазаской губернии: занавески, скатерти, одеяла, санные полости. По технике занавески и скатерти являются образцами так наз. браного тканья.

Особый интерес в отношении техники, орнаментики и красочности представляют ковры суоми — ryijyt. Их производство было распространено в Эстерботнии, Тавастландии и в Сатакунте. Изготовление ковров было известно еще

---

[1] Калевала, стр. 135.
[2] Калевала, стр. 141—142.
[3] Я. Аренберг. Кустарное производство в Финляндии. Гельсингфорс, 1902, стр. 5.
[4] Я. Аренберг. Кустарное производство в Финляндии, стр. 106.

в XV в. И. Маннинен указывает, что у наиболее старых образцов был длинный ворс и они были очень толстыми. В коврах XVI в. преобладали белый, черный и серый цвета, реже желтый и красный, и только иногда голубой и зеленый. Однако, как говорит Маннинен, бедность красок не мешала им быть широко известными в Швеции. В частности, ковры суоми использовались для убранства при дворе короля Густава Вазы.[1]

Рис. 2. Ковер.

В старинных крестьянских ткацких станках подвесная вертикальная рама была подвижной и позволяла варьировать размер изделия. Изготовление ковра было занятнем весьма кропотливым. В зависимости от характера ковра применялся тот или иной вид завязывания нитей ворса узлом, после чего нити соответствующим образом подрезались.

Отдельные виды народного искусства, достигшие большого художественного совершенства, приняли формы ремесленного производства и обслуживали вер-

[1] J. Manninen. Die Finnisch-Ugrischen Völker. Leipzig, 1932, SS. 41—42.

хушку общества. Так, напр., по приказу шведских королей Густава I и Иоанна III. «туземцев заставляли учиться у фламандских, любекских и итальянских худож-

Рис. 3. Ковер.

ников, призванных королями для производства разного рода работ по украшению дворцов и правительственных зданий».[1] К числу таких производств можно отнести и ковроделие.

В XVIII в. изготовление ковров еще более совершенствовалось, ими украшали стены жилищ, покрывали кровати, сундуки. Ковры служили полостью при езде на санях, были попоной для коня. Ковер считался непременной принад-

[1] Кустарные промыслы в Финляндии, стр. 7.

лежностью приданого девушки. В крестьянском быту изготовление и существование ковров наблюдались до последнего времени, но они встречались лишь в богатых кулацких семьях.

Благодаря прочности ковров до нас сохранились образцы конца XVII и начала XVIII в. Исключительное многообразие представляют ковры, описанные в работе У. Т. Сирелиуса «Finlands ryor», изданной в Гельсингфорсе в 1924 г. Наиболее постоянным и характерным для ковров суоми является геометрический орнамент. Он занимает или все поле ковра, или окаймляет его. Однако встречаются ковры и с преобладающим растительным орнаментом. В коврах XVIII в. геометрический орнамент компануется со стилизованными человеческими фигурами, изображениями животных и растений. При изображении человеческих фигур в некоторых случаях имеется попытка дать их в действии — в виде гуляющих пар, бьющих молотами по наковальне кузнецов, идущих со знаменщиком во главе солдат.

Растительный орнамент передает специфику северной флоры. Встречаются стилизованные изображения елки, некоторых ягодников, ландышей. Из животных в ковровой орнаментике встречается олень. В некоторых образцах XVIII в. имеют место изображения геральдических, коронованных львов, что говорит о принадлежности владельцев этих ковров к господствующим классам общества.

Ковры суоми характерны своей многокрасочностью. Распространенными цветами являлись: красный, синий, желтый, зеленый, белый, черный, коричневый и лиловый. В прошлом применялись растительные красители. К ним относятся, напр. крушина Ramnus frangula: кору этого растения снимали весной, в течение целого лета она подвергалась сушке, затем ее вываривали и получали красную краску. Мох Lichen petraeus tinctorius давал коричневую краску с красным отливом. Из травы Galium boreale получали темнокоричневую краску. Листьями березы окрашивали шерсть, смоченную в квасцовом растворе, в желтую краску и др.[1] К концу XIX в. качество ковров, в виду замены растительных красок анилиновыми, сильно понизилось.

В собраниях Музея этнографии имеются ковры, аналогичные с коврами, описанными в указанной выше работе У. Т. Сирелиуса. Собраны они были в основном в Тавастгусской губ. В большинстве случаев это так наз. мохнатые ковры, вытканные из шерсти. Некоторые образцы среди коллекций Музея этнографии (напр. № 3199—3) относятся к концу XVIII в. На них вместе с геометрическим, растительным и животным орнаментом встречаются также изображения человеческих фигур. На многих образцах имеются даты и инициалы или имена владельцев.

Кроме искусства вышивки, тканья и ковроделия, необходимо отметить распространенное у суоми искусство плетения и вязания. Обычными плетеными изделиями из шерсти и льняных нитей являются пояса. Преобладает геометрический орнамент. Ширина поясов колеблется от 1 см до 10—15 см.

Из вязаных изделий имеют широкое применение различная одежда, мужская и женская, шарфы, рукавицы, перчатки, чулки. Некоторые изделия делаются одноцветными, другие орнаментируются. Вязкой чулок особенно занималось население около г. Нодендаля. Из Ньюландской губ. вязаные изделия распространялись торговцами-разносчиками и шли даже за границу. Плетение кружев, существовавшее уже в далеком прошлом, к концу XIX в. пришло в упадок и сохранилось лишь в Раулю и в приходе Ориматтила.

Если женское искусство было связано, главным образом, с обработкой шерстяного и растительного волокна и изготовлением из него различных изделий, то мужское искусство суоми развивалось при использовании другого материала,

[1] В. Сухаро. Природа и люди в Финляндии. СПб., 1863, стр. 47—48.

причем естественно, что в стране леса, какой является Финляндия, этим материалом было дерево. Использовались, главным образом, сосна, береза, которая в некоторых районах Финляндии встречается в виде так наз. карельской березы, затем ель и осина. Для мелких поделок использовали также можжевельник, черемуху и рябину. Из дерева делались различные орудия труда, жилище, утварь, мебель, средства передвижения и т. д. Часто эти изделия украшались резьбой или покрывались росписью. Иногда роспись и резьба сочетались вместе.

Мужское искусство также вошло в фольклор. В 4-й руне Калевалы брат Айно занимается изготовлением резной дуги.[1] В 18-й руне Вейнемейнен перед поездкой для сватовства в Похьолу красит красной и синей краской лодку, нос ее украшает золотом и серебром, а корму золотой резьбой.[2] В этой же руне говорится, что Ильмаринен едет свататься в Похьолу в разукрашенных санях (очевидно, украшенных росписью).[3]

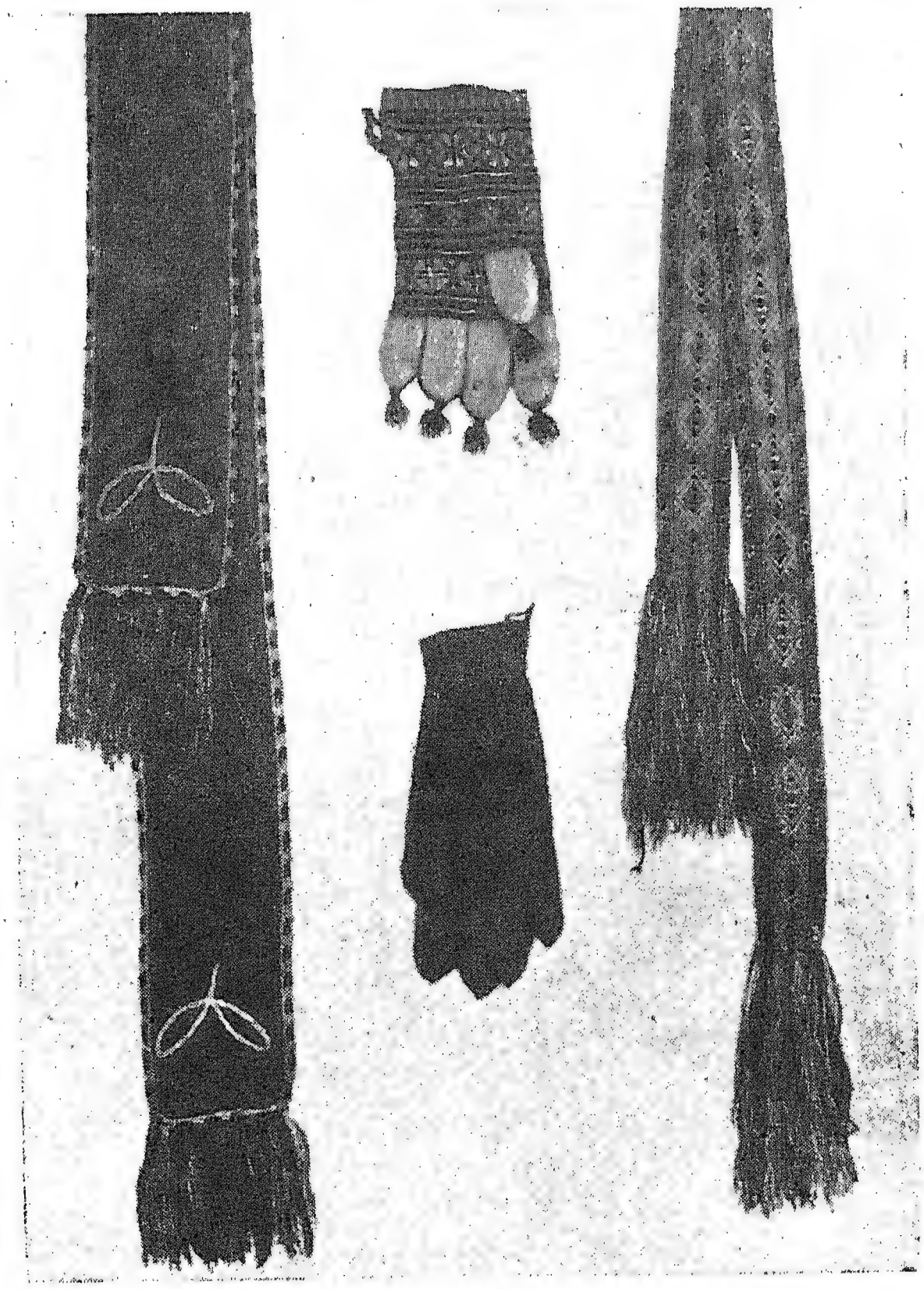


Рис. 4. Вязаные изделия.

Орнаментация орудий труда была весьма распространенной. Особенно часто украшались орудия женского труда, которые делались женщине в подарок. В этом отношении большого мастерства достигли резчики при изготовлении лопастей прялок, мотовил, вальков и скалок. В Музее этнографии имеется коллекция из 40 лопастей прялок. Некоторые экземпляры датируются второй половиной XVIII и началом XIX в. (на лопасти 3057-9 вырезан 1777 г., на лопасти 3194-2 — 1806 г., на лопасти 3036-6 — 1819 г. и т. д.). Все лопасти прялок из этой коллекции можно разделить на три основных типа: 1) резные, иногда покрытые одноцветной краской, 2) резные и расписные и 3) расписные. В отношении формы лопасти прялок весьма многообразны: у некоторых прямая поверхность, у других выгнутая, у третьих выгнутая с изломом; одни лопасти имеют лопатообразную форму, другие копьевидные или ланцетовидные. Материалом обычно является березовое дерево. По характеру резьбы также представлено несколько типов. Копьевидная лопасть 3194-1 имеет резьбу, исполненную так наз. нарезкой вглубь. Преобладающее большинство лопастей имеют так наз. прорезную резьбу и, наконец, имеются образцы пластично-рельефной резьбы (лопасть 3057-8). Эти основные типы сочетают в себе элементы и трехгранно-

[1] Калевала, стр. 21.
[2] Калевала, стр. 98.
[3] Калевала. стр. 102.

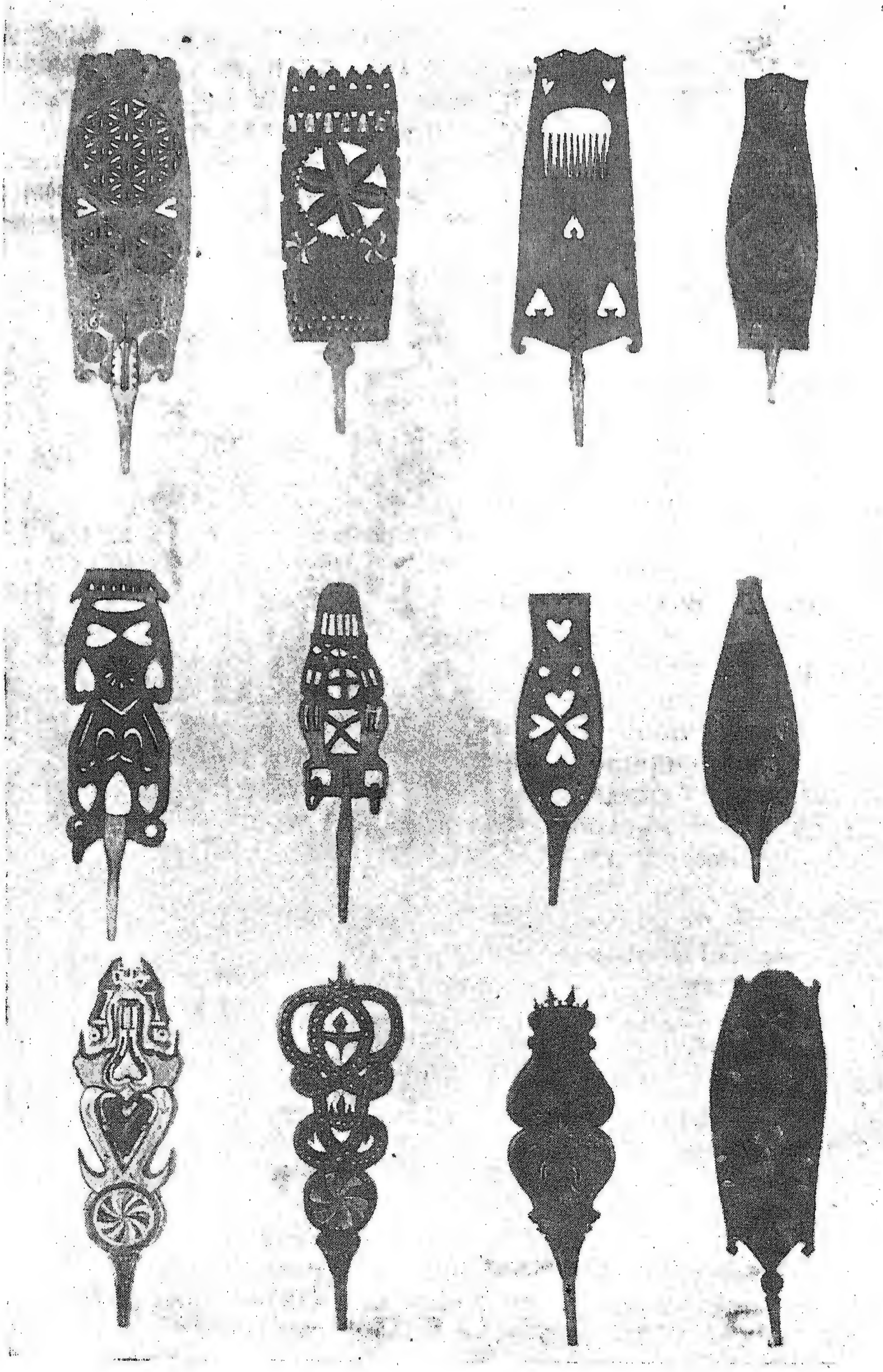


Рис. 5. Лопасти прялок.

выемчатой резьбы, которая сохранилась в наиболее старых образцах. Преобладает растительный орнамент, однако имеет место и геометрический. Весьма распространенным орнаментальным моментом является круг, розетка, что говорит о сохранении в резьбе суоми архаических элементов. В некоторых образцах представлен животный орнамент; так, на лопасти 3057-8 изображены два льва геральдического характера. Своеобразными являются три лопасти с острова Оланд, Або-Бьернборгской губ. (3195—1, 2, 3), с прорезной поверхностью и фигурно-вырезанными краями.

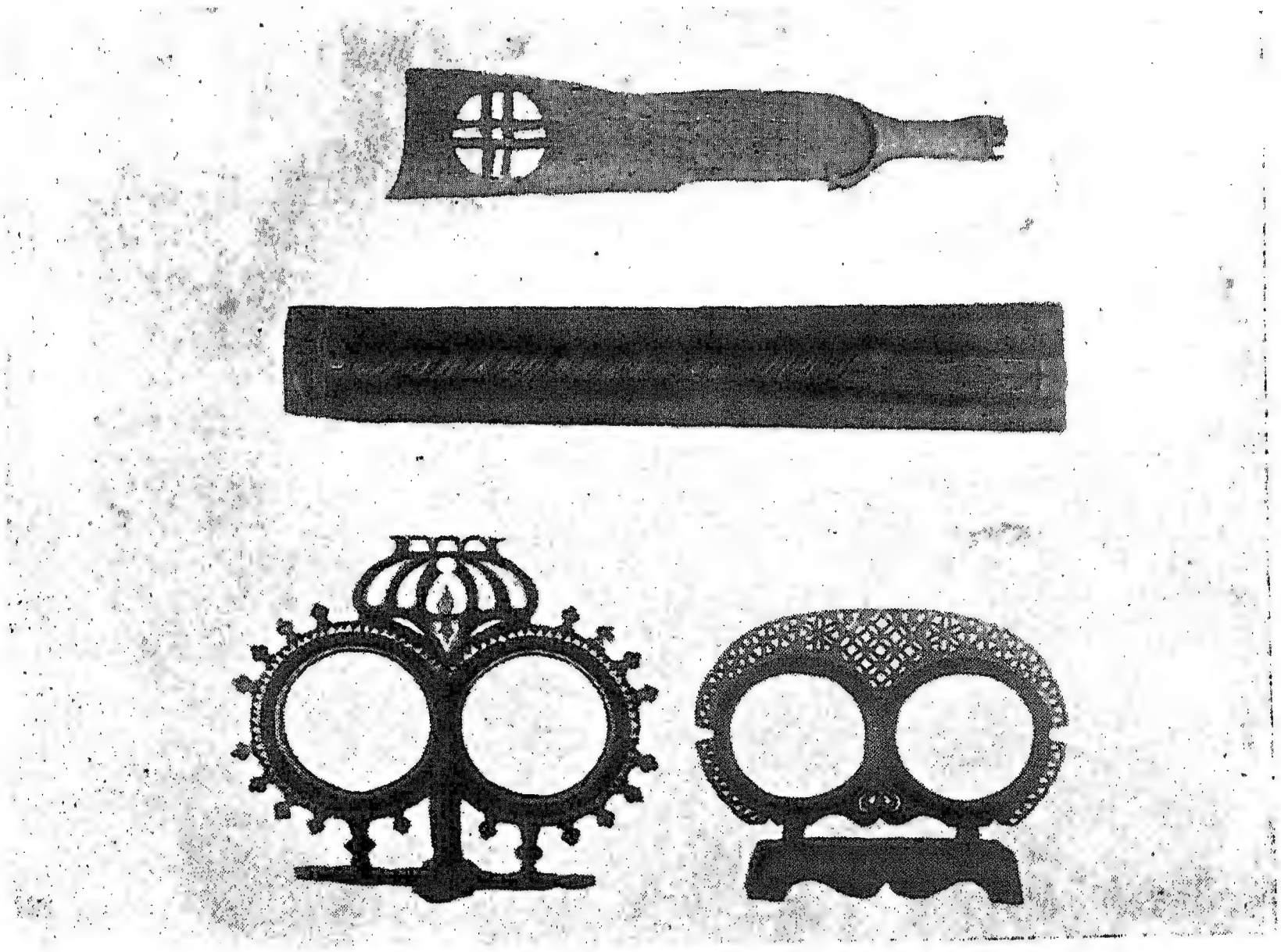


Рис. 6. Деревянная резьба.

Большой интерес представляют лопасти прялок, сделанные из целого куска дерева с вырезанными висячими кольцами (3031—2, 5, 8, 9 и 3055—123). Подобная вычурная работа характерна для народов лесной зоны и имеет в этом отношении аналогию у многих народностей: сплошная деревянная цепь к умывальнику у северных русских и коми, резные черпаки с кольцами из целого куска дерева у чувашей и марийцев, чашки для кумыса с кольцами у башкир и т. п.

Резные лопасти прялок иногда покрывались одноцветной краской, иногда же они были многокрасочными. Преобладающими цветами были красный, синий, зеленый и коричневый. В лопастях прялок (3055—7, 2, 3, 11), где основным декоративным моментом является не резьба, а роспись, наблюдаются те же цвета. Орнамент расписных лопастей прялок обычно был растительным. Кроме лопастей прялок в собраниях Музея этнографии имеются резные и росписные деревянные рамки (Rullsoula) для наматывания ниток на цевки перед тканьем (3059—43, 49).

Кроме того, резьбой и росписью украшались рукоятки кос, головки грабель и другие предметы. Весьма обычным было украшение жилища самодельной резьбой, а также расписная мебель. В Музее этнографии имеется крестьянская мебель из Вазаской и Тавастгусской губерний. Это расписные шкафы (2994—1; 3029—66; 3059—2, 3, 4, 48), часы в футляре, орнаментированном росписью (3059—5ав), самодельные резные, иногда покрытые краской стулья, диваны. Большинство

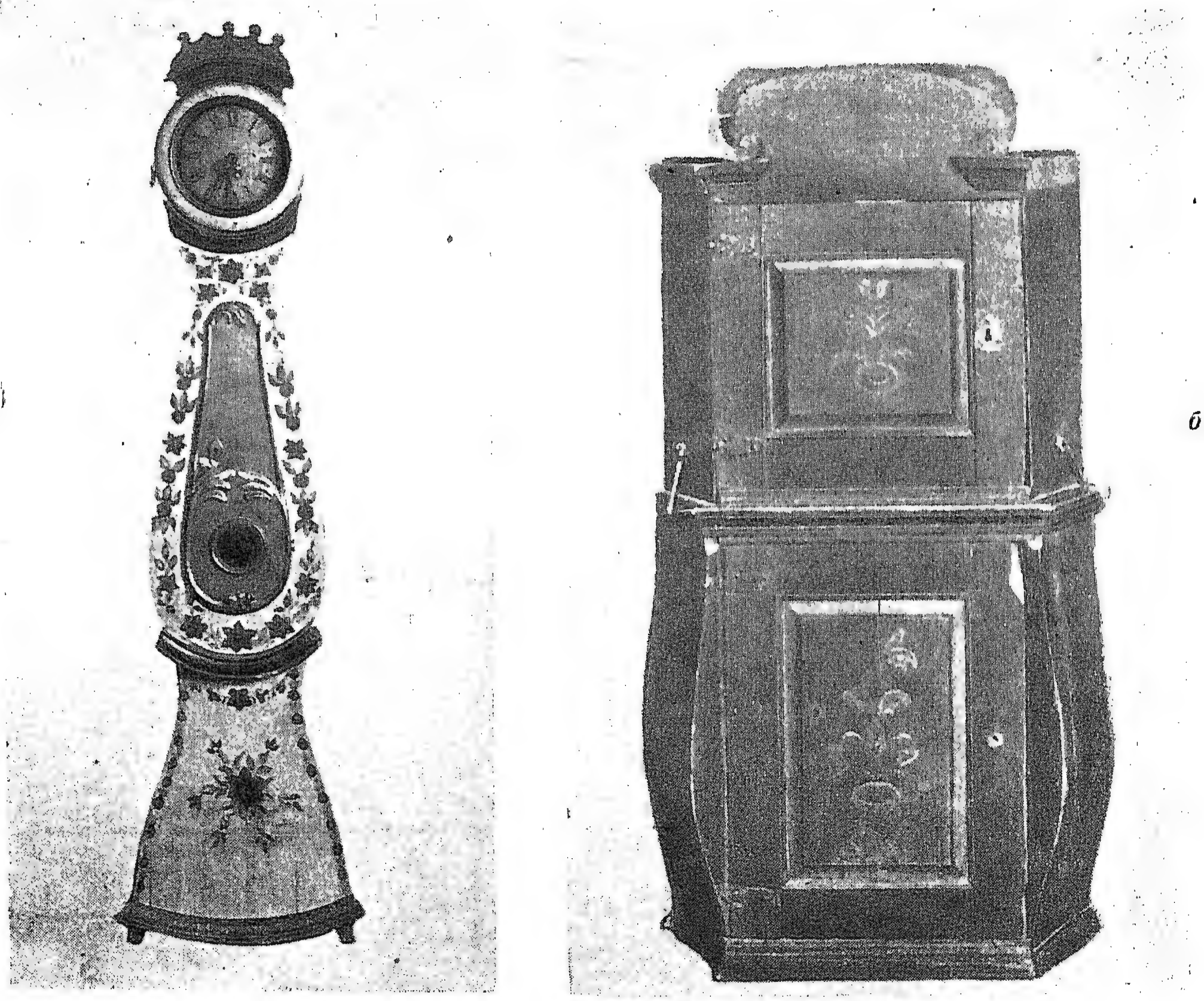


Рис. 7: а) футляр для часов; б) шкаф.

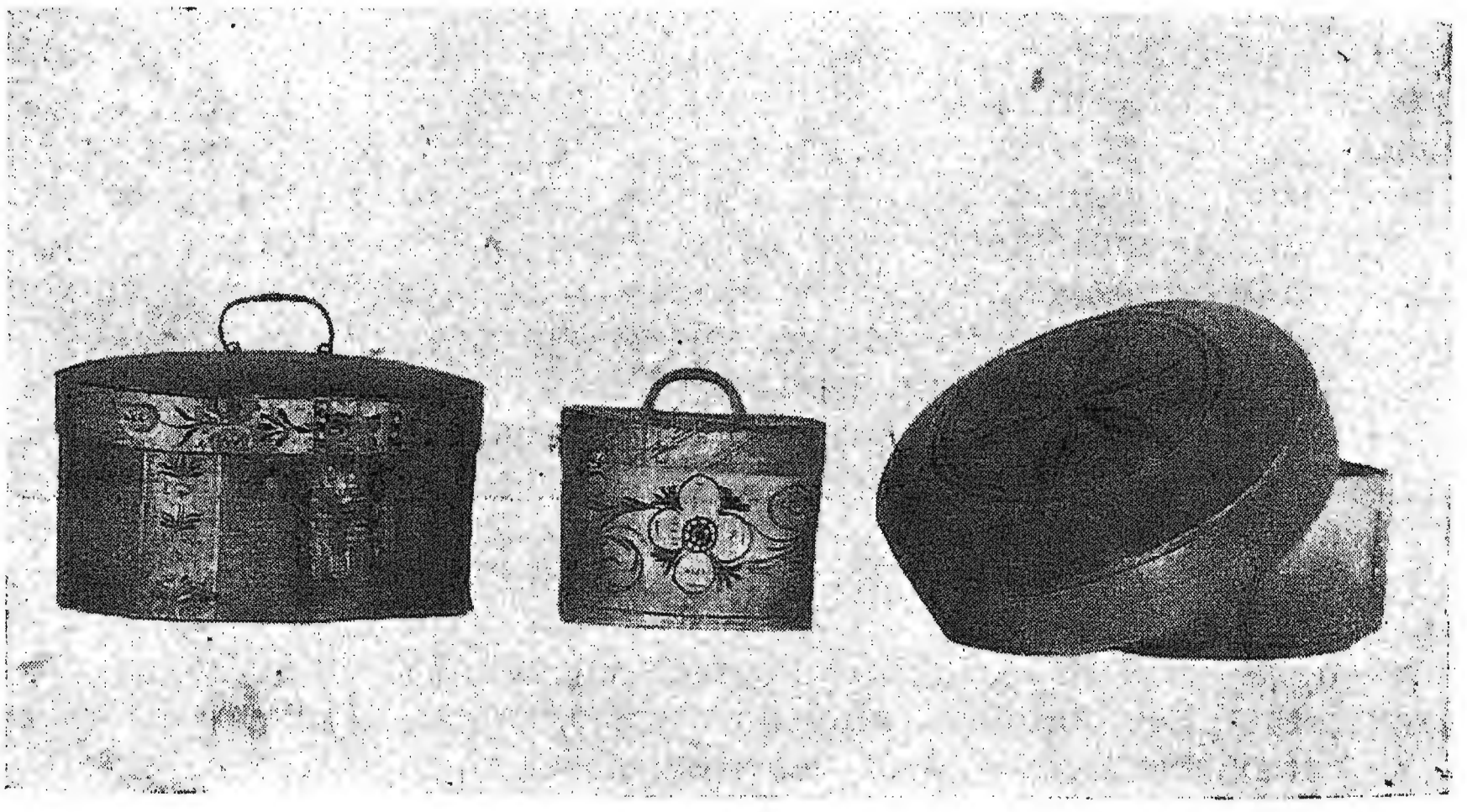


Рис. 8. Ларцы.

указанных предметов датируется первой половиной XIX в. Орнамент росписи на всех предметах растительный — цветы, венок из цветов и т. п.

Резьбой украшались и другие предметы, напр., ложки, жбаны для пива, кружки. Последние предметы имели место в Северной Сатакунта.

Резьбой и росписью орнаментировались различные шкатулки, ларцы, коробки для хранения платья, сундуки. В собраниях Музея этнографии имеются резные и расписные ларцы из Вазаской губ. Делались они круглыми, цилиндрической формы, с отъемными крышками, или в виде сундучка. Их гнули из дерева, обычно из ели. Ларцы, украшенные резьбой, покрывались иногда одноцветной краской. Расписные ларцы покрывались красной, зеленой или синей краской, которая была фоном для росписи. Наиболее распространенным для расписных предметов был растительный орнамент, но встречался и геометрический. В некоторых ларцах роспись сочеталась с резным орнаментом. В расписных шкатулках хранили, между прочим, головные уборы (3059—22 ав). Для различных мелких предметов делались деревянные долбленые ящики с выдвижной крышкой, которая часто орнаментировалась (3059—23 ав). В орнаментации ларцев и шкатулок следует отметить розетку и концентрические круги. Некоторые ларцы датируются концом XVIII (3059—17ав) и первой половиной XIX в.

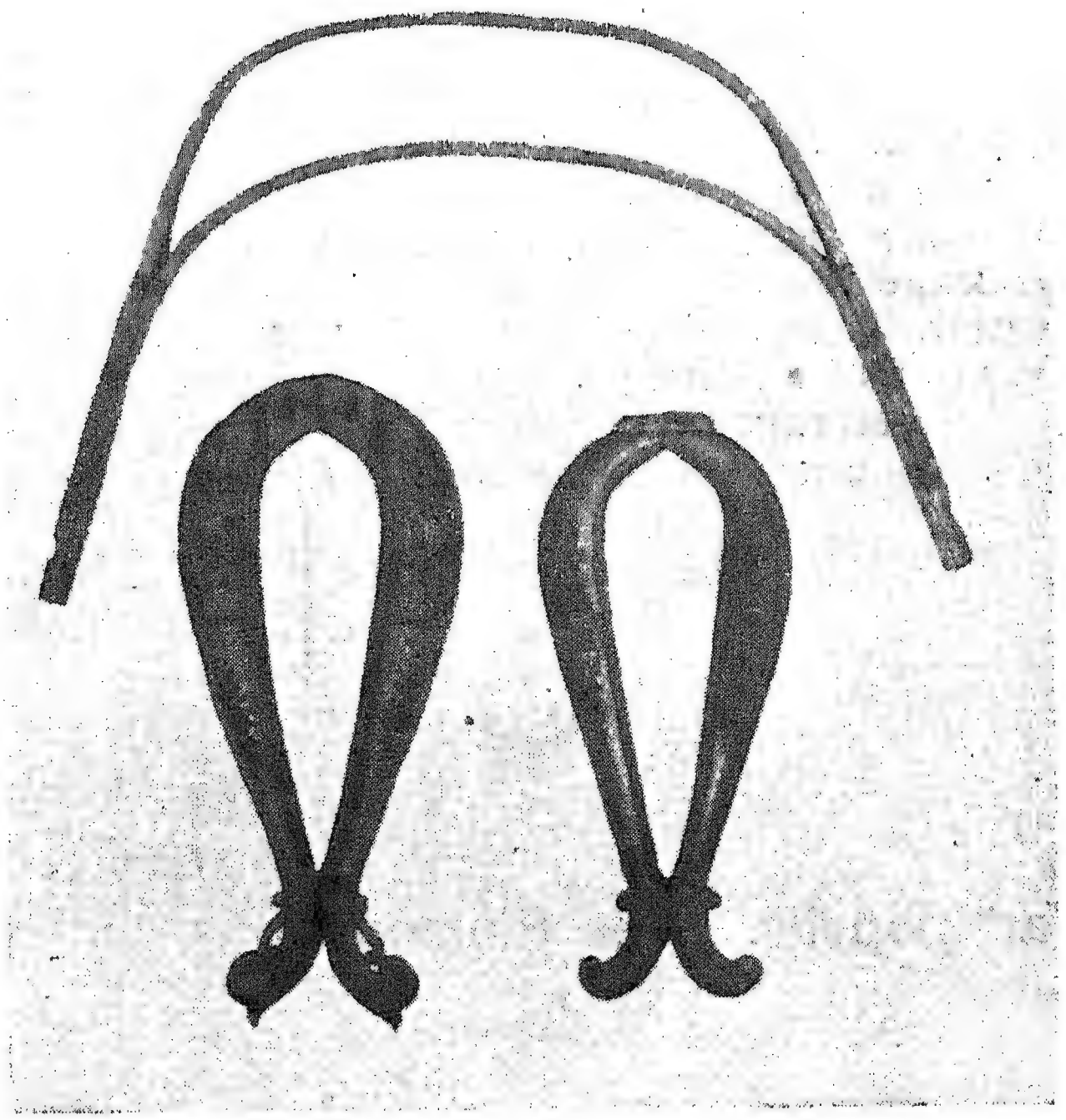


Рис. 9. Расписная дуга и хомутные клещи.

Роспись и резьба имели место и при украшении средств передвижения: двуколок, телег, саней, конской упряжи, дуг, клещей хомутов, чресседелок и т. д. Маннинен указывает, что в XVIII в. разные украшения телег и саней делались весьма вычурными, в стиле рококо.[1] В Музее этнографии в коллекции средств передвижения имеется целый ряд орнаментированных предметов, напр. украшенная росписью дуга, резные и расписные клещи хомутов, двуколки, сани. Характер росписи этих предметов сходен с описанными выше мебелью и ларцами.

К предметам народного искусства следует отнести также некоторые изделия из бересты, украшенные тисненым орнаментом. Это кузовки, табачницы, мелкие коробочки, футляры. Кроме того, необходимо отметить плетение из корней. Будучи весьма давнего происхождения, искусство плетения в некоторых случаях достигло высокого совершенства, примером чего может служить узорное плетение.

---

[1] J. Manninen. Die Finnisch-Ugrischen Völker, SS. 40—41.

Народное искусство суоми проявлялось и при изготовлении разного рода изделий из другого материала, напр. из кожи, металла. Во многих пунктах средней части Саволакса — в Керимяки и Рантасальми существовало производство кожаных табачных кисетов и рукавиц, для украшения которых применялась цветная кожаная аппликация. На некоторых кожаных изделиях имел место тисненый орнамент, в частности на лыжной обуви — пьексах. Пьексы выделывали, главным образом, в Эстерботнии.

Своеобразным производством, выделившимся в особую отрасль кустарной промышленности, является производство так наз. финских ножей — пукко. Наибольшее развитие оно получило в Каухава. Нож пукко является почти непременной принадлежностью мужского костюма. В изготовлении пукко принимали участие несколько мастеров, от 3 до 8 человек, что объясняется разнородностью материала для рукоятки, лезвия и ножен. Рукоятки пукко обычно делались из дерева, в частности широко применялась карельская береза, но кроме того имела место выделка рукоятки из особой цветной молочной пластмассы, состав которой являлся секретом мастеров. Сочетание цветов на таких рукоятках было часто весьма своеобразным. Лезвие делалось из железа или стали различной закалки и иногда украшалось резным орнаментом. Ножны делались из цветной кожи с тисненым орнаментом; обычно они заканчивались кожаной кистью или металлическим наконечником.

Более глубокое изучение искусства суоми позволяет установить близкую его связь с карельским народным искусством.

Résumé

G. Nikitin

L'art populaire des Finlandais

L'auteur décrit les collections du Musée Ethnographique de l'Etat à Léningrad et donne un aperçu de l'art populaire des Finlandais. Les collections proviennent de diverses régions des anciens gouvernements de Tavastehus, Wasa, Nyland, Viborg, St. Michel, Uleaborg, Abo-Bjoerneborg. On y trouve représentés la broderie, le tissage, le tricotage, la tapisserie, les ouvrages en cuir, la sculpture et la peinture sur bois (quenouilles, dévidoirs, coffres, meubles, véhicules).

L'art de la broderie était largement répandu en Finlande dans le passé; il était utilisé en particulier pour l'ornementation des vêtements. La gamme des couleurs était assez variée. Dans la seconde moitié du XIX-e siècle cet art tomba en décadence. Le tissage occupe une place à part dans la culture artistique des Finlandais. Cette vieille occupation féminine s'est réflétée aussi dans la poésie épique finno-carélienne (runes de la Kalevala). Au temps jadis, dans les conditions de l'économie naturelle, tous les besoins de la famille en vêtements, etc. étaient satisfaits par des tissus faits à la maison. Les couvertures ornementées étaient en grand usage; on les confectionnait surtout en Oesterbothnie et par endroits en Carélie. Les tapis finlandais, dont on connaissait déjà la fabrication au XV-e siècle, offrent un intérêt particulier au point de vue de la technique, de l'ornementation et des couleurs. Autrefois, on utilisait des colorants végétaux, remplacés à la fin du XIX-e siècle par les couleurs d'aniline, ce qui abaissa la qualité des tapis. L'art du tissage et du tricotage étaient également pratiqués.

L'art masculin se développa avec l'usage du bois, dont on faisait différents instruments de travail, la maison d'habitation, des ustensiles de ménage, des meubles, des véhicules, etc. Ces objets étaient ornés de sculptures et de peintures. On ornait le plus souvent les instruments de travail féminin offerts en cadeau à la femme, tels que quenouilles, dévidoirs, etc. Parmi les produits de l'art populaire, il convient de ranger également les objets en écorce de bouleau à ornement repoussé et les objets ornementés en racines tressées. L'application d'ornements en couleurs sur cuir existait aussi. Certains objets de cuir portent un ornement repoussé. Une branche originale de l'industrie domestique était la production des couteaux dits finnois — pukko. Le manche était ordinairement en bois, mais on en fabriquait également en matière plastique obtenue du lait, d'une combinaison de couleurs fort originale. La lame portait souvent un ornement incisé.

ЗАМЕТКИ

„Воссоединенные братья-украинцы и братья-белоруссы“

Под таким названием Академия Наук СССР выпускает иллюстративный историко-этнографический альбом, разработанный К. М. Казанским под редакцией акад. Н. С. Державина, чл.-корр. Академии Наук Д. К. Зеленина и проф. М. И. Артамонова.

Альбом состоит из 47 художественно оформленных таблиц, заключающих в себе карты, портреты, изображения исторических событий и фотографии.

Таблицы показывают историческое прошлое украинского и белорусского народов, их этнографические особенности, историческую общность их культур как между собой, так и с культурой великого русского народа. Альбом показывает также тяжелое положение украинцев и белоруссов под гнетом польского панства, воссоединение их со своими единокровными братьями и переход к социалистическому строительству.

В исторической части показывается в общих чертах история западной части восточного или русского славянства с X в. и до наших дней. Этот показ достигается при помощи карт-схем, иллюстративного материала и кратких сопроводительных текстов. Ряд карт-схем специально составлен для данного издания и представляет интерес, как наглядное отображение основных этапов исторического развития восточно-славянских народов.

Большое количество таблиц посвящено этнографическому обзору русских славян: великоруссов, украинцев и белоруссов; фотографии иллюстрируют их труд и быт, костюм и жилище, искусство и отдых.

Много внимания уделено в альбоме показу письменности и языковой культуры русских, украинцев и белоруссов от возникновения славянского письма до настоящего времени.

Заключительная часть посвящена тяжелому положению украинцев и белоруссов в послеверсальской Польше, освобождению их Красной Армией от панского гнета и переходу к социалистическому строительству.

В содержании альбома особого внимания заслуживает отдел, наглядно показывающий общность языковой и письменно-печатной культуры всех трех восточнославянских народов. Эта общность основывается на том, что в создании культуры равно участвовали и русские, и украинцы, и белоруссы. Единство культуры неопровержимо доказывают: параллельные тексты пословиц, сказок и песен — на русском, украинском и белорусском языках; ряд снимков с древних рукописей, написанных в Москве, Киеве, Вильнюсе и Львове; ряд снимков с первопечатных русских книг, изданных в Вильнюсе, Москве, Львове и других городах. О том же единстве красноречиво говорят — специально для данного альбома составленная карта деятельности славяно-русских типографий XVI—XVIII вв. и таблица, на которой даны факсимиле букварей и грамматик, изданных в XVI—XVII вв. в Вильнюсе, Львове и Москве. Эти буквари и грамматики, по которым учились в прошлом украинцы, белоруссы и великоруссы, почти совершенно тожественны как по своему содержанию, так и по оформлению.

Несколько таблиц показывают возникновение и развитие книгопечатания в трех центрах: в Вильнюсе (белорусский центр), Москве (великорусский) и Львове (украинский). Ясной становится общность книжной культуры от Львова и Вильнюса до Москвы, связь типографий между собой и их взаимное влияние. Снимки с первопечатных изданий указывают на значение книги, как орудия социальной и национальной борьбы. Первая русская книга, «Библия руска», была издана в 1515 г. Скориною — «людем посполитым (т. е. простым) к доброму научению»; катехизис Будного был издан «для простых людей языка русского».

В исторической части альбома даны лишь основные этапы, характеризующие тенденции исторического развития. Задача альбома — создать у зрителя четкое представление о территории, населенной русскими славянами, о западных ее границах, о расселении на этой территории русских, украинцев и белоруссов, об историческом колебании границ государственных образований на этой

территории. На картах дается историческая топонимика и в таблицы включены изображения древних украинских и белорусских городов.

На таблице «Червоная Русь» сопоставление топонимики юго-западной и северо-восточной Руси убедительно показывает общность их истории.

Этнографическая часть начинается картоіі русского славянства, на которой для характеристики западных областей приведено несколько десятков географических названий, содержащих в себе слово «русский» (Русская Рава, Русское Село и др.). Ряд таблиц показывает этнографическое разнообразие русских славян, причем большая часть иллюстративного материала еще не была раньше опубликована. Общности народной архитектуры и народного искусства посвящены особые таблицы.

Переход западных областей Украины и Белоруссии к социалистическому строительству иллюстрируется новым фотографическим материалом.

К альбому прилагается сопроводительная брошюра, дополняющая и поясняющая содержание таблиц.

Г. С. Виноградов

Е. А. Авдеева

К 75-летию со дня смерти

I

В первой половине XIX столетия теоретические суждения вокруг вопроса о национальности в истории, искусстве и литературе вызвали появление в повременной печати большого числа статей, содержащих фактические материалы. Их сообщали разные авторы в надежде укрепить ту позицию, которая казалась им наиболее правильной. В своей совокупности опубликованные в различных журналах материалы представляли собою значительное собрание описаний обычаев, праздников и обрядов, записей песен, преданий, сказок, пословиц, поговорок. Кажется, в те годы не было журнала, который не давал бы своим читателям этнографических сведений: «Московский вестник», «Телескоп», «Атеней», «Северная пчела», «Дамский журнал», газета «Бабочка» и др. — все они, одни больше, другие меньше, проявляли и возбуждали интерес к русскому народному быту, языку и народной поэзии.[1] Интерес сказывался не только в накоплении описаний и текстов, но и в попытках понять общий смысл и значение этого материала и дать ему теоретическое освещение.

Наибольшей настойчивостью в привлечении этнографических материалов, непосредственным знанием народного быта и художественного народного творчества, широким для своего времени пониманием задач и путей их изучения выделялся издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой. После ряда журнальных статей и заметок, уделенных этнографическим темам и вопросам, Полевой намечает обширную программу всестороннего изучения русской народности и обращается к читателям с просьбой помочь ему сообщением «материалов для истории, географии и статистики отечественной» и всего, «что́ произвела история и народность русская», в частности — «древние сказания, сказки старинные» и пр.[2]

[1] Неполный, но все же довольно подробный библиографический обзор этнографических материалов, опубликованных в журналах того времени, дает Н. Трубицын (О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912, стр. 90—103).

[2] Московский телеграф, ч. XLVI, 1832, № 13, стр. 109—117.

Естественно, что намерения и планы Полевого нашли сочувствие и отклик прежде всего в среде его единомышленников и вообще людей ему близких. Стремлением содействовать их осуществлению определилось начало бытописательства родной сестры Полевого — Е. А. Авдеевой.

II

Екатерина Алексеевна Авдеева,[1] дочь иркутянки и курского купца Полевого, родилась в ноябре 1789 г. Она была еще девочкой, когда родители ее поселились в Иркутске. Там прожила она около тридцати лет.

По словам ее братьев, Екатерина Алексеевна унаследовала характер и наклонности своего отца, о котором современники его согласно отзываются как о человеке честном, очень умном, весьма начитанном. Вигель, познакомившийся с ним в Иркутске в 1805 г. довольно близко, выделяет его из среды других купцов: он «был весьма не богат, но весьма тороват, словоохотен и любознателен... Занимался европейской политикой гораздо более, чем азиатскою своею торговлей. В нем была заметна наклонность к тому, чему тогда не было еще имени и что ныне называют либерализм, и он выписывал все газеты, на русском языке тогда выходившие».[2] Дочь походила на него, по словам Кс. Полевого, «и пылким умом и любовью к чтению». Чтение было излюбленным способом заполнения досуга и у матери Полевых. Таким образом, детские и

[1] Кроме цитируемой в этой статье литературы, об Е. А. Авдеевой см.: Иллюстрированная газета № 33, 1865. Месяцеслов на 1867 год, изд. Акад. Наук, стр. 85. — Русский архив, V, 1867, стр. 953. — Г. Н. Геннади. Справочный словарь о русских писателях. . ., т. I. Берлин, 1876, стр. 4—5. — Н. Н. Голицын. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. — А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV. СПб., 1892, стр. 443—445, 447. — С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. I. СПб., 1900, стр. 7—8. Из статей в специальных словарях наиболее обстоятельная — в «Русском биографическом словаре», т. I, СПб., 1896, стр. 30—31.

[2] Ф. Ф. Вигель. Записки, часть вторая. М., 1892, стр. 165 и 187.

юношеские годы писательницы прошли в условиях, благоприятствовавших ее умственному развитию. Брат помнит ее «всегда с книгами, с мечтами и разговорами о книгах».[1] Эта привычка к чтению или, правильнее сказать, потребность в чтении проходит у нее через всю жизнь. Другой ее брат, Николай, пишет о ней: «Она питала душу свою чтением беспрестанным и разнообразным, и необыкновенная память ее сделалась наконец живою энциклопедиею, обширною библиотекою. В том заключалось все ее образование».[2] Рассказы братьев не могут быть заподозрены в излишнем пристрастии. Старший их современник, известный романист Калашников нимало не противоречит словам братьев Полевых, когда вспоминает свои встречи с их сестрой в Иркутске еще в первом десятилетии XIX в. «Я был удивлен ее познаниями, — пишет Калашников, — она прекрасно говорила и вела политический разговор о тогдашнем положении Европы, — о чем иркутские дамы, за немногими исключениями, и помышлять боялись».[3] Конечно, не одним чтением, но и личным житейским опытом и непосредственными наблюдениями над окружающим бытом «питала душу свою» сестра Полевых. «Предназначенная», по словам брата Николая, «для тихой семейной жизни», она очень рано, лет пятнадцати, вышла замуж за иркутского купца Авдеева, вела большое домашнее хозяйство, совершала близкие и дальние поездки. Овдовев в 1815 г., она осталась, по рассказу ее брата, «матерью нескольких сыновей и дочерей, воспитанию коих посвятила. . . всю остальную жизнь, переехав в 1820 году из Сибири в Курск, потом в Москву, и с зятем своим. . .[4] сперва в Одессу, потом в Дерпт».[5] В конце тридцатых или начале сороковых годов она поселилась в Петербурге, однако не здесь нашла свое последнее пристанище: она умерла в 1865 г. 21 июля в Дерпте.

III

Деятельность Екатерины Алексеевны как бытописательницы началась довольно поздно и длилась около двадцати лет.

Начало ее примыкает, как сказано, к обращению Н. А. Полевого к читателям об оказании ему содействия в осуществлении обширного научного предприятия. Это ясно не только из хронологических сближений, но и из тех задач, какие ставила себе бытописательница, принимаясь за свой первый труд. Ей представлялось весьма важным, «чтобы трудолюбивая рука просвещенного писателя составила описание» страны именно «в историческом, географическом и статистическом отношении». «Желание быть полезною. . . заставило меня писать мои записки и воспоминания о Сибири».[1]

Первый труд Авдеевой — «Записки и замечания о Сибири» (М., 1837), вышедшие без имени автора, представляет собою книгу (156 стр.), посвященную описанию почти исключительно Иркутского края. После небольшого числа страниц, уделенных сведениям о природе края, его богатствах и особенностях, следуют описания хозяйственного быта — промыслов, торговли и пр.; главное же содержание книги составляет разностороннее описание иркутского быта, домашнего хозяйства, одежды, пищи, жилища, обычаев и пр.

Книга имела большой успех. «Отзывы об ней людей, мнение коих сестра моя уважала, и переводы и извлечения из нее в иностранных журналах [немецких, английских, чешских] показали неподдельное достоинство сочинения».[2] Книга тотчас же сделалась предметом сочувственного внимания — у нас и за рубежом.[3] Она привлекала к себе внимание прежде всего тем, что открывала читателю жизнь малоизвестного далекого края. Отдельные наблюдения над жизнью сибиряков и, в частности, над обитателями иркутского края были накоплены и прежде — у путешественников XVIII в. и у местных (весьма немногих) писателей, но это были разрозненные краткие и случайные сведения и упоминания о характере населения, о местных обычаях, об особенностях языка и пр. Книга Авдеевой представляла собой специальную описательную монографию, в которой с небывалой дотоле полнотою, с большим знанием дела, по многолетним личным наблюдениям, всесторонне и старательно была изображена жизнь сибирской окраины. Но это достоинство было не единственным. Книга имела не только, как мы сказали бы теперь, краеведное значение, она была вкладом в этнографическую научную литературу. Понимание необходимости изучать русскую народность сложилось до Авдеевой; элементы или звенья программы изучения выработались так же

---

[1] Кс. Полевой. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого, ч. I. СПб., 1860, стр. 15.

[2] Н. Полевой. «Предуведомление» к «Запискам о старом и новом русском быте» Е. А. Авдеевой (СПб., 1842, стр. III).

[3] И. Т. Калашников. Записки иркутского жителя. Русская старина, 1905, № 7, стр. 201.

[4] Зять ее — профессор истории и русской словесности в Новороссийском, затем Юрьевском университете, с 1849 г. академик — Михаил Петрович Розберг (1804—1874).

[5] Н. Полевой. «Предуведомление», стр. I.

[1] К. А. Авдеева. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842, стр. 97. — В пояснение ее инициалов надо сказать, что она обыкновенно пользовалась просторечной формой своего имени: Катерина.

[2] Н. Полевой. «Предуведомление», стр. III—IV.

[3] См., напр., письма 1838 г. Шафарика к Погодину: Korrespondance Pavla Josefa Šafařika, ч. II. Прага, 1927, стр. 557, 569.

раньше продолжительными и постепенными усилиями многих лиц. Но никто до нее не объединил эти звенья в одну более или менее связную и прочную цепь — в сколько-нибудь законченную и стройную программу и не осуществил на деле программы этой полностью.[1] Авдеева первая, руководясь интуицией и здравым смыслом, частные и разъединенные вопросы и темы изучения своих предшественников свела в одну программу, которую и заполнила разнообразным и количественно значительным материалом.

Поощренная вниманием и признанием, Авдеева стала помещать в разных журналах («Сын отечества» и др.) свои статьи, темами, содержанием и манерой изложения примыкавшие к ее монографии о Сибири. Успех их был такой же: «некоторые из них, — по словам Полевого, — также были переведены, вполне и в извлечениях, в иностранные журналы и заслужили лестное внимание людей просвещенных и образованных». Эти статьи, собранные вместе и дополненные одной новою, составили содержание второй книги Авдеевой: «Записки о старом и новом русском быте» (СПб., 1842, 153 стр.), с «Предуведомлением» Н. Полевого. В сборник вошло семь статей: «Дерпт и его окрестности», «Прогулка из Дерпта по Чудскому озеру», «Воспоминания о Курске», «Одесса», «Иркутск», «Заметки о родной старине», «Русское житье-бытье». В первой статье говорится об образе жизни, занятиях, ремеслах, о жилище, одежде, обрядах, семейных праздниках, поверьях разнородного населения — русских, немцев, «чуди или чухон», об их культурном взаимодействии. Статья написана с целью «познакомить сколько-нибудь жителей других губерний с Лифляндиею, столь различною от других мест России» (стр. 41). К тому же, замечает автор, «наблюдатель мог бы много заметить здесь полезного». Этим «полезным» она нигде не хочет поступиться (характерная черта почти всех ее сочинений). Она, между прочим, пишет: «Мне кажется, устройство мельничных крыльев в Эстляндии лучше, нежели у нас в России», — и дает описание этих лучших крыльев ветряной мельницы (40). «Я заметила. . ., что сжатый хлеб, пока он не убран с поля, складывается здесь другим манером, нежели у нас», — и дает описание новой для нее кладки хлеба (41). Вторая статья этого сборника представляет интерес для этнографа не только своим фактическим содержанием — описанием быта русского населения побережья Чудского озера, но и теми попутными замечаниями автора, по которым можно судить о приемах его полевой этнографической работы (42, 44—45, 48, 49).

Богатая содержанием статья о Курске написана по программе, охватывающей все важнейшие стороны народной жизни, с обращением внимания на отличительные стороны здешнего быта (цветоводство, пчеловодство, народное прикладное искусство, кулачные бои и др.), с экскурсами в историю быта. Небольшой очерк об Одессе знакомит читателя — в общих чертах — с пестрым составом населения приморского города и района, с некоторыми обычаями, с рынками, домашним хозяйством. Страницы об Иркутске написаны в дополнение к «Запискам и замечаниям о Сибири» и представляют интерес некоторыми подробностями в описании домашних работ, поверий, народно-медицинских средств и др.

Последние две статьи содержат этнографические материалы, относящиеся к разным местам России — Иркутску, Курску и другим, не названным. Главное содержание их — описание праздников, обычаев, обрядов, народно-медицинских средств, поверий.

Книга «О старом и новом русском быте» нашла хороший прием.[1]

IV

Литературный успех Авдеевой был гораздо значительнее успеха материального. Для постоянного заработка ей необходима была другая работа — то же «литературная», но иного характера. Постоянное внимание к быту, занятиям, хозяйству обогатило ее разнородными познаниями, имеющими прикладное значение. Они легли в основу ее различных руководств по ведению домашнего хозяйства, по кулинарному искусству и т. п. Эти книги составляли ее вдовий «хлеб». Они имели чрезвычайно большой успех.[2] Интересно отметить, что успех этих книг не затенял славы Авдеевой как бытописательницы. Когда вышел в свет «Экономический лексикон, составленный Е. Авдеевой и А. Авдеевым» (СПб., 1848), автор журнальной «библиографической хроники» писал: «время скажет, сколько пользы принесли г. Авдеева и г. Авдеев изданием „Экономического лексикона“,—а польза должна быть; мы верим этому, потому что тут замешано имя К. А. Авдеевой, действительно опытной и знающей хозяйки и та-

---

[1] «Описание Енисейской губернии» Степанова, хотя вышло в свет ранее книги Авдеевой (1835), едва ли было ей знакомо во время работы над «Записками и замечаниями», цензурное разрешение на печатание которых подписано 13 октября 1835 г. К тому же книга Степанова — другого характера и другого строя.

[1] На выход ее в свет отозвались «Отечественные записки» (1842, т. XXIII, отд. VI, стр. 56), «Современник» (1842, т. XXVIII, стр. 72), «Библиотека для чтения» (1842, т. LIII, отд. VI, стр. 54), «Русский вестник» (1842, т. VI, отд. III, стр. 68).

[2] Отечественные записки, т. LVIII, 1848, отд. VI, стр. 113; т. LX, 1848, отд. VI, стр. 74, и др.

лантливой рассказчицы».[1] Элемент, вносимый «талантливой рассказчицей» в разные руководства «знающей хозяйки», так значителен, что он налагает на этнографа обязательство иметь в поле зрения книги и

Рис. 1. Портрет Е. А. Авдеевой (из собрания И. И. Срезневского). Печатается впервые.

статьи Авдеевой, стоящие, казалось бы, далеко в стороне от круга его прямых интересов. Напр., статья ее «Взгляд на скотоводство в некоторых губерниях России» [2] содержит не только советы и наставления, но и описание хозяйства в Иркутском крае и Забайкалье — у русских крестьян и у бурят, сведения из области народной ветеринарии и пр. В «Ручной книге русской опытной хозяйки» (книга выдержала много изданий, вызвала много подражаний и подделок) нашли место знания автора из области народного кулинарного искусства с разными местными его особенностями. В «Записках для городских и сельских хозяев» (СПб., 1842) содержатся сведения о хозяйственном быте жителей Иркутского края, Кяхтинской округи, Курской губ., Одессы, Юрьева; всюду разбросаны материалы по лексике народного языка (полностью не вошедшие, к сожалению, ни в один словарь); уделено внимание народной медицине.

V

В петербургский же период своей жизни Авдеева выпустила в свет иллюстрированное издание — «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкою Авдотьею Степановною Черепьевою» (СПб., 1844) — сборник из семи текстов так наз. детских сказок. Как и дру-

[1] Отечественные записки, т. LIX, 1848, отд. VI, стр. 30.

[2] Маяк, 1841, ч. XVI, отд. III, стр. 152—158.

гие книги этого автора, сборник был встречен в печати приветливо.[1] Он выдержал семь изданий (1844—1879); ученым издателем «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьевым введен в научный оборот, и даже через семьдесят лет в научной литературе он был назван первым в числе «замечательных».[2]

Через три года напечатан ею «Русский песенник или собрание лучших и любопытнейших песен, романсов и водевильных куплетов» (СПб., 1847; вып. I — 249, выпуск II — 263 стр.). Это едва ли не единственная ее книга, встреченная в печати без похвал.[3] Позднее, через полустолетие, песенник использован акад. А. И. Соболевским в числе источников при составлении свода «Великорусских народных песен». «Песенник» Авдеевой для этнографа и фольклориста интересен не только наличием в его составе некоторого числа народных песен, но и внесением в него нескольких произведений так наз. искусственной поэзии, которым суждено было после войти в народно-песенный репертуар.

В 1847—1853 гг. Авдеева напечатала ряд статей, которые, соединенные вместе, могли бы составить третью этнографическую книгу. Сюда относятся, кроме двух упомянутых выше рассказов, «Воспоминания об Иркутске»,[4] «Очерки масляницы в Европейской России и Сибири, в городах и деревнях»,[5] «Из воспоминаний Е. А. Авдеевой»,[6] «Старинная русская одежда; изменения в ней и моды нового времени».[7]

Первая статья примыкает к «Запискам и замечаниям о Сибири». Внимание этнографа-филолога привлекают здесь местные предания, сведения об иркутском говоре, о сказочниках. Во второй статье описывается празднование масленицы в разных местах, в частности — в остзейских губерниях, в Одессе, но главным образом — в Иркутске; сообщаются пословицы, поговорки и «припевы» о масленице, говорится о старинных «лубочных картинах, представляющих масленицу в различных видах», описывается обычай возить «масленицу» по улицам. Третья статья представляет интерес, главным образом, для фольклористов: в ней приводятся «простонародные русские анекдоты» (о Фоме и Ереме и др. — восемь текстов), слышанные «в разных местах России и особливо в Сибири», и «колыбельные песни и приговорки» (семь текстов). Богатая содержанием четвертая статья дает сведения об одежде — женской и мужской — разных мест (Курской, Ярославской, Тамбовской, Орловской, Тверской, Нижегородской, Владимирской губерний), разных сословий и возрастов, с экскурсами в прошлое, с выделением одежды «вседневной» и праздничной, нарядов невесты, с указанием или описанием материала, покроя, украшений и т. д.

Перу Авдеевой принадлежат еще два рассказа: «Солдатка»[1] и «Страшная гроза».[2] Они могут привлечь внимание этнографа содержащимися в них (главным образом во втором, «сибирском рассказе») краткими описаниями хозяйственных обычаев, одежды, небольшим числом пословиц, лексическим материалом.

VI

Краткий обзор трудов Авдеевой показывает богатство и широту ее познаний народной жизни. Кажется, самое видное место отводит она х о з я й с т в е н н о м у б ы т у населения; почти все ее труды заключают в себе сведения, то подробные, то краткие, о способах ведéния крестьянского хозяйства. Трудно назвать другого бытописателя с таким интересом к местному рынку, со вкусом к точным перечням товаров и цен, к описанию ремесл и домашних занятий. Охотно и умело она сообщает сведения о п и щ е, напитках, лакомствах, их изготовлении, приурочéнии ко времени и пр. (главным образом в «Записках и замечаниях о Сибири», «О старом и новом русском быте», отчасти в «Очерках масленицы»), об о д е ж д е, нарядах (в первых двух книгах и в специальной статье). С меньшими подробностями, но с пониманием дела описывает ж и л и щ е, домашнюю обстановку (в первых двух книгах). О б р я д о в а я ж и з н ь также находится в поле ее постоянного внимания. У нее описаны обряды на крестинах, именинах, обряды свадебные, погребальные, при постройке дома, при отъезде в дорогу, гадания (главным образом в первых двух книгах). Сведения, относящиеся к н а р о д н о м у к а л е н д а р ю и к связанным с некоторыми календарными датами и г р а м, у в е с е л е н и я м, з а б а в а м, также даны не скупо. Н а р о д н а я м е д и ц и н а была особенно близка интересам Авдеевой. «Мне кажется, — пишет она, — замечать средства нашей народной медицины каждый должен поставить себе в обязанность, тем более, что многие простолюдины стараются таить их. Опишу здесь несколько простонародных и испытанных средств...» (Записки для городских и сель-

---

[1] См., напр., «Отечественные записки», т. LVI, 1848, отд. VI, стр. 43—45 (отклик на 2-е издание «Сказок»).

[2] С. В. С а в ч е н к о. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914, стр. 173.

[3] Ср. «Отечественные записки», т. LVI, 1848, отд. VI, стр. 58—59.

[4] Отечественные записки, т. LIX, 1848, отд. VIII, 125—138.

[5] Там же, т. LXII, 1849, отд. VIII, 224—228.

[6] Там же, т. LXIII, 1849, отд. VIII, 240—246.

[7] Там же, т. LXXXVIII, 1853, отд. VII, стр. 182—191.

[1] Отечественные записки, т. LV, 1847, отд. VIII, стр. 42—45.

[2] Там же, т. LVIII, 1848, отд. VIII, стр. 25—34.

ских хозяев, 301). Чтобы должным образом отнестись к этим высказываниям, надо вспомнить, что серьезный взгляд на средства народного самоврачевания Авдеева выработала самостоятельно; в науке он возобладал (благодаря авторитету Боткина, Здекауэра и др.) позднее. Жаль, что ее намерение написать особый труд о «всех полезных травах, известных простолюдинам» (О старом и новом русском быте, 135) осталось не выполненным. Для изучения русской мифологии труды Авдеевой также дают некоторый материал (Записки и замечания, 53, 56, 76; О старом и новом русском быте, 103, 128, 144—153). Устному народному творчеству, в частности песням, уделено внимание по связи с обрядами (свадьба, новогодние гадания). Кроме свадебных и подблюдных песен, даются тексты песен плясовых, круговых, игровых (Записки и замечания, 95—142, более сорока текстов); не забыты колыбельные песни и «приговóрки» нянек (Из воспоминаний, 243—246; О старом и новом русском быте, 78); есть указания на исполнение духовных стихов (О старом и новом русском быте, 65—66). Заслуживают особого упоминания высказывания Авдеевой о сказках, внимание к которым она обнаруживает не раз (Записки и замечания, 53; О старом и новом русском быте, 49, 77). С бóльшей законченностью ее суждения по этой теме высказаны на нескольких страницах журнальной статьи (Воспоминания об Иркутске, 132—135),[1] где она рассуждает о значении личного творчества сказочника, показывает назначение присказок, концовок, «вставок», вскрывает, в чем заключается «занимательность и прелесть русских сказок», говорит о встречавшихся ей «удивительных мастерах» сказительства, знакомит с одним из них, приводит — по памяти — текст его сказки. В понимании природы народной сказки, значения рассказчика в жизни сказки она на несколько десятилетий опередила ученых специалистов, предвосхитив взгляды и суждения, которые утвердились в науке только в начале XX столетия (в трудах Ончукова, Зеленина и их продолжателей). Из других видов повествовательной устной словесности ее интересуют народные анекдоты (Из воспоминаний, 240—243) и местные предания (Воспоминания об Иркутске, 135—136). Малые жанры фольклора (пословицы, поговорки, приветствия, приметы, благожелания и т. п., иногда с попытками раскрыть их смысл или объяснить происхождение) по разным поводам приводятся часто; они раскиданы на многих страницах ее сочинений (преимущественно в книге «О старом и новом быте», 114—115, 124—132, 140—143 и др.). Народному языку в наблюдениях Авдеевой отведено заметное место. Сохраненные ею для науки материалы по русской диалектологии заключают преимущественно лексические данные: небольшие словари «провинциализмов» иркутских — в «Записках и замечаниях» (143—153) и курских — «О старом и новом русском быте» (77—78), разбросанные в большом количестве во всех статьях и книгах названия одежд, кушаний, трав, цветов, обозначения отдельных моментов разных обрядов и пр.; не лишены интереса и характеристики говоров — курского (О старом и новом русском быте, 78) и в особенности — иркутского (Воспоминания об Иркутске, 130—132).

[1] Они перепечатаны в антологии «Русская сказка. Избранные мастера» (Под ред. М. К. Азадовского, т. II, Изд-во «Academia», 1932, стр. 370—380).

VII

В круг постоянных наблюдений Авдеевой входило русское население; но когда обстоятельства приводили ее к встрече с другими народами, она проявляла к ним не меньший интерес и не меньшее внимание. Во время поездки из Иркутска в Кяхту она наблюдала жизнь бурят и китайцев (Записки и замечания, 82—91); по пути на юг России и в Одессе она знакомилась с бытом украинцев, евреев, немцев-колонистов и пр.; в Юрьеве и его окрестностях наблюдала жизнь обитателей Лифляндии. В ее высказываниях видна любовь к своему, но нет положительного к нему пристрастия, как нет отрицательного пристрастия к чужому: она отдает должное бурятам и китайцам, евреям и украинцам, высказывает к ним чувства симпатии (О старом и новом русском быте, 81, 91—93 и др.). Некоторые особенности ее сочинений определились, вероятно, внешними причинами. Она пишет не для специального, а общечитательского журнала, и почти в каждой статье чувствует себя вынужденной то оправдывать свое и читательское внимание к описываемым ею явлениям, то оберегать читателя от доверчивого отношения к сообщаемым ею поверьям. «Я не хочу хвалить старых обычаев и суеверий, — оговаривается она, — но. . . желаю от чистого сердца, чтобы все эти пустяки заменились истинным просвещением, а не модным обезьянством. . .» (Записки и замечания, 67). Если она и описывает «старые обычаи и суеверия», то не из любви к ним, а потому что «невероятно, как все ныне изменяется; пройдет еще несколько десятков лет и не останется следа старины. Не спорю, что все делается к лучшему, да так и должно быть, — рассуждает она, — но почему не сохранять нам в памяти своих родных преданий, событий и быта русского? Мы ищем у иностранцев описаний России и делаем выписки из Олеария и Маржерета, а не пользуемся своими родными источниками» (О старом и новом русском быте, 98). Для сохранения «памяти родных преданий и быта русского» она отдала почти два десяти-

летия из своей трудовой жизни, высказав любовь к стране и народу, способности рассудительного человека и дар трезвого наблюдателя.

Имя Авдеевой, появившись в литературе столетие назад, не сходит со страниц научной печати до наших дней, как имя первого полевого этнографа, с ясными целями и отчетливым пониманием сосредоточившего свое внимание на русском быте в полном объеме этого понятия. Обогащение нашей литературы новыми материалами в последующее время не умалило значения трудов Авдеевой (в этом их заметное отличие от книг Сахарова, Терещенка), далеко не во всех отношениях ограничило его. Для историка русского быта они — при их неполноте, иногда вызывавшей сетования ученых [1] — сохраняют силу незаменимых первоисточников, к которым исследователь обращается с постоянным неколеблющимся доверием.

[1] См., напр., у Д. А. Ровинского «Русские народные картинки», кн. IV. СПб., 1881, стр. 245—246.

G. Vinogradov

Résumé

E. A. Avdeeva (à l'occasion du 75e anniversaire de sa mort)

Parmi les ethnographes de la première moitié du siècle passé qui ont laissé des observations sur la vie, la langue et la poésie du peuple russe, une des places les plus en vue appartient à E. Avdeeva (1789—1865), soeur des célèbres frères Polevoj. Durant les vingt années de son activité littéraire commencée sur le tard, elle publia deux livres ayant trait directement à l'ethnographie («Notes et remarques sur la Sibérie», 1837 et «Sur le genre de vie des Russes autrefois et aujourd'hui», 1842) et plusieurs mémoires (1842—1853). Avdeeva se proposait comme tâche d'enrichir la littérature russe de faits observés. Elle se basa dans ses travaux sur de nombreuses observations directes, faites principalement dans la région d'Irkoutsk, ainsi qu'à Koursk, Odessa, Youriev et sur les rives du lac Tchoudskoié. Elle dirige son attention surtout sur la vie économique du peuple (occupations, métiers, etc.), la médecine populaire, l'alimentation, le vêtement; parmi les genres de la poésie populaire, elle s'intéresse le plus au conte et à la chanson. Les oeuvres d'Avdéeva offrent de l'intérêt aussi pour le spécialiste qui étudie le langage du peuple: elles contiennent des données caractérisant les parlers d'Irkoutsk et de Koursk et un matériel lexicographique considérable. Ses livres d'économie domestique et de cuisine, ainsi que ses deux essais littéraires, renferment également des données lexicographiques et des renseignements sur l'économie, le genre d'occupation, les industries, etc. Les travaux d'Avdéeva conservent aujourd'hui encore la valeur de sources premières pouvant être utilisées en toute confiance par ceux qui étudient la vie du peuple dans la première moitié du XIX-e siècle.

В. И. Смирнов

Севернорусское орудие для сбора ягод

Созревание дикорастущих ягод на севере совпадает со временем основных сельскохозяйственных работ, когда население не может уделить достаточного внимания ягодным сборам. Между тем ягоды представляют здесь большое хозяйственное значение. Эти обстоятельства, при обилии ягодных угодий, породили в некоторой мере механизацию сбора.

Остроумное и весьма полезное приспособление для сбора дикорастущих ягод, позволяющее делать сборы в несколько раз быстрее, нежели руками, носит название «грабилки». «Грабить», по местному, значит— собирать, сгребать (грабят сено). В некоторых местах грабилку называют «гребнем», «ручкой», «набиркой», «побирушкой» (Пинежский район).

Грабилка представляет собою деревянный совок с зубьями, подобие совка-гребня. При сборе ягод грабилкой и действуют как гребнем: проводят ею несколько раз по ягодным кустам, веточки кустарника проскакивают между зубьями грабилки, ягоды с них отрываются и остаются в совке. Из совка ягоды ссыпаются в корзину или в фартук.

Грабилки обычно делаются из березы или из осины. Инструментами служат: пила, желобчатое долото, деревянный молоток и нож.

Грабилкой собирают ягоды с низкорастущих кустов брусники, черники, голубики (гонобобель), морошки, вороники (водянка, психа, ссиха), поленики, иногда клюквы.

Размеры грабилок разные. В длину от 25 см (детские) до 35 см вместе с рукоятью. Чаще наблюдается размер около 35 см, при ширине у рабочего края (в конце зубьев) — 12—15 см. У детских грабилок ширина 8.5—9 см.

Грабилка состоит из трех частей: зубьев («гребенка»), средней части («ложечка») и рукояти («ручка»).

Количество зубьев зависит от ширины грабилки, бывает и 8 и даже 15 зубьев, в детских 6—8. Расстояние между зубьями у рабочего конца шире — до 5 мм. Заостренные на конце зубья утолщаются к основанию, достигая толщины около 6 мм, и расстояние между ними здесь меньше (2—3 мм). В разрезе зубья у основания имеют форму вытянутого треугольника, острым концом книзу. Благодаря этому зубья приобретают устойчивость при работе и ягоды не застревают между зубьями. Но вообще зубья снашиваются довольно скоро вследствие слабости дерева. Часто приходится видеть грабилки починенные, с новыми, искусно приделанными проволочкой или нитками, зубцами.

«Ложечка», занимающая расстояние между зубьями и рукоятью, куда скатываются при сборе ягоды, обычно имеет в длину 7—8 см. Глубина ее определяется высотой бортов совка (около 3 см). В некоторых грабилках делается у плечиков совка углубление в виде чашки, в таком случае глубина ложечки достигает 7 см. Делается это для того, чтобы ягоды из совка не скатывались при каждом новом взмахе по кустам. Вероятно, утилитарное значение имеют прорези на дне грабилки в виде дырочек, крестиков и т. д. В эти прорези должны вываливаться мелкие незрелые, сухие ягоды, мелкие листья и другой сор.

Ручка грабилки имеет длину 14—16 см; встречаются рукояти в 7.5—8 см длины. Следует отметить еще одно усовершенствование, которое делается и в этой части грабилки. В ней устраивается прорезь для пальцев. Получается род эфеса, защищающего руку от кустов ягодника.

Боковые стенки совка с внешней стороны достигают 3—7.5 см; в направлении к зубьям эти бортики постепенно суживаются и заостряются.

Хорошая грабилка имеет изогнутую форму профиля: направление зубьев в отношении к линии рукояти представляет небольшой тупой угол. Благодаря этому взятая твердо в руку грабилка имеет несколько приподнятый рабочий край. Такая форма придается грабилке для того, чтобы при повторных взмахах ягоды из нее не скатывались.

Грабилки известны на севере не повсеместно. В южных районах Архангельской обл. их не знают, даже в центральных районах, как Шенкурский и Вельский, они редко встречаются. В Каргопольском районе, известном своими ягодными угодьями и большими сборами ягод, грабилки совсем не бытуют. За то они всюду известны по взморью и в прилегающих к нему районах — от границы Финляндии до р. Печоры. На этой большой территории можно различать два типа грабилок: 1) грабилка в виде прямого, с крутыми плечиками, совка, часто с глубокой ложечкой (рис. 1), и 2) грабилки, расширяющиеся к рабочему концу, с плоским дном и высокими бортами (рис. 2). Первый тип грабилки наблюдается в районах, прилегающих к Архангельску, второй — на Печоре.

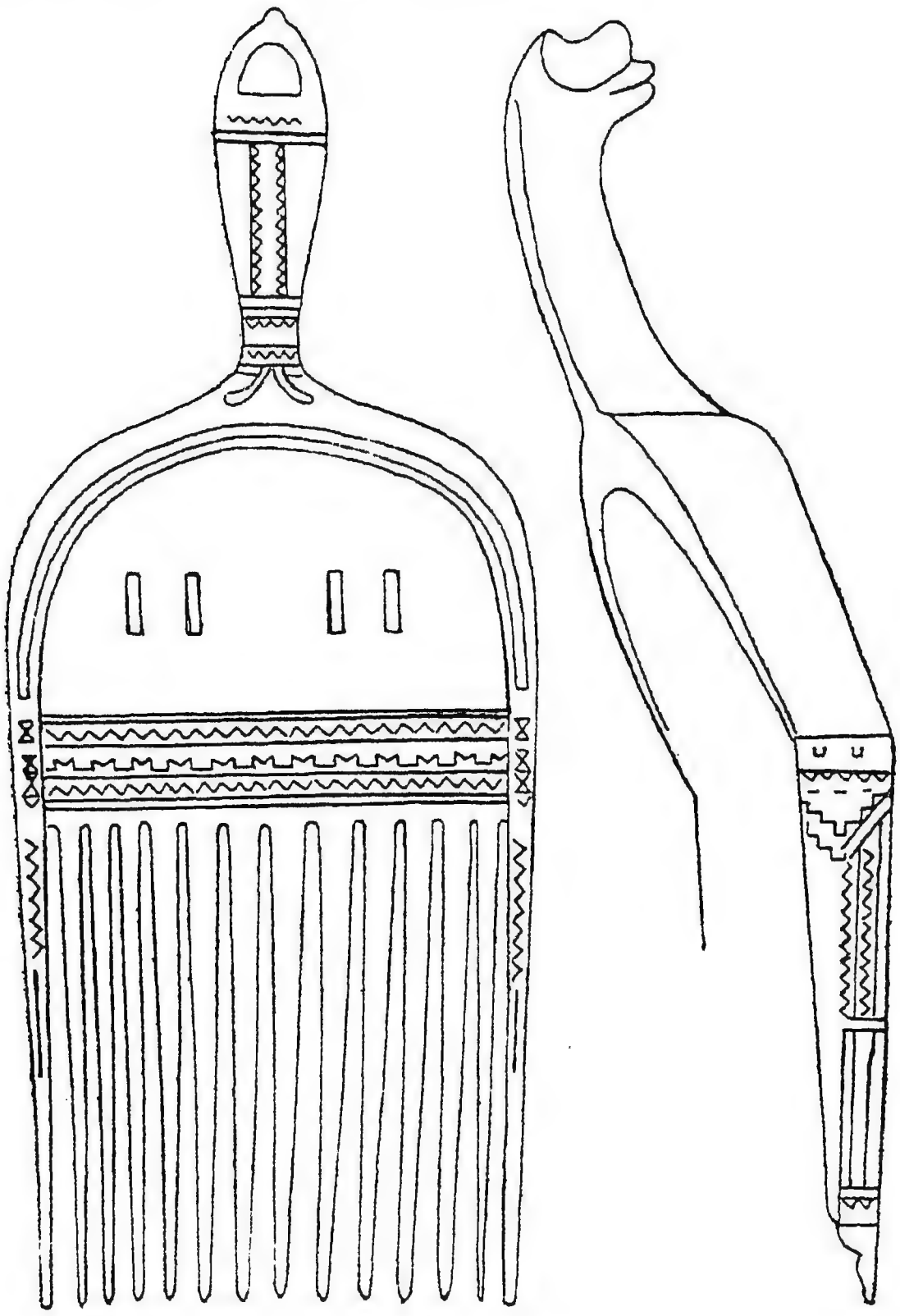


Рис. 1. «Грабилка» с прорезами в дне. Направо — вид сбоку.

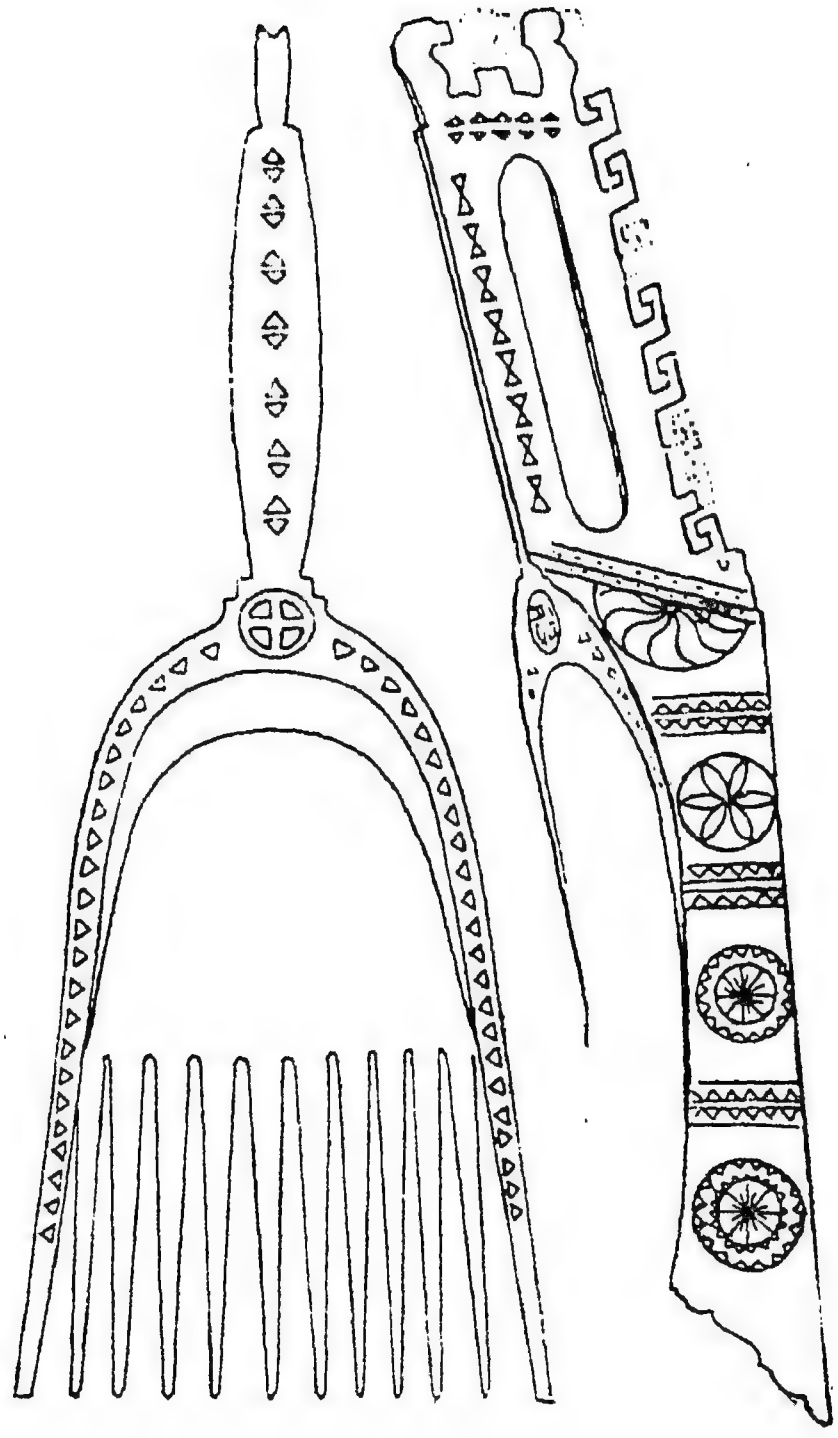


Рис. 2. «Грабилка» с прорезом в рукоятке. Направо — вид сбоку.

Грабилка интересна и как предмет народного изобразительного искусства. На ряду с прялками и вальками, это орудие преимущественно женского и детского труда покрывается резьбой и раскрашивается. Нередко резьбой покрыты бывают борта и рукоять, встречается резьба даже внутри грабилки и на тыловой стороне. Резьба применяется выемчатая, контурная, сквозная и скульптурная. Рисунок — геометрический в виде зубчиков, треугольников, квадратов, ромбов, линий, поясков, елочек. Часто встречаются розетки (мотив солнца) — лучистые, лепестковые, вьющиеся.

Примечателен животный орнамент в виде мотива стилизованных конских голов на печорских грабилках (рис. 2). Геометризованные вырезанные головки коней, обращенные в одну сторону, образуют орнамент меандра. Сопоставление этого мотива с некоторыми ткаными узорами северных полотенец и поясков, а также с резьбой выпускных, так наз. коневых бревен изб не оставляет сомнения на счет происхождения орнамента меандра.

Интересна скульптурная обработка конца одной рукояти (рис. 1) в виде головы человекоподобного существа. Эта грабилка раскрашена синей, красной и желтой красками.

Приводимые рисунки сделаны с грабилок из коллекции Архангельского областного музея.

БИБЛИОГРАФИЯ

И. О. Кузьмин

Библиография по этнографии, фольклору и языку западных областей Белоруссии

Литература по этнографии, фольклору и языку Белоруссии довольно обширна. В течение XIX и первых десятилетий XX столетия появилось значительное количество книг и журнальных статей, посвященных изучению этих областей знания, а также собиранию соответствующих материалов. Некоторые из этих работ обобщают труды предшественников, подводят итоги уже проделанной работы, охватывая при этом территорию всей Белоруссии. Таковы работы А. Н. Пыпина по истории этнографии и Е. Ф. Карского по фольклору и языку. Появлялись также работы по изучению населения отдельных крупных административных единиц белорусской территории. Таковы труды А. Коревы и П. Бобровского по описанию Виленской и Гродненской губерний. На ряду с большими трудами, давно стали появляться и работы по изучению частных вопросов и отдельных областей знания, а также по собиранию материалов из разных местностей Белоруссии. Большинство таких работ печаталось в провинциальных изданиях. Далеко не все из этих статей, заключающих иногда очень ценные материалы, использованы исследователями; многие из них совсем незаслуженно забыты. Задача библиографов облегчить пользование литературой. Попытка дать полную билиографию всей этнографической литературы о Белоруссии была уже сделана. В 1927 г. Институт Белорусской культуры (Минск) издал первый выпуск работ Библиографической комиссии Института, посвященный этнографии — «Матар'ялы да беларускае бібліографіі» (т. IV, Этнографія, Менск, 1927). Работа эта охватывает литературу по всей Белоруссии и дает перечень — 1952 книг и статей.

Отсутствие аннотаций лишает этот библиографический труд того значения, которое он мог бы иметь. Выделить из него то, что относится к западным областям Белоруссии, трудно.

Специальной работы по библиографии западных белорусcов до сих пор не было. Настоящая работа представляет собою попытку восполнить этот пробел и тем облегчить научную работу по изучению западных областей отныне единой и свободной Белоруссии.

Работа охватывает территорию бывших Виленской и Гродненской губерний, а также Новогрудского уезда, Минской губ., который в прошлом входил в состав Слонимского наместничества и Гродненской губ.

При составлении библиографии имелось в виду дать не только список литературы, но и, по возможности, сведения о содержании и характере каждой работы. Достигнуть этого в полной мере не удалось, хотя число неаннотированных работ невелико.

В библиографию включена часть и таких работ, которые посвящены изучению всей Белоруссии. Это — основные работы, в которых использованы материалы также и по западным белоруссам.

Из трех разделов библиографии первый посвящен литературе по этнографии (№№ 1—116), второй — фольклору (№№ 117—152) и третий — языку (№№ 153—171). В рамках каждого из этих трех разделов описываемые книги и статьи расположены в хронологическом порядке. В конце дан алфавит авторов — на русском языке и, отдельно, на польском языке.

I. Этнография

(№ № 1—116)

1. Георги Иоганн Готлиб. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Творение, за несколько лет перед сим на немецком языке Иоганна Готлиба Георги, в переводе на российский язык весьма во многом исправленное и вновь сочиненное. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, 1799, ч. IV.

Жителям Белоруссии автор уделил стр. 67—73 четвертой части своего большого труда. Он называет их «поляками».

«Народ сей есть ветвь славянского народа, одного из двух главных народов, составивших настоящий российский, древние поляне» (стр. 67 и 69). Описаны граница народа (стр. 67—68), лицертания или вид, одежда, обычаи, промыслы и права (стр. 69—73). — Своеобразны суждения академика и о Литве (стр. 383—385): «Литовцы суть древнее племя Руссов... Народ сей в рассуждении своих обычаев, поверьев, образа жизни, одеяния и нравов имеет сходство частию с поляками и малороссиянами, а частию с известными, обитающими в России, племенами древних Руссов» (стр. 385).

2. Мухлинский, кандидат. Праздники, забавы, предрассудки и суеверные обряды простого народа в Новогрудском повете, Литовско-Гродненской губ. (с польского перевел Х). Вестник Европы, СПб., 1830, июль, № 13, стр. 147—153, 271—276.

Заслуживает внимания как самое раннее описание праздников и обрядов. — О праздниках (дзяды, Купала). Забавы. Предрассудки. Суеверные обряды.

3. [Арсеньев К. И.] Путевые заметки о западной и юго-западной России. Виленск. губ. вед., 1846, №№ 21—23.

Статья представляет собою извлечение из донесений находившегося в 1845 г. в командировке К. И. Арсеньева. Перепечатана из «Журн. Мин. внутр. дел.» — «Виленская губерния на всем своем протяжении представляет печальную картину бедности» (№ 21). — «Уезды Ошмянский, Вилейский и Дисненский достойны по преимуществу тщательнейшего исследования их местностей, документов, преданий, наречий и обычаев; здесь русский язык уже общенародный» (№ 21). — Сведения о составе населения. Города Гродненской губ. Мануфактурная и торговая деятельность Белостока. Шерстяные фабрики. Беловежская пуща. Описание огромного зубра.

4. Ярошевич Иосиф. Статистическо-этнографические сведения о Бельском уезде, Гродненской губернии, собранные выслуженным профессором б. Виленского университета Иосифом Ярошевичем. Гродн. губ. вед., 1848, №№ 20—22.

Статья интересна, как одна из ранних работ польских этнографов. — Племя польско-мазовецкое. Язык. Одежда. Пища. Занятия. Племя русское. Образцы языка. Две песни, которые поются во время «купальниц». Наружный вид крестьян. Одежда. Пища. Хлебопашество. Просвещение. Крестины и свадьба. — Автор, между прочим, говорит: «Весьма жалко, что никто еще не собрал всех здешних русских песен и не описал разных обрядов, особливо свадебных . . . В здешнем уезде можно слышать не только варианты чужих песен, но даже собственно народные, в других странах Руссии не слыханные». — Статья появилась также и на польском языке (См. № 103).

5. Этнография Виленской губернии. Виленск. губ. вед., 1848, № 1.

Статья представляет собою самую раннюю попытку привлечения общественного внимания к вопросам этнографии Белоруссии. Анонимный автор пишет: «Имея намерение заняться разработкою этнографических материалов Виленской губернии, мы обращаемся с просьбою об участии в этом труде и к другим жителям здешнего края». «Предмет этнографии составляет сведения не только о вещественном, но и нравственном быте народа» (народные сказки, песни, предания, обычаи, поверия, суеверия, приметы, пословицы, поговорки, присловия, изречения, загадки, словари простонародного языка и местных наречий с показанием ударения и примеров в складе речи, произношения и географического распространения различных наречий).

6. Юркевич И. Остринский приход Виленской губернии, Лидского уезда. Этнограф. сб., изд. РГО, вып. I, СПб., 1853, стр. 283—293.

Быт. Одежда. Нравы. Обычаи. Свадьба (несколько песен, загадок и поговорок).

7. Киркор А. Статистический взгляд на Виленскую губернию. Сб. «Историко-статистические очерки Виленской губернии», Вильна, 1853, стр. 127.

Положение губернии. Пространство. Почва. Население по состояниям, по вероисповеданиям, по поколениям. Земледелие. Виноделие. Скотоводство. Цены продуктов. Граница между славянским (= белорусским) и литовским населением.

8. Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию. Этнограф. сб., изд. РГО, вып. III, СПб., 1858, стр. 115—276.

Очерк написан по программе Географического общества. Содержание: сведения о населении. Наружность. Язык. Домашний быт. Особенности общественного быта. Умственные и нравственные способности и образование. Народные предания и памятники. — К очерку даны следующие приложения: словарь белорусско-кривичанского наречия жителей Виленской губ.; песни жителей Виленской губ. кривичанского племени; пословицы, употребляемые жителями некоторых уездов Виленской губ.; пословицы, приноровленные к особенным дням года; особенные выражения и сравнения, употребляемые вместо пословиц; свадебные песни. — Все эти материалы заимствованы автором из сборников Чечота и Тышкевича без указания источника. Кроме того, Киркор отнес все эти материалы к Виленской губ. Между тем материалы Чечота записаны в Новогрудском у., а материалы Тышкевича — в Борисовском у.

9. Корева А. Виленская губерния. Материалы для географии и стастистики, собранные офицерами генерального штаба, СПб., 1861, 804 стр. + план г. Вильно + + карта Виленской губ. (масштаб 20 в. в дм.)

В книге много разнообразных материалов о жизни губернии. Для этнографии представляют интерес гл. II (жители) и V (частный и гражданский быт населения — составлено по Киркору).

10. Эркерт Р. Ф. Этнографический атлас западно-русских губерний и соседних областей. СПб., 1863.

11. Бобровский П. Гродненская губернія. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба, ч. I, СПб., 1863, XVII + 866 стр. +

+ план Беловежской пущи + карта Гродненской губ. (масштаб 20 в. в дм). Приложение — 247 стр.; ч. II, СПб., 1863, VIII + + 1074 стр. Приложение 391 + 72 стр.

Книга дает всесторонние и исчерпывающие сведения о состоянии губернии того времени. Для этнографов интересны те страницы первой части, которые посвящены языку (623—649) и народному быту (808—844). В главе о языке даны образцы разговорной и песенной речи, записанные в разных местах губернии.

12. Риттих А. Ф. Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям. СПб., 1863; 2-е изд., испр. и доп., СПб., 1864.

13. Коялович М. О. Об этнографической границе между западной Россией и Польшей. Русск. инвалид, 1864, № 78; С.-Петерб. вед., 1864, № 77; Сборник статей, разъясняющих польское дело. Составил С. Шолкович, вып. I. Вильна, 1885, стр. 94—105.

Публичная лекция, прочитанная в Русском географическом обществе.

14. Х - ч А. Деревенские свадьбы в Кобринском уезде. Гродн. губ. ведом., 1864, № 42.

Описана свадьба по личным наблюдениям автора в южной части Кобринского у. В дополнении к статье напечатано описание свадьбы в Брестском у. Гродн. губ. вед., 1864, № 44 (есть две песни).

15. Ш - г. Из дорожных впечатлений по Новогрудскому уезду. Минск. губ. вед., 1864, №№ 18, 37—40.

Автор, ревизор русских школ, объехал многие места уезда. Интересны бытовые подробности. Отношение крестьян к школам и учителям. Полонизация крестьян ксендзами.

16. Керковский. Общие сведения о скотоводстве в Гродненской губернии. Гродн. губ. вед., 1864, № 18.

Породы скота. Птицеводство. Рыбоводство и пиявководство (отрасль заграничной торговли до 1840 г.). Вредные насекомые и животные. Животные, способствующие уничтожению вредных насекомых, и снаряды для истребления вредных животных.

17. Десницкий М. О некоторых средствах к восстановлению племенных связей между восточною и западною Русью. Виленск. вестник, 1867, № 1.

Статья характерна для общественного настроения в Белоруссии после восстания 1863 г. «Последние симптомы польской пропаганды открыли глаза всему русскому народу: для всех стало теперь несомненным кровное родство между восточною и западною Русью».

18. Славутинский Ал. Этнографические очерки Гродненской губ. Виленск. вестник, 1867, №№ 119, 120.

Легенды. Ночь на Ивана Купала в Гродненском уезде. Легенда о падшем духе (Гродн. у.). Легенда об Иове праведном. Стрига (домовой) в доме беременных. Мара (мучительница юношей и девушек, а также лошадей).

19. Кулжинский Григ. Об этнографических исследованиях касательно западной России. Гродн. губ. вед., 1867, № 22.

Обращение к местным деятелям с просьбой о сообщении этнографических материалов.

20. Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 г., под редакцией А. М. Сементовского. СПб., 1868, стр. 499.

Кроме указанных под отдельными номерами статей Е. Быковского и М. А. Дмитриева (см. №№ 21, 22, 23), в книге много материалов о населении: сведения о числе жителей за 1866 г. в губерниях, о числе учащихся и пр.

21. Быковский В. Праздник куста. Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 г. СПб., 1868, стр. 80—84.

Эта и другая статья того же автора (см. № 22) основаны на материалах из Минской губ., но в виду общности описанных в статьях праздников для всей Белоруссии статьи представляют интерес и для западных областей Белоруссии.

22. Быковский В. О празднике Купалы. Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 г., СПб., 1868, стр. 77—80.

23. Дмитриев М. А. Описание похорон и дзядов в Новогрудском уезде. Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 г. СПб. 1868, стр. 84—88.

24. Тышкевич Конст., граф. Вилия и ее берега в гидрографическом, историческом, археологическом и этнографическом отношениях. [Извлечение из работы того же автора «Wilja i jej brzegi pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym. Drzezno, 1871. XVI + 362 стр.; напечатано в «Сборнике историко-статистических материалов по Виленской губ., ч. I. Вильна, 1868, стр. 83—130].

Этнографических сведений мало. Рыболовство на Вилии. Язы. Сети. Название рыб. Раки. Приметы народные о рыбе. Рыба как народное лекарство.

25. К. Святой огонь (из народных суеверий). Виленск. вестник, 1868, № 29.

Вера в очищающую и освящающую силу огня. Помощь огня в трудных случаях жизни (защита от холеры). Добывание святого огня путем трения одного дерева о другое. Сведения о существовании почитания огня у поляков и литовцев. — Статья основана на наблюдениях в селе Приборове, Брестского у. Гродненской губ. (на границе с б. Польшей).

26. К. Святой камень (из народных суеверий). Виленск. вестник, 1868, № 28.

Почитание святого камня (плиты), лежавшего в окрестностях деревни Пацевич, Волковыского у., Гродненской губ. Сведения о почитании камней в Литве и в древней Руси.

27. Иванов день и Петров день в Вильне. Виленский вестник, 1868, № 73.

Торговля в католической церкви св. Иоанна целебными дикорастущими травами (перечислено много трав); освящение трав в православных и католических церквах.

29. Берман И. Порядок народного времяисчисления по праздникам и чествование их в северо-западной Руси. Виленск. вестник, 1869, №№ 6, 7, 12, 19, 34, 39.

30. Крачковский Ю. Ф. Очерки быта западно-русского крестьянина. Виленск. сб., изд. В. Кулиным, вып. I, Вильна, 1869, стр. 160—209.

Помимо личных наблюдений, автор пользовался сведениями, доставленными ему б. воспитанниками Молодечненской учительской семинарии.—I. Рождение младенца и его первоначальное воспитание. II. Пастушество крестьянского мальчика; подручники. «Запасавание статка». Игры пастухов.

31. Дмитриев М. А. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян северо-западного края. Вильна, 1869, 264 стр.

Песни и сказки этого сборника те же, что и в изд. 1868 г. Прибавлен отдел: Обряды и обычаи. Заручины. Свадьба. Похороны. Дзяды. Прикладзины. Радаўница. Стаўроўские дзяды или Семка. Народные празднества, игры и забавы. Купалы. Куцья. Каляды. Вечерники или святые вечера. Игры на святых вечерах. Подушечка. Дожинки. Обыкновенные игры и забавы. Суеверия и предрассудки. Средства от болезней.

32. Ставрович Ф. Опыт исторических и этнографических исследований о северо-западном крае. Вильна, 1870 г., стр. 98.

Содержание: 1. Лабори. 2. Село Спорово. 3. Черная Весь. 4. Местечно Бездеж. Содержание не оправдывает заглавия. — Автор «имел в виду пополнить своими личными наблюдениями над жизнью западноруссов. . . . те разнородные сведения о сев. зап. крае, которые обыкновенно составляют на основании древних исторических актов и старинных его памятников. . . Здесь можно усмотреть такие черты, которые, по своей общности со многими другими местностями, бросают яркий свет на всю жизнь белоруссов». — Лабори — жители местечка Яново, Кобринского у. Промысел лаборей состоял в хождении по свету и испрашивании пожертвований на церкви. Имели особый условный язык, которым пользовались в дороге при чужих людях («лаберская габридня»); приведено несколько слов этого языка (стр. 19). Село Спорово—Слонимского у. В говоре жителей много украинских особенностей. Ловля рыбы. Рыболовные снаряды. Дер. Черная Весь Сокольского уезда. Производство черепицы, горшков. Одежда крестьян. «Амтманы» — лица, взявшие от казны в аренду имение и получившие такое наименование от прежних управителей, прусских чиновников (уезд раньше входил в состав Пруссии). Эти арендаторы были немцами или поляками. Местечко Бездеж — в восточной части Кобринского уезда. Одежда и занятия жителей (хлебопашество и извоз). Полонизация населения (через школу). Ланкастерская метода.

33. Берман И. Наблюдения нашего северо-западного крестьянства относительно погоды и урожая. Виленск. вестник, 1870, №№ 130, 132.

34. Несколько сведений о современном состоянии сельского хозяйства и промыслов в Гродненской губернии. Гродн. губ. вед., 1871, №№ 51, 52; 1872, №№ 1, 3, 5, 8, 9, 12, 13, 23, 25, 26, 28, 29, 31, 32.

Статья составлена Губернским статистическим комитетом по полученным с мест официальным и неофициальным сообщениям (более 250 сообщений из разных пунктов губернии). Разделы очерка: земледелие, мукомольное производство, огородничество и садоводство, табаководство, разведение свекловицы, лесоводство, лесная промышленность и торговля, луговодство и скотоводство, рыболовство, пчеловодство, птицеводство, охота, мелкие производства и ручной труд, отхожие промыслы.

35. Крачковский Ю. Народное празднование Юрьева дня в Западной России. Виленск. вестник, 1872, № 12.

Св. Георгий — покровитель скота и особенно лошадей. Предание о том, как Георгий сделался покровителем скота. Обход полей с кораваем. Предание о том, почему необходимо обходить поля. Покрывание всходов ржи полотном. Торжественное несение коровая, выкуп его, общая закуска и выпивка. Пареллели с русскими приметами и поверьями.

36. Крачковский Ю. День Ивана Купала в Западной России. Виленск. вестник, 1872, №№ 34, 35.

Игра солнца. Цветение папоротника. Порча коров ведьмами (по Бобровскому). Ведьмы в образе лягушек отбирают молоко (Брестского у.). Предание о том, как можно поймать ведьму. Игры молодежи. Песни (Слонимского у., Гродненской губ., Вилейск. и Дисненского у., Виленской губ.). Обход полей и обтыкание их хворостом (Вилейский у.).

37. Крачковский Ю. Некоторые обычаи и поверья западноруссов во время косьбы и жатвы. Виленск. вестник, 1872, №№ 51, 52.

Косьба в Гродненской губ. Два отрывка из песен косцов. Поговорки об Иове (Брестский и Бельский уу.). Зажинки в Новогрудском у., Минской губ. «Закрутень» (залом). Происхождение его (Гродненская и Минская губ.). Знахарь раскидывает залом. Обжатие нивы (Кобринский у.). Дожинки. Венок (по Тышкевичу).

38. К—ский Ив. Этнографическая заметка о св. Егории и о народном русском празднике 23 апреля. Виленск. вестник, 1872, №№ 68 и 70.

Статья основана на русском историческом и фольклорном материале. О Белоруссии сведений мало. Приведен отрывок из песни о Георгии по «Виленскому вестнику», 1869, № 12.

39. Берман И. Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе

(Виленск. губ., Ошмянского у.). Зап. Русск. геогр. общ. по Отделению этнографии, т. V, СПб., 1873, стр. 1—48.

Обстоятельная статья о праздниках народного календаря. Фазы луны. Смена времен года. Народная метеорология. К статье дано «Заключительное примечание» проф. О. Миллера.

40. Крачковский Ю. Ф. Быт западно-русского селянина. М., 1874, стр. 212 (оттиск из «Чтен. в Общ. истор. и древн. российских», 1873, кн. 4).

Использованы печатные материалы (Чечот, Тышкевич, Дмитриев и др.) и собственные записи автора из разных мест центральной и западной Белоруссии. — Свадьба. Полевые работы. Праздники. Пища. Одежда. Лечение болезней. Приметы.

41. Гродненская сельскохозяйственная промышленность. Вестник промышленности, 1874, № 37.

Сведения о посеве и урожае хлебов в 1873 г. и о средствах народного продовольствия.

42. Х. Х. Веревка — талисман (из народных суеверий). Виленск. вестник, 1879, № 119.

«По общему убеждению крестьян и евреев-конокрадов, веревка висельника приносит с собою счастье и богатство для обладателя ее. . .» Корчмари дорожат ею не менее конокрадов.

43. Тун А. Экономическое состояние крестьянского населения в Белоруссии (в уездах Виленском и Дисненском Виленской губ.). Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности. СПб., 1880, вып. IV, отд. IV, стр. 1—20.

Извлечение из статьи автора на немецком языке. Сообщаемые сведения собраны автором в 1876 г. Крестьянские подати. Расчет крестьянских доходов. Отягощение крестьян и реформа системы налогов.

43-а. Киркор. А. К. Литовское и Белорусское Полесье. Живописная Россия, т. III, СПб., 1882, стр. 289—316.

44. Веремей Адам. Проводная или голодная кутья. Очерк из белорусской простонародной жизни. Виленск. вестник, 1884, №№ 15, 16.

В беллетристической форме описывается колядная обрядность. Начертание крестов на постройках. — Малоценно.

45. Карский С. И. Народные белорусские свадьбы в Ошмянском уезде, Виленской губернии. Виленск. вестник, 1888, №№ 104, 106, 109, 112, 120 и 122; отдельно: Вильна, 1888, 72 стр.

Описание свадьбы. Есть несколько песен (полных и в отрывках), а также выражений и слов белорусской речи.

46. Турцевич Ар. Белорусская деревня. Очерк современного положения крестьян Стволовицкой волости, Новогрудского уезда, Минской губернии. Виленск. вестник, 1889, №№ 30, 31, 33 [перепечатка из «Трудов Вольно-экономического общества»]

Земледелие и промыслы. Разделы. Скотоводство. Ярмарки. Жилище. Пища. Расчет жизненных средств крестьянина. Санитарные условия. Нравы. Упадок народной поэзии.

47. Medicus. Наши доморощенные Пастёры. Виленск. вестник, 1890, № 35.

Лечение укушенных бешеной собакой в Виленском у. корками хлеба или четырехугольными кусочками бумаги с начертанными на них кабалистическими словами, корнем молочая.

48. Народная медицина в Виленском уезде. Виленск. вестник, 1890, № 76.

Список народных лекарств: травы, коренья, листья, кора, куриный помет, моча, заячья шкура, мясо змеи. Кровопускание. Заговоры (полонизированные). Народное акушерство.

49. Краткое описание с. Ятвеска, Гродненской губернии, Волковыского уезда. Гродн. губ. вед., 1891, №№ 15—17, 21—25.

Занятия жителей. Постройки. Одежда. Юридические понятия и обычаи крестьян. Значение «громады» (общества). Народные сходы. Малая религиозность крестьян. Отзвуки принудительного обращения униатов в православие. Обряды, обычаи и суеверия, которыми сопровождаются праздничные дни (громницы, девятник). Чаровницы (ведьмы). «Закрутки». Свадьба. Похороны. Семейная жизнь. Воровство. Песни: сватовская, рекрутская, бурлацкая, весенняя, невыросток. Народная медицина. Приметы.

50. Наша деревня. Гродн. губ. вед., 1891, №№ 43, 46, 60, 69.

Крестьяне — поджигатели (поджигают помещиков, не минуют и крестьян). Деревенские знахари. Типы их. В приемной сельской лечебницы.

51. Карский Сергей. Внешний быт белоруссов в Виленской губернии. Виленск. вестник, 1891, № 64.

Описаны постройки, одежда, пища.

52. Село Ляховцы, Брестского уезда. Очерк. Гродн. губ. вед., 1891, №№ 73, 75, 77.

Жители села — украинцы и отчасти белорусы, «говорят малорусско-белорусским наречием почти без примеси польских слов». Земельные наделы. Способы обработки земли. Пища. Поминальники (деды). Одежда. «Мало суеверий и предрассудков». Крестьянская свадьба.

53. Карский С. И. Экономический быт белоруссов Виленской губ. Виленск. вестник, 1891, № 78.

Земледелие. Льноводство. Скотоводство. Пчеловодство. Рыбная ловля: снаряды, названия рыб. Слабое развитие промыслов.

54. С., Л. Гродн. губ. вед., 1891, № 97.

Деды — поминальный вечер, устраиваемый в поминальную субботу (дважды

в году: перед началом филиппова и великого постов). Описание обрядового ужина.

55. И. М. Как чтит наш народ память своих умерших. Гродн. губ. вед., 1891, № 99.

Обычаи при погребении. Гроб-труна, домовина. Поминки называются «концилляциями».

56. Карский Сергей. Семейный быт белоруссов Виленской губернии. Виленск. вестник, 1891, №№ 110, 112.

Пьянство. Песни о горькой доле жены пьяницы (записаны в разных местах Виленск. губ.). О языке песен автор говорит: «в песне чисто белорусские выражения и слова перемешаны с польскими». Брачный союз. Дети. Положение стариков. Господарь. Разделы.

57. Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. IV. Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892, стр. 1—173 (о Белоруссии).

Книга дает обзор польских и русских работ по белорусской этнографии до 90-х годов и, несмотря на устарелость некоторых сведений, продолжает оставаться полезным пособием для занимающихся этнографией и историей белорусской литературы.

58. С. Л. Шляхта-мазуры. Этнографический очерк. Гродн. губ. вед., 1892, №№ 66, 67, 73, 74.

Деревенская шляхта в Бельском у. Одежда. Постройки. Характер шляхтича. Занятия. Земледелие. Бедность. Хлеб с примесью суррогатов. Народное образование. Отношение к русскому языку.

59. С. Волостные суды. Гродн. губ. вед., 1892, № 78.

Бытовые подробности.

60. [Д-ч А.] Деревенские заметки. Гродн. губ. вед., 1893, №№ 6—9.

Необходимость издания записок и воспоминаний о былой польской «панщине». «Польские писатели, поэты, художники, по понятным причинам, не любили и не любят распространяться на эту тему или же стараются „идеализировать" взаимные отношения польских панов и русских хлопов; для русских же поэтов и художников весь наш белорусский край... вплоть до 60-х гг. оставался „Польшей"». — Экономический и духовный быт гродненских крестьян в последнем десятилетии «панщины» (1850—1861 г.), по воспоминаниям автора. Картина полевых работ в одном из помещичьих имений, около 40 км к югу от Гродно. — Ср. другую статью того же автора под № 69.

61. Г. М. Некоторые местные народные обычаи в день «святого Юрия» (23 апреля). Гродн. губ. вед., 1893, № 32.

Обход поля с остатками освященных во время праздника пасхи хлеба, костей или с нарочито испеченным для этого кораваем. После обхода поля хозяин закапывает на углу поля освященные кости. Пасхальные хлеб, кости и скатерть как средство предохранения от грозы. Празднование Юрия в Кобринском у.

62. К. Деревенские рабочие Свенцянского уезда. Виленск. вестник, 1893, № 36.

Деревенские рабочие происходят из крестьян безземельных, малоземельных, разного рода сирот и отчасти внебрачных детей. У крестьянина работник на хозяйских харчах, на белье и одежде получает от 25 до 35 руб. в год, работница — от 18 до 25 руб. Помещики платили несколькими рублями дороже.

63. Г. М. Семуха. Гродн. губ. вед., 1893, № 40.

Так называется суббота перед праздником троицы, когда по уставу церкви было положено поминовение умерших. Семуха — седьмая неделя после пасхи. Описывается поминальный обед или ужин; перечислены кушанья.

64. Довнар-Запольский М. В. Значение этнографического изучения Гродненской губернии. Гродн. губ. вед., 1893, № 61; отдельно: Гродна, 1893, стр. 11.

Значение для науки этнографии Гродненской губ. Призыв местных деятелей к работе по собиранию материалов для изучения языка и быта населения. Дана краткая программа для собирания материалов по языку.

65. Молодикова неделя в Белоруссии. Виленск. вестник, 1893, № 79; Гродн. губ. вед., 1893, № 31 (в обоих случаях перепечатка из «Правительств. вестника»).

Статья заслуживает внимания, хотя она касается всей Белоруссии. «Молодзиковой» неделей называлось первое воскресенье после наступления новолуния, которое по-белорусски называется «молодзиком» — молодым месяцем. Молодикова неделя считается особенно благоприятной для успешного начинания и ведения различных дел. В эту неделю начинают сеять, жать, косить и пр. Празднование ставится в связь с языческим обожествлением луны и с позднейшим почитанием богородицы.

66. Петрулаи М. Пасха у сельчан — католиков северо-западного края. Виленск. вестник, 1893, № 68.

Описано празднование пасхи у католиков, между которыми преобладают литовцы.

67. К. В. Местечко Комаи, Свенцянского уезда. Виленск. вестник, 1893, № 87.

Описано празднование дня св. Георгия местными белоруссами и литовцами.

68. Н. В. «Куст». Гродн. губ. вед., 1894, № 47.

Описан обычай водить «куст» в день троицы в м. Иванове, Кобринского у. Приведены две песни, обе украинские по языку. Статья перепечатана в «Виленск. вестнике» 1894, № 135.

69. Д — ч А. Из воспоминаний о житье-бытье гродненских крестьян в последнем десятилетии «панщины» (1850—1861 г.) Гродн. губ. вед., 1894, №№ 59, 62.

Уборка хлеба у помещика. В голодный год крестьяне питались «волошкой», т. е. всходами василька, приготовленными часто без соли, со щепотью крупы, а также

с лебедой и крапивой. Некоторые пухли от голода. Барщина шестидневная. «Гвалт» — крестьянская повинность, по которой все крестьяне имения должны были являться на всякую работу по приказанию помещика. Дворня. Наказание розгами. Дожинки. Песни не белорусские, а польские (искажаемые и по-своему переделываемые). Угощение перед «палацом» пани («весьма жалкая и грустная, постыдная картина»). Польские писатели и публицисты или молчали об этом постыдном обычае, заведенном польскими рабовладельцами, или описывали «дожинки» идиллически, усматривая в них продукт будто бы самых «идеально-хороших, патриархальных отношений между польским паном и русским хлопом во все время былой панщины».

70. Д [е м и д о в и ч П.] Рождественские святки. Виленск. вестник, 1894, № 277.

Куцця. После ужина члены семьи моются горячей водой и переменяют белье. Хождение со звездой слабо развито. Упоминаются старинные «штукари с батлеями». «Игрыще».

71. Б о г д а н о в и ч А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895, III + 186 стр.

Книга представляет собою дополненный очерк автора, напечатанный в «Научном обозрении» 1894 г. и в «Минском листке» 1894 г., № 76. Работа основана на материалах, собранных автором в центральной и отчасти западной Белоруссии (Новогрудский у.).

72. Б а т ч у к. К этнографии Кобринского уезда. Гродн. губ. вед., 1895, №№ 68, 69.

Извлечение из статьи в IV т. журнала «Athenaeum» за 1850 г.: «Kilka zarysów z życia ludu wiejskiego w Kobryńskiem przez K.» Одежда. Обычаи крестьян. 8 песен. 24 пословицы. Русская литература по этнографии (сборники Гильтебрандта, Дмитриева).

73. [Д е м и д о в и ч П.] Благовещение. Виленск. вестник, 1895, № 68.

74. Д е м и д о в и ч П. Пасха у сельчан-белорусов. Виленск. вестник, 1895, №№ 73, 74.

75. Б е л о р у с [Д е м и д о в и ч П.] Радуница в Белоруссии. Виленск. вестник, 1895, № 77.

76. Положение земледелия в Гродненской губернии в 1894 г. Гродн. губ. вед., 1895, № 77.

Общие условия земледелия в губернии (климат, почва). Результаты 1894 земледельческого года (размеры посевов, сбор хлебов, сбыт хлеба).

77. Народная нравственность в Гродненской губернии за 1894 год. Гродн. губ. вед., 1895, № 86.

Статистика уголовных преступлений.

78. Р о м а н о в с к и й И. Свадебные народные обычаи в Слонимском уезде и пережитки в них исторического влияния на бытовую жизнь. Гродн. губ. вед., 1895, № 93.

Свадебные обычаи в Белоруссии «резко отличаются от тех же обычаев в Литве. В Белоруссии они носят на себе лишь исключительный характер влияния Польши, вредно отозвавшейся давлением своим на умственном и нравственном складе народа». — Описание свадебных обрядов. Сватовство. Заручины. Приготовление коровая. Благословение (с польскими формулами). Заключение автора: «Из обычаев этих видно, что самобытного, выработанного жизнью самого народа почти ничего нет: все обряды — плод наслоенности несамобытных элементов». В статье есть несколько песен (в отрывках).

79. К этнографическому прошлому Гродненской губ. Гродн. губ. вед., 1895, № 99.

Статья написана по поводу статьи И. Романовского «Свадебные народные обычаи в Слонимском уезде» (см. № 78), как возражения на нее «от редакции». Не-которого внимания заслуживают только замечания о языке.

80. Б е л о р у с [Д е м и д о в и ч П.] Купала в белорусской деревне. Виленск. вестник, 1895, № 134.

81. Д е м и д о в и ч Т. П. Из области верований и сказаний белоруссов. Этнограф. обозрение, М., 1896, № 1, стр. 91—120; № 2—3, стр. 107—145.

Бог. Георгий (Юрий). Чорт. Ведзьмары и ведзьмы. Знахóр и знахóрка. Заклятые места. Чары. Ворожба. Заломы. Народная медицина. Болезни, за лечением которых крестьяне не обращаются к врачу: колтун, ружа, ураз, грызь, переполох, вывих, укушение змеей и бешеной собакой, зубная боль, лихорадка, вогник, дзецинец. Холера. Смерть. Ваўкалаки. — Обстоятельная работа, основанная на личных наблюдениях и материалах, слышанных и записанных автором в Новогрудском и Минском уездах Минской губ. Записи автора не вызывают сомнения в точности.

82. Р о м а н о в с к и й И. О. О народных поверьях и суевериях в Слонимском уезде. Гродн. губ. вед., 1896, №№ 91, 95.

«Скарбы» — клады. «Многие из суеверий здешней местности тождественны по своей фабуле с подобными же суевериями в других местностях края. Но в некоторых из них все-таки уцелел, по-нашему, культ доисторический-литóвский». Из таких суеверий автор описывает почитание аиста и ужа. Целительная сила черного петуха. Автор говорит: «Нам замечали когда-то в предисловии к нашей статье „Пережитки исторических влияний на свадебные обычаи Слонимского уезда“, напечатанной в „Гродн. губ. вед.“», что Слонимский уезд — местность чисто белорусская и все существующие здесь народные обычаи тоже носят облик белорусский, . . . но абсолютно отрицать влияние на склад духовной жизни здешнего народа литовского культа и литовских мировоззрений и особенностей нельзя». Упоминаемая в тексте статья помещена в «Гродн. губ. вед.», 1895, № 93.

83. М и л а к о в с к и й М. Г. Очерк Белостока в историческом, этнографическом и бытовом отношениях. Белосток, 1897, IV + 122 стр. + карта.

Этнографических материалов мало. Сведения о населении и фабричной промышленности.

84. Б и р у л я К. В. Краткое описание Гродненской губернии. Гродн. губ. вед., 1897, № 20.

Население и его занятия. Земледелие, скотоводство. Лесной и рыбный промыслы. «Крестьяне Гродненской губернии принадлежат к беднейшим в России».

85. К о б р и н е ц. Из Кобринского уезда. Трасца. Гродн. губ. вед., 1897, № 30.

Описание болезни трасца — лихорадка. Народное лечение. Рецепты.

86. Г л и н с к и й Ф. А. Беловежская пуща и зубры. Памятная книжка Гродненской губернии на 1899 г., Гродно, 1898, Приложение, стр. 1—60; отдельно: Белосток, 1899, стр. 61.

Имеются сведения о жителях села Беловежа и 24 деревень, расположенных в центре и на окраинах пущи. Жители почти все белоруссы (стр. 17—19). Происхождение названия Беловеж (стр. 15—17).

87. Р. М. Народный обычай. Гродн. губ. вед., 1898, № 39.

Небольшая заметка об обычаях при погребении: бросать две-три горсти зерна на стены; причитания на могиле.

88. В у л ь ф е р т И. К. Кустарная промышленность Виленской губернии. Вильна, 1901, 35 стр., в 16⁰ [оттиск из «Виленск. Вестника», 1901, № 167—169].

Доклад, читанный автором в Виленском отделении Русского технического общества. Автор коснулся преимущественно экономической стороны вопроса. Техника изготовления изделий не описана. Речь идет об обработке дерева (деревянная посуда, колеса, сани, бороны, предметы крестьянского домашнего обихода), глины (кирпичное и гончарное производства), питательных веществ (бараночный промысел), о льнопрядильном, шерстопрядильном и ткацком производстве.

89. Ш е й н П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. III. СПб., 1902, 535 стр.

Этот том содержит преимущественно этнографические материалы. Содержание его: описание жилища, одежды, пищи, занятий; препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. Часть материалов записана в Западной Белоруссии. В дополнениях даны очерки Полесья (село Житлин, Слонимского у. и др.), свадебный обряд в Новогрудском у. и другие материалы.

90. К а р с к и й Е. Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени. СПб., 1902, 16 стр. (оттиск из «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. VII, кн. 3, стр. 219—234). Перепечатано в след. изд.: Виленский календарь на 1903 г. Вильна, стр. 192—204; Гродн. губ. вед., 1902, № 17; Могилев. губ. вед., 1902, №№ 8—9.

91. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Губернии Виленская и Гродненская. СПб. 1903.

92. К а р с к и й Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Масшт. 40 верст в дм. [приложена к т. I «Белорусов» того же автора].

Карта эта впоследствии была уточнена автором и издана под заглавием: Е. Ф. К а р с к и й. Этнографическая карта белорусского племени, с текстом. Пгр., 1918.

93. Б е р м а н И. Чаровники и знахари западно-русского простонародья. Виленск. вестник, 1903, №№ 152, 158, 160, 164.

Посмертная статья по личным наблюдениям автора. Виды «поганого» искусства чаровников: «уречь» глазами и словами, отнять молоко, заколдовать след, пустить в глаза туман, ворожить о пропаже или о судьбе, сделать навороты, надарить бедою, отвести глаза начальствующих или глаза зависти, ревности и т. п. Заклинание лошадей. Ночлег. Залом. Заколдованное яйцо. Оборотничество. Перепив (очаровывающее снадобье). Чаровники на свадьбе.

94. Пахота первобытной сохой в XX веке. Новое время, 1904, № 9940. Перепечатано в «Могилевск. губ. вед.», 1904, № 25.

Литвин-пахарь на отдыхе с семьей в Панарских горах Виленской губ.

95. Рыболовство и рыбоводство в северо-западном крае (Ковенская, Виленская и Гродненская губернии). Отчеты экспедиции 1904 г. под ред. проф. Н. Ю. Зографа и Ю. Н. Зографа. М., 1907, 315 стр. с 21 таблицей фотоснимков и планов и с 38 рис. в тексте.

Работа дает обстоятельные сведения по вопросам рыбного хозяйства и рыболовства; хорошие рисунки и фотоснимки.

96. Р и т т и х А. Ф. Западно-русская граница и русская народность. СПб., 1907, 39 стр. с планом (оттиск из «Русской старины», т. CXXX, 1907, май).

Западная граница указана по урочищам атласа народонаселения и по приходским спискам. Карта (копия кальки) составлена отчасти по этнографической карте Европейской России Русск. географ. общ., причем урочища обозначены на родном языке.

97. Х а р у з и н Ал. Славянское жилище в северо-западном крае. Из материалов по истории развития славянских жилищ. Вильна, 1907, стр. 341 + 202 рис. на отд. таблицах.

«Труд имеет целью рассмотрение жилища славянской части населения северо-западного края в общем ходе его развития и в связи с крестьянскими постройками других мест России, а равно иных местностей, заселенных славянами». В основу труда легли личные наблюдения автора. Кроме того, использованы материалы ряда лиц, работавших по составленному автором «Руководству для собирания сведений о крестьянских постройках» (СПб., 1902). Описаны постройки (жилой дом, хозяйственные постройки), деревня и усадьба. Развитие жилья: составные части

жилого дома, типы жилого дома. Фотоснимки сделаны большею частью в Гродненской и Виленской губ.

98. Скалон Н. Описание крестьянского жилого дома в дер. Загорье, Гродненской губ. Вильна, 1907, стр. 32 (первоначально напечатано в «Виленск. временнике», изд. Виленск. ген.-губернат. управления, кн. II, Вильна, 1907, стр. 105—136).

Описан дом крестьян Клинчуков в дер. Загорье, Россой вол., Волковыского у. Деревня заселена сплошь белоруссами.

99. Сергиевский П. Сведения о белорусских постройках, собранные летом 1903 г. в деревнях Молодечненской волости Виленского у., Виленской губ. Вильна, 1907, стр. 24 (первоначально напечатано в «Виленск. временнике», кн. II, Вильна, 1907, стр. 137—160).

Описаны постройки крестьянских дворов в деревнях Адамовичи и Раевщина, Молодечненской вол., Вилейского уезда (на обложке опечатка: вместо Вилейского напечат. Виленского).

100. Материалы по этнографии Гродненской губернии. По поручению Управления Виленского учебного округа редактировал Е. Р. Романов, вып. I. Вильна, 1911, II + 239 стр.; вып. II, Вильна, 1912, VIII + 396 стр.

Материалы собраны учителями народных училищ, а также воспитанниками Литовской духовной семинарии и учениками Свислочской учительской семинарии. Содержание выпуска первого: историко-географический очерк, состав населения, его быт, верования, суеверия, пословицы, загадки и песни обрядовые. Во II вып. помещены свадебные песни (продолжение), песни внеобрядовые, духовные стихи, предания, легенды, сказки. Помимо сведений о белорусах «Материалы» дают сведения и об украинцах, и о поляках (мазурах). Некоторые недостатки издания указаны Е. Ф. Карским (Белоруссы, II, вып. 3, 295).

100-а. Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. 1. Изд. Географ. общ., Пгр., 1914; вып. 2, Пгр., 1915.

Вып. 1. Из одиннадцати рукописей о Гродненской губ. 1847—1888 гг. десять имеют ближайшее отношение к этнографии и фольклору. Подробнее изложено содержание рукописей: 1) К. И. Бренна о Бельском у. (стр. 435—442), 2) И. Кадлубовского о Бездежском приходе Кобринского у. (стр. 433—449), 3) С. Пашкевича о Хомском приходе того же у. (стр. 449—553), 4) М. Сакович о мест. Мотоль Кобринского у. (стр. 455—461). Из семнадцати рукописей о Виленской губ. подробнее изложено содержание следующих: 1) «Этнографические описания Ошмянского у.» (стр. 109—115). 2) «Отрывки из жизни и быта прихожан Сморгонской церкви» (стр. 115—118). Восемь рукописей фольклорного содержания. — Вып. 2. Из двенадцати описанных рукописей по Минской губ. (стр. 678—699) №№ 3, 4, 5, 6, 7, 9 и 10 посвящены Новогрудскому у. и № 12 — Туровщине.

101. Запросы белорусских послов в польский сейм 1922—1926 гг. Сборник документов о панских насилиях, мучениях и издевательствах над крестьянами и рабочими в Западной Белоруссии. Белор. Госуд. изд-во, Минск, 1927, XXXIII + 530 стр.

Преследования в области просвещения и школы, насильственная аграрная политика, военная колонизация, незаконное обложение податями, экономический гнет и эксплоатация, запрещение и преследование белорусского языка и др.

102. Западная Белоруссия. Сборник статей, кн. I. Минск, 1927, стр. 211.

Сборник издан Белорусским Государственным издательством времени национал-демократического руководства научными работами в Белоруссии. Содержание: Политический очерк Западной Белоруссии. Исторические судьбы. Географический и топографический очерк. Население, его национальный и профессиональный состав. Населенные местности. Политические партии в Польше и Западной Белоруссии. Классы и партии Западной Белоруссии. В тексте даны карты белорусско-литовского пограничья около Вильны (по Е. Чинскому и Е. Ф. Карскому) и белорусско-польского пограничья по Е. Чинскому. Кроме того, на отдельных листах даны политическая карта Белоруссии и Польши и карта этнографической белорусской границы на юго-западе по переписи 1921 г. Использована новейшая польская литература в связи с результатами польской переписи населения 1921 г. и позднейшими статистическими сведениями.

103. Jaroszewicz J. Materjały do statystyki i etnografii gubernii Grodzieńskiej. Powiat Bielski. Athenaeum. Pismo zbiorowe. Wilno, 1848, t. VI, str. 168—186.

Работа напечатана и на русском языке, см. № 4.

104. Iwaszkiewiczowa, Emma. Wesele w Swięciańskiem. Upominek Wileński. Pismo zbiorowe, poswięcone Jozefowi Ignacemu Kraszewskiemu. Wilno, 1879, str. 33—64.

Описана свадьба в Свенцянском уезде, на границе с Ковенской губ. Приведены отрывки и целые песни на белорусском языке польским алфавитом.

105. Orzeszkowa El. Ludzie i kwiaty nad Niemnem. Журнал «Wisła». Warszawa, 1888, 11, str. 1—15, 675—7—3; 1890, IV, 1—31; 1891, V, str. 235—247.

Дано большое количество белорусских названий растений, но названия эти в полонизированной форме, как их произносят наднеманские поляки.

106. Czyński E. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i rozsiedlenia ludności polskiej. Warszawa, 1897; 2-е изд., 1909.

107. Kibort, J. Wierzenia ludowe w okolicach Krzywicz w powiecie Wilejskim. Журнал «Wisła«, Warszawa, 1899, t. XIII, str. 321—337, 389—408.

Молитвы, заговоры, суеверия. Все на польском языке.

108. Kowalewska Z. Obchód weselny w powiecie Wilejskim w okolicy Moło-

deezna i Radoszkowic. «Wisła». Warszawa, 1900, t. XIV, str. 412—426.

В описании свадьбы приводятся отрывки песен на польском языке.

109. Iwanowski I. Betlejki w powiecie Lidzkim, gubernii Wileńskiej. «Wisła», Warszawa, 1901, t. XV, str. 401—411.

Описана обстановка представления. Действующие лица. Текст представления дан на польском языке.

110. Szukiewicz, Wand. Dawne środki lecznicze. Kwartalnik Litewscki. Petersburg, 1911, Rok II, t. V. str. 125—128.

111. Szukiewicz W. Zwyczaje przy wypiekaniu chleba w powiacie Lidzkim. «Ziemia», Warsczawa, 1912, № 35, str. 571—574.

Дежа. Приготовление зерна для размола. Печь. Хлеб в печи. Хлеб испеченый. Кушанья, приготовляемые из расчыны (солодуха и блины). Суеверия, связанные с хлебом.

112. Wasilewski Leon. Litwa i Białoruś. Przeszłość. Terazniejszosć. Tendencje rozwojowe. Kraków, 1912.

В книге говорится о всей Белоруссии, в том числе и о западных ее областях. Книга и теперь заслуживает внимания. Автор играл крупную роль в политической жизни Польши последних десятилетий.

113. Czekanowski J. Stosunki narodowościowo-wyznaniowe na Litwé i Rusi. Lwów, 1918.

114. Romer E. Spis ludności na ziemiach administrowanych przez Zarzad Cywilny ziem Wschodnich. Lwów—Warszawa, 1920.

115. Krzywicki Ludwik. Rozbiór krytyczny wyników spisu. Warszawa, 1923.

116. Weinfeld J., dr Tablice statystyczne Polski za rok 1924. Warszawa, 1925.

II. Фольклор

(№№ 117—152; см. также №№ 4, 6, 8, 9, 11, 14, 18, 31, 36, 38, 40, 45, 49, 68, 81, 100, 100-а, 104, 107, 108, 117, 153, 156, 161)

117. Местные русские народные сказки. Гродн. губ. вед., 1864, № 44.

Напечатаны сказки: «Воўк и лиска», «Воўк и камар».

118. Местные русские народные песни. Гродн. губ. вед., 1864, № 45.

Песни записаны в южной части Бельского у. Весенние песни. Купала.

119. Кулжинский Григ. О сборнике западно-русских пословиц и поговорок. Гродн. губ. вед., 1866, № 41. Перепечатано в «Виленск. губ. вед.», 1866, № 84.

Обращение к интеллигенции с призывом заняться собиранием пословиц и поговорок.

120. Сборник памятников народного творчества в северо-западном крае. Изд. ред. «Виленск. вестника», вып. 1. Вильно, 1866, CXVIII + 300 стр. (Материалы первоначально печатались в «Виленск. вестнике» 1866, №№ 25—229).

Предисловие к «Сборнику» подписано П. Гильтебрандтом. Помещено 300 песен, 151 пословица, 53 загадки. Большинство материалов записано учениками Молодечненской учительской семинарии в Виленской и Гродненской губ. Записи и редакция материалов неудовлетворительны. Отзывы о сборнике см. в «Белорусах» Е. Ф. Карского (т. I, стр. 240).

121. Свадебные обряды крестьян Гродненской губ. Виленск. вести., 1867, № 103.

Коровайный обряд и песни (интересны с лексической стороны).

122. Пригоровский И. Народные песни Гродненской губернии, Волковыского уезда. Гродн. губ. вед., 1868, №№ 17, 18.

11 песен разного содержания. Записаны в м. Свислочи в 1864—1865 гг. Автор — учитель местной школы. Запись неточная. В языке песен есть украинские особенности. «Записывая эти песни, я имел в виду познакомиться поближе с народом. . . и, кроме того, наглядно показать, что этот народ, среди прежних стремлений влиятельного польского населения, удержал свой родной язык и мыслит и чувствует, как всякий русский».

123. Дмитриев М. А. Опыт собрания песен и сказок крестьян северо-западного края. Гродно, 1868, 189 стр.

Перепечатано из «Гродненск. губ. вед.». Песни и сказки записаны в Новогрудке. Точность записей сомнительна.

124. Миллер Вс. Ф. По поводу одного литовского предания. Древности. Тр. Моск. археол. общ., т. VIII, М., 1880, стр. 166—175.

Объяснение обряда, называвшегося «дзядами стаўроўскими» (Минская, Виленская, Витебская и Могилевская губернии). По совершении обычных обрядностей дзядоў хозяин дома берет чашку с отлитыми в нее яствами и произносит под столом: «стаўры, гаўры, гам, приходзице к нам». При описании обряда автор ссылается на статью «Суеверные обряды простонародья западного края» (Киевск. губ. вед., 1874, № 23).

125. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. I, ч. I, СПб., 1887, 585 стр.

В этой части тома помещено 166 песен Западной Белоруссии (Виленской губ. — 39 песен, Гродненской — 77 и Новогрудского у. — 50).

126. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. I, ч. II, СПб., 1890, 708 стр.

В этой части помещено 89 песен Западной Белоруссии (Виленской губ. — 13, Гродненской — 20 и Новогрудского у. — 56), сверх того, несколько причитаний Гродненской губ.

127. Сакович М. А. Песни крестьян села Молодова, Кобринского уезда, Гродненской губернии. Живая старина, 1890—1891, вып. I, отд. II, стр. 5—8; вып. II, отд. II, стр. 111—146.

25 песен и объяснение «некоторых непонятных слов».

128. N. N. О собрании памятников старины. Гродн. губ. вед., 1892, № 67.

«Второй год уже, как издается „Неофициальная часть Губ. ведом.“, на страницах которых редакция всегда охотно поместит даже, повидимому, самые незначительные заметки о памятниках былого».

129. Памятники старины Гродненской губернии. Гродн. губ. вед., 1892, № 72.

Народное предание об исчезновении рек (передано содержание).

130. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. II, СПб., 1893, 715 стр.

В этом томе помещено 88 сказок Западной Белоруссии (Виленской губ. — 3, Гродненской — 70 и Новогрудского у. — 15).

131. Довнар-Запольский М. В. Белорусское Полесье, вып. I, Песни пинчуков. Киев, 1895, XXVIII + 205 стр., с картой.

На стр. 148—155 напечатаны песни, записанные в Лашинской вол., Гродненского у.

132. Карский Е. Ф. Белорусские песни деревни Новосёлок-Затрокских, Виленск. губ., Трокского уезда. Русск. филологич. вестник, XXI, 1889, стр. 243—259.

Записи песен, уже частично использованные с точки зрения языка.

133. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. III, СПб., 1902, 535 стр.

В этом томе помещено 27 свадебных песен Новогрудского у.

134. Розенфельд А. Белорусские народные песни. СПб., 1904, 92 стр. (оттиск из «Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. LXXVII).

Песни записаны в дер. Миговке Радошковичской вол., Вилейского у., Виленск. губ. (стр. 1—35). Остальные песни из Минск. губ.

135. Бычков, Игн. Материалы по народному говору Кобринского уезда, Гродненской губернии. Русск. филологич. вестник, т. LIX (1908), 296—298.

Напечатаны три песни, записанные автором фонетически.

135-а. Романов Е. Р. Белорусский сборник, вып. VII, Вильна, 1910. VI + 44 стр.

В этом выпуске «Сборника» напечатаны 53 мелодии народных песен, из которых 35 записаны в Дисненском у., Виленской губ., и 5 — в Бельском у., Гродненской губ.

136. Спитко А. К. Песни, записанные со слов Ганьки Рак, крестьянки Радашковичской вол., Вилейского у., Виленской губ. в 1910 г. Минская старина, вып. II, Минск. 1911, стр. 232—234.

Всего 6 песен: Жниво, Петровка, Осень, На посиделках.

137. Беланович Ив. Песни, записанные в Вилейском уезде в 1908 г. Минская старина, вып. II, Минск, 1911, стр. 218—231.

Песни свадебные, колядные, купальные, волочебные, жатвенные.

137-а. Романов Е. Р. Белорусский сборник, вып. VIII. Вильна, 1912, VIII + + 600 стр.; вып. IX, Вильна, 124 стр. (оба выпуска вышли в одной обложке).

Содержание вып. VIII: внешний быт, народный календарь, народные верования, семейный быт, игры и забавы. Здесь напечатано 125 песен Виленской губ. (Ошмянский у. — 22, Виленский — 2, Дисненский — 101). В вып. IX напечатан словарь условных языков (в том числе словарь лаборей Гродненской губ.).

138. Карский Е. Ф. Белорусы, т. III, вып. 1. М., 1916, 557 стр.

Этот выпуск III тома посвящен изучению народной словесности белоруссов. Автор подводит здесь итоги работ XIX и начала XX ст. Фольклорные материалы Западной Белоруссии рассматриваются здесь в общей связи материалов всей Белоруссии.

138-а. Романов Е. Р. Белорусский сборник, вып. XIII. Рукопись хранится в Академии Наук БССР.

В этот выпуск входят заговоры, бытовые песни, апокрифы и духовные стихи, загадки и другие материалы. Из Виленской губ. 38 записей (Ошмянский у. — 23, Виленский — 13 и Дисненский — 2).

139. [Czeczot Jan]. Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzezeniami nad nią uczynionemi. Wilno, 1846, XXXIV + 134 str.

Это шестое издание работы Чечота, выходившей с 1837 г. анонимно. Имя собирателя подписано впервые под предисловием изд. 1846 г. Подлинные тексты белорусских песен имеются только в иданиях 1844 и 1846 гг. В изд. 1846 г. помещено 100 песен, из которых 50 записано в Новогрудском у. Кроме песен, в сборнике помещены следующие маетериалы: słownik wyrazów krewickich mniej zrozumiałych (стр. 64—68); niektore idiotyzmy (własnonazwy) krewickie w Nowogródzkiem i niektóre też wyrazy różniace sie znaczeniem, od podobnych znajdujących sie

w innych jezykach slawiańskich (стр. 69—96); zyczliwa dla ethymologów uwaga (стр. 97—101); prziysłowia krewicke (130 пословиц, стр. 106—116); przysłowia do swiat zastosowane (стр. 116—117); szeczególne wyrazenia i porównania mogace sie uwazać w czesci i za przysłowia (стр. 117—120). Чечот опубликовал только часть собранных им материалов. Им было записано над Неманом 400 песен и над Двиной — 557. Судьба ненапечатанных материалов неизвестна, а напечатанными пользовались последующие этнографы (Киркор, Корева, Дмитриев, Крачковский, Шейн), причем Киркор сделал это в наибольшем размере и без указания источника. Работа Чечота представляет значительный интерес для фольклориста и языковеда. Предисловие к книге (изд. 1846 г.) напечатано в переводе на белорусский язык в газете «Беларусь» (Минск), 1920, № 125.

140. Dybowski Wład. Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego. Kraków, 1881, 23 str. (odb. ze Zboru wiadomości do antropologii krajowej, t. V, str. 3—23).

141. Karłowicz. J. Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem komisyi antropologicznej, Akademii umiejetności w Krakowie, 1887, tt. XI—XII; отд. оттиск.: Krakow, 1887, 124 + 2 str.

Сказки напечатаны в польском пересказе по записям в Виленском, Лидском, Трокском, Свенцянском и Новогрудском уездах (84 белорусских и литовских сказки). Большинство записей сделано в 70-х годах XIX в.

142. Weryha W. B. Podania białoruskie, zebrane przez Wlad. Weryhę, poprzedzone wstępem przez J. Karłowica. Lwów, 1889, 77 str.

Записи сделаны в Лидском у., напечатаны латиницей. В предисловии Ян Карлович указывает особенности белорусского языка.

143. W. W. [Weryha Wlad.]. Dumki białoruskie ze wsi Głębokiego w powiecie Lidzkim gubernii Wilenskiej w r. 1885 spisane przez W. W. Kraków, 1889, 20 str. (odbitka ze Zbioru Wiadomości do antropologii krajowej, t. XIII, 84—103).

144. Baudouin de Courtenay J. A. Pieśni białorusko-polskie z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, r. XVI, 1892, str. 217—238; отд. отт. — Kraków, 1892, 20 str.

Песни записаны фонетически точно. По Карскому (Белорусы, I, 326), эти песни заключают в себе массу полонизмов, что естественно для области, пограничной с польским племенем и отчасти со смешанным населением.

145. Biruta. Pieśni białoruskie z powiatu Lidzkiego. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, t. XVI, Krakow, 1892, str. 239—251.

146. B[audouin] de C[ourtenay] J. A., Dr. Dodatek do pieśni Białorusko-polskich z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej, zapisanych przez prof. . . . Zbior wiadomości do antropologii krajowej. XVIII, 1895, str. 225—231.

О характере записей и песен см. № 144.

147. Černý Adolf. Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego gubernii Wileńskiej. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, r. XVIII, 1895, str. 192—224.

Записано 56 песен. Записи неудовлетворительны. См. отзыв Е. Ф. Карского в «Русск. филологич. вестнике», т. XXXV, стр. 299—303, и кратко в «Белорусах», т. I, стр. 328—329.

148. Federowski Michał. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materyały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1905 przez Michała Federowskiego. T. I, Wiara, wierzenia i przesądy ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. W Krakowie, 1897, XX + 509; t. II, Basne, przypowieści i podania ludi z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki; część I, Basne fantastyczne mityczne. W. Krakowie, 1902, XXXII + 370; t. III, Część II: Tradycye historyczno-miejscowe, oraz powieści obyczajowo-moralne. W. Krakowie, 1903, V + + 314; t. IV: Przysłowia, żarciki, wyrazenia stałe oraz zagadki ludu, miszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Świecian i Oszmiany. Warszawa, 1935, XVIII + 490 str.

Напечатанные 4 тома являются первыми томами обширного труда польского фольклориста М. Федеровского, в течение 25 лет занимавшегося изучением творчества белоруссов Гродненской губ. Печатание труда не закончено. Предполагалось напечатать 10 томов. Остались ненапечатанными, между прочим, песни. Значение труда для изучения фольклора и языка велико. Содержание вышедших томов и общая оценка труда даны Е. Ф. Карским (Белорусы, I, 316—324).

149. Klich Edward. Teksty białoruskie z powiatu Nowogródzkiego. Materyały i prace Komisyi językowej, t. II, zesz. 1, Kraków, 1903.

Е. Ф. Карский (Белорусы, I, 133) считает этот сборник очень ценным в отношении точности при передаче особенностей языка. В сборнике около 60 сказок и анекдотов. Кроме того, есть песни, поверья, загадки.

150. Szukiewicz W. Wierzenia i praktyki ludowe Zabobony, przesądy, wrózby i t. d.; Zebrane w gubernji Wieleńskiej. Журнал «Wisła», 1903, t. XVII, str. 2655—280, 432—444

Материалы даны не в текстах, а в изложении содержания. Неясно, о каком населении идет речь (белорусском или польском).

151. Szukiewicz. Wandalin. Niektóre wierzenia, przesądy i zabobony ludu naszego, legendy i podania. Kwartalnik Litewski. Petersburg, 1910, Rok I, t. 2, str. 85—102; t. 4, str. 113—124.

Наблюдения сделаны в Лидском у., Виленской губ. Все материалы даны в изложении на польском языке.

152. Zagorski, Wład. Podania i legendy wileńskie, z drzeworytami prof. St. Matusiaka. Wilno, 1925, 4 + 166 + 2 str.

III. Язык

(№№ 153—171; см. также материалы по фольклору, особенно №№ 100, 125, 126, 130, 133, 134, 139, 144, 146, 148, 149).

153. Заметки о западной части Гродненской губернии. Этнограф. сб., вып. III, Русск. геогр. общ., СПб., 1858, стр. 47—114.

Большая часть статьи уделена историческому очерку территории (до XIV в.). Во второй части (стр. 84—114) даны материалы для изучения народной речи: образцы речи прозаической, разговорной и повествовательной и образцы речи стихотворной (песни весенние, летние, осенние, свадебные). Всего 27 песен без указания места записи. Статья заканчивается кратким очерком языка населения и сличением этого языка с языком XVI в. Статья интересна своей записью прозаической речи, как более ранней из сделанных здесь записей. Особенно интересна она с точки зрения лексики (обилие полонизмов). К статье приложена карта.

154. К[ачановский Вл.?]. Особенности говора деревни Новоселок Затрокских (Трокского уезда, Виленской губ.). Вестник славянства, Киев, 1890, т. V, стр. 76—79.

Статья написана по материалам, записанным в этой деревне Е. Ф. Карским. См. № 132.

155. Карский Е. Ф. Некоторые редкие особенности белорусского наречия в Сокольском уезде, Гродненской губ. Русск. филологич. вестник, т. XXXV, стр. 219—221.

156. Карский Е. Ф. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. II. СПб., 1898 (оттиск из «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. III, кн. 3, прилож., стр. 1—67).

Напечатан ответ № 6 на программу Е. Ф. Карского: И. Моисеенко. Местечко Поставы, Дисненского уезда, Виленск. губ. Даны образцы речи: сказка и искусственное стихотворение «Пáнская игры́ща».

157. Карский Е. Ф. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. 3. СПб., 1899 (оттиск из «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. IV, кн. 3, прилож., стр. 1—32 и кн. 4, стр. 33—69).

Ответ на программу Е. Ф. Карского № 13: И. Тржецяк. Кабыльникская волость, Свенцянск. у., Виленск. г. Образцы речи: сказка о короле и королеве, песня во время толоки и разные песни.

158. Карский Е. Ф. Заметки по белорусским говорам. Русск. филологич. вестник, т. XLVI (1901), стр. 275—281.

Наблюдения во время поездок в 1899 и 1901 гг. по Гродненской губ. с целью проверки записей М. Федеровского (Заблудово, Городок, Волковыск, Жировицы, Мигов). Сообщение об этих поездках напечатано и в «Материалах по изучению белорусских говоров», вып. IV. СПб., 1903 (оттиск из «Сб. Второго отд. Акад. Наук, т. LXXXV).

159. Federowski M. Tymczasowe uwagi o narzeczu zachodnio-białoruskiem (в предисловии к т. II труда этого автора «Lud białoruski» (см. выше № 148), стр. XIX—XXVIII).

Особенности говоров Сокольского, Гродненского, Волковыского, Новогрудского, Лидского и Слонимского уездов.

160. Карский Е. Ф. Материалы для изучения северо-малорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским, вып. 2. СПб., 1903 (оттиск из «Сб. Второго отд. Акад. Наук», т. LXXV).

Ответ на программу № 9: А. Салтрукович. Местечко Шерешово Пружанского уезда, Гродн. губ.

161. Карский Е. Ф. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. 4. СПб., 1903 (оттиск из «Сб. Второго отд. Акад. Наук», т. LXXV).

Ответы на программу: № 22. П. Виденский. Разные места Минской губ. (Новогрудский и др. уезды). — № 24. Н. Иванова. Дер. Студзёнка Новогрудск. у., Минской губ. 37 песен и сказка о дурне. — № 25. А. Лещинский. Местечко Городище, Новогрудского у., Минск. губ. — № 29. И. Кавцевич. Местечко Любечь Новогрудского у.

162. Карский Е. Ф. Белорусы, т. I, Введение в изучение языка и народной словесности. С приложением двух карт, Варшава, 1903, 466 стр.

Территория, древнейшие обитатели; история языка, говоры; история изучения языка и фольклора; ненародные произведения на современном белорусском языке. В приложении карта № 163.

163. Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Составлена в 1903 г. Белорусские говоры. Масшт. 40 верст в дм.

Приложение к № 162.

164. Карский Е. Ф. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. 5, СПб., 1907 (оттиск из «Сб. Второго отд. Акад. Наук», т. LXXXII).

Ответ № 31 на программу Е. Ф. Карского: Н. П. Алъшук. Местечко Илия Вилейского уезда, Виленск. губ.

165. Карский Е. Ф. Белорусы, т. II. Язык белорусского племени, в. 1: Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава. 1908, 579 стр.; в. 2: Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911, 407 стр.; в. 3: Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912, 347 стр.

166. Соколов Н. Н. Летние экскурсии в 1908 г. I. Поездка в Белоруссию. Русск. филологич. вестник, т. LXII, стр. 268—276.

Автор посетил юго-западную часть Минской и северную часть Гродненской губ., а также отчасти смежные местности Виленской, Могилевской и Черниговской губ. (Барановичи, Слоним, Волоковыск, Гродно, Вильно и др.). Ценны наблюдения автора по вопросам дзеканья, польского влияния. Карта маршрута приложена к т. LXIII, стр. 210.

167. Дурново Н. Н., Соколов Н. Н. и Ушаков Д. Н. — Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915, 132 стр. и карта.

Карта имеет отличия от соответствующей карты Е. Ф. Карского (см. № 163).

168. Карский Е. Ф. Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением. Пгр., 1918, 60 стр.

Популярный очерк истории белорусского языка, изложенной автором в трех выпусках II тома «Белорусов».

169. Кеппен П. Сведения о русских наречиях (рукопись Библиотеки Академии Наук СССР).

Имеются сведения о белоруссах Курляндской, Ковенской, Виленской и Минской губ.

170. Дмитриев М. Алфавитный указатель особенных слов и выражений, извлеченных из песней и сказок крестьян Новогрудского у. Составлен старшим учителем Новогрудского дворянского училища М. Дмитриевым (рукопись Библиотеки Академии Наук СССР, 15 лл).

171. Рафаловичъ Петр. Наблюдения над языком простого народа, живущего в Гродненской губ. на восточной стороне от г. Гродно в расстоянии 10 верст (рукопись Библиотеки Академии Наук СССР; 4 лл.)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

(Цифры обозначают порядковые №№ библиографии)

Арсеньев К. И. 3

Батчук 72
Беланович Ив. 137
Белорус [Демидович П.] 75, 80
Берман И. 29, 33, 39, 93
Бируля К. В. 84
Бобровский П. 11
Богданович А. Е. 71
Быковский В. 21, 22
Бычков Игн. 135

Веремей А. 44
Вульферт И. К. 88

Г., М. 61, 63
Георги И. Г. 1
Гильтебрандт П. 120
Глинский Ф. А. 86

Демидович П. 70, 73, 74, 75, 80, 81
Десницкий М. 17
Дмитриев М. А. 23, 31, 123, 170
Довнар-Запольский М. В. 64, 131
Дурново Н. Н. 167
Д-ч А. 60, 69

Зеленин Д. К. 100-а
Зограф Н. Ю., проф. 95
Зограф Ю. Н. 95

И., М. 55

К. 25, 26, 62
К., В. 67
К[ачановский Вл.?] 154
Карский Е. Ф. 90, 92, 132, 138, 155—158, 160—165, 168
Карский С. И. 45, 51, 53, 56
Кёппен П. 169
Керковский 16
Киркор А. 7, 8, 43-а
Кобринец 85
Корева А. 9
Коялович М. О. 13
Крачковский Ю. Ф. 30, 35, 36, 37, 40
К-ский Ив. 38
Кулжинский Гр. 19, 119

Medicus 47
Милаковский М. Г. 83
Миллер В. Ф. 124
Мухлинский 2

Н., В. 68
N. N. 128

Петрулан М. 66
Пригоровский И. 122
Пыпин А. Н. 57

Р., М. 87
Рафалович П. 171
Риттих А. Ф. 12, 96
Розенфельд А. 134
Романов Е. Р. 100, 135-а, 137-а, 138-а
Романовский И. 78, 82

С. 59
С., Л. 54, 58
Сакович М. А. 127
Сементовский А. М. 20
Сергиевский П. 99
Скалон Н. 98
Славутинский Ал. 18
Снитко А. К. 136
Соколов Н. Н. 166, 167

Ставрович Ф. 32

Тун А. 43
Турцевич Ар. 46
Тышкевич К. 24

Ушаков Д. Н. 167

Х. Х. 42
Харузин Ал. 97
Х-ч А. 14

Ш — г, 15
Шейн П. В. 89, 125, 126, 130, 133.

Эркерт Р. Ф. 10.

Ярошевич И. 4, 103

Baudouin de Courtenay J. A. 144, 146
Biruta 145

Černý 147
Czeczot J. 139
Czekanowski J. 113
Czyński E. 106

Dybowski W. 140

Federowski M. 148, 159

Iwanowski I. 109
Iwaszkiewiczowa E. 104

Jaroszewicz J. 103

Karłowicz J. 141
Kibort J. 107
Klich E. 149
Kowalewska L. 108
Krzywicki L. 115

Orzeszkowa E. 105

Romer E. 114

Szukiewicz W. 110, 111, 150, 151

Wasilewski J. 112
Weinfeld J. 116.
Weryha W. 142, 143

Zahorski W. T. 152

ХРОНИКА

С. М. Абрамзон

Сессия, посвященная 60-летию со дня рождения И. В. Сталина

Институтом этнографии Академии Наук СССР совместно с Государственным Музеем этнографии Наркомпроса РСФСР 26—28 декабря 1939 г. была организована научная сессия, посвященная 60-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА. В ходе работ сессии ее участником стал еще Институт народов Севера.

Программа работ сессии отразила многообразие тематики научных работ этнографов и их стремление осмыслить новые явления в жизни народов СССР. По своему характеру, заслушанные сессией доклады можно разбить на три группы. Первая — доклады общетеоретического характера, вторая —доклады, анализирующие влияние товарища Сталина, его образа и его идей в общественно-политической и культурной жизни народов СССР, и третья — доклады, показывающие расцвет социалистической культуры и быта у ранее отсталых и угнетенных народов, как результат осуществления ленинско-сталинской национальной политики.

В своем докладе «Закономерность перехода от первобытно-общинного строя к рабовладельческому» акад. В. В. Струве в углубленной форме обосновал незыблемость концепции марксизма-ленинизма, утверждающей, что на древнейшем этапе развития производительных сил первобытно-общинный строй мог перерасти лишь в рабовладельческий строй, покоящийся на самой жестокой эксплоатации. Далее акад. Струве, пользуясь конкретным материалом истории возникновения классового общества в южном Междуречье (середина IV тысячелетия до н. э.), подчеркнул значение географической среды как фактора, ускорившего ход исторического развития. Отправляясь от известных положений, содержащихся в «Кратком курсе истории ВКП(б)», акад. Струве изложил материал, подтверждающий, что рабы появляются уже в недрах первобытно-общинного строя, приведя также данные о зарождении новой, феодальной эпохи в недрах развитого рабовладельческого общества. Содержание доклада акад. Струве показало, как велико значение тех теоретических выводов, которые были формулированы товарищем Сталиным в IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)».

С. М. Абрамзон в докладе «Сталинская дружба народов», построенном на материале среднеазиатских советских социалистических республик, показал разносторонность замечательного явления нашей действительности — дружбы народов. Эта дружба, выросшая на основе систематической помощи ранее отсталым народам со стороны великого русского народа, партии и правительства СССР, товарища Сталина, на незыблемом фундаменте победы социализма в СССР, находит свое проявление в различных сферах социалистического труда и культурного строительства. Результатом укрепления морально-политического единства советского общества и сталинского содружества народов является ликвидация былого недоверия между народами, отчужденности и обособленности их друг от друга, разрушение перегородок, воздвигавшихся веками и разъединявших народы, развитие чувства интернационализма. Неотделимой частью дружбы народов является советский патриотизм. Хозяйственный и политический подъем народов Средней Азии и быстрый рост их национальных культур усилили процесс ассимиляции мелких этнографических групп крупными, близкими им по культуре, нациями, консолидировавшимися под эгидой советской власти. О возможности и закономерности этого процесса товарищ Сталин говорил еще в 1925 г. Отмечаемое явление, способствуя приобщению этнографических групп к более высокой культуре, приводит в свою очередь к выявлению всех потенций социалистической культуры таких наций, как узбеки, таджики, киргизы и др.

В докладе Н. А. Федоровой «Ленин и Сталин в русском народном изобразительном творчестве» были использованы материалы северных областей РСФСР (Архангельской, Вологодской и Кировской). В прекрасных

произведениях народных мастеров резьбы по дереву и кости, выжигания по дереву, в чеканных и черневых серебряных работах и кружевных изделиях мы неизменно встречаем любовно выполненные образы Ленина и Сталина.

Образу Сталина в литературе народов Севера был посвящен доклад М. Г. Воскобойникова.

Доклад Л. П. Потапова «Социалистическая культура у народов Алтая» был насыщен богатым материалом, характеризующим тот скачок, какой совершили в Сталинскую эпоху народы Алтая от состояния, близкого к первобытности, к социалистическому переустройству хозяйства и всей жизни, минуя капиталистический путь развития. Дав краткий обзор своеобразной древней культуры народов Алтая, существовавшей многие тысячи лет и не достигшей высокого развития, докладчик анализировал различные стороны национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, созданной в течение двух десятков лет в горах Алтая.

Значительный интерес собравшихся вызвал доклад Е. Н. Студенецкой «Опыт изучения социалистического быта на материалах народов Северного Кавказа». В основу доклада были положены материалы, собранные экспедицией Государственного Музея этнографии в 1939 г., изучившей современное жилище и его внутреннее устройство у народов Северного Кавказа. Экспедиция в своей работе применила некоторые новые приемы изучения этнографических явлений (фиксация определенного состояния объекта, приуроченная к установленному моменту, применение принципа «единого дня», создание опорных стационаров и др.),придающие этнографическим материалам бо́льшую точность, документальность и историчность. Собранные экспедицией материалы подтверждают то ленинско-сталинское положение, что национальные различия и особенности при социализме не исчезают, а продолжают существовать, в данном случае в жилище, его убранстве и домашнем быту колхозников Северного Кавказа.

Близким по характеру изложенного материала к предыдущему докладу был доклад В. П. Муратхана, посвященный культуре и быту в колхозах Грузинской ССР.

В интересном докладе Г. Д. Вербова «Социалистическое строительство у ненцев» были использованы материалы, собранные им во время тринадцатимесячной командировки от Института этнографии Академии Наук СССР в Таймырский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий национальные округа. На многочисленных примерах докладчик показал огромные изменения в быту ненцев. Изменилось устройство чума. Появились партяные чумы, а в осенних селениях строят благоустроенные дома. Ненцами применяются неизвестные им ранее способы изготовления пищи, на ряду с местной меховой и ровдужной одеждой появилась одежда нового покроя. В корне изменились семейный быт и общественные отношения. Женщина стала равноправным членом семьи и общества. Пережитки родовой взаимопомощи, использовавшиеся не так давно кулаками для эксплоатации трудовой части ненцев, вытеснены новыми формами социалистической взаимопомощи. Расцветает новый фольклор, создаются оригинальные литературные произведения, успешно преодолеваются религиозные пережитки.

В заключение сессией было принято приветствие товарищу Сталину в связи с 60-летием со дня его рождения, а также принята резолюция, подводящая итоги работы сессии и напоминающая о дальнейших задачах советских этнографов.

Т. А. Крюкова и Г. А. Никитин

Секция народов Поволжья в Государственном Музее этнографии

В Государственном Музее этнографии (Ленинград) в 1938 г. была организована Секция народов Поволжья.[1] Секция эта имеет 349 коллекций, состоящих из 12 226 предметов. Это собрание коллекций по народам Поволжья является крупнейшим в СССР, оно содержит в себе ряд уникальных экспонатов. Таковы, например, в чувашских коллекциях: прибор для добывания живого огня, собрание «ерехов» (идолов), некоторые предметы одежды; в марийских — вышедший уже из употребления женский головной убор «шурка», ряд культовых предметов; в мордовских — значительное собрание женских головных уборов и т. д.

Экспедиционная работа. В целях подготовки к открытию в 1941 г. музейной выставки, посвященной чувашскому народу, летом 1938 и 1939 гг. были проведены заведующим секцией Г. А. Никитиным экспедиционные исследования в Чувашской АССР. Были посещены: столица Чувашии Чебоксары, Мариинско-Посадский

[1] В самом конце 1940 г. эта секция реорганизована в Отдел Поволожья и Приуралья.

район, Козловский район, Янтиковский район, Ибресинский район, Вурнарский район, Ядринский район и город Алатырь. Собран вещевой материал, значительно пополнивший фонды Секции. Приобретены предметы материального производства, бирки и пастушьи палки, утварь, одежда, образцы вышивки, расписные гончарные изделия, предметы культа, предметы, связанные с народной медициной, и музыкальные инструменты.

Ряд предметов представляет значительный интерес; к ним относится старинный деревянный четырехконный сабан (плуг). В настоящее время очень редко встречаются даже отдельные части этого орудия. В Козловском районе собрано значительное количество предметов, связанных с пчеловодством: косарь для долбления улья-пенька, маска для пчеловода, черпак и доска для пересадки роя, роевня, маточник, дымарь для окуривания пчел, а также приспособление для взлезанья на дерево с бортью. В разных районах Чувашии приобретены предметы, связанные с пивоварением, деревянные долбленые чашки, столетней давности, — для пищи, колода и песты для стирки белья, ступы для разминания картофеля и толчения крупы, и т. д. Большой интерес представляет собрание податных бирок в количестве 6 связок, пастушьих палок и двух самодельных деревянных безменов. Из податных бирок особенно интересны бирки из деревень Картлуево (Козловский район) и Абызово (Вурнарский район), опечатанные сургучной печатью волостного правления. Весьма интересна также пастушья палка, приобретенная в дер. Латышево Янтиковского района: на ней нанесено зарубками количество скота, бывшее во владении каждого хозяйства, отмечена плата пастуху и, что особенно ценно, вырезаны родовые клейма. Собирателем был составлен список жителей деревни и перед каждой фамилией поставлен родовой знак. Названия этих знаков и их начертание расшифрованы (вилы, куриные лапы, следы зайца, лемех и т. д.).

Из предметов одежды следует отметить вышитый свадебный кафтан дружки, 150-летней давности. В Чувашском краеведном музее имеется лишь один экземпляр такого кафтана. Исключительный интерес представляют фрагменты вышитой женской рубахи (грудь и рукав) хорошей сохранности, приобретанные в дер. Орауши, Вурнарского района.

Большой интерес представляет комплекс предметов народной медицины. На мочальной веревке подвешено чучело ласки, которой гладили больных овец, сопровождая это действие заговором, бычий пузырь, затем маленький ящичек наподобие колоды, внутри которого лежат несколько иволг для «лечения» желтухи; тут же подвешен мешочек с жертвенными свечами, игла, лоскутки от сорбанов, кольца, также имевшие характер жертвы.

Из числа приобретенных предметов культа надо отметить кадушку — «жилище ереха» и в то же время вместилище жертвенных предметов, среди которых имеются: обрядовое печенье, монеты, лоскутки вышивки. В дер. Кукшин, Ядринского района, был приобретен кузов для жертвоприношений чувашскому демону «ереху». Интересный комплекс предметов привезен из дер. Латышево Янтиковского района, где жили некрещеные чуваши. Это мужское надгробие «юба», столик и стул, которые делали для умершего, утварь и части одежды, приносимые умершему на могилу.

Из приобретенного материала, характеризующего расцвет искусства и культуры чувашского народа в Сталинскую эпоху, необходимо указать на коллекцию современных вышитых изделий — продукцию местных кустарных артелей. Вышивальщицами использованы старые орнаментальные мотивы. Широко применяется советская тематика. Кроме вышивки, приобретены расписные гончарные изделия Ибресинской артели. Характер росписи заимствован от семеновских кустарей, но в орнамент вошли национальные элементы; в росписи применена так же, как и в вышивке, советская тематика.

В целях пополнения вещевого фонда секции, помимо экспедиций в Чувашскую АССР, были осуществлены: командировка в 1938 г. старшего научного сотрудника Т. А. Крюковой в Марийскую АССР и экспедиция 1939 г. в Марийскую же АССР в составе Т. А. Крюковой и научно-технического сотрудника секции Л. Ю. Валюк. Обследованием были охвачены следующие районы Марийской республики: Горно-Марийский, Юринский, Сернурский, Моркинский, Оршанский и центр республики город Йошкар-Ола.

В результате проведенных экспедиционных работ фонды секции обогатились значительным собранием по марийскому земледелию, материальному производству, охоте, рыболовству, пчеловодству, одежде, народному творчеству (вышивка, художественная обработка дерева, музыкальные инструменты): приобретены предметы домашнего обихода (утварь, обстановка, освещение), предметы культа и т. п. Уникальным экспонатом является свадебная кибитка, резная, обтянутая кожей, датированная началом XIX в., и кузов резной деревянной телеги того же времени. В литературе о марийцах упоминания о свадебных кибитках встречаются, однако ни подробного описания, ни иллюстрации нет. Из музыкальных инструментов чрезвычайно интересны: «сюрем пуч» — труба для изгнания злого духа на летнем празднике марийцев, и «шыже пуч» — труба совершеннолетия, в которую трубили осенью девушки, достигшие совершеннолетия. Из предметов одежды ценным приобретением надо считать свадебную мужскую рубаху Моркинского района, датируемую концом

XIX в. Характер орнаментации рубахи и техника ее типичны для новейшего времени: наличие анилиновых красок, нашивка тесьмы, блесток, шов крестиком и т. п. Но вышивка на подоле резко отличается от вышивки на вороте и рукавах по технике, она выполнена старинным марийским швом и шерстью домашнего крашения. Это наличие двух пластов делает указанный экспонат исключительно интересным, тем более, что терминология вышивки на подоле вскрывает фаллическое значение орнамента в прошлом.

Значительна привезенная коллекция предметов, иллюстрирующих резьбу по дереву; из нее следует выделить два резных подзора, по-марийски «тарлец», датируемые 1827 г. Из обширного комплекса утвари интересен весьма архаичный деревянный сосуд для водки, переживший пять поколений. Обширна коллекция вещей по культу марийцев: 1) вещи, связанные с жертвоприношением в роще, — лыковый пояс на священное дерево, ложка для отливания изображений жертвенного животного и т. п.; 2) вещи, связанные с поминальным обрядом в 40-й день; 3) вещи для жертвоприношений марийской религиозной секты «кугу сорта», предназначавшиеся для всесожжения в роще во время так наз. «соломенного» моления, после снятия урожая: стол из соломы, соломенный барабан, утварь для медовщины и т. д. Вещевой материал по культу кугусортинцев не представлен еще ни в одном музее СССР.

Значительный интерес представляет коллекция современных вышитых изделий, выполненных марийской вышивальной артелью «Труженица»; при ней вышитая таблица швов, применяемых артелью.

Научно-исследовательская работа экспедиции была посвящена вопросам реконструкции быта современной марийской деревни, изучению прошлого и пережитков этого прошлого в настоящем. Собран большой материал по одежде марийцев и марийской вышивке, со значительным количеством терминологического материала (около 200 терминов); среди них: 1) термины, связанные с топонимикой Марийской АССР, 2) термины, содержащие имена собственные, связывающие предметы одежды с отдельными родовыми и семейными группами, 3) термины, содержащие названия животных или их частей, 4) термины, связанные с предметами магического порядка (в данном случае отдельные элементы вышивки, очевидно, заменили предметы, служившие оберегом), 5) термины, связанные с локализацией вышивки и ее техникой, и т. д. Собран материал по цветовой гамме марийской вышивки с терминологией (обозначение цветов в разных районах), записаны рецепты домашнего крашения. Участники экспедиции полностью зафиксировали обряд марийских поминок в 40-й день в Моркинском районе и свадебный обряд в Горно-Марийском районе; собраны также образцы свадебного фольклора.

Во время обеих экспедиций, в целях установления связи с местами, по поручению Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, была проведена шефская работа в Центральном Марийском музее. Рамки поручения были значительно расширены. По инициативе участников, консультация по экспозиционным и общим вопросам музейного строительства была оказана также Горно-Марийскому музею в Козьмодемьянске и Центральному Чувашскому музею в Чебоксарах.

В экспедициях, как в Чувашскую АССР, так и в Марийскую АССР, были приняты меры к созданию сети корреспондентов секции. Организовано около 10 корреспондентских точек. Многие из корреспондентов уже доставили Музею этнографии интересные сведения.

Экспозиционная работа. Пополнение фонда секции в результате экспедиции 1938 г. позволило создать тематическую выставку «Образцы народного искусства чувашей и марийцев». Летом 1939 г. выставка была открыта для посетителей. При оформлении выставочного зала была применена роспись стен, для чего был использован, в несколько стилизованном виде, характерный для чувашей и марийцев орнамент. Цвет и тон росписи соответствует распространенному в прошлом у чувашей и у марийцев растительному красителю — марене.

Вводный отдел выставки содержит историческую справку о чувашах и марийцах и материал по их хозяйству, культуре и быту в условиях царской России и в социалистическую эпоху. Основная часть выставки делится на два раздела: в первом показаны образцы дореволюционного искусства, во втором — современного.

Искусство марийцев представлено на выставке образцами вышивки и орнаментированной одеждой. Отдельно показан комплекс вышитых предметов, употреблявшихся во время свадебного обряда. Представлена также техника вышивки и образцы применявшихся швов. На выставке сделана попытка освещения функциональной значимости вышивки в связи с ее локализацией и терминологией орнамента. Показаны также украшения из бисера, бус и монет, представлена резьба по дереву: резной деревянный кузов свадебной кибитки и резные черпаки для пива, применявшиеся марийцами на коллективных молениях. Музыкальная культура марийцев представлена образцами музыкальных инструментов, записями мелодий и образцами фольклора.

В разделе чувашского народного искусства показана орнаментированная вышивкой женская одежда. Как дополнительный материал, отдельно показаны образцы нагрудной вышивки, пояса, поясные подвески и головные полотенца — сорбаны. На выставке показана одежда невесты, свахи и дружки. Кроме того, даны другие вышитые предметы, применявшиеся в свадебном обряде.

Значительное место уделено показу украшений и головных уборов из бисера, монет и раковин. Искусство резьбы представлено образцами резных бытовых предметов и предметов культа. Исключительный интерес представляют орнаментированные деревянные надгробия «юба»: на женских надгробиях резьбой исполнены изображения сорбана и нагрудного украшения «сорбан-жаккы», а на девичьих — девичьего украшения из бус и монет — «мизихи».

В разделе современного искусства нашло отражение самодеятельное искусство чувашей и марийцев. Показаны фотографии музыкальных и хоровых коллективов, а также отдельных исполнителей на смотрах художественной самодеятельности. Значительное место занимает показ современной вышивки — работы вышивальщиц местных кустарных артелей. В выставленных образцах имеет место и советская тематика. Среди изделий чувашских артелей показаны две вышитые диванные подушки — копии отправленных на Ньюйоркскую выставку.

На выставке показан также один из новых видов чувашского искусства, возникших и получивших развитие уже в послереволюционный период — расписные гончарные изделия. В Марийском разделе выставлены резные выжженые трости, производство которых в настоящее время получило значительное развитие.

Выставка заканчивается специально оформленным стендом, на котором приведены слова вождя народов И. В. Сталина: «Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие» (Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937, стр. 158). В дальнейшем будут продолжаться работы по собиранию этнографического и музейного материала у марийцев и других народов Поволжья. Свои работы секция проводит в тесном контакте с научными организациями и музеями национальных республик Поволжья.

Май 1940 г.

Н. А. Федорова-Дылева

Отчет о работе экспедиции в северных областях РСФСР в 1939 г.

Государственным Музеем этнографии летом 1939 г. была снаряжена экспедиция в северные области: Архангельскую, Вологодскую и Кировскую для изучения русского населения и сбора вещевого материала для организуемой в музее выставки «Русское население северных областей». Маршрут экспедиции был намечен следующий: Вологодская обл. — г. Вологда, Великий Устюг; Кировская обл. — г. Киров; Архангельская обл. — Сольвычегодск, с. Черевково.

Вологда и Вологодская губ. славились одной замечательной отраслью народного творчества — кружевами. Скуден и ничтожен был заработок плетельщиц, сбывавших свою продукцию через скупщиков, которые старались как можно дешевле купить кружева. С именем кружевницы ассоциировалась безысходная бедность, нищенское существование. Теперь все изменилось.

В большом светлом двухэтажном здании помещается Вологодский союз кружевниц. Там организована школа, накалываются сколки, прорабатывается новая тематика. Недалеко от Союза кружевниц расположена Вологодская артель кружев. Она объединяет городских и пригородных кружевниц. Для лучшей организации дела артель заключает с колхозами договоры, в которых точно указывается, сколько кружевниц будет работать и в какие месяцы. Кружевница в определенные дни сдает свою продукцию, получает деньги, ей выдают нитки, если нужно — и новый сколок.

Мы посетили лучшую старую кружевницу в г. Вологде и одну, живущую в дер. Ивановское, в 7 км от города. От кружевниц нами получены сколки, коклюшки, а также записаны сведения об изготовлении коклюшек и подушек. Подушка необходима кружевнице во время работы: сколок прикалывается к ней булавками. Подушки по величине бывают различны. Набиваются они разным материалом: сеном, мхом, тряпьем, «уполотицей» — овсяной мякиной. Набивается подушка очень крепко для того, чтобы булавки в ней плотно стояли; если они стоят не плотно, то рвут кружева и плохо держат нитки. Для того чтобы подушка во время работы не вертелась, в середину ее вкладывают камень. Подушка покрыта белым чехлом; с противоположной стороны от плетельщицы к подушке прикрепляется небольшой белый мешочек, называемый «кошелек»; в него опускаются «оплетенные» — выплетенные кружева, которые таким способом предохраняются от загрязнения. Подушку во время работы кладут на пяльцы. Пяльцы двух видов — с ящиком и без ящика. Когда у кружевницы работа по размерам большая, под подушку ставятся пяльцы без ящика. В таких пяльцах легче перевертывать подушку во время работы.

Лучшими сколками считаются такие, которые охватывают всю подушку. Кружевницы выстругивают сами коклюшки. Материал для них употребляется различный, но по преимуществу выбирается такой, который «звонче стучит». Приготовляются коклюшки

весною: идут в лес за прутиками жимолости и из принесенных прутьев выстругивают острым ножом коклюшки. Прутья срезают весной до цветения, пока цвет древесины красивый — желтый (после цветения он — синий). Еще идет на коклюшки тростник. Количество коклюшек зависит от тонкости рисунка. Кружева с тонким рисунком кружевницы называют «тихие» и употребляют для их плетения до 70 пар коклюшек.

У кружевницы из дер. Ивановской нами приобретены четыре образца кружев, которые ей была даны еще до революции скупщицею, по ним она выплетала требуемое количество. В музее уже имеется богатейшая коллекция кружев, но подобные экспонаты отсутствовали.

Одна из кружевниц занималась вышиванием и на вопрос, где она брала рисунок, ответила: «в лесу». Этот ответ меня несколько поразил, но вскоре выяснилось, что она срывала понравившиеся ей цветы и веточки с листьями, дома раскладывала их на материал, обводила карандашом и вышивала, стараясь подбирать нитки соответственно раскраске цветов и листьев. Один из таких образцов был нами у нее приобретен.

В Вологодской артели детской игрушки были приобретены образцы игрушек токарной работы.

Великий Устюг издавана славился своими художественными промыслами: чернью, резьбой по бересте, чеканом, финифтью, филигранью. Перед Великой Октябрьской социалистической революцией многие из художественных промыслов были обречены на полное вымирание. Так обстояло дело и с черневым искусством. В Великом Устюге остался один мастер Чирков, который знал секрет состава черни. После революции по его инициативе в городе была организована артель. В 1934 г. Чирков передал секрет составления черни своим талантливым ученикам М. Угловской и Говорову.

В ювелирном цехе артели производят заготовку полуфабрикатов и составляют сплав серебра. Приготовленный сплав куют и вальцуют через небольшие вальцы. После этого идет заготовка форм. Для примера возьмем чайную ложку. На наковальню кладется пластина, на нее формочка ложки; молотом ударяют по формочке, она вдавливается, и пластинка получает в данном случае форму ложки. Получив первичную форму, предмет поступает в следующий цех — гравировальный. Граверы большей частью девушки: мастера и ученицы. Лучшие граверы — Угловская и Милентьева. Процесс гравировки сводится к следующему: переводится с бумаги рисунок и закрепляется лаком; лак предохраняет его от стирания во время работы. Прежде чем перевести рисунок, предмет приклеивают к «варнику». «Варник» — это небольшой брусочек с сургучом. Его держат над спиртовкой, сургуч расплавляется и к нему прикладывают предмет — он прилипает. После вышеизложенного процесса приступают к гравировке — выявлению узора металлическим инструментом «цеером». Фон рисунка вынимается, выскабливается, наносятся требуемые штрихи. Во время работы по выявлению рисунка проводят по нему углем, уголь попадает в углубления и придает ему четкость. Когда гравировка готова, вещь тщательно промывают в тарелке с водою и вычищают специальной железной щеточкой. После такой промывки накладывается чернь. Вещь золотят. Сочетание золота, серебра и черни придает изделию красоту и своеобразность. Рисунки для граверов выполняет местный художник Шильниковский. В артели нами были заказаны портреты товарища Ленина и товарища Сталина.

В Великом Устюге изготовляет чеканные изделия старый мастер Г. Н. Корсаков. Он продемонстрировал перед нами некоторые процессы чекана. Мастер имеет набор инструментов — более 500 видов. Этими инструментами Корсаков выбивает выпуклый узор. Для выполнения узора берется рама и к ней прикладывается дно; получившийся неглубокий ящичек заполняют мастикой, в состав которой входит смола, цемент и др. На мастику накладывают пластинку и начинают при помощи инструментов и различных форм выбивать узор. Когда рисунок выбит, его вынимают из рамы; полученные углубления опять заливают той же мастикой, после чего выпуклая сторона подвергается тщательной обработке. Готовый узор покрывается позолотой различных оттенков. Г. Н. Корсаков изготовил чеканные гербы СССР и РСФСР, а также портрет товарища Ворошилова. Для нашего музея он выполнил герб РСФСР, а также изготовил в дар деревянную раму, залитую мастикой, в которую вложена пластинка с начатой чеканкой.

Готовясь к экспедиции, в одном из журналов мы встретили указание на живущего в Великом Устюге мастера, изготовляющего секретные шкатулки, обитые жестью с «морозом». Мы разыскали этого мастера Волкова, Зосиму Прокопьевича, и приобрели у него секретную шкатулку, обитую «морозом по жести»; чтобы открыть ее, следует знать пять секретов. Волков подробно сообщил процесс «мороженья», который сводится к несложной химической обработке, требующей однако большого опыта. В результате обработки на белой жести появляются затейливые звездочки, напоминающие «мороз» на стеклах оконных рам.

З. В. Волков является единственным таким мастером в Советском Союзе; он же является лучшим замочником. Кроме шкатулки, З. П. Волков в дар музею дал две пластинки образца «мороженой жести», а также вещи, необходимые при процессе «мороза» между прочим «брызгалку» — заячью лапку. Кроме «мороза» он украшает свои шкатулки «просечным» железом с ажурным рисунком. Ри-

сует он на бумаге узор творчески, без «срисовки, и зубилом перебивает его на пластинку железа, после чего тем же зубилом удаляет ненужные части; в результате на железе получается красивая виньетка. Под нее подкладывается цветной фон, чем достигается бо́льшая рельефность рисунка.

Устюг славится еще прорезными берестяными изделиями. В городе организована художественная мастерская, продолжающая эту старую традицию. Лучший мастер по резьбе — М. Г. Угловская. Из-под ее резца вышли замечательные работы с новой советской тематикой. В мастерской нами был подробно записан процесс работы, приобретены инструменты: доски, «рисовальщик» и нож для вырезывания, береста в процессе постепенного вырезания, а также были куплены готовые изделия. В особенности интересны по композиции шкатулки работы Угловской. Среди традиционного орнамента она помещает новые темы: «Пограничник с собакой», «Пионер с барабаном», «Московский Кремль»; ею же вырезана обложка книги «Краткий курс истории ВКП(б)».

В Архангельской обл. работа велась в двух пунктах — в г. Сольвычегодске и с. Черевкове. В г. Сольвычегодске в 1910—1911 гг. был в ссылке товарищ Сталин. Нами был посещен дом, где жил товарищ Сталин. В будущей экспозиции предполагается сделать макет этого домика. Для этого выполнен ряд обмеров и зарисовок.

Записаны некоторые сведения по гончарству. Приобретены горшки с узором из темных пятен, без поливы. Путем опроса мы узнали, что после обжига раскаленные горшки опускаются в мучной раствор; в результате этого горшки покрываются темными пятнами.

В с. Черевкове нами был получен материал по земледелию, ткачеству, одежде, рыболовству, охоте, а также по социалистическому строительству. По земледелию приобретены вилы и косы-горбуши, вышедшие уже из употребления. По ткачеству куплен ряд образцов, между прочим мешковина, посредине которой помещена цветная полоса; эту последнюю ткут специально для того, чтобы мешки одного колхоза отличались от другого. Полосы служили меткой, но ткачиха еще заметила: «чтобы были красивые».

В с. Черевкове и в дер. Денисовке приобретены женские костюмы пожилых женщин и девичьи, а также тканые салфетки, различные по цветам утка и основы, полотенца и подзор к простыне, вязанный крючком. В том же районе собран еще материал по северной охоте. В дер. Денисовке от 80-летнего охотника Зиновьева записаны приемы охоты на различных зверей. За уничтожение медведей он имеет от Союза охотников медаль. За свой век Зиновьев убил 46 медведей. У него приобретены следующие предметы: кремневое ружье, «рогатина» — палка длиною около двух метров с железным плоским наконечником, охотничий нож, компас, лыжи, пялы для растягивания шкур, котел и крюк (в котле кипятили воду в охотничьей избушке), охотничий амулет, называемый «громовая стрела».

Для ловли медведя ставятся «жмыхи» — большие ловушки. Это два ската, сложенные из бревен, в середину закладывается мясо. От одного ската идет упор-бревно, поставленное к дереву, в котором сделан вертикальный жолоб. Как только жмыха насторожена, охотник делает метлу из пихты, привязывает ее на веревку и заметает за собою след. Делается это для того, чтобы уничтожить запах человека. Медведь, подойдя к жмыхе, съедает небольшой кусок мяса, брошенный около бревен, а потом лапой залезает в жмыху. Как только медведь запустил лапу, скаты, державшиеся на небольшом полене — «сторожке», соскакивают и сжимают ему лапу; чем больше возится медведь, тем сильнее начинает давить на скат жмыхи бревно, поставленное к дереву, и оно ниже спускается по желобку, сильнее сдавливая жмыху. Охотник располагается недалеко от жмыхи в «караулке» — небольшой бревенчатой избушке, крытой лапами пихты. В ней лежа помещается охотник. В стене, расположенной к жмыхе, прорублено небольшое окошко, в которое выставляется ружье; в медведя стреляют и убивают. Если охотник плохо убрал жмыху и если зверь слышит запах человека, то он уйдет. Поэтому охотники тщательно заметают следы пихтой. Бьют медведя в грудь и «в дыхало» — легкие. Если попадут в живот, зверь стервенеет и идет прямо на охотника; в этот момент подставляют рогатину, и медведь напарывается на нее.

Пули для кремянок делали сами. Сплавляли свинец и никель, подогревали в кринке и выливали; лили в дудку, либо в приготовленную для этого глиняную трубку. Когда трубка остывала, ее разбивали, потом рассекали сплав на куски длиною сантиметра 2, один конец заостряли.

Зимняя охота продолжалась неделями, а поэтому охотнику необходимо было иметь в лесу избушку, в которой он мог бы хранить припасы, продукты и необходимый для охоты материал. Избушки строили на паях или же они были семейные. В избушке хранилась пища; заблудившийся охотник мог всегда в ней найти ночлег и еду, но уносить из нее что-либо строго запрещалось. Если избушку обворовывали и находили виновного, ему не было пощады — его убивали.

Собака на охоте имеет большое значение, а поэтому уход за ней особенный. Нами записана «порча» собаки и уничтожение порчи. К ружью также особенное отношение. Женщина в период менструаций считалась нечистой и ей строго запрещалось трогать ружье. Если охотник заметил, что до ружья, несмотря на запрещение, дотрагивалась женщина, то ружье подвергалось «очищению».

Записаны также приемы охоты на белку и горностая, ловли птиц, особенно рябчика. Привезены силки на рябчика — «наземный» и

«грядкой», а также «пасть» на глухаря; из ловушек на пушного зверя — модель «проскока» на горностая. Подробно записаны материалы по календарю охоты, орудиям лова, выслеживанию зверя, расстановке силков, выделке лыж, учению собаки.

В г. Кирове, Кировской обл., интересные сведения мы получили от местного скульптора А. В. Винокуровой, которая рассказала нам о жизни сестер Костриковых и о детстве Сережи Кострикова. В Областном музее имеется ряд работ, выполненных в детстве Костриковым, между прочим вышитые полотенца. От скульптора Винокуровой в дар музею получена скульптура (отливка из гипса) Сергея Мироновича Кирова. По этой модели установлена скульптура в г. Уржуме и в Северо-восточном павильоне на Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке.

Ценные сведения были получены о Кировском крае от краеведа М. Н. Шатрова, который изучает местную кустарную промышленность. При его помощи получены две интересные коллекции: одна — работы мастера-миниатюриста по металлу, которым сделаны самовар, кофейник, полоскательница и подносик; вторая коллекция — каповая или корешковая (кап — наплыв на березе). В г. Кирове у местной кустарки М. Н. Бакиной куплен ряд ее работ по выжиганию на дереве и приобретены портреты товарищей Ленина, Сталина и Кирова.

В с. Дымково, расположенном в нескольких километрах от г. Кирова, живут игрушечницы. Мы посетили их и в дополнение к имеющимся в музее коллекциям игрушек Мезриной-Коноваловой приобрели игрушки продолжающей это дело Кошкиной, а также у дочери Мезриной-Коноваловой. У первой — игрушки, у второй — рельефные планшетки, сделанные для украшения стен Северо-восточного павильона на Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке.

В результате работы в трех областях собрано 364 предмета.

Т. С. Вязовская

Поездка в Тамбовскую и Пензенскую области

Командировка в Тамбовскую область была организована летом 1939 г. Русским отделом Государственного Музея этнографии. Основной задачей командировки явилось изучение одного из передовых колхозов с целью собрать конкретный материал об изменениях, происшедших в быту в связи с социалистической перестройкой деревни. В соответствии с этим работа была поставлена более или менее стационарно.

Был выбран колхоз «Трудовик», Скачихинского сельсовета, Уметского района, где и была проведена работа в течение 45 дней.

Кроме материалов, относящихся к общей характеристике быта, собран большой материал по семейному быту: крестины, свадьба, похороны и т. д.; записаны самые обряды и фольклорный материал, связанный с ними. Этот материал говорит, с одной стороны, о сохранении отдельных деталей старого обряда, а с другой стороны — о создании некоторых новых форм.

Часть времени была уделена теме — «Техника гончарства у русских». Гончарным делом занимаются в г. Кирсанове в артели «Красный строитель»; там работают два гончара, приехавшие из Пензенской обл. (Сердожский район, с. Соколко), где многие крестьяне издавна занимаются гончарством, причем работают на ножном круге наиболее усовершенствованного типа. Сердожские гончары работают в глинобитной мастерской, в которой находится горн и стелажи для изготовленной посуды. Работают гончары на ножном гончарном круге: у одного из них, С. К. Семенова, круг усовершенствованный, на шарико-подшипниках, благодаря чему у станка легкий ход.

Гончары из кома глины, который они примазывают к кругу, начинают тянуть горшок. Готовый сосуд срезается с круга проволокой. Сосуды изготовляют очень быстро, примерно в 2.5—4 минуты, но на доведение небольшого кома глины до рабочего состояния требуется более часа времени. Ассортимент глиняных сосудов, выделываемых здесь, весьма разнообразен. Летом горшки обжигают в горнах, устроенных в ямах на открытом месте; зимой обжигают в мастерской. Обжигу подвергают поливные горшки. Кроме того, «синят» горшки в горне, т. е. томят их без поливы, и горшки получаются темные. Сосуды, предназначенные для «синения», предварительно лощат, т. е. покрывают поверхность их примитивным рисунком, наносимым гладким шлифованным камнем. Эти рисунки после обжига дают красивый блеск. Продают эти изделия по преимуществу в г. Кирсанове, на базаре.

Другой тип работы гончаров наиболее архаический, «налепом», мне удалось наблюдать в соседней Пензенской обл., Чембарского района, в дер. Языково, где гончарством занята почти вся деревня. Здесь работают на ручном гончарном круге, укрепленном на одном конце скамейки. Дно будущего сосуда посыпают золой, а края его примазывают к гончарному кругу. К первому

«взводу» (основной пласт глины) примазывают жгуты, один на другой, а соединения двух жгутов промазывают внутри глиной. По мере возведения жгутов сосуду одновременно придается и окончательная форма. Когда сосуд готов, гончар срезает деревянным ножом у дна лишнюю глину, и сосуд легко отделяется от круга. Работают они медленно — на один сосуд тратят 10 мин. Во время работы гончары того и другого селения пользуются несложным инструментом: деревянным ножом с острым концом, тупой нож для шлифовки и тряпка; у кирсановских — вместо тряпки кусочек кожи. В Языкове обжиг посуды гончары производят в балке, в горнах, устроенных в земле.

В дер. Языково работают и женщины, изготовляя «батовки», т. е. грузила для сетей и «пряснеля» для веретен, на особых ручных станочках. Но в последнее время спрос на эти изделия упал, и женщины редко заняты этой работой. Радиус сбыта гончарных изделий дер. Языково более 40 км.

Попутно в г. Кирсанове и с. Александровке Тамбовского района приобретены материалы по народным художественным вышивкам.

И. Н. Винников

Программа кандидатских испытаний по специальности этнографии

С восстановлением в 1938 г. в Ленинградском Государственном университете этнографического образования, Комитетом по делам высшей школы было предоставлено Филологическому факультету названного университета право присуждения ученых степеней по специальности этнографии. Это послужило стимулом к оживлению этнографической работы, особенно на местах. Уже состоялась защита двух этнографических диссертаций: С. Макалатия — «Хевсурия» и О. А. Сухаревой — «Пережитки анимизма у равнинных таджиков». В ближайшее время предстоит защита ряда других этнографических работ.

Кафедра этнографии разработала и утвердила программу кандидатских испытаний по специальности этнографии, которую мы, в виду поступающих многочисленных запросов с мест, решили опубликовать.

Подвергающийся испытаниям должен дать четкий, обоснованный конкретным фактическим материалом ответ на каждый из перечисленных ниже вопросов.

I

1. Учение Льюиса Г. Моргана (предшественники Моргана, сущность и значение учения Моргана, Морган и Энгельс, борьба против теорий Моргана, учение Моргана в свете новейших данных этнографии).

2. «Культурно-историческое» направление в этнографии (сущность «культурно-исторического» направления, этапы развития этого направления, методы и выводы).

II

3. Основные этапы в истории русской этнографии (история накопления этнографических фактов, история этнографии как науки, состояние советской этнографии).

4. Классификация народов СССР (принципы классификации, этнические группы и их состав, общая характеристика каждой группы).

III

5. Генезис земледелия и скотоводства.

6. Основные этапы развития родового строя (материнский и отцовский род, родовой строй в прошлом у народов СССР).

7. Семья и брак в их историческом развитии.

8. Развитие отношений собственности в первобытном обществе.

9. Теории Фрэзера и Леви-Брюля о происхождении религии.

IV

10. Классификация первобытных народов зарубежных стран (принципы классификации, этнические группы и их состав, общая характеристика каждой этнической группы).

Литература

1. Льюис Г. Морган. Древнее общество.
2. Льюис Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев.
3. F. Graebner. Methode der Ethnologie.
4. А. Н. Пыпин. История русской этнографии, тт. I—IV.
5. V. Hehn. Kulturpflanzen und Haustiere.
6. М. М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности.

7. М. М. Ковалевский. Родовой быт.
8. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь.
9. Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление.
10. Л. Леви-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении.
11. Фр. Ратцель. Народоведение, тт. I—II.
12. G. Buschan. Illustrierte Völkerkunde.

Этнографический диспут в ЛГУ

15 февраля 1940 г. на Этнографическом отделении Филологического факультета Ленинградского Государственного университета состоялась защита диссертации на ученую степень по специальности этнографии. Старший научный сотрудник Самаркандского музея О. А. Сухарева защищала свою диссертационную работу «Пережитки анимизма у равнинных таджиков».

Интерес, который представляет для науки изучение исчезающих на наших глазах пережитков древнейших форм идеологии, не подлежит сомнению; такое изучение имеет не только теоретическое значение. Антирелигиозная работа в Средней Азии до сих пор не потеряла своей актуальности. Необходимость активной борьбы со всякого рода религиозными предрассудками, которые задерживают переход к новому социалистическому быту и мешают делу коммунистического воспитания трудящихся, не раз и в самое последнее время подчеркивалась в печати и в публичных выступлениях. В Ц. О. «Правда» от 15 января 1940 г. депутат Верховного Совета СССР Мастура Авезова писала о сохранении религиозных предрассудков у некоторых слоев населения Средней Азии. Тов. Гафуров в № 11 журнала «Ba rohi Lenini» 1939 г. говорит о сохранении их кое-где в Таджикистане и подчеркивает их вредное влияние.

Между тем, о старых доисламских культах в Средней Азии известно так мало, что антирелигиозная пропаганда ограничивается обычно борьбой с одной только официальной религией — исламом.

Диссертант долго работал на месте и зафиксировал почти все обряды и верования, сохранявшиеся у равнинных таджиков в районах Самарканда и Ура-тюбе. Диссертант выяснил, что в старом анимистическом мировоззрении таджиков духи подразделялись на три различных группы, отличные по отношению их к людям.

Одна группа духов считалась дружественной людям, оказывающей людям покровительство и помощь и за это требующей жертв и культа. Считалось, что эти духи могут причинить человеку болезнь только в наказание или в знак требования — принести им жертву или принять на себя постоянное служение. Верили, что избавиться от болезни в таком случае можно, только исполнив требование духов. Избранные для совершения культа лица становились знахарями, имеющими «легкую руку» и занимались магическим лечением болезней.

По своему происхождению эти духи являются душами умерших людей. Доброжелательность их к людям, своеобразные взаимообязанности, которые представляются существующими между ними и людьми, наконец, в ряде случаев, их прямая связь с родовыми культами — позволяют думать, что все представления о них генетически восходят к духам родовых предков. Особенно интересны, по своей архаичности, представления о «момо» — духах женских предков, покровительницах рождения и патронессах повивальных бабок.

Ко второй группе относятся духи, враждебные людям по самой природе, постоянно старающиеся причинить людям вред. По отношению к этим духам нет обязанности совершать культ, с ними надо бороться, их изгонять, связывать магически. Таков именно смысл всех обрядов, которые совершались при лечении болезней, происходящих якобы от этих духов. Имелось представление о том, что сильный человек в единоборстве может подчинить себе этих духов и заставить их служить ему. Такой человек становился знахарем; считалось, что злые духи боятся его и по его приказанию оставляют больного.

В третью категорию входят духи pari (пери), мужские и женские, которые будто бы влюбляются в человека, принуждают его к сожительству и заставляют принять на себя совершение культа. За это они дают человеку силу бороться со злыми духами. Люди, считавшиеся избранными пери, становились теми бахши, фольбинами и перихонами, в которых не трудно увидеть шаманов; их сеансы, и по форме, и по содержанию очень сходны с сибирским камланием.

Среднеазиатское камлание включило в себя самые разнообразные элементы. Демоны, имеющие тюркское происхождение, например sariq qiz, входят в общую систему с арабскими джинами и иранскими, зороастрийскими дэвами. В терминологии и заклинаниях видим переплетение таджикских, тюркских, монгольских и арабских элементов, с преобладанием, однако, в терминологии тюркских. Древние верования соединяются с прикрывающими их и придающими им приличный мусульманский вид элементами ислама. Что из этого сложного и пестрого комплекса при-

надлежит таджикам, решить не всегда легко.

Несмотря на наличие в шаманстве таджиков многих тюркских элементов, автор справедливо считает совершенно невозможным все характеризующие его обряды и представления относить целиком за счет заимствования у тюркских народов. Они вытекают из того магико-анимистического мировоззрения, которое имело своей основой низкий уровень производительных сил и «бессилие дикаря в борьбе с природой».

Официальные оппоненты, члены-корреспонденты Академии Наук СССР Д. К. Зеленин и С. Е. Малов отметили богатство собранного диссертантом этнографического материала. Автор изучил не только отдельные поверья, а всю систему народных верований, весь комплекс народных представлений. Поскольку весь этот комплекс представлений и обрядов бытовал у таджиков одновременно, постольку научный анализ его дал автору возможность выявить отдельные заимствования у тюркских соседей: в этих заимствованиях полной увязки со всем местным комплексом пока еще не получилось. В нужных случаях диссертант умело привлекает сравнительный этнографический материал. Сопоставление таджикских «момо» с родовыми духами ойротов «эмегенду», изученными недавно Н. П. Дыренковой, — очень удачно. Принципом классификации демонов правильно взят момент взаимоотношений людей и духов. Практическое значение работы О. А. Сухаревой для антирелигиозников Таджикистана — вне всякого сомнения.

Рядом с этими достоинствами оппоненты отметили в диссертации ряд пробелов: недооценка обрядов и переоценка верований — представлений, недостаточный анализ обрядовых действий, недостаточность привлеченного сравнительного материала для выяснения природы и происхождения демонов албасты, ряд неточностей лингвистического характера.

Диссертант удостоен степени кандидата наук.

Содержание

	Стр.
Д. К. Зеленин. Воссоединенные украинцы	3
Л. А. Динцес. Историческая общность русского и украинского народного искусства	21
П. Г. Богатырев. Фольклорные сказания об опришках Западной Украины	59
А. П. Мышко. Этнография деревни Ревков Скидельской волости Гродненской губернии 1914 года	81
А. М. Линевский. Карелы	89
Д. К. Зеленин. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР	110
Г. А. Никитин. Народное изобразительное искусство финнов-суоми	126

Заметки

«Воссоединенные братья-украинцы и братья-белоруссы». Альбом Академии Наук СССР	140
Г. С. Виноградов. Е. А. Авдеева. К 75-летию со дня смерти	142
В. И. Смирнов. Севернорусское орудие для сбора ягод	149

Библиография

И. О. Кузьмин. Библиография по этнографии, фольклору и языку западных областей Белоруссии	151

Хроника

С. М. Абрамзон. Сессия, посвященная 60-летию со дня рождения И. В. Сталина	167
Т. А. Крюкова и Г. А. Никитин. Секция народов Поволжья в Государственном Музее этнографии	168
Н. А. Федорова-Дылева. Отчет о работе экспедиции в северных областях РСФСР в 1939 г.	171
Т. С. Вязовская. Поездка в Тамбовскую и Пензенскую области	174
И. Н. Винников. Программа кандидатских испытаний по специальности этнографии	175
Этнографический диспут в ЛГУ	176

Sommaire

	Page
D. Zelenin. L'ethnographie des Ukrainiens occidentaux	3
L. Dintzes. La communauté historique de l'art populaire russe et ukrainien	21
N. Bogatyrev. Les récits folkloriques sur les «oprichki» de l'Ukraine occidentale	59
A. Myšk o. L'ethnographie du village de Revki (Gouvernement de Grodno)	81
A. Linevskij. Les Caréliens	89
D. Zelenin. Sur l'ancien genre de vie des Caréliens de la région de Medvejia-Gora (République Soviétique Socialiste Carélo-Finnoise)	110
G. Nikitin. L'art populaire des Finlandais (Suomi)	126

Notes

«Les Ukrainiens et les Biélorusses réunis à leurs frères de l'URSS». Album publié par l'Académie des Sciences de l'URSS	140
G. Vinogradov. E. A. Avdéeva (A l'occasion du 75-e anniversaire de sa mort)	148
V. Smirnov. Un instrument nord-russe pour la récolte des baies.	149

Bibliographie

J. Kuzmin. Bibliographie ethnographique, folkloristique et linguistique des régions occidentales de la Biélorussie	151

Chronique

S. Abramson. La session stalinienne	167
T. Kriukova et G. Nikitin. La section des peuples de la Volga au Musée Ethnographique de l'État	168
N. Fedorova-Dyleva. Compte rendu d'une mission exécutée en 1939 dans les régions nords de la RSFSR	171
T. Viazovskaja. Une visite aux régions de Tambov et de Penza	174
I. Vinnikov. Le programme des examens d'ethnographie pour le grade de candidat	175
Soutenance de thèse ethnographique à l'Université de Léningrad	176

Редактор издательства А. М. Барабанов. Подписано к печати 18/IV 1941 г. Рисо № 1460—159. М 33379. Объем 11¼ печ. л., 19 уч.-изд. л. Кол. печ. зн. в 1 печ. л. 65664. Тираж 1500 экз. Цена книги 11 руб. 50 коп.

Типо-литография Издательства Акад. Наук. СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12. Заказ № 1223.

Цена 11 р. 50 к.

У227

Ак
338/5